

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И.ГУЛИА

Ш.ХЪ. САЛАКАИА

ИАЛКААУ ИУСУМҘАҚӘА

Х-ТОМКНЫ

АТОМ 3

АФОЛЬКЛОР. АЛИТЕРАТУРА. АКАЗАРА.
АТЦААРАДЫРРА

Ш.Х. САЛАКАЯ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО.
НАУКА

ББК 82. 3. (5 Абх.) я 54

С16

Утверждено к печати Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Ответственный редактор

З.Д. Джапуа

Редакционная коллегия:

**В.Ш. Авидзба, Д.С. Аджинджал, Ш.К. Арстаа, А.Е. Ашуба,
Ц.С. Габния, З.Д. Джапуа, М.Т. Ласуриа**

Рецензент

В.А. Когониа

САЛАКАЯ Ш.Х.

Избранные труды в трех томах / Отв. ред. З.Д. Джапуа. Том 3:
Литература. Фольклор. Искусство. Наука. Сухум: 2019. – 360 с.

В третий том избранных трудов доктора филологических наук, академика АНА и АМАН Шоты Хичовича Салакая вошли его статьи, очерки, эссе, рецензии по проблемам абхазского фольклора, литературы, театрального искусства и развития абхазоведческой науки, написанные в разные годы на русском языке.

Книга предназначена для ученых-филологов, литературоведов, фольклористов и всех, кто интересуется вопросами духовной культуры абхазов.

© АБИГИ им. Д.И. Гулиа, 2019

© Ш. Салакая, 2019

1. ОБЗОРЫ. СУЖДЕНИЯ. ПОЭТИКА

1.1. О ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АБХАЗОВ

Основную, ведущую часть абхазского народно-поэтического творчества составляют героические эпические песни и сказания. Причем, героическая тематика находит свое глубокое идейно-художественное воплощение не только в развернутых эпических памятниках, но почти во всех жанрах устной поэзии, вплоть до самых коротких, афористических жанров – пословиц и поговорок. Возможно в какой-то степени этим и объясняется ошибочное утверждений некоторых дореволюционных авторов, отрицавших наличие в абхазском фольклоре лирических жанров. Абхазской народной словесности, безусловно, не чужда лирика, которая создала уникальные образцы художественного творчества, к каковым относятся многочисленные семейно-бытовые, любовные, колыбельные и другие песни. Однако, следует признать, что на фоне мощного потока эпического творчества абхазов лирическая струя выглядит несколько слабой, отодвинутой на второй план.

Особая тяга народа к героической тематике имеет свое глубокое объяснение: вся многовековая история абхазского народа, как свидетельствуют об этом разнородные исторические источники, представляет собой непрерывную ожесточенную борьбу с различными враждебными силами, будь это силы природы или же общественные – иноземные насильники и внутренние классовые враги. Борьба эта преследовала единственную заветную цель – получение свободы, независимости, достижения социальной справедливости и утверждение мирной, спокойной жизни в стране. В этом отношении к абхазским эпическим песням и сказаниям героического содержания вполне применимы слова проф. А.М. Астаховой, сказанные ею в отношении русских героических былин: «Героические былины в значительной своей части были вызваны к жизни

самим характером нашего исторического прошлого – неустанной и напряженной, длившейся веками борьбой с иноземными нашествиями» (Астахова 1938: 18).

Поэтому героическая и историческая народная словесность, как и весь фольклор вообще, представляет собой неоценимое подспорье в руках исследователя истории быта и нравов народа, особенно когда речь идет о народах, лишенных древней письменной традиции, к числу которых относятся и абхазы. На своеобразное, специфическое отражение истории с демократических позиций в различных жанрах устно-поэтического творчества трудового народа в отличие от официальной историографии прошлого указывал еще А.М. Горький (Горький 1937: 456).

Жанр героического эпоса в абхазском фольклоре представлен, как указывали выше, весьма богато и своеобразно. Своеобразие абхазской эпической традиции заключается, в основном, в том, что в отличие, например, от русского или любого другого фольклора, созданного народом с древней письменной культурой, в нашем фольклоре значительно труднее провести четкое разграничение между собственно героической эпической поэзией и историческими песнями.

В репертуар абхазского героико-эпического творчества включаются грандиозный нартский эпос, являющийся общим культурным наследием и национальной гордостью многих народов Северного Кавказа и Закавказья, и сказание об Абрскиле – абхазском двойнике греческого Прометея и грузинского Амирани. Наряду с этими древнейшими, в основном доклассовыми эпическими творениями с мифологической подосновой, в репертуар эпических сказаний в определенном смысле можно включать историко-героические песни и сказания, отражающие эпоху классового общества, начиная с античной поры до освобождения народа от оков национального и социального угнетения. Правда, эти произведения народного творчества существенно отличаются друг от друга своими жанровыми особенностями, но, несмотря на различия, нельзя не видеть в них много общих черт, дающих возможность ставить их в определенном смысле на одну доску, – это героический характер содержания всех этих фольклорных памятников с установкой на реальность, доподлинность воспеваемых событий и героев. В конечном итоге, наиболее важным, решающим, хотя и не единствен-

ным признаком героического эпоса, является именно эта черта – героический характер содержания произведения (Пропп 1958: 5).

В данной же статье мы остановимся лишь на характеристике памятников собственно героического эпоса – нарттов и Абрскила.

Нартские сказания

Самым монументальным и совершенным созданием народно-поэтической мысли абхазов является нартский эпос – древнейшие эпические повествования о богатырских деяниях большого нартского семейства, состоящего из ста единокровных братьев и единственной их сестры, во главе с вечно молодой, неувядаемой их матерью Сатаней-Гуашей¹.

Эпос о нартах не представляет собой исключительной принадлежности абхазов: он широко бытует у различных по языку и происхождению народов Северного Кавказа, особенно у адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) и осетин. В разной степени нартты известны также карачаевцам, балкарцам, ногайцам, чеченцам, ингушам, сванам; некоторым народам Дагестана и т. д. Некоторых народов, принимавших, по-видимому, непосредственное участие в создании эпоса, ныне уже нет на территории Кавказа, как, например, убыхов, которые в начале второй половины XIX века переселились на чужбину, в Турцию. Среди убыхских народных рассказов, записанных недавно в Турции французским ученым-ориенталистом Ж. Дюмезилем и природным убыхом А. Намитоком, встречаются и образцы нартского эпоса (Dumézil, Namitok 1955: 34–39), почти буквально совпадающие с аналогичными абхазскими сказаниями (сказание об Ерчхеу).

Если осетинские и адыгские сказания о нартах еще со второй половины XIX века привлекали внимание научной общественности и широких читательских кругов, если они записывались, переводились на русский и другие европейские языки, публиковались и становились предметом изучения крупных специалистов фольклористов (в первую очередь, это относится к осетинским вариантам), то абхазские нартты почти совершенно не были затронуты

¹ В отдельных вариантах вместо ста братьев говорится о семи братьях, а также о второй глупой сестре нарттов – Гынды. См. Архив АБИЯЛИ, ф. 2, д. 126–127.

собираем. Сбор материалов по нартскому эпосу абхазов производился лишь в советское время, начиная с 30-х годов и особенно интенсивно в послевоенные годы научными сотрудниками Абхазского института языка, литературы и истории¹. Но, к сожалению, до сих пор нет ни одной научной публикации этих текстов. Вышедший в 1962 году в Москве и в Сухуме художественно обработанный сводный текст нартского эпоса (Инал-ипа, Шьакрыл, Шьынқэба 1962; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962), так же, как и предшествовавшие ему публикации, хотя и представляет собой большую ценность в популяризации абхазского эпоса, но ни в какой степени не отвечает научным требованиям, предъявляемым к публикациям фольклорных памятников. Поэтому при анализе образов эпоса приходится опираться в основном на народные варианты, записанные различными собирателями в разное время и хранящиеся в рукописном фонде Абхазского института, а также на собственные записи, производившиеся систематически во время экспедиций по районам Абхазии, начиная с 1956 года, и на слетах старейших сказителей Абхазии, неоднократно проводившихся в г. Сухуме.

Вопрос датировки фольклорных произведений – чрезвычайно сложный вопрос, так как та или иная песня, легенда, сказание или сказка создается в своей окончательной редакции (если вообще можно говорить об окончательной редакции памятника устно-поэтического творчества) не в какой-то определенный год или даже десятилетие, а это процесс длительный, продолжающийся в течение столетий и тысячелетий. Эта специфическая особенность фольклорного творчества обусловлена, в отличие от письменной художественной литературы, его основными определяющими признаками – коллективностью, устностью и анонимностью. Эпос полистадиален, многослоен. Его, как и любой другой фольклорный жанр, характеризуют анахронизмы, контаминации сюжетов и т. п. Сложившись в какую-то определенную эпоху, и отражая и основанно именно эту эпоху, фольклорный памятник очень часто несет на себе напластования последующих эпох. В зависимости от степени влияния на основное, первоначальное ядро сюжета последую-

¹ О собирательской и исследовательской работе в области абхазского народно-поэтического творчества см. нашу статью (Салакая 1961).

щих эпох, напластования могут совершенно затмить первооснову или же оставить ее почти не тронутой.

Отказ от точной датировки каждого текста эпической поэзии не означает отход от исторического изучения народного творчества. В данном случае прежде всего следует учитывать специфику отражения действительности в героическом эпосе. В отличие от собственно исторической поэзии, героический эпос основывается, как указывали выше, на широком, эпическом, необычайно обобщенном, идеальном отражении действительности в идеальных образах.

Исходя из конкретного анализа нартского эпоса можно утверждать, что основные сюжеты и мотивы данного памятника, более архаические и центральные образы его отражают эпоху первобытнообщинного строя.

В своей работе по абхазскому нартскому эпосу Ш.Д. Инал-ипа обратил особое внимание на чрезвычайное обилие матриархальных хозяйственных и общественных отношений, отраженных в данном памятнике, особенно в цикле сказаний о Сатаней-Гуаше (Инал-ипа 1949: 112).

И действительно, подчеркнутая идеализация роли женщины в хозяйственном и духовном быте, отсутствие в древнейших сказаниях о Сатаней-Гуаше и Сасрыкве каких-либо прочных брачных союзов, вхождение древнейших героев эпоса в семейство нартвов по матрилокальному признаку и многие другие исконные мотивы эпоса могли быть порождением только лишь матриархальных общественных отношений.

Образ богатырской девы, который по своему генезису восходит к матриархальным бытовым отношениям, широко разработан в мировой эпической поэзии, но подыскать прямые параллели, идентичные по силе художественной разработки образу Сатаней-Гуаши, в эпосе других народов невозможно, как это отметил в своем докладе на совещании в г. Орджоникидзе Е.М. Мелетинский (Мелетинский 1957а: 41).

Сатаней-Гуаша играет большую роль как в абхазском эпосе, так и в адыгских и осетинских сказаниях. В монографии о нартском эпосе проф. В.И. Абаев писал: «Если бы нас спросили, что в нартском эпосе самое замечательное, мы ответили бы, не задумываясь: образ Сатаны». И дальше продолжает: «Можно мыслить нартвов без

любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаны» (Абаев 1945: 36).

Однако следует признать, что в сказаниях северокавказских народов, особенно осетин, несмотря на почет и уважение, которым удостоена эта уникальная фигура, Сатана все-таки значительно ограничена в своих правах мужским советом «нихас» (в адыгских сказаниях – «хаса»), тогда как в абхазских сказаниях (в более архаических пластах) Сатаней-Гуаша не только не ограничена в своих действиях, но и не встречает ни малейшего упрека со стороны кого бы то ни было. Она выступает как родоначальница и глава большого семейства, состоящего не иначе как из ста человек. Никакого мужского совета, наподобие «нихаса», или другие формы общественной организации, решениям которых подчинялась бы Сатаней-Гуаша, не существует. Она всегда права, всегда умна, и нежно заботлива по отношению к своим «детям» – нартскому братству. Величественный образ Сатаней-Гуаши разработан детально во всех сказаниях нартского эпоса, но в одной хороводной песне этот образ предстает особенно рельефно, выпукло, во всей своей величавой мощи и силе. Это «Песня матери нартов» (Шьынқэба 1959: 93–94), в которой в гиперболической форме рисуется хозяйственная деятельность матери нартов – Сатаней-Гуаши.

Представляется интересным проследить эволюцию образа главы большого нартского семейства от начала эпоса до его логического завершения. Даже неискушенный читатель или слушатель, впервые знакомящийся с нартским эпосом абхазов, не может не обратить внимания на, казалось бы, очевидные противоречия в разработке образа Сатаней-Гуаши. С одной стороны, в одних сказаниях (в цикле Сасрыквы) Сатаней, как отметили выше, выступает не ограниченной никакой властью, несравненной по своему интеллектуальному и физическому совершенству идеальной женщиной. Но затем, в других циклах сказаний, например, в цикле сказаний о Нарджхеу, Сатаней-Гуаша или вовсе не выведена или же выведена уже не всемогущей, всепобеждающей силой, а бесильной, мстительной.

В чем же причина постепенной трансформации образа Сатаней-Гуаши из могучей богатырской девы в бессильную, коварную женщину?

В цикле сказаний о Сасрыкве, где упоминается впервые Нарджхеу в качестве нартского пастуха крупного рогатого скота, Сатаней-Гуаша предстает перед нами в расцвете духовных и физических сил. Заметив на противоположном берегу Кубани (по другим вариантам – Бзыби) пастуха нартов Нарджхеу (по некоторым народным вариантам, а также в сводном тексте – пастух назван Зартыжем (Архив АБИЯЛИ, ф. 2, д. 176, с. 70; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 32 и сл.) хотя чаще всего в народе встречается имя Нарджхеу) Сатаней-Гуаша (в вариантах – Гунда) загорелась страстью и позвала к себе, как говорится в эпосе, «косматого пастуха». Тот проворно бросается в реку, но волны отбрасывают его обратно на берег. Неоднократно пытался Нарджхеу переправиться через реку, но напрасно, не осилил он реку Кубань (Бзыбь). Сатаней-Гуаша, насмехаясь над несчастным пастухом, говорит ему: «Мне как женщине неудобно подходить к тебе, а не то я бы, не смочив ног выше колен, переправилась через реку»¹. Нарджхеу так и не удается переплыть реку. Здесь нас интересует мотив слабости, маломощности нартского пастуха, не сумевшего переплыть реку, которую легко может осилить женщина, «не промолив ног выше колен».

Здесь подчеркнута величественная фигура Сатаней-Гуаши контрастирует с заведомо приниженным образом пастуха-мужчины. Но зато в сказании об умыкании героем Нарджхеу сестры нартов Гунды-красавицы эти два героя (Сатаней-Гуаша и Нарджхеу) будто поменялись ролями. Нарджхеу уже не тот неумелый, наивно простодушный, чуть ли не глупый «косматый пастух», а герой непобедимый, воплощенный идеал мужской физической и духовной красоты. А Сатаней же здесь предстает не только умной, заботливой домохозяйкой, пока еще не лишенной дара пророчества, но и коварной женщиной, не гнушающейся никакими средствами для защиты своих интересов. Роль ее в хозяйственной жизни явно отодвигается на второй план. Сатаней-Гуаша не всесильная глава семьи, слово которой является обязательным для сыновей-нартов, какой мы ее привыкли видеть. Об этом как нельзя лучше говорит хотя бы такой эпизод. Завидев направляющегося к их дому необыкновенно могучего всадника Нарджхеу, Сатаней-Гуаша с трево-

¹ Текст, записанный нами от Кастея Арстаа в 1960 году в сел. Отхара Гудаутского района Абхазской АССР.

гой просит сыновей оставить игру в мяч – аймцакча¹ и встретить гостя, чтоб не случилось беды.

«Если едет к нам гость, потом мы его увидим», – сказали нарты, не обращая внимания на слова матери (Архив АБИЯЛИ, ф. 2, д. 176, с. 317). Мать неоднократно повторяла свою просьбу, но не до нее было богатырям, они продолжали гонять мяч. И только лишь впоследствии, когда дело стало принимать серьезный и опасный оборот, братья-нарты оставляют мяч и обращают внимание на гостя. Такое непослушание «детей» своей матери не могло иметь место и действительно не имеет в древнейших пластах эпоса.

Кроме того, данное сказание содержит один интересный эпизод, очень важный для понимания сущности происшедших в общественной жизни перемен. В отличие от всех остальных сюжетов, где Сатаней-Гуаша рисуется не стареющей, не умирающей матерью большого нартского семейства, в этом сказании, вернее, в отдельных, наиболее популярных вариантах сказания, героиня умирает. Причем умирает она не своей естественной смертью, а ее отравляют. Непрошенный и нежеланный жених Нарджхеу, геройски выдержав все испытания, стал требовать выдачи за себя сестры нартов, единственной дочери Сатаней-Гуаши – Гунды-красавицы. Отказывать ему уже не было повода. Тогда Сатаней-Гуаша решила отравить гостя ядом. С этой целью она накрыла на стол, усадила гостя на почетное место и поставила перед ним кубок вина, приправленного разрубленными кусками красной (ядовитой) змеи. Но Нарджхеу уже не тот простак, над которым насмеялась в свое время гордая Сатаней, а богатырь необычайной физической силы и глубокого ума. Воспользовавшись обычаем гостеприимства и придерживаясь застольного этикета, гость предлагает первый бокал хозяйке дома, главе семьи нартов Сатаней-Гуаше. Ей не остается ничего иного, как выпить; там же она падает на пол и умирает. Ее выносят в соседнюю комнату, утверждая, что у матери были сердечные боли. После нее бокал предложен старшему из сыновей Сатаней, которого также одолел яд. Затем уже тост поднимает сам гость, выпивает бокал, процедив вино сквозь густые стальные усы, таким образом, обезвреживая его. Одержав победу и в этом виде единоборства Нарджхеу умыкает сестру нартов и уво-

¹ Абхазская национальная спортивная игра в мяч.

зит (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 323). Правда, ему не суждено было благополучно доехать до дома. Но не дальнейшее развитие сюжета данного сказания нас интересует. Нас интересует в данном случае мотив победы Нарджхеу над Сатаней-Гуашей. Если в сказании мужескому герою не суждено достичь своей цели, так как он окаменеет по заклятию иногда Сатаней-Гуаши (в тех вариантах, где Сатаней не умирает, также в сводном тексте нартского эпоса, где отравляется ядом не мать нартов, а их старый отец), иногда же матери Хуажарпыса – убитого Нарджхеу героя, – то это следует объяснить не иначе как огромной художественной силой созданного в эпоху матриархата образа женщины, который и в последующие эпохи представляется недостижимым, непоколебимым. Тем не менее трансформация художественных образов Сатаней-Гуаши и Нарджхеу не вызывает сомнения и эта трансформация вызвана не чем другим, как переменами в общественной жизни первобытного строя, продолжавшейся веками борьбой между матриархатом и патриархатом за приоритет в семейной и общественной жизни и окончательной победой в этой борьбе последнего над первым.

Отдельные исследователи – Ж. Дюмезиль (Dumézil 1930: 167 и сл.), В.И. Абаев (Абаев 1945: 39) – интерпретируют образ Сатаней в мифологическом аспекте, другие же, как, например, Е.М. Мелетинский (Мелетинский 1957а: 44), наоборот, усматривают в нем реальные бытовые черты эпохи первобытнообщинного строя. Абхазские сказания подтверждают, на наш взгляд, мнение Е.М. Мелетинского о «бытовой», реалистической природе образа Сатаней-Гуаши.

Главным героем нартского эпоса абхазов, так же, как и в адыгских сказаниях, является Сасрыква (в осетинских версиях Сослан-Созырко хотя и один из главных, но не самый первый, не любимый герой, каковым там выступает Батрадз). Сатаней-Гуаша родила Сасрыкву неестественным образом, вырубив из камня. Вся жизнь его, буквально с первого дня появления на свет до последнего дня трагической гибели, последовавшей в результате бесконечных козней и подстрекательств со стороны завистливых братьев, состояла из непрерывной цепи богатырских подвигов.

Рождение, закалка, рост, подвиги богатыря имеют много параллелей не только в героическом эпосе кавказских народов, но и вообще в мировом эпическом творчестве.

Подвиги Сасрыквы преследуют не корыстные, а благородные цели. Все он делает на благо людей, не требуя взамен никакого вознаграждения. В более архаических слоях сказаний об этом выдающемся богатыре главными противниками героя выводятся всевозможные чудовища, как, например, дракон, семиглавый адауы (великан) и другие, которые олицетворяют собой злые силы природы, выступая и в качестве хозяев вод, огня, лесов, пастбищ и т. д. В отдельных случаях под образами чудовищ могли подразумеваться и враждебные общественные силы. Герой вступает в смертельную схватку и одерживает полную победу над врагами, казавшимися до него людям непобедимыми. В борьбе с чудовищами героя выручает не одна только его физическая сила, но также его находчивость, ум, смекалка. Так, например, победа над адауы, хранителем огня (наиболее популярный мотив во всем эпосе) достигается не в эпическом, честном единоборстве героя с врагом, а лишь в результате хитрости, обмана героем врага. В данном случае явно противопоставляются здравый ум, интеллект грубой физической силе.

Многочисленны подвиги Сасрыквы. И среди всех этих богатырских деяний, совершенных прославленным нартоном, особо выделяется один главный подвиг, который наиболее и популярен в народе, – это похищение огня у великана. Именно этот подвиг сближает Сасрыкву с так называемыми «культурными героями», с героями типа Прометея. Но нельзя не видеть при этом и большой разницы между Прометеем и Сасрыквой. Классический культурный подвиг – похищение огня проходит несколько стадий в своем развитии. Первой и древнейшей из них следует считать похищение огня у его хозяина или покровителя, как это имеет место в первобытном мифе. В таком же виде этот мотив вошел в нартский эпос абхазо-адыгов; в осетинских сказаниях похищение огня заменено отбиением тучного пастбища у великана. Затем, с образованием пантеона языческих божеств, огонь переносится на небо и похищается оттуда героем (греческий Прометей)¹. Впоследствии же небесный огонь может трансформироваться в образ небесной девы, которую похищает эпический герой (например, Камар в грузинском эпосе об Амирани).

¹ О роли и месте первобытных мифов о культурных героях в образовании эпоса см.: Мелетинский 1958а: 114–132; 1958б: 8–15; 1963.

Своеобразное раскрытие прометеевской темы в абхазском эпосе заключается в том, что центральные мотивы мифа о Прометее (похищение огня и наказание героя) разрабатываются не в одном, а в двух памятниках эпической поэзии – в нартском эпосе и сказании об Абрскиле. Причем, мотив похищения огня¹ не мыслится как борьба с небожителями, как богоборческий мотив. Похищение огня Сасрыквой, являющийся несомненно величайшим культурным подвигом героя, хронологически предшествует богоборчеству героев Прометеевой плеяды.

Второй же мотив – наказание героя богом за дерзость – не представлен непосредственно в нартском эпосе абхазов, а появляется позже, в эпосе об Абрскиле, о чем будет сказано ниже.

Другими наиболее выдающимися художественными образами нартского эпоса абхазов являются Цвицв (по прозвищу Бжеикуа-Бжашла – «Получерный-Полуседой»), Кятуан, Нарджхеу, Хуажарпыс, Гунда-пшдза (Гунда-красавица), Айнар-жи (Нартский кузнец), Нарт Кун, Зылха, Нарт Сит, пахарь по кличке «Полувывсохший-Полуживой» (Бжафа-Бжаза) и многие другие.

Из перечисленных героев более древним следует признать Кятуана – пастуха нартских коз, Нарта Куна – пастуха овец, Нарджхеу (или Зартыж) – пастуха крупного рогатого скота и другие. Скотоводство, первоначально разведение мелкого рогатого скота, а впоследствии и крупного, наряду с примитивным земледелием, составляет основу хозяйственного уклада нартского общества, хотя и не является самым древним, каковым отчетливо выступает в эпосе охота. Поэтому выведение в качестве выдающихся богатырей пастухов, идеализация их образа жизни, ярко гиперболическое изображение их физической и духовной мощи не вызывают удивления, напротив, представляются вполне естественными и закономерными.

Нарту Кятуану, кроме его хозяйственной деятельности, приписывают также изобретение свирели, создание и первое исполнение песни. При этом следует подчеркнуть, что черты так называемые

¹ Как правило, огонь похищается у великана-адауы (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 127–127, 176, с. 178), иногда сбивается стрелой пылающая звезда с неба (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127) или же герой на своем крылатом араше достигает небесного светила и срывает его (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127).

мого «культурного героя», проступающие в образе Кятуана, носят более архаический характер, чем в образе какого-либо другого героя, включая сюда и Сасрыкву. Известно, что культурные деяния героев первобытного мифа не всегда представляют собой целенаправленное, предумышленное действие, а являются следствием их необдуманных, случайных поступков. По этому поводу Е.М. Мелетинский отмечает: «Далеко не всегда поступки демиургов – культурных героев – носят целенаправленный характер, очень часто важнейшие черты ландшафта и культуры оказываются следствием совершенно случайных обстоятельств их жизни, а вовсе не плодом сознательных творческих усилий» (Мелетинский 1958а: 116). Случайность, при которой Кятуан впервые изобретает свирель (ачарпын), а также его выкрики, не преследовавшие никогда цели стать песней, но тем не менее ставшие ею, положив начало песнопению, – говорят в пользу глубокой архаичности культурных подвигов Кятуана (Инал-ипа 1949: 99).

Изобретение свирели в адыгском нартском эпосе связывается с именем Ашамеза (Андреев-Кривич 1957: 191–192). В осетинском же эпосе вместо свирели изобретается Нартом Сырдоном другой национальный инструмент – фандыр – при иных, трагических обстоятельствах (Либединский 1948: 209).

Что же касается Нарджхеу – нартского пастуха коров – то мы имели выше возможность, в связи с анализом образа Сатаней-Гуаши, проследить, как постепенно менялось внутреннее содержание данного образа в связи с изменениями общественной жизни, принаравливаясь к идеалам и требованиям новых социальных отношений. Если Нарджхеу – пастух из цикла Сатаней и Сасрыквы – типический образ матриархальной эпохи, то могучий богатырь Нарджхеу, умыкающий Гунду-красавицу, – это уже создание патриархальной эпохи, который кроме имени героя, едва ли имеет что-нибудь общее с первоначальным, матрилокальным вариантом образа. Сам факт умыкания невесты как одной из форм заключения брачного союза – типичное явление для переходного периода от группового брака к парной семье. В более поздних слоях абхазского нартского эпоса этот способ заключения брака является не только господствующим, но и единственным. В ранних слоях, в цикле Сатаней-Гуаши, наоборот, мы не встречаем никакого упоминания о парных брачных союзах, здесь господствует форма груп-

пового брака. Все большое семейство нартвов известно, как семья Сатаней-Гуаши, у которой нет ни отца, ни мужа и которая может свободно встречаться с любым мужчиной. «При всех формах групповой семьи неизвестно, кто отец ребенка, но известно, кто его мать», – указывал Ф. Энгельс (Энгельс 1948: 49). Попытка же поставить во главу нартского братства патриарха так и не доведена до конца. В древнейших циклах сказаний отец нартвов вообще отсутствует, да и в поздних слоях он выглядит настолько дряхлым, больным (иногда – слепым), что не может играть решительно никакой роли ни в хозяйственной, ни в духовной жизни нартвов. В эпосе он не получил даже стабильного собственного имени, которым наделены все, более или менее запоминающиеся персонажи. Возникновению сильного главы патриархальной семьи, достойного преемника Сатаней-Гуаши, препятствовал, по-видимому, созданный ранее с такой огромной обобщающей силой образ женщины – главы матрилокальной семьи. В народном сознании представление о Сатаней как главе большого нартского семейства настолько прочно укоренилось, что впоследствии, при изменившихся ситуациях, когда эта женщина явно не соответствовала занимаемому в обществе положению, невозможно оказалось окончательно низложить ее, заменив мужчиной – патриархом. Не только в абхазских версиях, где, как мы указывали выше, вообще ни в какое сравнение с Сатаней-Гуашей не идет отец нартвов, но и в адыгском и осетинском эпосе, намного глубже отразившем патриархальные отношения, не создана фигура патриарха, которая затмила бы собой образ родоначальницы нартского семейства. Скорее, наоборот. Правда, Урызмаг признается достойным супругом своей мудрой жены. Проф. В.И. Абаев, касаясь вопроса взаимоотношений супругов Урызмага и Сатаны, пишет: «Быть супругом такой выдающейся дамы – дело нелегкое, связанное с риском обезличиться, затеряться, отойти на задний план. Однако с Урызмагом этого не случается. С большим достоинством и честью он поддерживает супружеский «ансамбль». Рассудительность, выдержка, находчивость в минуту опасности – таковы отличительные черты старшего из нартвов. В щедрости и храбрости он подстать своей супруге» (Абаев 1945:37). Как видно, здесь не идет речь о превосходстве Урызмага над Сатаной. Выражения «поддерживать ансамбль» и «подстать супруге», в лучшем, случае, могут говорить о равнозначности, но никак не

говорят о превосходстве супруга над супругой. Вообще же в осетинском и адыгском эпосе так же, как и в абхазском, образ Сатаны несравненно сильнее, глубже, монументальнее образов патриархальных глав нартского братства. «Попытка представить Урызмага в осетинских и Насрена в кабардинских сказаниях в качестве «старшего» нарта является относительно поздней и в общем не доведена до конца», – пишет Е.М. Мелетинский (Мелетинский 1957а: 39). В отсутствии «эпического» главы нартов, роль которого в известном смысле парадоксально выполняет Сатана, исследователь справедливо видит оригинальность нартских сказаний, подчеркивающую их догосударственный характер.

Пожалуй, самым выдающимся героем, ярко воплощающим идеалы патриархальной поры первобытнообщинного строя, в нартском эпосе абхазов выступает Цвицв, функционально соответствующий в основных своих чертах осетинскому Батрадзу и адыгскому Батаразу и частично – Бадыноко. Этот герой часто не называется своим собственным именем, а упоминается только лишь его прозвище Бжейкуа-Бжашла (Получерный-Полуседой).

По отдельным вариантам сказаний Цвицв – самый младший из ста братьев-нартов, т. е. он младший сын Сатаней-Гуаши. Но в большинстве вариантов, где мотив рождения Цвицва, или Бжейкуа-Бжашла, разработан более детально и красочно, герой является не сыном Сатаней-Гуаши, а ее воспитанником. Отцом его называют то Нарджхеу, то Нарта Куна, то Сасрыкву (в сводном тексте – Нарт Кун) (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 158, с. 125–132; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 131–136). Матерью же героя во всех этих вариантах неизменно выводится сестра карликов Зылха (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127, 176, с. 121) (иногда она не наречена собственным именем). Основные мотивы сказания о Цвицве – рождение героя от карлицы (в осетинских сказаниях Батарадз рождается даже из спины Хамица – отца героя) (Либединский, 1948: 238; Абаев, Джусоев, Ивнев, Калоев 1957: 148–149), привод в дом жениха невесты и ее довольно униженное положение в семье мужа, следствием чего явилось возвращение к своим родным, воспитание ребенка не в семье жены, а в семье мужа, следовательно, определение его происхождения по патрилокальной линии, постоянное соперничество нового богатыря со старшим прославленным героем Сасрыквой (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127, 176, с. 126–132) – бога-

тырем матриархальной эпохи, – свидетельствует о его антиматриархальной направленности.

В отличие от Сасрыквы, сражавшегося в основном со всякого рода чудовищами (с драконом, великаном-адау), в образе которых могли олицетворяться, как указывали выше, не только злые силы природы, но иногда и общественные явления (иноземные, иноплеменные захватчики), Цвицв уже имеет дело с реальными врагами в образе обыкновенных, земных людей. Причем, Цвицв чаще всего не отражает набеги врагов, а сам совершает походы, или вернее, неузнанным сопровождает нартов, выступающих в поход «добывать славу» (хьызрацара – букв. «поход за славой»). Цикл сказаний о Цвицве отражает идеологию военной демократии. Особенно же отличился герой при взятии крепости Баталакла, которую длительное время осаждал Сасрыква, но никак не мог завладеть ею. Цвицва, по его просьбе, зарядили в пушку вместо снаряда и выстрелили. Герой, пробив стену, попадает на территорию крепости в уготовленную для него необычайно глубокую яму. Преодолев все препятствия, богатырь выбирается из ямы, истребляет всех врагов. В отдельных вариантах, а также в сводном тексте – великанов (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 126), завладевает неприступной крепостью и, уступив все богатство нартсам, возвращается домой неузнанным, где он принимается за свое обычное дневное занятие – строгание палок, откуда, по видимому, происходит и его имя (ацъыцъ – стружка).

Появление металла и его огромное значение в жизни первобытнообщинного строя отражается в абхазском эпосе в образе нартского кузнеца, которого так и называют Айнар-жи – нартский кузнец. В адыгском и осетинском эпосе кузнец играет также исключительно большую роль (в адыгском – Тлепш, в осетинском – Курдалагон). Круг занятий кузнеца в нартском эпосе не ограничивается изготовлением орудий труда или боевых доспехов богатырей, а выходит далеко за рамки обычной деятельности людей данной профессии. Предмет попечения этого дивного мастера составляют, помимо собственно кузнечного ремесла, и закалка героев при рождении, починка поврежденных в бою частей человеческого организма (особенно головы) и другие. Как, например, только лишь с помощью нартского кузнеца удастся Сатаней-Гуаши высечь из камня (скалы) зародыш Сасрыквы. Кузнец закаляет в

горниле кузницы новорожденного ребёнка, держа его щипцами за правое колено, вследствие чего правое колено остается незакаленным, уязвимым местом у героя (ср. с пятой Ахиллеса и других героев мирового эпоса и мифологии). Хуажарпыс один из наиболее оригинальных героев нартского эпоса абхазов, в поединке с похитителем его невесты Гунды-красавицы – Нарджхеу получает серьезное ранение: стрела поранила ему голову и, казалось бы, тут уже дело не поправимо. Но нет, нартский кузнец починил ему голову, наложив медные пластинки, и герой вновь мчится в бой (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 330–332, д. 126–127). Правда, после неоднократной починки и следовавшей вслед за этим новым, еще более глубоким ранением, герой, наконец, погибает! Нартскому кузнецу не дано пока что изготовить такую накладку или такое приспособление, чтобы никакая опасность не угрожала жизни человека. Но сам факт занятия кузнеца починкой человеческого организма указывает, с одной стороны, на идеализацию кузнечного ремесла, и, с другой стороны, на мечты наших предков об усовершенствовании боевых доспехов, об изобретении средств защиты от тяжелых ударов в бою и т. д.

В отличие от осетинского кузнеца Курдалагона, возведенного в ранг языческого божества, в абхазских версиях эпоса образ кузнеца, как и вообще других нартских героев, хотя и идеализируется, но не обожествляется. Айнар-жи не занял трона покровителя кузни в абхазском языческом пантеоне: это место прочно закреплено за другим и, по-видимому, более поздним божеством – Шашвы (Шъашъы) (см.: Джанашиа 1960: 71–75; Инал-ипа 1960: 169–171), которого никогда абхазы не смешивают, и тем более не отождествляют с Айнар-жи. Айнар-жи вместе со своими северокавказскими двойниками Тлепшем и Курдалагоном примыкает к эпическим образам великих кузнецов мирового фольклора, к таким, как Ильмаринен в карело-финском эпосе «Калевала», Гефест в древней греческой мифологии и другие.

Роль женщины и нартском эпосе, как указывалось выше, необычайно велика. Наряду с образом всемогущей матери нартов Сата-ней-Гуаши, встречаются и другие яркие женские фольклорные образы. Это прежде всего образы сестры нартов – Гунды-красавицы (Гунда-пшдза) и матери Цвицва Зылхи.

Абхазская Гунда-красавица, также как адыгские Ахумида, Адих и осетинская Агунда, отличается необыкновенной, неземной

красотой; к ней сватаются и ее похищают различные богатыри (Нарджхеу, Хабжин и другие). Из-за обладания Гундой-красавицей, собственно, и возникает, наряду с мотивом непризнания за родного брата незаконнорожденного героя, вражда между Нартом Сасрыквой и его братьями, завершившаяся гибелью первого. Гунда-красавица не играет той ведущей роли в хозяйственном и духовном быте нартов, не проявляет той активности в решении важнейших общественных вопросов, какие отличают Сата-ней-Гуашу как незаменимую главу нартского семейства. Правда, Гунда не выведена пассивной, инертной фигурой. Она довольно сильна и духовно и физически, чтоб постоять за себя, защитить свою честь. Очень популярно в народе сказание, повествующее о битве Гунды-красавицы и Ханиа (дочери братьев Айрговых) с нежеланным женихом Ханиа и его целой свитой, состоявшей из ста вооруженных всадников и о полной победе первых в этой битве. Причем Ханиа сражалась палкой, а Гунда лишь пятами (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 104–107)¹.

Образу Зылхи, матери непревзойденного героя Цвицва соответствует в адыгских и осетинских версиях карлица – мать Батрадза. Нескрываемое пренебрежение нартов к этой карлице, почти равнодушное отношение сородичей мужа к уходу невестки из их дома, сведение до минимума роли матери не только в воспитании, но даже в рождении ребенка (в абхазо-адыгских версиях карлица выкидывает путем разрезания чрева недоношенного ребенка, который оставляется на попечение мужа и его родных, а в осетинских, даже больше того, ребенок рождается из спины отца) и, наконец, ее невзрачный внешний облик, – все эти мотивы ведут исследователя к патриархальным общественным отношениям. Если Зылха не выведена в эпосе как злая сила, то это, на наш взгляд, объясняется сильными пережитками бывшего материнского права в победившем патриархальном укладе. Превращение бывших благородных женских божеств в злых ведьм и русалок, бывших добрых и могучих глав матриликальной семьи в злых старух, какое мы встречаем впоследствии в сказочном эпосе и в Абрскиле, в сказаниях о нартах почти нет. Эта черта лишней раз свидетельствует о глубокой древности эпоса.

¹ А также текст, записанный нами от сказителя Смела Барцыца, 21 июля 1958 ода., в селе Блабурхуа Гудаутского района.

Кроме указанных выше героев, абхазский эпос знает еще очень много своеобразных, запоминающихся оригинальностью художественной разработки персонажей. Таковы, например, могучий богатырь Хайхуз Шаруан – дядя нарттов по материнской линии, привязанный к нартам – племянникам своим по линии сестры; сын Нарта Сита Уахсит, сын Жаки, основные подвиги которых связаны с борьбой за приобретение невест.

Хочется хотя бы очень бегло обратить внимание читателя на образ пахаря в нартском эпосе по прозвищу Бжафа-Бжаза (букв. «Полувывсохший-Полуживой», т. е. инвалид, человек, у которого часть организма парализована).

Совершив целый ряд подвигов, заслужив всенародное признание и корону первого богатыря, Сасрыква возгордился и не стал признавать равного себе человека на земле, о превосходящем же его он и слышать не хотел. Но когда выведенная из терпения Сатаней-Гуаша сообщила сыну, что есть человек, который его превосходит, себялюбивый нарт немедленно отправляется к новоявленному герою на своем крылатом араше Бзоу, чтоб помериться с ним силами. Пахарь-калека не стал даже обращать внимание на подскокившего к нему нарта, а накрыл его пластом земли, вывороченным лемехом плуга, и продолжал спокойно пахать. Затем жена пахаря сажает Сасрыкву с конем в плетеную корзину (или деревянный таз) и везет домой в качестве забавной игрушки для детей. По дороге герою удастся сбежать, но его легко возвращают. Затем Сасрыква узнает от пахаря о том, как и кем он был искалечен, о его встрече с более могучими людьми, которые погубили всех его спутников и о его чудесном спасении. Рассказ этот имеет параллели и в адыго-осетинском нартском эпосе и в сказочном эпосе многих народов. Убедившись в том, что никогда нельзя быть уверенным в своем превосходстве над всеми на земле, Сасрыква возвращается домой (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127, 176, с. 235–243).

Данное сказание непосредственно выражает представление создателей эпоса об идеале героя и героизме. Возвеличение своей персоны, гордыня, болезненное самомнение не сочетаются с истинным героизмом. Такого богатыря, будь он даже самый любимый, народ подвергает резкому осуждению и своевременно излечивает его от недуга единственным и незаменимым средством – столкнув его с более могучим богатырем и отрезвив тем самым

от недостойных его богатырского облика качеств. Тоже самое случилось и с Сасрыквой. В образе же пахаря, невзрачного на вид, неполноценного калеки, но тем не менее запросто справляющегося с прославленным богатырем, ярко олицетворяется и идеализируется животворный созидательный труд землепашца-хлебороба.

Как известно, среди богатырей русского героического эпоса одно из почетнейших мест отведено крестьянину-землепашцу, или, как принято называть его в былинах, оратаю («оратаюшке») Микуле Селяниновичу – герою, весьма близко напоминающему пахаря в нартском эпосе абхазов. А.М. Горький, высоко оценивая Образ Микулы Селяниновича, ставил его в один ряд с такими широко известными во всем мире героями народно-поэтического творчества, как Геракл, Прометей, Илья, Сатана и другие (Горький 1955: 49). Однако в идейном отношении эти два памятника народного творчества не идентичны. Русская былина «О Микуле Селяниновиче и Вольге» отражает социальные, классовые взаимоотношения крестьян и феодалов в эпоху позднего феодализма. Анализируя данную былинку, проф. В.Я. Пропп заключает: «Основной смысл песни состоит в противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличении крестьянина» (Пропп 1958: 387). Что же касается абхазского сказания, то в нем мы не обнаруживаем отражения столь позднего периода в истории нашего народа. В акте столкновения Сасрыквы с пахарем невозможно усмотреть проявление каких-либо классовых противоречий. Но зато отчетливо проявляется иное сопоставление.

Нартское племя в целом мыслится как народ-воитель, проникнутый духом искательства, новых открытий, изобретений, чем собственно и мотивируются бесконечные походы этих богатырей. В сказании же о пахаре и Сасрыкве, возникшем, несомненно позже основных циклов эпоса, когда уже налицо общественное разделение труда и довольно высокий уровень развития орудий производства (плужное земледелие), сопоставляются идеалы созидательного, трудового, с одной стороны, и воинского богатырства, с другой стороны. Мы говорим сопоставляются, как бы соизмеряются с целью выявления более важного из них, имеющего первостепенное значение, но ни в коем случае не противопоставляются эти идеалы, так как трудовые массы, создатели эпоса, на протяжении всей истории сами были одновременно и тружениками, и воинами. Не

умалая значения боевых качеств героя, наоборот, идеализируя их во всем нартском эпосе, в то же время трудовые массы созданием образа могучего пахаря подчеркнули первостепенность созидательного, творческого начала, так как жизнь, в конечном итоге, создается только лишь трудом. Эту мысль подтверждает и рассказ самого пахаря о том, как целый отряд воинов, в котором и сам принимал участие, был погублен неким пастухом (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 214–242, д. 126–127,)¹. Превосходство пастуха, пахаря над воином-богатырем – не слишком ли отчетливо говорит этот мотив о мечте народных масс о мирном, созидательном труде, от которого постоянно отвлекала их бесконечная борьба со всякого рода агрессорами.

Мотив поисков более сильного героя широко бытует как в героическом, так и в сказочном эпосе мирового фольклора (Андреев 1929: 47, № 605 В).

Одна из основных проблем исследования нартского эпоса – это разрешение вопроса о генезисе первоначального ядра² выдающегося памятника фольклора, одинаково рельефно представленного у различных по языку и происхождению народов Северного Кавказа и частично Закавказья. В этом вопросе, как известно, нет пока полного единогласия. Тот факт, что осетинские сказания раньше других национальных вариантов стали достоянием научной общест-венности, в одно время дал основание отдельным ученым принять эпос за алано-осетинский, возводить его корни к иранскому этническому миру (см. Абаев 1945)³. Однако данная концепция встретила весьма серьезные и аргументированные возражения. Многие исследователи не без основания увязывают первооснову эпоса с исконной кавказской почвой, к которой, несомненно, принадлежит абхазо-адыгская этническая среда. Что же касается осетин, то они, будучи по языку представителями иранской группы индоевропейской семьи народов, в то же время как этническая единица оформлялись на Кавказе, в результате скрещения при-

¹ Мотив этот вне связи с нартами часто встречается также и в абхазском сказочном эпосе.

² Этому вопросу посвящена специальная статья автора – «К вопросу о первоначальном ядре нартского эпоса».

³ В последних работах автор оставляет открытым о происхождении первоначального ядра эпоса. См. его работу: Абаев 1957.

шлых ираноязычных скифо-сармато-аланских элементов с местным кавказским населением, возможно, с абхазо-адыгским этническим миром, или, по крайней мере, с близко родственным последнему. На это указывает весь комплекс археологических, этнографических, антропологических и иных материалов (Крупнов 1960). Первоначальное, древнейшее ядро нартских сказаний, зародившееся и оформившееся в относительно однородной аборигенной кавказской этнической среде до дифференциации ее на отдельные языковые и этнические единицы и до появления ираноязычных племен на Кавказе, вошло впоследствии вместе со всей материальной и духовной культурой в быт вновь созданной этнической общности – осетинской народности. Поэтому осетины, наряду с абхазами и адыгами (адыгейцами, черкесами, кабардинцами), законно гордятся эпосом о нартах как своим национальным творением.

В жанровом отношении нартские сказания представляют собой образец собственно героического эпоса, оформившегося в основном в доклассовом обществе. Отмечая, что эпос вообще в своем становлении проходит несколько фаз, каковыми являются: 1) разрозненные, ничем не связанные сказания, 2) циклизация ранее не связанных между собой сказаний вокруг отдельных героев и 3) соединение одной сюжетной нитью разрозненных циклов, в результате которого эпос достигает высшей точки своего развития – эпопеи. В.И. Абаев указывает, что «нартовский эпос, как и русские былины, дошел до нас во второй фазе, фазе циклизации, с едва наметившейся тенденцией к переходу в третью, фазу эпопеи» (Абаев 1945: 22).

В абхазском нартском эпосе основным и ведущим циклом стал цикл сказаний о Сасрыкве и Сатаней-Гуаше. Вокруг имен этих персонажей, особенно первого, концентрируются основные события, главные сюжетные линии эпоса; во всяком случае эти персонажи принимают участие почти во всех событиях, описываемых в эпосе, хотя не везде и не всегда в одинаковой степени: в одних случаях они играют ведущую роль, в других случаях роль их незначительна.

«Жизнь и подвиги главного героя эпоса (Сасрыквы – Ш. С.) объединяют абхазские сказания в единое целое, этим создается как бы “сквозное действие”» (Инал-ипа 1962: 10), – подчеркивает эту особенность абхазского эпоса Ш.Д. Инал-ипа.

В отличие от сказки, которая по-абхазски называется «алаку» (ср. груз. «игав-араки» – басня), эпические сказания называются «ажабж» (ажэабжь) – «рассказ»; в литературном же языке в последнее время начинает утверждаться термин «ахэамта» – «сказание», который, правда, бытовал раньше и бытует ныне в народном языке, но не употреблялся для обозначения жанрового названия эпоса. Термином «ажэабжь» («рассказ») абхазы называют не только эпические произведения о нартах и Абрскиле, но и исторические предания сравнительно поздних времен. Под термином «ажэабжь» объединяются все прозаические произведения, которые основаны, в представлении народа, на реальных фактах, и отличаются друг от друга только тем, что одни происходили в глубокой древности, а другие много позже. Что же касается сказочных событий, то на них народ всегда смотрит как на вымысел, фантазию, в достоверность которых никогда не верит.

Нартские сказания абхазов в подавляющем большинстве своем носят форму прозаического повествования, но не редки случаи стихотворно-песенной или смешанной, стихотворно-прозаической формы. Признак стихотворно-песенной формы, объявленный проф. В.Я. Проппом одним из основных черт русского героического эпоса (Пропп 1958: 7), не может быть признан обязательным для нартского эпоса абхазо-адыго-осетин, впрочем, как и для эпического творчества многих других народов, в том числе и соседних грузин, у которых героический эпос об Амирани бытует как в чисто прозаическом, так и в смешанной, стихотворно-прозаической, форме, но не в чисто стихотворной форме (в таковой встречаются только лишь отдельные фрагменты эпоса) (Чиковани 1960: 166–176).

В абхазском нартском эпосе некоторые сюжеты встречаются лишь в прозаической форме, особенно сказания, связанные с именами Цвицва (или Бжеиква-Бжашла), Нарджхеу и Хуажарпыса, развернутый сюжет об Алдыз Царуане и многих других (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127).

Однако отдельные сюжеты бытуют как в чисто прозаической, так и в чисто стихотворной песенной форме, исполняемые под аккомпанемент народного двухструнного смычкового инструмента абхазов «апхьарца». К ним относится в основном и цикл Сатаней-Гуаши и Сасрыквы (Шьынқэба 1959: 87–107).

В научной литературе устанавливается, что прозаическая форма эпических сказаний предшествует стихотворной (Пропп 1958: 7; Чиковани 1960: 167–168). Не оспаривая этого тезиса, можно указать на большую архаичность абхазских эпических песен о нартах, отдельные из которых, очевидно, исполнялись даже в хороводе, как об этом говорилось выше («Песня о Сатаней-Гуаше»).

Основным художественным приемом создания монументального образа героя в нартском эпосе служит гиперболизация. Причем, гипербола является здесь не самоцелью, а целиком подчинена требованиям идеализации и героизации эпического образа.

Гиперболически создаются образы всех основных героев и прежде всего, конечно, образ Сатаней-Гуаши. Во-первых, это женщина, родившая и воспитавшая сто сыновей и одну дочь (иногда называют и вторую дочь Сатаней-Гуаши – недалекую, глупую, но работающую Гынды (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 89, 176, с. 119; Шьынқэба 1959: 99; Шинкуба 1961: 64–66), контрастирующую во всем своей сестре Гунде-красавице). Сама по себе эта деталь является уже значительным преувеличением, хотя число сто в абхазском фольклоре является не реальным, а эпическим, синонимичным понятию «множество». Во-вторых, Сатаней-Гуаша обладает не только обворожительной внешней красотой, незаурядным умом, но, прежде всего, огромной физической силой: она обматывает вокруг левой руки круги шерсти, снятой с тысячи овец; пятой толкнув, вырывает огромный бук и превращает его в веретено; также запросто одним ударом ноги она валит целую скалу и, просверлив ее пальцем, превращает в прясло. В течение одного дня она спряла всю шерсть; на второй день – соткала и выстирала ее, а на третий день, до возвращения сыновей, которые, очевидно, ездили «хьыдзрацара» (в поход за славой, первоначально, видимо, на охоту), сшила им одежду и встретила с обновкой (Шьынқэба 1959: 43–94; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 18–20). Сатаней-Гуаша, по многим вариантам, единственный человек, который в силах сдвинуть с места необыкновенно длинную и тяжелую железную скамью («арымз»), на которую разом садились все нарты (по некоторым вариантам, поднять скамью удавалось только сестре нартов Гунде-красавице, а впоследствии – герою Нарджхеу, от тяжести которого даже начинает входить в землю эта скамья) (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 321).

Гиперболизируется в эпосе рождение, рост и подвиги Нарта Сасрыквы. В первый же день своего рождения герой приручает своего богатырского коня Бзоу, к которому не мог подступить ни один из взрослых мужчин (Антология 1958: 33–37; Шинкуба 1959: 95–98). Отсюда и начинаются бесконечные, бескорыстные, направленные на благо людей богатырские деяния Сасрыквы, включая сюда и его культурные подвиги, важнейшим из которых следует считать похищение огня у великана-людоеда (наряду с этим широко распространён сюжет о том, как Сасрыква стрелой сбивает пылающую звезду с неба) (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 137–145; Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 127)¹.

С особой любовью поэтизируется могущество пахаря Бжафа-Бжаза («Полувыхсохший-Полуживой») и его жены, по отношению к которым даже Сасрыква не кто иной, как забава для детей (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 201–206; Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127, д. 176, с. 235–242).

Гиперболизация служит не только целям идеализации и героизации, но она активно применяется для создания образов врагов, наделенных, как правило, огромной физической силой, с которыми, казалось бы, немыслимо вести борьбу, но тем не менее, герой всегда вступает в схватку с ними и одерживает победу. Необузданная, грубая физическая сила и предельная умственная ограниченность всегда контрастируют в образе чудовищ «адауы», с которыми приходится сражаться нартским богатырям. Борьба с «адауы» (великаном-людоедом) осложняется особенно тем, что он (великан) является, как правило, семиголовым, или во всяком случае, семь раз подряд вырастает у него голова, по мере отсечения ее героем. Поэтому его и называют часто не просто «адауы» (великаном), но «адаумыжьха» или «адоумыжьха» (семиглавый великан). В противоположность адауы, нартские герои, особенно Сасрыква, наделяются не одной только физической силой, но в неменьшей степени и высокими интеллектуальными качествами, благодаря которым достается им победа в жарком поединке с врагами.

Поэтический язык нартского эпоса абхазов не отличается вычурностью, помпезностью, внешней красотой. Стиль сказаний

¹ А также тексты сказаний о Сасрыкве, записанные нами от сказителей Кастея Арстаа (село Отхара Гудаутского района), Луки Эмырхуба (село Гуп Очамчырского района) и другие.

характеризуют лаконичность, монументальность, величавость и предельная простота.

Почти обходя стороной портретную характеристику героя, сказители концентрируют все внимание на богатырских деяниях, на действиях персонажей. Это вообще характерная черта фольклорных памятников особенно ярко проявляется в нартском эпосе абхазов. Даже те весьма общие портретные атрибуты, встречающиеся в описании того или иного персонажа, сохраняются лишь благодаря тому, что они несут значительную художественную нагрузку непосредственно в развитии сюжета. Как, например, в сказании о Нарджхеу непременно упоминаются стальные усы героя («Нарджхеу носил стальные усы» (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127, 176, с. 324; Шинкуба 1959: 100)¹ – утверждает эпос). Но усы понадобились сказителям не для украшения героя, а для того, что благодаря им (усам) герой спасается от, казалось бы, неминуемой гибели отравленным вином, погубившим мать и старшего брата нарттов, но не может одолеть героя, проглотившего зелье через густые стальные усы².

В общих чертах рисуют облик героя так называемые постоянные эпитеты, которые большей частью слились уже с именами героев. Причем, это слияние настолько тесно, что некоторые из них не воспринимаются теперь как эпитеты. Например, имя «Хужарпыс» (известный и убыхам герой (Dumézil, Namitok 1955: 36), легко расчленяется на две части «Хуажы» и «арпыс» (юноша, парень) т. е. «Хуажы – молодец», что переводится буквально: «рододендроновый молодец»³.

¹ Текст, записанный нами от сказителя Мыстафы Маметовича Акаба (село Пакуаш, Очамчырского района).

² К сожалению, эта чрезвычайно важная для понимания идейной сущности эпоса деталь почему-то опущена в художественном переводе нартского эпоса, вышедшем под названием «Приключения Нарта Сасрыквы и его 99 братьев» (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962), хотя и в подстрочном переводе сводного текста и во всех народных вариантах мотив угощения гостя отравленным вином непременно наличествует.

³ Хважи (Хэажэы) как название рододендрона, а также в качестве собственного имени мужчины и топонимического названия широко бытует и сегодня как в самой Абхазии, так и на территории Карачаево-Черкесской Автономной области, в районах, где проживают абазины,

Почти то же самое произошло и с эпитетом «Гуашья» («опора», «основа») в имени Сатаней-Гуашья, хотя бывают случаи употребления имени героини без этого эпитета. Постоянным эпитетом с именем Гунда выступает прилагательное «апшза» (апшза – красивая, красавица, прекрасная) – Гунда-пшза (Гунда-красивая, Гунда-красавица, Гунда-прекрасная).

Женскую красоту в нартском эпосе абхазов, так же как и в волшебных сказках, постоянно изображают почти одни и те же устойчивые выражения «без солнца грела, без луны сверкала» (или же «сияет, как солнце, сверкает, как луна») (Шьынқәба 1959: 87 и сл.)¹. Сатаней-Гуашу, вдобавок к этому, называют еще и женщиной «с золотой стопой» («ахьышьаргэйтца») (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127)².

Требуем к себе внимания один, на наш взгляд, очень интересный вопрос в поэтике нартского эпоса. Мы имеем в виду тот факт, что в эпосе, проникнутом от начала до конца духом героизма, слова «ахатца», «ахатца-ихатца», «афырхатца» («герой», «герой из героев», «герой молниеносный, храбрый») в качестве постоянных эпитетов не прикрепляются к именам нартских богатырей, тогда как эти же слова выступают почти единственными эпитетами, характеризующими благодеяния и подвиги героев в более поздних исторических песнях и сказаниях (как, например, Пшькьаҭ-ица Манча-хатца – «Пшкьяча сын Манча-герой», Кьагәа-хатца – «Кягуа-герой», Шарьтхәа-ица Мсоуст ахатца – «Шарьтхуа сын Мсоуст-герой» и многие другие).

Наличие же в некоторых опубликованных текстах (особенно в сказании о гибели Нарта Сасрыквы) указанных эпитетов («ахаца», «афырхаца») следует признать привнесением извне, или, во вся-

---

например, название аулов Старо-Кувинск и Ново-Кувинск (Адыгге-Хабльский район, Карачаево-Черкесской Автономной области) звучит по-абазински Хуаж-ду («Большой Хважи») и Хәажә-хәчы («Малый Хважи»).

¹ В русском переводе сводного текста эта устойчивая формула несколько изменена, как, например, о красоте Сатаней-Гуаши говорится: «Не солнце, а солнечным светом полна, сверкает, хотя не луна» (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 30).

² В русском переводе сводного текста эпитет «ахьышьаргэйтца» – «с золотой стопой», «золотостопная», заменена эпитетом «золотоногая», «золотоногая Сатаней»; см. Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 22, 24, 27 и др.

ком случае, не доведенной еще до конца, позднейшей попыткой самих народных сказителей увязать эпитет с нартами. В самом деле, ни в одном подлинно-народном варианте мы не встречаем факта прикрепления эпитета «герой» к имени какого бы то ни было нартского персонажа. Очевидно, это не случайное явление, и оно должно иметь свое объяснение, тем более, когда в народном представлении героизм, храбрость, бесстрашие являются не иначе, как порождением нартов («Ахатцара нартаа ирхылтцит» – «Геройство – порождение нартов») (Шьынқәба 1959: 130).

Отсутствие интересующих нас терминов в качестве постоянных эпитетов в нартском эпосе следует объяснять, на наш взгляд, самим характером нартского общества. В представлении создателей эпоса, нарты в целом – это героическое племя, и достаточно к имени отдельного представителя данного племени присоединить термин «нарт», как это уже само собой означает «герой». Не случайно ведь повторяются с именами нартских героев и термин «нарт», как, например: Нарт Сасрыква, Нарт Сит, сын Нарта Сита Уахсит, Нарт Кун, Нарт Цвицв и т. д. Дополнительный эпитет со значением «герой» к именам нартских богатырей был бы излишним украшательством. Но, как известно, никакого излишества эпос органически не воспринимает.

Абхазские нартские сказания не очень богаты сравнениями, метафорами и некоторыми другими видами художественных тропов, но отсутствие их несколько не сказывается отрицательно в художественном стиле повествования. Монументальность, эпичность образов достигается не путем прямого или скрытого сравнения описываемых черт, событий с другими явлениями окружающей природы по какой-либо аналогии, а путем непосредственного их отражения (в преувеличенном или приуменьшенном виде), обычно, без какого бы то ни было сравнения, без замены одного зрительного образа другим. Правда, сравнения и метафоры не совсем исключаются из поэтического языка эпических сказаний об абхазских нартах, но они не играют той существенной роли, какая им отводится в других жанрах народной поэзии, особенно в лирической, бытовой поэзии.

Характерной чертой абхазских нартских сказаний, так же, как и для эпического творчества других народов, является наличие в них в изобилии, так называемых, общих мест. К ним относятся, в

основном, словесные формулы, изображающие картину встречи героя с великанами и диалог, которым обмениваются противники.

Момент приближения сидящего на лошади великана к герою сопровождается сильным ураганом, который рушит и ломает все вокруг, но только не может вселить страх в героя. Почуввав опасность, конь великана-чудовища останавливается, как вкопанный, или отпрядывает в сторону. Великан прищипривает коня и, чтоб подбодрить его, произносит такие слова: «Кого же (чего же), ты испугался? У нас нет врага, кроме какого-то (называет обычно Нарта Сасрыкву, Шаруана или кого-то другого), но он еще не родился, если даже родился, то еще не вырос (букв. не созрел), если даже вырос, то как он мог сюда попасть?!».

Эти слова великана герой парирует готовой же формулой: «Такой-то герой (Сасрыква, Шаруан, Уахсит и другие) уже и родился, и вырос, и созрел, и приехал сюда! Я должен покончить с тобой, подойди сюда, если ты герой (букв. “если у тебя лежит сердце” – “агәы узтазар”)».

Начинается поединок, в котором герой, конечно, одерживает победу. Эта сцена иногда три раза повторяется, так как герой борется не с одним великаном, а с тремя братьями-великанами, с которыми он поочередно вступает в сражение, начиная от старшего, кончая младшим, или наоборот.

Такие же словесные формулы имеют место и в эпизодах, описывающих встречу заблаговременно скрытого сестрой нарта-героя со своим зятем – великаном-людоедом, похитившим сестру героя. Возвращаясь домой из странствий, великан обязательно почувствует запах абхаза и обращается к сестре: «Кто тут? Я чую абхазский дух?!».

В отдельных случаях абхазка, жена великана, спрашивает своего мужа, чтоб тот пощадил ее брата, и дело кончается общим пиром. В других же случаях, герой выбегает из укрытия со словами: «Кому же это не нравится, абхазский дух?!», вступает с великаном в поединок, и, победив его, возвращается со своей сестрой домой.

Эти и многие другие общие места нартского эпоса характерны также и для волшебных, героических сказок абхазов.

Что же касается композиции отдельного сказания, то, как правило, она не отличается особой сложностью. Редко, где содержатся все компоненты композиционного строения сюжета, включая сюда

зачин, завязку, кульминацию и развязку. Особый, традиционный зачин («Лакә, лакә, лакә... сышнеуаз акәымкәа...» – букв. «Сказка, сказка, сказка... как я шел...»), или традиционная концовка («И там я был вчера вечером, сегодня уже здесь» или же «И там на пиру меня избрали тамадой и выпил я столько-то стаканов...», или же «Пока я не пойду на море и не доставлю оттуда целое сито воды, до тех пор пусть ни у кого из вас не заболит ни голова ни сердце», и многие другие иногда очень развернутые формулы), характерные для абхазских сказок, не встречаются в нартском эпосе, если не говорить о тех сюжетах нартских сказаний, которые перешли в сказочный жанр.

Поэтому каждое отдельно взятое нартское сказание не представляет собой произведение, очень развернутое по объему, какими представлены многие памятники мирового фольклора, особенно произведения народов Востока, Сибири, Средней Азии (например, «Манас», «Алпамыш» и другие). Предельная сжатость (но не схематичность), динамичность являются определяющими чертами художественной структуры нартского эпоса. Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на необычайные сюжетные разнообразия и богатство, нартские сказания даже в своде не превышают книги среднего объема. Но, как известно, ценность духовного памятника никогда не определялась его размерами. Единственным мерилom в данном случае выступает его идейно-познавательное и художественно-эстетическое значение. Если подходить с этой стороны (да вообще и со всех других сторон), нартский эпос занимает центральное, наиболее значительное место в устно-поэтическом творчестве абхазов. Это, конечно, ни в какой степени не умаляет роль и значение других жанров и других памятников абхазского фольклора.

Эпос об Абрскиле – герое-богоборце

Эпос об Абрскиле – памятник абхазского народного поэтического творчества, отличающийся как высокими идейно-художественными достоинствами, так и глубоким патриотизмом. Он обнаруживает яркое типологическое сходство с кавказскими сказаниями о великанах, прикованных к горам или заточенных в пещеры, и с всемирно-известным греческим мифом о Прометее.

Если до революции на запись и публикацию других памятников народно-поэтического творчества абхазов не уделялось достаточ-

ного внимания, то нельзя этого сказать в отношении эпоса об Абрскиле. В отличие, например, от абхазских нартов, почти не затронутых собиранием, эпос об Абрскиле находит довольно широкое освещение в дореволюционной печати (А.Я. Иоакимов, И. Лихачев, В.Ф. Миллер, В.Д. Гарцкия, Н.С. Джанашиа, В. Гатцук). Но настоящая планомерная работа по собиранию всех вариантов данного сказания была проведена лишь в советское время (Б.В. Шинкуба).

Идейного содержания и художественных особенностей данного сказания касались в своих работах исследователи Х.С. Бгажба, Ш.Д. Инал-ипа, Б.В. Шинкуба. В качестве сравнительного материала абхазский эпос богато использован в капитальном труде проф. М.Я. Чиковани «Амираниани» (грузинский эпос) (Чиковани 1960)¹. Частные вопросы данного памятника, как, например, этимология термина «Абрскил» были предметом исследования акад. Н.Я. Марра.

Приведем краткую сюжетную канву эпоса об Абрскиле.

Жила в старину молодая девушка (по отдельным вариантам – из знатного рода), которая дала богу обет не выходить замуж. Но через определенное время, не имея сношений с мужчиной, она почувствовала зачатие новой жизни во чреве. И родители девушки, предчувствуя вмешательство сверхъестественных сил, не стали ничем упрекать свою дочь. Родился мальчик, который, как и подобает богатырю, рос не по дням, а по часам. Через несколько лет Абрскил превратился в могучего богатыря, великого друга и защитника абхазского народа, в грозный бич всех злых сил, препятствовавших нормальной, мирной жизни народа. Совершив ряд подвигов, Абрскил стал соперничать с богом, говорит эпос. Не стал признавать над собою его власти. Герой объявил себя богом: когда бог напускал гром и молнию, Абрскил, дабы не уступить ему, поспешно взбирался на круп своего араша, крылатого коня, вынимал из огромных ножен сверкающую саблю и, размахивая ею, мчался под небесами, при этом блеск сабли напоминал молнию, а звук от столкновения огромных камней, которыми наполнял мешки из коровьей шкуры (бурдюки) и заблаговременно привязывал к седлу, был подобен грохоту грома. Увидев где-нибудь виноградную лозу, перекинутую между деревьями, под которыми проходит до-

¹ См. также его работы: Прикованный Амирани. Изд. АН ГССР, Тб., 1948 (на груз. яз.), и Грузинский эпос, кн. 1. Изд. АН ГССР, Тб., 1959, (на груз. яз.).

рога, он обязательно перерезал ее, в противном случае пришлось бы ему склонить голову, что бог со своей стороны мог расценить как преклонение перед ним. Абрскил же преклонение перед кем бы то ни было, в том числе и перед богом, считал ниже своего достоинства! Разгневанный бог приказал своим ангелам изловить зазнавшегося героя и заточить его в пещеру, что и было исполнено посланцами бога с помощью злого духа (ведьмы). Эпизоды, связанные с погоней за Абрскилом и его поимкой, являются самыми полными и яркими в эпосе, причем имеются они в нескольких совершенно различных вариантах. По одному из вариантов, араш его споткнулся, наступив на бычачью шкуру, которой были покрыты и вершина горы Ерцаху, и берег морской – излюбленные места отдыха героя. Абрскил не удержался; слетел с коня, упал в теснину и был пойман противниками (Гарцкия 1892; Архив АБИ-ЯЛИ, ф. 2., д. 82, с. 11–12)¹. По второму варианту, дятел продолбил посох – алабашу героя, без которого он не делал ни шагу и который заменял ему коня. Опершись на посох, богатырь прыгает, чтобы спастись от приближающихся врагов, но посох под ним сломался, герой упал и был захвачен в плен. Его завезли в пещеру и приковали к железному столбу (Джанашиа 1898; Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 82, с. 12–13)². По третьему варианту, Абрскил был вызван на состязание в лапту (акьяброу) своими врагами, при этом поле, на котором должна была состояться игра, заранее было ими застлано коровьими и бычьими шкурами наизнанку, обсыпанными просом. Гордый Абрскил не мог из-за опасности отказаться от состязания. Во время игры он споткнулся, упал и был схвачен врагами и заточен в пещеру (Иоакимов 1873). Приковав к железному столбу в Члоуской пещере Абрскила и его коня (араша), бог запретил ему свидание с людьми. Земляки и поклонники Абрскила проникли в пещеру в надежде на возможное спасение своего защитника. Но они не добились своей цели и вернулись обратно. Характерен вопрос, которой задает заточенный герой посетителям: «Растут ли в Абхазии до сих пор папоротники и колючки? Беспокоят ли внешние враги Абхазию? Доят ли коров и коз по несколько раз в день?». Получив

¹ Текст, записанный нами от сказителя Машиша Шамба (село Тхина Очамчирского района).

² Текст, записанный нами от сказителя Салумана Ашуба (село Гуп Очамчирского района).

ответ о неблагополучиях его родины, герой впадает в отчаяние и в бешенстве угрожает врагам, еще усерднее рвет цепи, шатает столб, к которому привязан, но тщетны его попытки: не суждено титану освободиться. Так и по сей день томится герой в заточении.

Лишь в отдельных вариантах, в очень редких случаях встречается мотив гибели героя и его араша или же выхода из пещеры и удаления его в горы вследствие ослепления от внезапного, дневного света. Как правило, во всех основных вариантах эпоса герой прикован, терзается, но не погибает и не соглашается с мыслью о безвыходности своего положения. Он постоянно действует, будучи уверенным в конечной своей победе.

Сравнительный анализ вариантов показывает, что не все эпизоды и не все мотивы сказания одинаково устойчивы. Многие из них глубоко разработаны и постоянно повторяются во всех вариантах, а отдельные же сюжетные мотивы менее устойчивы, они легко опускаются в вариантах.

Выше говорили, что сказание об Абрскиле не представляет собой непрерывающегося эпического повествования о герое, начиная от его рождения до заточения в пещеру, а состоит из отдельных фрагментов, освещающих определенные эпизоды из жизни героя. В памяти народа должны были сохраниться самые яркие, самые значительные, на его взгляд, моменты, которые должны раскрыть основные черты героя.

Какие же это эпизоды?

Самый яркий сюжетный эпизод, который в той или иной степени сохранился во всех вариантах сказания – это сцена, посвященная погоне ангелов за Абрскилом, его поимке и заточению в пещеру.

Менее устойчив, но нередко встречается мотив чудесного рождения Абрскила от непорочной девы, а также эпизод, повествующий о неудачной попытке земляков (иногда сородичей) освободить героя из заточения.

Мотивы же непослушания Богу, борьбы героя с различного рода враждебными силами (за исключением убийства им злого великана-адауы) не развиваются в виде сюжетного фабульного повествования, а лишь сообщается о них вне событийного развития действия. Несмотря на то, что эти мотивы не материализованы в сюжетное повествование, они прочно и неизменно сопутствуют сказанию и тем самым дают основание предполагать, что они

были древними, исконными, а не наносными, поздними, и, возможно, некогда – сюжетными, событийными эпизодами.

Чудесное рождение героя – характерная черта не только для эпоса об Абрскиле, но и для нартского эпоса (например, рождение Сасрыквы) и для сказочного эпоса. В эпосе об Абрскиле, в тех вариантах, где этот мотив разработан, герой рождается обычно от незамужней, непорочной девы, не без вмешательства сверхъестественных сил. Необычайностью рождения предreshена и необычайная судьба героя, все его подвиги, его богатырская мощь, его борьба с небожителями и, наконец, его бессмертие, так как без такой художественной мотивировки невозможно было бы поверить в достоверность образа, в его реальность. Эпос об Абрскиле, да и вообще любой героический эпос, тем особенно дорог для народа, что он, народ, верит в его реальность, в реальное существование своих любимых богатырей, в то время как в героических сказках, при внешне сходных обстоятельствах, народ спокоен за судьбу героя, так как уверен в успешном исходе борьбы, в выходе героя волшебной сказки победителем из любого переплетения событий, поскольку волшебная сказка – это художественный вымысел, не имеющий своей основой реальные события, а героический эпос, в понимании народа, основан на реальных фактах.

В записанном нами в Карачаево-Черкессии абазинском варианте сказания об Арамхуте (двойнике абхазского Абрскила и мегрельского Арам-Хуту), в отличие от всех других вариантов, герой рождается от женщины Марджанат, проводшей ночь у подножья каменных статуй, представляющих собой Арчхоу и Чархан, превращенных богом в камень¹.

Мотив рождения героя, в котором существенную роль сыграл камень, сближает его с героем нартского эпоса. Является ли этот мотив изначальным или же он заимствован позже от нартского эпоса, требует дополнительного исследования. В результате, возможно выявится и генетическая связь между нартским эпосом и героическим эпосом типа Абрскила.

Многие мотивы эпоса, указывающие на героические деяния богатыря, не нашли сюжетного воплощения. Сказители просто сооб-

¹ Текст, записанный нами 11.07.1961 года в ауле Старо-Кувинск, Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской Автономной области от сказителя Батырбея Муталиба.

щают, что Абрскил защищал свой народ от иноземных врагов, что он ненавидел отдельные роды (Эшба и Кацба) и т. д., но конкретно как происходила эта борьба, как протекали события – этого мы не видим в эпосе. Исключение составляет только лишь эпизод, в котором рассказывается об убийстве Абрскилом злого великана-адауы, намеревавшегося погубить род человеческий.

В образе Абрскила трудовой народ воплотил свой идеал героя. Идеал этот претерпевал определенные изменения в связи с изменениями в общественной жизни. Первоначально, на заре формирования эпоса, Абрскил выступал, по-видимому, преимущественно как борец против враждебных сил природы. Поэтому в нем налицо отдельные черты культурного героя, приносящего людям знания и прививающего им навыки пользоваться благами природы. Мифологические элементы, ярко выступающие в эпосе, как, например, полубожественное происхождение героя, извержение грома и молнии героем и т. п., свидетельствуют также о глубокой древности эпоса об Абрскиле и его мифологической подоснове.

В возникновении и развитии героического эпоса на раннем этапе развития человечества важную роль сыграли, наряду с общественными, также и мифологические элементы, так как в ту отдаленную эпоху основными силами, против которых первобытным людям приходилось вести борьбу в целях самосохранения, были силы природы, а всякая мифология, по словам К. Маркса, «преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы» (Маркс 1951).

В эпосе об Абрскиле проступают отдельные черты матриархата (например, мотив непорочного зачатия или партеногенеза, т. е. рождение от девушки, не имевшей мужа), но они здесь не находят такого классического отражения, какое мы наблюдаем в нартском эпосе.

Не случайно, на наш взгляд, сохранилась в эпосе об Абрскиле в качестве центрального эпизода погоня за героем, его поимка и заточение. Все остальные сюжетные эпизоды, встречающиеся в аналогичных сказаниях о великанах, прикованных к горам, как, например, в грузинском Амирани, в осетинском Амране, в армянском Мгере и другие, в абхазском эпосе или опущены, или же не оформлены в фабульное, событийное повествование. Причину такого композиционного строения эпоса следует искать в особенно-

стях общественной функции фольклорных материалов. Эпический памятник народно-поэтического творчества, в отличие, скажем, от сказки, не может, на наш взгляд, дублировать функцию, выполняемую другим памятником народной поэзии. Мотивы чудесного рождения, героических подвигов, особенно мотив добывания огня, подробно разработаны в нартском эпосе абхазов. Поэтому не было необходимости дублирования их в эпосе об Абрскиле.

Сказание об Абрскиле как бы продолжает нартский эпос, являясь его заключительным этапом. Мотив богоборчества и особенно мотив наказания за гордыню, которые непосредственно не отразились в нартском эпосе абхазов, но довольно развиты в осетинских и отчасти адыгских циклах более позднего образования (особенно в цикле сказаний о Батрадзе), предельно ярко разработаны в эпосе об Абрскиле. Сказание об Абрскиле выступает как бы связующим звеном между двумя разновидностями эпического творчества кавказских народов: с одной стороны, всем своим внутренним строем, идейным содержанием оно предстает перед нами как дальнейшее развитие нартского эпоса, с другой стороны, оно неразрывно связано с циклом кавказских преданий о великанах, прикованных к горам или заточенных в пещеры, к героям типа грузинского Амирани и греческого Прометея.

Основным художественным приемом раскрытия образа, так же, как и в нартском эпосе, является гипербола. Абрскилу, как герою необыкновенному, не рядовому, свойственны и черты, монументальности, грандиозности. Отказываясь от внешней портретной характеристики, народ характеризует своего героя посредством раскрытия его подвигов, его героических деяний, причем эти подвиги явно недоступны простому смертному, как, например, поднятие стопудового камня на вершину горы, извержение грома и молнии посредством меча и валунов, прыжки с набережной на вершину горы Ерцаху и обратно, совершаемые героем на араше или же с помощью посоха – алабашья. Гиперболически изображены здесь физическая сила героя и его поступки. Герой древних времен, когда ещё слабо были развиты орудия труда, должен был обладать прежде всего неимоверной физической силой. Ценность члена общества определялась прежде всего его физической мощью, так необходимой в борьбе с окружающей природой и с враждебными общественными силами. Полет на араше или прыжок с помощью

посоха указывает на мечты народа о средствах легкого преодоления больших расстояний и труднодоступных мест в горах.

Основными помощниками героя выступают крылатый араш и посох – алабашья. С алабашой герой не расстанется даже и тогда, когда он мчится на араше. Посох служит герою не только средством передвижения, но иногда, по отдельным вариантам, он выступает как боевое оружие в руках героя. Этим посохом уничтожаются все те, которые утвердительно отвечают Абрскилу на его неизменный вопрос: «Есть ли Бог на свете?»¹.

Хотя, в отличие от волшебной сказки, в героическом эпосе герой характеризуется большей активностью в борьбе с противниками, он все-таки не может рассчитывать на одну только свою силу и непременно нуждается в помощниках. Герой бессилен без своих помощников. Стоило только врагам лишить Абрскила активной помощи со стороны араша (или посоха), как герой неминуемо терпит поражение.

В данном случае опять-таки сказывается представление народа об идеале героя и героизме. Придавая основное значение физической силе, древний человек не умалял роль помощников, будь это оружие или боевой конь героя. Без богатырского коня, без богатырского меча нет и самого богатыря.

В комплексе всех черт, характеризующих идеального героя, определяющей следует считать направленность, цель его борьбы. Любовь трудового народа к Абрскилу объясняется прежде всего тем, что он (трудовой народ) имеет в лице героя своего неизменного друга и защитника от любых врагов («Во времена Абрскила у врагов Абхазии мечи ржавели в ножнах»), а также уничтожал злые силы природы, препятствовавшие нормальному развитию земледелия (папоротник, колючки и другие сорняки).

Народ воплотил в образе Абрскила свои мечты о свободе и справедливости. Абрскил символизирует собой правду жизни, идеальную справедливость к которой в продолжение всей своей истории стремился трудовой народ. Уже в период развитого классового общества, когда в стране утверждается классовое и национальное угнетение, возникают новые мотивы в эпосе об Абрскиле, а именно, противопоставление нового времени с периодом богатырских

¹ Вариант сказания об Абрскиле, записанный нами в селе Атара Очамчырского района от Гуаджа Адлейба 1958 году.

благодетелей Абрскила. Но под выражением «во времена Абрскила процветала Абхазия» должна подразумеваться не идеализация ушедших (первобытнообщинных) форм общественных отношений, а созданный народной фантазией идеальный эпический мир, в котором господствует созидательный труд и, неразрывно связанные с ним, материальные и духовные богатства.

Известно, что переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу в истории развития человечества был прогрессивным явлением и совершался он по объективным законам развития общества. Но не следует забывать и того, что с появлением классового общества были грубо попорчены такие понятия, как свобода, равенство, справедливость и т. п. Народные массы не могли не воспрепятствовать решению бога (ведь в понимании древних людей ничего не могло быть без ведома сверхъестественного существа), тем более если учитывать, что эпос об Абрскиле окончательно оформился в период, когда уже в народе укрепилось сознание об единобожии или, как называют, о монотеизме. Но они так и не находят ответа на вопрос: «Где же справедливость?». Абрскил заключается в пещеру и приковывается к железному столбу.

Но трудящиеся массы не хотят расстаться со своей мечтой о свободе. Этим и мотивируется бессмертие прикованного Абрскила. Ни сам Абрскил, ни трудовой народ не примирились с незаслуженной участью героя. Абрскил и день и ночь шатает столб, к которому привязан, и готов вот-вот вырвать его, но злые силы препятствуют ему осуществить свое намерение. В последний момент, когда герой непосредственно близок к цели, прилетает подосланная неведомой силой пестрая птичка-трясогузка и садится на столб. Абрскил, выведенный из терпения тяжким мучением, хватается за молот и размахивается во всю силу, чтобы попасть в птичку, но птичка мгновенно исчезает, молот попадает в столб и загоняет его вдвое глубже прежнего.

Трудовой народ не пассивен, он борется за свое освобождение, за восстановление справедливости на земле. Неслучайным следует считать в эпосе мотив выступления поклонников Абрскила против решения бога. Этот мотив наличествует почти во всех вариантах сказания. Люди принимают попытки к освобождению прикованного богом героя. Здесь символически изображена борьба народа за торжество идей свободы и справедливости. Бессилие народа,

выражающееся в неумении поклонников Абрскила приблизиться к прикованному герою и освободить его, нельзя расценивать как безысходный пессимизм, чуждый вообще для народно-поэтического творчества в целом. Мотив выступления народа за освобождение героя и их отступление, их временное поражение, если можно так выразиться, художественно правдиво отражает исторический путь развития нашего народа. На протяжении всей своей истории трудовой народ вел борьбу за свободу, но никогда, в условиях эксплуататорского классового общества, он не добивался своей цели – создания общества без эксплуатации, по принципу всеобщего равенства, свободы и братства, вплоть до установления Советской власти в Абхазии. Поэтому и не освобождал народ своего любимого героя из заключения: преждевременное освобождение было бы антихудожественно, противоречило бы основной идейной сущности эпоса об Абрскиле. В этом аспекте следует понимать и слова Абрскила, обращенные к людям, попытавшимся освободить его: «Нам не суждено увидеть в глаза друг друга. Насколько вы будете приближаться ко мне, настолько меня отводит дальше». В данном случае мы имеем дело не с народным пессимизмом, а с изображением в художественной форме всех тех трудностей, которые представляет собой борьба за свободу, за счастье.

Оптимизм эпоса заключается в пафосе борьбы, которым проникнуто сказание об Абрскиле от начала до конца. Конкретное свое выражение этот оптимизм находит в мотивах бессмертия героя, его необычайной активности, его неугасимой надежды на освобождение.

Правда, в отдельных случаях, в определенных, видимо, враждебных народным массам, или же отчаявшихся, отрешившихся от классовой борьбы кругах возникали мотивы пессимистического характера; как, например, по отдельным вариантам сказания, герой уже погиб, или же ослеп и удалился в горы и т. п. (Бгажба 1958: 192). Однако эти мотивы очень редко встречаются, не популярны среди широких масс трудового народа.

Следует специально остановиться на вопросе отрицательного влияния официальной государственной религии (христианской, а затем и мусульманской) на развитие народно-поэтического творчества в целом и эпоса об Абрскиле в частности.

Мы говорили выше, что отношение создателей эпоса об Абрскиле к своему герою во всех основных вариантах положительное.

Герой выводится как защитник народных масс, он борется за справедливость, за народное счастье. Но встречаются варианты, где отношение к герою, несмотря на его отдельные подвиги на благо народа, отрицательное. В этих вариантах осуждается выступление Абрскила против бога, против несправедливости¹. Богоборческие мотивы особо притуплены и резко осуждаются в типологически сходном с Абрскилом сказании аджарских абхазов о Мемруте². Мемрут, герой необычайной силы, возгордившись, объявил себя вторым богом, и потребовал, чтобы люди подчинялись ему, а не аллаху. Он даже принимает вызов аллаха на поединок. Но не сам аллах, а лишь комары, которых напустил на войско Мемрута не-божитель, уничтожили всех соратников богоборца, а что касается самого Мемрута, то с ним очень легко справился самый чахлый из комаров, который отстал от других в пути.

В данном случае мы сталкиваемся с фактом влияния реакционной мусульманской религии на народное творчество. То же самое следует сказать об убыхском варианте сказания о прикованном великане, записанном в Турции французским ученым Ж. Дюмезилем и природным убыхом А. Намитоком (Dumézil, Namitok 1955: 30–38). По убыхскому варианту народ боится освобождения прикованного героя и принимает все меры к тому, чтобы ему не удалось вырваться из заточения. Аналогичный вариант записан нами и в Гудаутском районе Абхазии³, в котором прикованный герой просит принести, как и убыхский великан, кизилловые крючки, но вместо кизилловых ему подают ольховые (в убыхском – никаких крючков ему не приносят, чтобы не удалось ему вырваться и уничтожить род людской).

По некоторым вариантам сказания об Абрскиле видно стремление служителей христианской церкви сделать из Абрскила святого, послушного богу ангела⁴.

¹ Текст сказания об Абрскиле, записанный нами в селе Атара Очамчирского района в 1958 году от Гуаджа Адлейба.

² Текст сказания о Мемруте, записанный нами в феврале 1961 года в г. Батуми от сказителя Мурата Ацанба, 67 лет.

³ Текст сказания о Жакъа-ду записан нами в селе Дурипш Гудаутского района от сказителя Маадана Саканиа в 1957 году.

⁴ Текст, записанный нами от Гуаджа Адлейба 1958 году.

Могучая сила христианской религии подчеркнута также в мегрельских вариантах сказания об Арам-Хуту, где героя, с которым не смог справиться целый народ, легко осилили Джварские святыни (Кипшидзе 1914: 326; Цагарели 1880: 70–73).

К вопросу об этимологии термина «Абрскил» не раз обращались ученые. Акад. Н.Я. Марр, указывая на родство всех великанов прометеева типа, прикованных к горам у различных народов Кавказа, отмечал, что основа имени героя у этих народов восходит к абхазскому названию Солнца «Амра» (или амыр, как выступает в сложных словах). В слове Абрскил он выделяет два элемента: Абыр – амыр – солнце (небо) и скил (скир) – сын (мегр.-чанск.), Абрскил – сын солнца (солнышко) (Марр 1937: 75).

Проф. М.Я. Чиковани выдвигает гипотезу, по которой первая часть термина – «Абрскил» – Абр может восходить не к мифическому названию «Амра» – солнце, а к имени одного из героев сказания об Амиране – Амбри. Следовательно, термин Абрскил должен расшифровываться не как солнце, а как «сын Амбри» (Чиковани 1960: 33).

Выше мы говорили, исходя из абазинского варианта сказания об Арамхуте, о возможной генетической связи Абрскила с нартами. Если это подтвердится, то первая, неподдающаяся расшифровке часть термина «Абрскил» – «абр» (амр), можно было бы возводить к названию «абра-камня», ярко фигурирующего в нартском эпосе адыгов.

В заключение хочется отметить, что ни в одном из известных нам вариантов кавказских преданий о великанах, прикованных к горам, нет такой детальной, высокохудожественной разработки эпизода, посвященного погоне за героем и его заточению, как в абхазском эпосе об Абрскиле.

1962

1.2. ВЕЧНО ЖИВОЕ ТВОРЕНИЕ

Героический эпос абхазов представлен множеством памятников. Но среди них своей монументальностью, совершенством, глубокой разработкой образов выделяется нартский эпос. Этот выдающийся памятник мирового фольклора не представляет собой исключительной принадлежности абхазов: он широко бытует у многих народов Северного Кавказа, особенно у адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) и осетин. Вопрос об общем и своеобразно национальном в эпосе этих народов представляет собой исключительный интерес. Он ставился и разрабатывался во многих специальных работах, но и сейчас в нем еще много неясного, загадочного. Для того, чтобы разрешить все проблемы, связанные с многонациональным нартским эпосом, необходимы глубокое изучение и сличение всех национальных версий, и прежде всего сбор и публикация самого материала. Осетинские и адыгейские сказания о нартах еще со второй половины XIX века привлекали внимание. Они записывались, публиковались, переводились на русский и европейские языки, были предметом исследования крупных ученых-фольклористов. Что же касается абхазских сказаний о нартах, то почти ни одно из них не было опубликовано до Советской власти, если не считать один сюжет религиозно-обрядового характера, опубликованный Н.С. Джанашиа в журнале «Христианский восток» (Джанашиа 1917).

В послевоенные годы Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР развернул большую работу по сбору материалов нартского эпоса. Кандидаты филологических наук К.С. Шакрыл и Б.В. Шинкуба и кандидат исторических наук Ш.Д. Инал-ипа на основании народных вариантов составили сводный текст нартского эпоса и подготовили его к печати на абхазском и русском языках. Часть текстов (поэтические варианты) в переводе С.И. Липкина была включена в сборник «Абхазские сказания», составленный Б.В. Шинкуба и вышедший в прошлом году в Абхазском государственном издательстве под редакцией Х.С. Бражба (Шинкуба 1961). Полностью же сводный текст в переводе Г.Д. Гулиа

(проза) и С.И. Липкина (поэзия) вышел в Москве, в Госиздате художественной литературы в текущем году (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962). Книга издана массовым тиражом, технически она безупречна, художественное оформление прекрасное (художник А.И. Белюкин). Сводному тексту «Приключения Нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев» предпослано краткое предисловие Ш.Д. Инал-ипа. К сожалению, в эту содержательную статью вкралась досадная опечатка: в ней, в частности, говорится, будто абхазцы на исходе VIII века до н. э. создали государство, известное в истории под названием Абхазское царство, тогда как такое царство образовалось на исходе VIII века н. э.

Сразу же заметим, что составление сводного текста и художественный перевод произведений устной поэзии с одного языка на другой не отвечают требованиям научной публикации фольклорных памятников. С этой точки зрения названное издание, как и предшествовавшие ему издания сводных текстов кабардинского и осетинского нартского эпоса, не может удовлетворять исследователей народно-поэтического творчества. Но оно и не преследовало такой цели. Его назначение – ознакомление широких читательских кругов с богатым поэтическим наследием абхазского народа.

Вопрос датировки фольклорных памятников – чрезвычайно сложный, так как та или иная песня, легенда, сказание или сказка в своей окончательной редакции сложилась не в какой-то определенный год или даже десятилетие – это длительный процесс, продолжающийся столетиями и тысячелетиями. Нартский эпос многостадиялен, многослоен. В нем отразились все основные этапы развития нашего народа с древнейших времен.

Исходя из конкретного анализа сюжетов и мотивов нартских сказаний, можно смело утверждать, что первоначальное ядро данного эпоса – более архаическое, и центральные образы его отражают эпоху первобытнообщинного строя. В абхазских версиях, как отмечают многие исследователи, сохранились наиболее древние пласты многонационального нартского эпоса. Подчеркнутая идеализация роли женщины в хозяйственном и духовном быте, отсутствие в первичных ядрах сказаний о Сатаней-Гуаше и Сасрыкве каких-нибудь прочных брачных союзов, вхождение древнейших героев эпоса в семейство нартов по материнской линии и многие

другие исконные мотивы эпоса могли быть порождены лишь в пору матриархальных общественных отношений.

Образ богатырской девы, восходящий к бытовым отношениям матриархата, широко распространен в мировом эпосе, но подыскать прямые параллели к образу Сатаней-Гуаша в эпосе других народов невозможно, как это отметил советский исследователь Е.М. Мелетинский. Сатаней-Гуаша играет исключительно большую роль не только в абхазском эпосе, но и в адыгских и осетинских сказаниях. Однако следует признать, что в эпосе северокавказских народов, особенно осетин, несмотря на почет и уважение, которых удостоена эта уникальная фигура, она все-таки ограничена в своих правах мужским советом; она является скорее мудрой советчицей и дальновидной экономкой, но не главой семейства, тогда как в абхазских сказаниях Сатаней-Гуаша не только не ограничена в своих действиях, но никто и не посмеет ее упрекнуть в чем-либо. Она выступает здесь как родоначальница и глава большого семейства, состоящего не иначе, как из ста братьев и одной сестры – родных ее сыновей и дочери. Никакого мужского совета или другой формы общественной организации, решениям которых подчинялась бы Сатаней-Гуаша, мы не видим в абхазском эпосе. Она всегда самостоятельна, всегда права в своих решениях, вечно молода и нежно заботлива по отношению к своим сыновьям и дочери. Кроме того, Сатаней-Гуаша еще и чародейка, прорицательница. Она всегда чувствует сердцем, когда ее любимый сын Сасрыква в опасности, и выручает его из беды.

Отдельные исследователи (Ж. Дюмезиль, В.И. Абаев) трактуют образ Сатаней-Гуаша как мифическое божество плодородия, которое впоследствии, в ходе развития эпоса, было принижено, приземлено. Другие же (как, например, Е.М. Мелетинский) не без основания рассматривают этот образ в реально-бытовом плане, именно как мать семейства, как идеальную женщину эпохи матриархата, как предшественницу мифических образов, а не наоборот.

Главный герой нартского эпоса абхазов – Сасрыква. Вся жизнь героя, рожденного из камня, буквально со дня появления на свет до трагической гибели, состояла из непрерывной цепи богатырских подвигов. Подвиги эти не преследуют корыстных целей, а совершаются на благо народа. В цикле Сасрыквы, опять-таки в более архаических частях сказаний, главными противниками героя вы-

водятся всевозможные чудовища – такие, как дракон, семиглавый адауы (великан), которые олицетворяют собой злые силы природы. В борьбе с чудовищами героя выручает иногда не столько его физическая сила, сколько ум, смекалка. Верными помощниками героя выступают охотничья собака и богатырский конь Бзоу.

Заслуживает особого внимания натянутость отношений между Сасрыквой и его братьями, которые не признают его за родного; постоянная вражда завершается гибелью Сасрыквы. В этом учеными усматривается борьба между двумя стадиями первобытнообщинного строя и окончательная победа патриархата над матриархатом.

В образе Сасрыквы отчетливо выступают черты героя – первооткрывателя тайн природы, от которого люди научились разным ремеслам. Об этом же свидетельствует также целый ряд этиологических преданий о свойствах и внешних приметах различных животных и растений, вызванных благословением или проклятием Сасрыквы. Черты Сасрыквы сближают его с Прометеем. Но нельзя не заметить при этом и большой разницы между этими образами. Классический подвиг Прометей – похищение огня – проходит несколько стадий в своем развитии. Первой и наиболее древней стадией следует считать похищение огня не у небожителей, а у хозяина, или покровителя огня, обитающего на земле, как это имеет место в первобытном мифе (похищение нартом Сасрыквой огня у великана). С образованием языческого божественного пантеона огонь переносится на небо и похищается оттуда героем (в греческом мифе о Прометее). Впоследствии же небесный огонь может трансформироваться в образ небесной девы, которую похищает эпический герой (например, Камар в грузинском эпосе об Амирани). Мотив наказания героя за богоборчество в абхазском фольклоре разрабатывается в другом сказании – в эпосе об Абрскиле.

Другими наиболее выдающимися образами нартского эпоса абхазцев являются Нарджхеу, Цвицв (по прозвищу «Получерный-Полуседой»), Кятван, нартский кузнец Айнар, Хуажарпыс и другие. Среди женских образов кроме Сатаней-Гуаши, можно указать на красавицу Гунду. Крутым нравом и неукротимой волей отличается дочь ацанов (карликов), невестка нартов Зылха, мать непобедимого героя Цвицва.

Было бы глубоко неверно представлять себе, будто нартский эпос абхазцев отражает лишь эпоху родового строя. Несомненно,

основные сюжеты и главные мотивы эпоса уводят именно к той эпохе, но есть и сюжеты, отражающие эпоху перехода от бесклассового общества к классовому, а также и более поздние периоды развития общества.

В нартском эпосе, формировавшемся в течение тысячелетий, ярко отразилось представление масс об идеале героя. Истинным героем признается и воспевается защитник народа. Герой не должен преследовать корыстных целей и кичиться своим могуществом. Возгордившегося героя народ беспощадно одергивает, будь это даже самый любимый богатырь, и своевременно поправляет его. Так случилось и с Сасрыквой, которого запросто одолел простой пахарь. В образе же пахаря создатели эпоса воспели могучую животворную силу труженика-хлебопашца.

В заключение хочется отметить, что выход в Москве сводного текста абхазского нартского эпоса является большим событием в жизни абхазского народа, в истории его национальной культуры. Несомненно, широкие читательские круги с благодарностью к составителям, переводчикам и издателям, а главное – с искренней любовью и признательностью к его безымянным творцам ознакомятся с древним, но вечно живым и неугасаемым героическим эпосом.

1.3. О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВАХ АБХАЗСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

Богатое идейно-тематическое содержание нартского эпоса абхазов находит соответствующую форму поэтического выражения. Средства и приемы поэтического изображения в устном и профессиональном поэтическом творчестве разных народов имеют много общих черт. В этом отношении весьма интересно наблюдение академика В.В. Виноградова над природой поэтической речи: «Средства поэтического изображения могут повторяться, однородно комбинироваться возобновляться в разные эпохи, в разных литературах. С этой точки зрения всю совокупность таких форм или средств изображения в разных литературах мира можно условно признать за поэтический язык. Вместе с тем общие структурные признаки поэтической речи могут осложняться историческими и национально-специфическими оттенками и модификациями» (Виноградов 1963: 132).

Абхазское народное творчество не составляет исключения из этой общей закономерности. Абхазское фольклорное мышление, обнаруживая множество сходных черт с другими народами в основных принципах изображения окружающей действительности, в то же время характеризуется национально-специфическими особенностями, своеобразным поэтическим видением мира, которое отчетливо проявляется как в других элементах, так и в художественной речи.

Поэтический стиль нартских сказаний отличается монументальностью, величавостью, с одной стороны, и лаконичностью, и предельной простотой – с другой. Ему чужды вычурность, помпезность, внешняя красота, цель которых ошеломить незадачливого слушателя (или читателя) своей необычностью, нарочитой усложненностью. Здесь все предельно сжато, четко, ясно.

Важнейшим поэтическим средством создания монументального образа героя в нартском эпосе служит гипербола. Причем художественному преувеличению подвергается не только герой, но и все его окружение. На эту особенность абхазских сказаний впер-

вые обратил внимание проф. Ш.Д. Инал-ипа: «Гиперболизация в эпосе носит почти универсальный характер, – пишет он. – Преувеличивается буквально все: рост, сила людей, их выносливость, вооружение и кони, масштабы боевых схваток, размеры жилья и хозяйственных построек, объем пищи, питья; в эпосе нет даже домашней утвари обычных, скромных размеров» (Инал-ипа 1958: 276).

Гипербола играет ведущую роль при создании образов Сасрыквы, Цвицва, Нарджхеу и других богатырей, а также матери нартвов Сатаней-Гуаши. В первый же день своего рождения Сасрыква приручает богатырского коня Бзоу, к которому не смог даже близко подпустить ни один из нартских героев. С этого дня и начинается цепь его богатырских подвигов, важнейшим из которых справедливо признается исследователями похищение огня у великана-людоеда (Инал-ипа 1949; 1957; Мелетинский 1957б; 1963; Аншба 1968; 1970).

Правда, в отдельных случаях, когда и огромная физическая сила богатыря оказывалась недостаточной, чтобы победить врага, Сасрыкве (чаще всего по совету Сатаней-Гуаши) приходилось обращаться и к другим приемам борьбы, не совсем, быть может, приемлемым с точки зрения средневекового рыцарства, но вполне оправданным в те отдаленные времена, а именно – к хитрости и даже обману. Именно таким путем он побеждает великана-хранителя огня и Алтара Талумбака (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 136–145, 194–200). Эти черты присущи Сасрыкве не только в абхазской, но и в северокавказских версиях эпоса (Нарты 1951: 76–88, 99–117; Либединский 1960: 113–115, 136–144). В этом, по-видимому, сказывается роль магии в жизни первобытного коллектива.

Для Цвицва (по прозвищу Получерный-Полуседой) и Нарджхеу – героев более поздних эпох, отражающих новые общественные отношения, физическая сила становится единственным источником могущества и непобедимости. Цвицв, напоминая своими основными чертами осетинского Батрадза и адыгского Патараза (и частично Бодыноко) (Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 292–297; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 228–231; Либединский 1960: 246–247).

Еще В.Г. Белинский обратил внимание на то, что в эпосе сказители приписывают одному герою, богатырю, подвиг, который мог быть совершен и действительно совершался усилиями целого коллектива (войска или даже целого народа): «Народная фантазия,

– писал В.Г. Белинский, – в союзе с преданием создала могучего богатыря, в мифическом образе которого видится образ самого народа» (Белинский 1953: 345).

Гиперболизм в обрисовке Цвицва проявляется еще и в том, что только лишь ему одному дано правдивой речью о совершенных подвигах бурно вскипятить вино в огромном нартском кувшине Вадзамакиате (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 222–227 и др.). В осетинском же эпосе к губам героя, совершившего наибольшее количество подвигов, чудесная чаша Уацамонга сама поднимается (Либединский 1960: 247–249).

Неимоверно преувеличены сила и мощь богатыря Нарджхеу. Он выигрывает без усилия все виды состязаний, какие ему предлагают нарты. Сто братьев-нартов не только не могут победить могучего богатыря, но им даже не удается оказать герою более или менее значительное сопротивление. Вот как дано описание приезда Нарджхеу к нартам:

«И вскоре оттуда, где восходит солнце, послышалось громоподобное громыхание копыт. Это Нарджхеу направил своего коня прямо на ворота. Конь с разбегу ударил своей грудью, похожей на скалу, по воротам и свалил их, подмяв трех нартов!

– Добрый день, великие нарты! – воскликнул Нарджхеу, прыгивая с коня.

Нарты молчали, им не понравилось такое вторжение.

– Нравлюсь я вам, или нет, – сказал Нарджхеу, – но вот пришел к вам в гости!

С большой неохотой, но все же приняли нарты коня Нарджхеу и привязали к железной коновязи. Конь тотчас же принялся ее грызть и вскоре вогнал глубоко в землю. А затем мотнул головой, да так, что вырвал коновязь из земли и отбросил ее далеко в сторону. И с тревожным ржанием, изрыгая огонь, понесся по широкому нартскому двору. Это тоже не очень понравилось нартам.

– Нарты, – обратился Нарджхеу к братьям, среди которых неоставало Сасрыквы и тех, которые лежали под опрокинутыми воротами, – я приехал сватать вашу сестру, хочу породниться с вами.

Такая прямота пришлась нартам не по душе.

– Садись, поговорим, – сказали нарты и подали гостю скамью. Присел гость на скамью, а она всеми ножками ушла в землю.

– Я постою, – сказал Нарджхеу.

Он подал свои доспехи и оружие братьям, и те повесили доспехи и оружие на железный шест, врытый в землю. Но под тяжестью бранных доспехов и оружия шест ушел в землю.

– Ну что ж, – сказал гость, – я это улажу сам.

Нарджхеу вооружился, вскочил на коня и стеганул его плетью так, что искры посыпались.

Не успели братья глазом моргнуть, а герой Нарджхеу уже летел к хрустальной башне, выхватил Гунду Прекрасную, стоявшую у окошка, и вмиг очутился на широком поле. И помчался он к себе, в свои горы, туда, где восходит солнце» (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 268–269).

Здесь, как видно, все непомерно преувеличено: громыхание копыт коня подобно грому, а грудь коня героя напоминает скалу, от тяжести богатыря знаменитая нартская скамья, на которую разом садились все сто братьев-нартов, и которая запросто выдерживала их, вдруг всеми ножками ушла в землю, от тяжести же бранных доспехов Нарджхеу железный шест уходит в землю, а ведь это шест, на который вешали свои доспехи и оружие все сто братьев-нартов.

Словом, все здесь подчеркнуто гиперболизировано и делается это не случайно, а вполне осознанно, чтобы резко оттенить образ героя от его окружения и идеализировать его: герой один, но он своим могуществом превосходит целую сотню таких известных богатырей, как нарты.

Функции гиперболы как средство поэтизации и идеализации особенно рельефно выступают в сказании о Полувыхошем-Полуживом пахаре (Бжафа – Бжаза) (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 201–206; Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126–127, 176, с. 235–241)¹. Для пахаря-великана и его жены даже такой прославленный богатырь, каким был Сасрыква, не кто иной, как забавная детская игрушка.

Совершив целый ряд поистине героических подвигов и заслужив тем самым всенародное признание и любовь, Сасрыква, однако, возгордился и не стал признавать никого равным себе на земле, о превосходящем же его в силе он и слышать не мог. Выведенная из терпения кичливостью сына, Сатаней-Гуаша как-то задела самолюбие Сасрыквы, сообщив ему, что есть на земле человек, который

¹ Текст, записанный нами от сказителя Кастея Арстаа (село Отхара Гудаутского района, 16.07.1958 года).

своей физической силой во много раз превосходит его. Сасрыква седлает своего крылатого араша Бзоу и немедленно отправляется к новоявленному герою, чтобы помериться с ним силами.

Пахарь-калека даже не стал обращать внимания на подскочившего к нему нарта, а накрыл его пластом земли, вывороченным лемехом плуга, и продолжал спокойно пахать (в других вариантах пахарь сажает Сасрыкву с конем в свой карман, а иногда даже в дупло зуба). Затем жена пахаря сажает Сасрыкву с конем в плетеную корзину (или деревянный таз) и несет домой, поставив корзину на голову. По дороге герою удастся сбежать, однако его легко ловят и возвращают обратно. Затем из рассказа пахаря становится ясным, когда и кем он был искалечен.

Приключения пахаря-калеки из абхазского нартского эпоса имеют параллели как в северокавказском (адыгском, абазинском, карачаево-черкесском и осетинском) эпосе, так и в «Одиссее» Гомера. Убедившись в том, что никогда не следует кичиться своим могуществом, Сасрыква возвращается домой.

Данное сказание непосредственно выражает представление народа об идеале героя и героизме. Возвеличение своей личности, гордыня, самомнение не сочетаются с истинным героизмом. Такого богатыря народ подвергает резкому осуждению, несмотря ни на какие его прошлые заслуги, и своевременно отрезвляет, излечивает его от опасного недуга единственным и незаменимым средством, – столкнув его с более могучим богатырем, и тем самым, избавив от недостойных богатыря качеств. То же самое случилось и с Сасрыквой.

В образе пахаря, невзрачного на вид калеки, но тем не менее легко справляющегося с прославленным богатырем, опозитизирован животворный, созидательный труд земледельца-хлебороба.

Как известно, среди богатырей русского героического эпоса одно из самых почетных мест отведено крестьянину-земледельцу, или, как любовно называют его сказители, «оратаю, оратаюшке» Микуле Селяниновичу, герою былины «О Вольге и Микуле», весьма близко напоминающему пахаря в нартском эпосе абхазов.

Высоко оценивая образ Микулы, А.М. Горький ставил его в один ряд с такими широко известными во всем мире героями народно-поэтического творчества, как Геракл, Прометей, Илья, Сатана и другие (Горький 1955: 49). Хотя эти два памятника народного

творчества сюжетно сближаются, однако они в идейном отношении не идентичны. Русская былина «О Вольге и Микуле» отражает социальные, классовые взаимоотношения крестьян и феодалов в эпоху позднего феодализма, хотя сюжетная основа её, возможно, восходит к более раннему периоду. Анализируя данную песню в своем капитальном труде о русском героическом эпосе, проф. В.Я. Пропп заключает: «Основной смысл песни состоит в противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличении крестьянина» (Пропп 1958: 387).

Что же касается абхазского сказания, то в нем мы не обнаруживаем никаких признаков отражения столь позднего периода в истории нашего народа. В акте столкновения Сасрыквы с пахарем невозможно усмотреть проявления каких-либо классовых противоречий. Но зато отчетливо проявляется иное сопоставление.

Нартское племя в целом мыслится как народ-воитель, проникнутый духом искательства, новых открытий, изобретений, чем, собственно, и мотивируются бесконечные походы этих богатырей. В сказании же о пахаре и Сасрыкве, которое возникло, несомненно, позже основных циклов эпоса, когда уже были налицо общественное разделение труда и довольно высокий уровень развития орудий производства (плужное земледелие), сопоставляются идеалы созидательного, трудового, с одной стороны, и воинского богатырства, с другой. Мы говорим, что эти идеалы сопоставляются и соизмеряются в целях выявления более важного из них, имеющего первостепенное значение, но ни в коем случае не противопоставляются, так как трудовые массы, создатели эпоса, на протяжении всей истории сами были одновременно и тружениками, и воинами.

Не умаляя значения боевых качеств героя, наоборот, скорее идеализируя их во всем нартском эпосе, в то же время созданием образа могучего пахаря, трудовые массы подчеркнули первостепенность созидательного, творческого начала, так как жизнь в конечном итоге создается только трудом. Эту мысль подтверждает и рассказ самого пахаря о том, как целый отряд воинов, в котором он и сам принимал участие, был погублен неким безвестным пастухом (Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 176, с. 241–242, д. 126–127)¹. Превосходство простого пахаря или пастуха над воином-богатырем

¹ Мотив этот вне связи с нартами часто встречается также и в абхазском сказочном эпосе.

– этот мотив весьма отчетливо говорит о мечте народных масс о мирном, созидательном труде, от которого постоянно отвлекала их бесконечная борьба со всякого рода завоевателями.

Апофеозом мирного, созидательного труда звучит и «Песня о матери нарттов» в которой величественный образ Сатаней-Гуаши создается путем гиперболического изображения.

Сатаней-Гуаша – мать ста нарттов-братьев. Это уже само по себе чрезмерное преувеличение, хотя число сто в абхазском фольклоре, как в эпосе, так и в более поздних историко-героических песнях, осмысливается не как реальное, а как эпическое число со значением «множество». Тем не менее Сатаней-Гуаша только в абхазской версии эпоса известна как мать ста единоутробных братьев-нарттов и их единственной сестры красавицы Гунды. В северокавказских же версиях эпоса Сатаней не мыслится матерью нартского братства, она просто мудрая женщина, своими советами выручающая нарттов из всевозможных затруднительных положений.

В названной же нами абхазской песне она не только мать ста братьев, но и женщина необыкновенной физической силы. Приведем лишь шесть начальных строк, чтобы показать мощь и величие этого образа:

Ашьжьымтан даныфагыла, Сатаней-Гэашьа,
Акэын иааигаз зыкъ ласаха, Сатаней-Гэашьа,
Ларма напы нлакэлыршеит, Сатаней-Гэашьа,
Лышьхэала дласын, Сатаней-Гэашьа,
Шә-къантаз-дук лытцлыркәфит, Сатаней-Гэашьа,
Длаха-фахан идырдылтәит, Сатаней-Гэашьа.
(Шьынкәба 1959: 93; Инал-иҭа, Шьакрыл, Шьынкәба 1962: 20)

Когда утром встала Сатаней-Гуаша,
Акуном принесенные круги шерсти тысячи овец, Сатаней-Гуаша,
Обвела вокруг своей руки, Сатаней-Гуаша,
Пятою своею толкнув, Сатаней-Гуаша,
Громадный бук с корнем вырвала, Сатаней-Гуаша,
Подняла, повертела и в прылку превратила, Сатаней-Гуаша.
(Подстрочный перевод)

Гиперболизация служит не только целям идеализации и героизации, но часто она применяется и для создания образов вра-

гов, наделенных, как правило, огромной физической силой. Один только внешний вид «адауы» (великана) или «агулшьап» (дракона) наводит страх. Появление их всегда сопровождается страшными стихийными явлениями – бурей, ураганом, землетрясением и т. д., олицетворением которых они, по-видимому, и были первоначально. Казалось бы, немислимо вести борьбу с такими чудовищами, тем не менее герой непременно вступает с ними в схватку и в смертельном поединке одерживает полную победу. Необузданная, грубая физическая сила всегда контрастирует с предельной умственной ограниченностью в образе чудовища «адауы», с которыми приходится сражаться нартским богатырям. Борьба с великаном-людоедом особенно осложняется тем, что он (великан) часто является семиголовым, или во всяком случае семь раз (иногда три раза) подряд вырастает у него голова, по мере отсечения ее героем. Поэтому его и называют часто не просто «адауы», а «адоумыжьха» или «адоубыжьха» (семиголовый великан). В противоположность адауы нартские герои, особенно Сасрыква, наделяются не одной только физической силой, но не в меньшей степени и высокими умственными способностями, хитростью и смекалкой, благодаря которым достается им победа в жарком поединке с врагами. Впрочем, это совсем не обязательно, чтобы герой хитростью одерживал победу. Немало случаев, когда герой рассчитывает только лишь на свою физическую силу, как, например, Уахсит – сын Нарта Сита. В сказании об этом герое повествуется, как великан вынужден был покориться герою и даже побрататься с ним, так как последний одолел его в честном единоборстве.

«Однажды в яркий солнечный день погнал Уахсит табун своих лошадей в далекую землю. Это было у него в обычае. И отлучался он в такое время из дому на год, а то и на два. А далекая земля – это тот берег реки Кубины. Там была степь, а в степи – клевер по пояс...

Посмотрел Уахсит вниз по реке – нет людей. Посмотрел вверх по реке – тоже никого. На всю степь один дом – и больше ничего. Дом – на краю степи!

«Эх, повидать бы хозяина этого дома», – подумал Уахсит.

И вдруг услышал чей-то голос:

– Абхазский дух! Абхазский дух! Откуда он взялся?

Это орал хозяин того самого одинокого дома. И голос его гремел, точно гром.

Уахсит был не из робкого десятка. И тоже крикнул на всю степь:
– Кому это абхазский дух не нравится? А ну-ка выходи, дай взгляну на тебя!

Хозяин дома взревел, как раненый медведь, и устремился к Уахситу. Это было рано утром. А дотащился он до нарта только к полудню – так велика была степь.

И богатырь без лишних слов схватился с нартом. Началась борьба. Загудела степь под ногами. Встревоженные кони, фыркая, понеслись вкруговую.

Вот солнце своим краешком уже касается земли. А богатырь и нарт все на ногах и всё борются.

Вот солнце село за степь, был виден только раскаленный его кран. И тут не выдержал богатырь. Упал на колени, коснулся спиной земли. И нарт уже над ним. Замахивается шашкой.

– Сохрани мне душу! – молит богатырь. – И ежели не брезгуешь мной – будь мне братом.

Уахсит задумался. Ведь не было у него брата. Брат никогда не бывает лишним, а тем более – такой богатырь. И вложил нарт шашку в ножны.

Так помирились только что враждовавшие.

– Пойдем ко мне, – сказал богатырь. – Хочу побрататься с тобой на людях.

И он собрал своих и при всех объявил о своем намерении. Народ благословил названных братьев. Пять дней и пять ночей продолжался пир. Уахсит остался жить у своего побратима. Только изредка наезжал домой» (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 79–81).

Следует отметить, что многие художественные образы, созданные в эпосе и сказке путем гиперболизации, имеют немало общих черт, особенно образы эпических врагов (адауы, агулшьяп и другие). Однако несмотря на внешнее сходство, гипербола в этих двух жанрах народного творчества выполняет качественно разные функции. В отличие от сказки, основанной на эстетике поэтического вымысла, в эпосе всегда сохраняется вера в реальность, достоверность событий и образов. Этим и объясняется, что гиперболизация в эпосе, несмотря на кажущееся сходство, никогда не переходит в чисто сказочную фантастику.

Рассмотрим и другие виды художественных тропов, встречающихся в нартском эпосе абхазов. Из них наиболее характерным

для абхазского эпоса является эпитет, хотя он и встречается намного реже, чем, скажем, в русском эпосе.

Почти обходя стороной портретную характеристику героя, сказители концентрируют все свое внимание на богатырских деяниях, на действиях персонажей. Эта вообще характерная черта фольклорного творчества особенно ярко проявляется в нартском эпосе абхазов. Даже те весьма общие портретные атрибуты, встречающиеся в описании того или иного персонажа, сохраняются благодаря тому, что они выполняют определенную функцию в сюжетно-композиционном строении произведения. Так, например, в сказании о Нарджхеу упоминание о «стальных усах» (Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 331–335; Шьянкэба 1959: 100; Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 126, 127, 176, с. 324)¹ понадобилось сказителям не ради украшения богатыря, а вызвано совершенно иными задачами, а именно для того чтобы показать, как благодаря им (усам) герой спасается от неминуемой, казалось бы, гибели: отравленное вино, погубившее мать и старшего брата нартов, не может одолеть героя, процедившего зелье через густые стальные усы. Кстати, мотив угощения нежеланного гостя отравленным вином или саном (особым напитком) с живыми ядовитыми змеями очень популярен в северокавказских версиях нартского эпоса, в частности, в адыгских сказаниях, где он чаще всего прикрепляется к имени несравненного богатыря Бадыноко (иногда к имени Насрена Длиннобородого). И там героя спасают усы (иногда же специальная медная труба, заблаговременно приготовленная вещей, Сатаней-Гуашей) (Нарты 1951: 151–158; Архив АдНИИ, ф. 1., д. 109, л. 308–310).

В общих чертах рисуют облик героя так называемые постоянные эпитеты, которые, по мнению акад. А.Н. Веселовского, утвердились «на почве усиливавшейся поэтической традиции, песенного шаблона» (Веселовский 1940: 79).

Количество постоянных эпитетов даже в таком развитом поэтическом языке, как русская народно-поэтическая речь, не очень много. Исследователь языка русской устной поэзии А.П. Евгеньев в своей специальной монографии по данной проблеме отмечает, что постоянных эпитетов немного, «они могут быть перечислены

¹ Текст, записанный нами 08.06.1960 года от сказителя Мыстафы Маметовича Акаба (село Пакуаш Очамчирского района).

и, что самое главное, “постоянство” эпитетов устной поэзии относительно» (Евгеньева 1963: 317).

В абхазском нартском эпосе постоянные эпитеты зачастую сливаются с именами, которые они определяют, и поэтому иногда они воспринимаются не как устойчивые сочетания слов, а как композиты (сложные, составные слова). Например, имя одного из прославленных героев эпоса – «Хэажэарпыс», известный и убыхам герой (Dumézil, Namitok 1955: 36), легко расчленяется на две части: «Хэажэы» и «арпыс», т. е. «Хэажэы – молодец», что переводится буквально: «рододендроновый молодец» («Хэажэы» – «рододендрон», «арпыс» – «юноша», «парень», «молодец»)¹. Однако теперь «арпыс» (молодец) слилось с именем «Хэажэы» (букв, «рододендрон») и не воспринимается как эпитет «арпыс» в имени «Хэажэарпыс». А.А. Аншба полагает, что «арпыс» в данном композите означает не «молодец» в смысле «воин», «витязь» (Абаев 1949: 317), а «юноша», «неженатый еще молодой парень» (Аншба 1968: 48; 1970: 61). Да и в таком случае слово это все равно выступает как определение по отношению к основному элементу композита «Хэажэы», так что оно не лишается функции эпитета.

Почти ту же картину мы наблюдаем и в оформлении имени Сатаней-Гуаши. Имя героини у абхазов и адыгских народов почти всегда употребляется в форме «Сатаней-Гуаша», значительно реже называют ее Сатаней, а еще реже – просто Гуаша. В осетинской версии известна только форма Сатана или Шатана, которая иногда сопровождается эпитетом «фсына» (хозяйка, супруга).

У абхазов и адыгов имя нартской героини, Сатаней, неизменно сопровождается эпитетом «гуашья», который сливаясь с определяемым словом в одно целое, как бы теряет в известной мере свое первоначальное значение и становится частью собственного имени. При всем этом следует заметить, что степень слитности в

¹ Хуажы (хэажэы) как название рододендрона, а также в качестве собственного имени мужчины и топонимического названия широко бытует и сегодня как в самой Абхазии, так и на территории Карачаево-Черкесской Автономной области, в районах, где проживают абазинцы; как например, название аулов Старо-Кувинск и Ново-Кувинск (Адыгско-Хабльский район, Карачаево-Черкесской Автономной области) звучат по-абазински «Хэажэ-ду» («Большой Хуажвы») и «Хэажэ-хэчы» («Малый Хуажвы»).

данном случае все-таки значительно меньше, чем в имени «Хуажарпыс», так как имя Сатаней без второго компонента нередко встречается и у абхазов, и у адыгов, тогда как в известных нам вариантах абхазского эпоса нет ни одного случая употребления имени «Хуажарпыс» без второй части, хотя в быту абхазов широко распространено имя «Хуажвы».

В современных адыгских языках (адыгейском, кабардино-черкесском) слово «гуашэ» означает «княгиня», «свекровь», «супруга», «хозяйка» (Хатанов, Керашева 1960: 53; Русско-адыгский словарь 1960: 308). В абхазском языке «гуашья» не имеет такого значения. Термин «агуашья». встречающийся в современном абхазском языке, означает «столб», «опора», «свая». Термин «агуашья» в этом значении неизменно употребляется и в эпосе об Абрскиле – героине-богоборце, прикованном цепями именно к железному столбу («аихатэ гэашья») в Члоуской пещере (Инал-ипа 1954; 1962: 11).

Трудно категорически утверждать, что слово «гуашья», сопровождающее как постоянный эпитет имя «Сатаней», находится в генетическом родстве с термином «агуашья» в значении «столб», «свая», «опора». Не исключена возможность, что здесь мы имеем обыкновенные омонимы. (В современном языке они, безусловно, стали таковыми.) Но есть основание представлять их первоначально идентичными. Высказанная впервые проф. Ш.Д. Инал-ипа мысль о возможности увязки элемента «гуашья» в имени «Сатаней-Гуашья» с абхазским термином «агуашья» – «столб», «опора», «свая», нашла поддержку в работах последующих авторов (Аншба 1966: 13; Тугов 1967: 5; Салакая 1966: 77). Значение термина «агуашья» как «опора», «свая», «столб», по мнению Ш.Д. Инал-ипа и его последователей, переносно могло распространиться и на главу матриархальной семьи, подчеркивая тем самым ее главенствующую роль в жизни нартского общества. В значении же «княгиня», «супруга», «хозяйка» в адыгских языках он стал употребляться, должно быть, сравнительно позже, а в абхазском вовсе не приобрел этого значения.

Исследователь адыгского эпоса А.И. Алиева относительно семантики эпитета «гуашья» пишет: «Прежде всего обращает на себя внимание устойчивое индивидуальное определение Сатаней – эпитет «гуашэ». Имя этой героини в адыгском эпосе (как и в абхазском) без него обычно и не называется. В адыгских языках слово

это многозначно: «госпожа», «хозяйка», «свекровь», иначе говоря – старшая. В абхазском оно означает «основа», «опора».

Содержание адыгских сказаний позволяет утверждать, что Сатаней действительно выступает «старшей» в обществе нарттов. «Гуашэ» – хозяйка, распорядительница нартского рода, «главная экономка» его. Эта основная черта, которая выделяет Сатаней среди других нартских женщин. Все остальные качества должны способствовать выполнению основной ее роли, и все они сконцентрированы в одном постоянном определении ее – «гуашэ», настойчиво повторяющемся не только в различных циклах сказаний, но и почти во всех национальных версиях нартского эпоса» (Алиева 1967: 22; 1969: 140).

О первичности значений «опора» или «главная», «старшая» и вторичности значений «княгиня», «госпожа», «свекровь», «хозяйка» в термине «гуаша» косвенно говорят и другие факты. Интересно отметить в этом отношении, что термину «гуашэ», выступающему в современных адыгских языках в значении «княгиня», «владычица» или «хозяйка», в абхазском соответствует слово «ахкуажэ» («княгиня», «госпожа»). Как, например: русалка у абхазов именуется «Зыслан», но нередко, наряду с этим, вернее, в сочетании с ним, употребляют и термин «Захкэажэ» (Зыслан-Захкэажэ) (Джанашиа 1960: 62) в проклятии: Зыслан-Захкэажэ уеимылхааит (чтоб тебя растерзала русалка – владычица вод). Захкуажэ – композит, состоящий из двух слов: «азы» (вода), «ахкуажэ» (княгиня, владычица). По-адыгски же русалка называется псыхьогуашэ, псыхьуэгуашэ (Русско-адыгский словарь 1960: 805; Русско-кабардинско-черкесский словарь 1955: 718; Кабардинско-русский словарь 1957: 304) (букв. княгиня, охраняющая воду, владычица вод, что и абхазское Захкэажэ). Этот пример лишний раз свидетельствует о первичности значения «гуашэ» как «опора», «главная», «старшая» и вторичности других значений («княгиня», «свекровь» и т. д.). В период создания древнейшего ядра эпоса, к которому, несомненно, относится и термин «гуашья», понятия «княгиня», «госпожа», «супруга», «свекровь», естественно, еще не могли иметь место в жизни. Поэтому термин употреблялся лишь в своем первоначальном значении, причем все это происходило, по-видимому, до дифференциации языков абхазско-адыгских племен.

Осетинский же эпос не воспринял древнейшего эпитета «гуашья», прикрепленного к имени Сатаней, должно быть, потому, что в период появления и акклиматизации на Кавказе ираноязычных скифо-сармато-аланских племен, способствовавших в свою очередь интенсивному развитию эпоса, женщина не играла уже той ведущей роли, какая была отведена ей в матриархальном обществе, иначе говоря, она уже не являлась опорой, главой семьи, старшей в семье. В этой роли уже мог выступать только мужчина, что мы и видим в образе осетинского богатыря Урызмага. Отсюда, естественно, к имени Сатана эпитет «гуашья» не прикрепился. Этот факт, наряду с другими, подтверждает мысль о сравнительно позднем проникновении нартского эпоса в скифо-сармато-аланскую этническую среду, которая произвела определенную обработку воспринимаемого кавказского фольклорного памятника в соответствии со своими нравами и общественными потребностями.

К имени сестры нарттов Гунды прочно прикрепляется эпитет «ацшза» («пшдза») – «прекрасная», «красавица» (Гэында-цшза) (Шьынқэба 1959: 100–102; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 89–93; Архив АБИЯЛИ, ф. 2., д. 127, 176, л. 96–193)¹. Кстати, эпитет этот хорошо знаком и убыхам, проживающим в Турции. В нартском тексте, записанном у убыхов Ж. Дюмезилем и А. Намитоком, с именем Гунда неразрывно связан эпитет «цшза» (Dumézil, Namitok 1955: 38–39).

Женскую красоту в нартском эпосе абхазов, так же как и в сказках, наряду с постоянным эпитетом ацшза, изображают и другие устойчивые, развернутые эпитеты-описания: Мрада дкацхоит, мзада дкацхоит (Без солнца сияет, без луны сверкает) или же Амреипш дкацхоит, амзеипш дкацхоит (Сияет, как солнце, сверкает, как луна)². Сатаней-Гуашу, вдобавок к этому, часто характеризуют как женщину с «золотой ступней» (ахьышьаргэытца)³. С

¹ Текст, записанный нами от сказителя Смела Барцыц (село Блабырхуа Гудаутского района, АССР, 21. 07. 1958 года).

² В русском переводе сводного текста эта устойчивая формула-эпитет несколько изменена; например, о красоте Сатаней-Гуаши говорится: «Не солнце, а солнечным светом полна, сверкает хоть и не луна» (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 30).

³ Эпитет этот не совсем удачно переведен на русский язык – «золотоногая Сатаней» (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 22, 24, 27 и др.).

именем Сатаней связан и такой эпитет-описание: зѣхәатәы калоз Сатаней-Гәашьа (слова которой осуществлялись Сатаней-Гуаша, т. е. вещая Сатаней-Гуаша), а также «нартаа ран Сатаней-Гәашьа» (мать нартов Сатаней-Гуаша).

Интересен тот факт, что в абхазском эпосе за исключением, можем быть, двух героев, которых мы упоминали выше (Нарджхеу и Хуажарпыс), мужские образы не характеризуются никакими индивидуальными, прикрепленными только к их именам эпитетами. Нарджхеу – стальноусый, Хуажы – молодец, а остальные герои не имеют подобных эпитетов. С этой точки зрения, обращает на себя внимание одно интересное явление в поэтике эпоса. Мы имеем в виду тот факт, что в эпосе, проникнутом от начала до конца духом героизма, термины ахатца (мужчина, герой), ахатца-ихатца (мужчина из мужчин, или герой из героев), афырхатца (герой небесный) не прикрепляются в качестве постоянных эпитетов к именам нартских богатырей, тогда как эти же слова выступают почти единственными эпитетами, характеризующими подвиги героев в более поздних исторических песнях и сказаниях, как, например, Пшькьаѣ-ипа Манча-хатца – Пшкьяча сым Манча-герой, Кьагәа-хатца – Кягуа-герой, Ацыр-ипа Данакаи ахатца – Аджыра сын Данакай-герой и другие.

Наличие в некоторых опубликованных нартских сюжетах (особенно в сказании о гибели Нарта Сасрыквы в книге «Нарт Сасрык-ва и его 99 братьев» и других) эпитетов «ахаца», «афырхаца» (Инал-ипа, Шьакрыл, Шьынқәба 1962: 351–358; Шьынқәба 1959: 101–102) следует признать или привнесением извне, или же позднейшей попыткой народных сказителей увязать данный эпитет с нартами. На самом же деле ни в одном подлинно народном варианте мы не встречаем факта прикрепления эпитета «герой» к имени какого бы то ни было нартского богатыря. Очевидно, это не случайное явление, и оно должно иметь свое объяснение, тем более, когда в народном представлении героизм, храбрость, бесстрашие являются не иначе, как порождением нартов: Ахатцара нартаа ирхылтцит (Геройство – порождение нартов) (Шьынқәба 1959: 130) – поется в одной из поздних историко-героических песен.

Отсутствие интересующих нас терминов в качестве постоянных эпитетов в нартском эпосе следует объяснять, на наш взгляд, характером самого нартского общества. В представлении создателей

эпоса, нарты в целом – это героическое племя, и достаточно к имени отдельного представителя данного племени присоединить термин «нарт», как это уже само собой означает «герой». Не случайно ведь повторяется с именами нартских героев и термин «нарт», как, например: Нарт Сасрыква, Нарт Сит, сын Нарта Сита Уахсит, Нарт Кун, Нарт Цвицв и т. д. Дополнительный эпитет со значением «герой» к именам нартских богатырей был бы излишним украшательством, наподобие «храбрый храбрец». Но, как известно, никакого излишества эпос органически не воспринимает.

Оспаривая утверждение отдельных исследователей о роли и назначении эпитета, проф. В.Я. Пропп отмечает: «Мнение, будто поэтический эпитет служит “украшением” речи, не может быть принято советским исследователем» (Пропп 1958: 524).

Эпитет всегда и во всех случаях служит средством уточнения, характеристики. Когда предмет достаточно хорошо ясен, отпадает всякая необходимость в его дальнейшем пояснении и уточнении. Нам кажется, что именно по этой причине не прикрепился термин ахаца (герой) в качестве постоянного эпитета к именам нартских героев. А там, где все-таки появляется этот эпитет, герои, как правило, принадлежат не к нартскому роду (стальноусый Нарджхеу, или в других вариантах Нарджхеу-герой) (Аншба 1968: 52; 1970: 60).

Впоследствии же, в эпоху эксплуататорского общества, когда героизм, отвага не могут характеризовать каждого члена общества, для выделения героев, отличившихся в борьбе с иноземцами или классовыми врагами, стали применяться термины ахаца, ахаца-ихаца, афырхаца в значении «герой», и они превратились в постоянные эпитеты, прикрепляемые к именам все новых и новых героев. Этими эпитетами стали именовать и героев советской эпохи. Так, например, в песне о Герое Советского Союза Владимире Харазия от-важный сын Абхазии назван ахаца-ихаца, афырхаца.

В отличие от многих других языков, в частности от русской народной поэзии, где в качестве эпитета обильно используются всевозможные прилагательные, в абхазском эпосе прилагательные в роли эпитета выступают намного реже. Очевидно, факт этот связан со спецификой указанной части речи в абхазском языке, которая не всегда выступает как самостоятельная, грамматически оформленная категория, часто сливаясь с именем существительным или, вернее, присоединяясь к нему без особого грамматического показателя.

И тем не менее в абхазском фольклоре прилагательные (как качественные, так и относительные) не лишены основной своей функции – определения предмета по тем или иным признакам, что лежит всегда в основе эпитета. Поэтому, естественно, прилагательные не могут не выполнять своего прямого назначения. Как указывалось выше, в именах некоторых героев нартского эпоса прилагательные превратились уже в постоянные эпитеты, как, например, в имени Гунда-пшдза (Гунда-красавица). Некоторые же собственные имена представляют собой по форме субстантивированные прилагательные, как например: Бжеикуа-Бжашла (букв. Получерный-Полуседой), Бжафа-Бжаза (Полувыхсохший-Полуживой) (Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 258–266, 292–297; Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 201–2016, 222–227) и другие. Возможно, что некогда эти прилагательные были эпитетами, но они настолько слились с образами героев, к именам которых они прикреплялись, что со временем отпала необходимость в употреблении самих имен. В данном случае достаточно было назвать эпитет – устойчивое индивидуальное определение, как объект речи становился ясен. На наш взгляд, вследствие указанной причины произошла субстантивация прилагательных, и бывшие эпитеты превратились в собственные имена героев (или, вернее, в их прозвища).

Для нартского эпоса абхазов весьма характерным, нередко встречающимся определением следует признать эпитет аду, адукуа (большой, великий, великие). Прежде всего нарты сами, как правило, называются «великими», и дом их «великий» и скамья железная «большая» («огромная») и т. д. Приведем некоторые примеры:

Анкъа зны и́кан уаа нырҳарақәак,
Урт ирышьтан нартаа дукәа хәа.
(Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 52)

Были в старину люди статные,
Их звали великими нартами.

Или же:
Уи [а́фырпын] иадырхәон ианакәзаалак
Нартаа дукәа рхатцара.
(Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 70)

Под его [ачарпын] аккомпанемент всегда исполняли
Песни о храбрости великих нартов.

Поскольку нарты предстают в народном поэтическом мышлении героями необыкновенными, великими, то, естественно, и все их окружение, среда, обстановка и даже домашний быт рисуются под стать этим величественным образам.

«Сатаней-Гәашья агара ажыра иаадәылганы, ашта итагылаз ара ду амтан иналыргылеит» (Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 45). («Сатаней-Гуаша взяла колыбель из кузни и поставила под большим ореховым деревом, росшим во дворе»). «Уажәраанза ацъахәа уаала итәыз нартаа рашта ду уажәы икказа итацәын» (Инал-ипа, Шьякрыл, Шьянкэба 1962: 176). («Большой нартский двор, который до этого был полон народу, сейчас совершенно пустовал»).

Нередко встречаются в эпосе эпитеты, характеризующие материал, из которого сделан предмет. В качестве такого эпитета чаще всего употребляется прилагательное «железный» (аихатәы). Характеризуя «большое нартское семейство» (нартаа ртаацәара ду), где слово «большое» (аду), как мы видели выше, также является эпитетом, сказители непременно укажут на «большую железную скамью нартов» (нартаа реихатә рымз ду), на потолочную (надочажную) «железную балку» (аихатәы хәыблы), на «железные ворота» (аихатә гәашә) и т. д. Колыбель Сасрыквы была железная, седло у него железное, ноги героя также металлические (левая была железная, а правая – стальная), усы у Нарджхеу стальные (ацыр цатца) и т. д.

Эти эпитеты вкупе с образом кузнеца Айнар-жи подчеркивают значение металла в истории народов – создателей нартского эпоса. Исследователи нартских сказаний неоднократно отмечали тот «гимн железу», который звучит во всех национальных версиях эпоса (Абаев 1945: 117; Семенов 1957: 82, 89; Тресков 1963: 85). «Столь частое употребление эпитета «железный» свидетельствует о следующем. Несомненно, эпитет «железный», характеризующий крепость богатырского тела и подчеркивающий непобедимость богатыря, является одним из средств эпической идеализации героя» (Алиева 1967: 21).

В частом употреблении эпитета «железный» в нартском эпосе проф. Е.И. Крупнов видит «отражение самой сущности именно раннежелезного века, когда началась заря новой железной эры» (Крупнов 1960: 373; 1963).

Абхазские нартские сказания не очень богаты сравнениями, метафорами и некоторыми другими видами художественных тропов, но отсутствие их нисколько не сказывается на художественном стиле повествования. Монументальная эпичность образа достигается не путем прямого или скрытого сопоставления описываемых черт, событий с другими явлениями окружающей природы по какой-либо аналогии, а путем непосредственного, прямого их отражения (в преувеличенном или преуменьшенном виде), чаще всего без какого бы то ни было сравнения, без замены одного зрительного образа другим. Правда, сравнения и метафоры, особенно первые, не совсем исключаются из поэтического арсенала эпических сказаний о нартах, но в эпосе они не играют той существенной роли, какая отводится им в других жанрах народной поэзии, особенно в лирической бытовой поэзии.

Определяя метафору не как «перенесение признаков с одного предмета на другой», а как некоторый вид иносказания, как замену одного зрительного образа другим, проф. В.Я. Пропп делает следующее заключение: «Если с этой точки зрения подойти к поэтическому языку былин, окажется, что язык эпоса почти полностью лишен метафоричности. Это не значит, что певец не владеет искусством иносказания. Отсутствие в эпосе метафор не недостаток, а показатель иной системы. И метафоры, и сравнения в эпосе есть, но они встречаются весьма редко и не составляют основного художественного принципа эпоса» (Пропп 1958: 520).

Характерной чертой абхазских нартских сказаний, так же, как и эпического творчества любого народа, является наличие в них в изобилии так называемых общих мест (*loci communes*). К ним принадлежат, в частности, словесные формулы, изображающие картину встречи героя с великаном, и диалог, которым обмениваются противники. Причем эти общие места одинаково относятся и к эпосу, и к сказке, как это справедливо отмечает исследователь абхазских сказок С.Л. Зухба (Зухба 1970: 207–209).

Момент приближения сидящего на лошади великана к герою сопровождается сильным ураганом, который крушит и ломает все

вокруг, но только в героя не может вселить страх. Почуввав опасность, конь великана-чудовища останавливается как вкопанный или отпрядывает в сторону. Великан прищпоривает коня и, чтоб подбодрить его, произносит традиционную фразу: «Кого же ты испугался? У нас нет врага, кроме такого-то (называет обычно Нарта Сасрыкву, Шаруана или кого-нибудь другого), но он еще не родился, если даже родился, то еще не вырос (букв, «не созрел»), если даже вырос, то откуда было ему очутиться здесь».

Эти слова великана герой парирует готовой формулой: «Такой-то герой (Сасрыква, Шаруан, Уахсит и другие) уже и родился, и вырос (и созрел), и приехал сюда; я должен покончить с тобой, подойди поближе, если ты храбр (букв, «если у тебя есть сердце» – *агәы узтазар*).

Начинается поединок, в котором герой, конечно, одерживает победу. Эта сцена иногда повторяется, три раза так как герой борется не с одним великаном, а с тремя братьями-великанами поочередно, начиная со старшего и кончая младшим, или наоборот.

Такие же словесные формулы имеют место и в эпизодах, описывающих встречу нарта-героя, заблаговременно скрытого сестрой, со своим зятем – великаном-людоедом, похитившим сестру. Возвратившись домой из странствий, великан обязательно чувствует присутствие абхаза и обращается к жене: «Кто здесь? Я чувствую тут абхазский дух!». Герой выходит из укрытия со словами: «Кому это не нравится абхазский дух! А ну-ка, если герой, подойди сюда!». Завязывается поединок, из которого всегда герой выходит победителем. Чаще всего эпический противник погибает, но бывают случаи, когда он просит пощады у героя. И тогда наступает мирный исход. Поощаженный великан, как правило, усыновляет героя-победителя или делает его своим названным братом.

Художественные изобразительные средства нартского эпоса в целом характеризуются простотой и ясностью, стремлением к широким обобщениям, с одной стороны, и к максимальной конкретизации образа – с другой. Средства эти, отмеченные печатью архаичности, свидетельствуют о глубокой древности основных сюжетов и образов исследуемого эпоса.

1.4. К ТИПОЛОГИИ АРХАИЧЕСКОГО ЭПОСА

Якутское олонхо и кавказские нартты принадлежат к числу немногочисленных архаических памятников мирового фольклора, дошедших до наших дней в естественной, живой форме бытования. По-видимому, не случайно оба эти памятника, наряду с другими древними эпическими произведениями, оказываются в центре внимания исследователей, интересующих генезисом жанра героического эпоса и вообще ранней формой эпической творчества.

Говоря о возможности сопоставления якутского олонхо с кавказским эпосом, в частности, с абхазской версией нартских сказаний, мы вовсе не собираемся ставить знак равенства между этими двумя памятниками. Тому, кто более или менее близко знаком с олонхо и с кавказскими нарттами, совершенно ясно, что в каждом случае здесь мы имеем дело с неповторимым, самобытным национальным творчеством. Олонхо отличается от нартских сказаний не только сюжетом, но прежде всего своими размерами и манерой исполнения.

Кавказские нартские сказания, в частности абхазская версия эпоса, бытуют, как правило, в прозаической форме, хотя известны отдельные произведения, исполняемые в песенной форме, или произведения, в которых проза нередко чередуется со стихом, с песней. В общей же сложности удельный вес песенных вставок совершенно незначителен. Произведения в стихотворно-песенной форме исполняются обязательно в сопровождении музыкальных инструментов (абхазская апхиарца, адыгский щичепшин, осетинский фандыр). Музыкальный аккомпанемент – обязательный атрибут нартских песен.

Каждое нартское сказание – это небольшое завершенное прозаическое или стихотворно-песенное произведение, только тематически связанное с другими сюжетами и составляющее с ними цикл сказаний об одном из героев эпоса.

Оба интересующих нас памятника в наиболее древних своих пластах отразили эпоху родового строя. Они в основном возник-

ли и оформились в доклассовом, в догосударственном обществе и защищают интересы этого общества. Правда, нельзя сказать, что эпос совершенно глух к последующим изменениям в общественной жизни. И в нартском эпосе встречаются мотивы социального неравенства, имущественной дифференциации и т. д., но не они составляют основу эпоса, они, несомненно, являются поздним наслоением.

К более частным фактам сходства в олонхо и нартском эпосе относятся такие мотивы, как чудесное рождение героя и его закалка. В якутском эпосе кузнецы занимают не менее почетное место, чем в нартском. Одной из основных функций кузнеца как раз и является закалка героя эпоса. В абхазской версии эпоса – Айнар-жи (Айна-кузнец), который закалил в своем горниле необыкновенным образом рожденного Сатаней-Гуашей знаменитого героя Нарта Сасрыкву. В адыгской версии в качестве чудесного кузнеца выступает Тлепш, в осетинской – Курдалагон, в карачаево-балкарской – Дебеч, или Дебет.

Правда, имеются существенные расхождения между кавказскими нарттами и якутским олонхо в конкретной реализации мотива закалки героя кузнецом. В абхазском эпосе и в других национальных версиях нартских сказаний Сатаней-Гуаша (Сатана, Шатана) обращается к кузнецу с просьбой высечь из камня зародыш будущего героя и потом закалить его в своем горниле, что и выполняет охотно чудесный кузнец. В якутском же эпосе, например, в олонхо Д.М. Говорова «Неспотыкающийся Мюльдью Сильный» (Бояров 1938: 495)¹ уродливый недоносок, который тридцать лет провел под навозом, появляется на свет, когда над людьми среднего мира нависла смертельная угроза со стороны богатыря абаасы Бюгюстэна Черного. В момент первого появления он, несмотря на громадный рост и огромную физическую силу, был еще не закален, а значит и не подготовлен для богатырского боя. Богиня земли, дух которой живет в родовом дереве, и которая покровительствует людям среднего мира, обращается к небесному кузнецу Суодаю Черному с просьбой закалить недоноска на горячем горне, перековать его дух и тело. А закалку эту должна завершить сестра богини земли, небесная шаманка Уот Чолбоодой, трижды опустив его в огненный

¹ Подробное изложение сюжета этого олонхо дано также в приложении к монографии И.В. Пухова (Пухов 1962: 223–242).

океан. Богиня земли сообщает герою: «Если выдержишь – будешь человеком, если не выдержишь – пропадешь».

Однако недоносок успешно выдерживает закалку у небесного кузнеца Суодая Черного и в огненном океане. Шаманка Уот Чолбоодой нарекает героя – Неспотыкающийся Мюльдью Сильный и, плюнув трижды в рот, закликает полученную им богатырскую силу, волшебство, непобедимость и выносливость (Пухов 1962: 227).

Как видим, в данном случае небесный кузнец и шаманка закаляют героя не сразу же после рождения, как в нартском эпосе Сасрыкву, а через тридцать лет. А в остальном функции кузнеца и шаманки из названного олонхо очень близки функциям Айнар-жи (Тлепша, Курдалагона) и Сатаней-Гуаши (Сатана, Шатана). Правда, последняя в кавказском эпосе выводится не шаманкой, хотя и наделена даром пророчества, а матерью – главой эпической семьи, не знающей над собой мужской власти. Но тем, что дает Сысрыкве имя и во всем покровительствует ему, ревностно оберегая его от всевозможных козней врагов, в частности от его братьев, она напоминает нам шаманку Уот Чолбоодой из якутского олонхо «Мюльдью Сильный». По-видимому, оба эти образа в основе своей восходят к эпохе материнского рода.

Что касается чудесных кузнецов и их ремесла, то столь значительная роль их в архаическом эпосе совершенно правильно объясняется учеными поэтизацией эпосом эпохи раннежелезного века, вообще эпохи металла.

Много сходных мотивов и эпизодов в якутском олонхо и нартском эпосе обнаруживается в сюжетах о так называемом героическом сватовстве, так популярном и так распространенном в архаическом эпосе вообще. В якутском олонхо «Мюльдью Сильный» это страна Сыралыман-куо, расположенная на труднодоступной Серебряной горе, а в абхазском нартском эпосе это находящиеся на неприступной скале владения дочери Ажвейпшаа, к которой сватается герой Сасрыква. Описания этих владений, а также препятствий, которые должны преодолеть герои на своем пути, во многом перекликаются.

Напоминает победу Сасрыквы над чудовищной лесной женщиной эпизод из олонхо, когда Мюльдью Сильный побеждает женщину абаасы дьэге-бааба. В абхазском сказании повествуется о том, как Сасрыква отправляется на поиски пропавших без вести братьев.

После долгих и безуспешных розысков он остановился на ночлег в лесной чаще. Вдруг до него стали доноситься какие-то странные звуки, похожие то на плач ребенка, то на вопли обижаемой всеми сиротки. Звуки все приближались. И вот Сасрыква видит страшную старуху, которая плачет, причитает, убивается, жалуется на голод, на холод, а предложенного героем угощения не принимает под предлогом, что она боится собаки и просит, чтоб он ее привязал, для чего вырывает волос из брови и предлагает ему привязать собаку этим волосом. Сасрыква, не будь глупцом, сделал вид, что привязал Худыша. Страшная женщина одним духом проглотила все мясо, которое предложил ей Сасрыква. Затем она еще раз собралась было вдохнуть, но в это время Худыш накинулся на нее и начал рвать нещадно. А Сасрыква приставил к горлу меч. Старуха испугалась и вскрикнула: «Ах!». И тут как ни в чем не бывало изо рта ее выскочили по старшинству все девяносто девять братьев Нарта Сасрыквы. Так Сасрыква спас своих братьев от злой ведьмы-старухи (Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962: 157–159).

И в якутском олонхо мы имеем нечто очень близкое. Мюльдью Сильный, узнав от тяжело раненного им богатыря Кюн Тэгиэри-мэна о том, что его сестра Кюн Туналынса похищена женщиной абаасы дьэге-бааба, немедленно отправляется выручать пленницу. Прибыв к дьэге-баабе, Мюльдью узнает от Кюн Туналынса о намерениях злой старухи. Она, оказывается, держит в плену Кюн Туналынса для того, чтобы заманивать богатырей, желающих жениться на красавице, убивать их и поедать, так как она уже сильно постарела и не может охотиться так успешно, как прежде. Она уже съела таким образом девять женихов. Узнав об этом, другие перестали приезжать. Перед отъездом на охоту дьэге-бааба предупредила красавицу, что в случае неудачной охоты она ее съест.

Герой, конечно, спасает красавицу, но с условием, чтоб она вышла замуж за старшего его брата Халыадымара Меткого. А саму страшную женщину-старуху дьэге-бааба Мюльдью быстро побеждает, однако не убивает, а отпускает по ее просьбе, но берет с нее клятву, что она больше не будет трогать людей среднего мира.

Число подобных сходств мотивов, сюжетных эпизодов далеко не ограничивается указанными нами примерами.

Подобные параллели между нартскими сказаниями абхазов и других кавказских народов и якутским эпосом олонхо невозмож-

но объяснить общностью этногенетического происхождения народов, создавших данные эпические памятники, и вряд ли можно допускать наличие в прошлом между этими народами каких-либо тесных и продолжительных историко-культурных контактов, способных наложить определенный отпечаток на их эпическое творчество, хотя мы и вовсе не собираемся снимать со счетов гипотезу Е.М. Мелетинского о роли скифов в развитии культуры тюрко-монголоязычных народов (Мелетинский 1963: 247–248). В данном же случае указанная нами близость эпосов вызвана скорее всего типологической общностью, в основе которой лежит сходство социально-экономических условий и мифологических представлений людей первобытнообщинного строя.

1978

2. ЛЮДИ. ГОДЫ. ФАКТЫ

2.1. ГОРДОСТЬ АБХАЗСКОГО НАРОДА

Народный поэт Абхазии, писатель, ученый и общественный деятель Дмитрий Иосифович Гулиа прожил долгую, плодотворную жизнь, целиком и полностью посвятив ее служению родному народу.

Д.И. Гулиа был выходцем из самой гущи народной. Он родился в обычной крестьянской семье в селе Уарча нынешнего Гульрипшского района 21 февраля 1874 года. С раннего детства будущий писатель испытал на себе все тяготы социального и национального угнетения. Махаджирский водоворот, в который, как и его родной народ, оказался втянутым Д.И. Гулиа еще в совсем младенческом возрасте, а также другие многочисленные социальные преграды, с которыми он сталкивался на каждом шагу в дореволюционной абхазской действительности, на всю жизнь оставили в его душе тяжелый осадок. Будучи уже известным поэтом и общественным деятелем, он не раз возвращался к этой теме (не говоря уже о произведениях малой формы, Д.И. Гулиа посвятил дореволюционной жизни Абхазии две поэмы, роман и социально-психологическую драму). Не получив широкого систематического школьного образования (проучился он в школе всего лишь около пяти лет: окончил Сухумскую горскую школу и несколько месяцев проучился в Горийской учительской семинарии), Д.И. Гулиа штурмовал бастионы искусства и науки одним лишь доступным ему оружием – самообразованием. Книги и окружающая жизнь становятся учителями, подлинным университетом для впечатлительного юноши. Упорный, самоотверженный труд Д.И. Гулиа увенчался блестящим успехом – он постиг и подчинил себе глубочайшие тайны искусства и науки и направил их на службу родному народу.

Семнадцатилетним юношей Д.И. Гулиа становится народным учителем, совместно с известным краеведом К.Д. Мачавариани

в 1891 году составляет, а через год издает в Тифлисе «Абхазский букварь», получивший впервые практическое применение в школах Абхазии (букварь же 1865 года, составленный комиссией под руководством И.А. Бартоломея, такого применения не получил). С этого времени и до конца своих дней он неизменно стоял в самом центре национально-культурного строительства в Абхазии.

Трудно назвать какую-либо область национальной культуры Абхазии, основы которой не заложил или же в развитие которой не внес существенного вклада Дмитрий Иосифович Гулиа. Он был и основоположником абхазской художественной литературы, и первым крупным национальным ученым-историком, этнографом, языковедом, и педагогом-просвещенцем, и первым редактором первой абхазской газеты «Апсны», и основателем национального театра.

Особенно велики заслуги Д.И. Гулиа в создании абхазской художественной литературы. Его книгой «Стихотворение и частушки», изданной на абхазском языке в Тифлисе в 1912 году, открывается первая страница истории абхазской художественной литературы. А через год он издает второй поэтический сборник «Письма юноши и девушки».

Д.И. Гулиа сам указывал на три основных источника его поэзии. Первым и важнейшим источником ее была, конечно, сама абхазская действительность, жизнь народа с его богатой, самобытной, устно-поэтической традицией. Именно устная поэзия, ее сюжетики и поэтика легли в основу ранней поэзии Гулиа. Вторым литературным источником для поэзии Д.И. Гулиа послужила грузинская классическая литература. Он охотно учился художественному мастерству у таких великих поэтов Грузии, как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела и других. Многие ранние стихи Д.И. Гулиа представляют собой вольный перевод произведений И.Г. Чавчавадзе, М.Д. Гуриели и других грузинских поэтов (или подражание им). Другим могучим источником стала проникнутая прогрессивными идеями русская классическая литература, которая создана была А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Н.В. Гоголем, А.В. Кольцовым, Н.А. Некрасовым и другими корифеями русской культуры.

Уже в ранней поэзии Д.И. Гулиа явственно выдвинулась на передний план социальная проблематика. Лучшие его произведения этого периода (стихи «Ходжан Большой», «Абрскил», «Лома и Буска», «Какое милое создание», «Гуляка»), а также стихи, написан-

ные в годы господства меньшевиков в Абхазии («Родина», «Ожидание»), гневно бичевали социальное зло, вселяли в народные массы веру в победу в их жестокой борьбе с классовыми врагами. Часто стихи эти носили аллегорический характер.

Проникнутая идеями добра, справедливости, свободолюбия, близкая по стилистике к устно-поэтическому творчеству, ранняя поэзия Д.И. Гулиа, несмотря на всевозможные препятствия со стороны властей, пробила себе дорогу в народ и сделала имя поэта популярным среди широких трудящихся масс еще в дореволюционные годы.

Однако поэтический талант Д.И. Гулиа мог расцвести и полностью раскрыться лишь только при советской власти. Почти во всех родах и жанрах художественной литературы он создал многочисленные произведения, получившие высокую оценку критики и широких читательских кругов. При всей широте жанрового диапазона Д.И. Гулиа нам дорог и близок прежде всего как поэт. Им созданы многочисленные поэтические шедевры, вдохновенно воспевающие социалистическую новь, резко противопоставляя ее тяжелому прошлому родного края.

Созидательный творческий труд советских людей, борьба за мир, могучая сила дружбы народов, проявившаяся как в годы мирного строительства, так и особенно в годы Великой Отечественной войны, мудрые философские раздумья о смысле жизни, о назначении человека на земле, о роли поэзии в жизни общества – вот главные темы и мотивы, которые проходят красной нитью через все творчество поэта-интернационалиста Д.И. Гулиа. Мысленно возвращаясь к началу своего долгого жизненного пути, пройденного им с честью вместе с родным народом, уже в преклонном возрасте Д.И. Гулиа гордо заявляет:

Вместе с Абхазией я стоял
У колыбели нового века,
Вместе с Абхазией благословлял
Ленина – мудрого человека.
(Перевод В.А. Журавлева)

Да, поэт не устал благословлять идеи революции. К этой теме он возвращался вновь и вновь, каждый раз находя свежие, непо-

вторимые образы и краски. Послевоенные стихи Д.И. Гулиа о революции, о новой жизни, по верному определению К.М. Симонова, «оказались одними из самых лучших стихов вообще, написанных об этом за последние годы, – страстными, гордыми, полными благодарности за судьбу своего народа».

К шедеврам гулиевской поэзии принадлежит и небольшое сюжетное стихотворение «Олень». Раненый, истекающий кровью, олень загнан на непреступную кручу и окружен врагами. Ему дается два выхода: или сдаться живым в руки врагов, навеки покориться им, стать их рабом, или же ринуться вниз, в пропасть и погибнуть, но не сдаться врагам. Олень выбирает второй путь. На минуту, которая во много раз дороже, чем долгая, но бесславная жизнь, он уподобился вольной птице и полетел в бездну. Погиб олень, но свободой своей он не поступился. На оригинальном поэтическом материале патриарх абхазской поэзии вновь подтверждает непреложность гениальных слов Ш. Руставели: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем без славных дней позор». Поэт завершает стихотворение строфой:

А мне захотелось сегодня
Поведать вам песню о том,
Что лучше погибнуть свободным,
Чем жить, оставаясь рабом.
(Перевод М.А. Соболя)

В поэзии Д.И. Гулиа счастливо сочетаются глубокие философские раздумья, основанные на богатом жизненном опыте писателя-энциклопедиста, с завидным юношеским пылом и задором, свидетельствующим о вечно молодой, нестареющей душе поэта (циклы стихов «Лето в горах», «Стихи о любви», «В нашей деревне» и другие).

Не только в широких эпических полотнах, но и в небольших лирических стихах Д.И. Гулиа умеет просто, непринужденно выражать глубокие мысли. Ассоциативность, образность, умение, казалось бы, в частном, маленьком обыденном факте видеть нечто общее, значительное – характерные черты вообще всей поэзии Д.И. Гулиа, с еще большей силой проявившиеся в последние годы его жизни. Вот, к примеру, одно из обыкновенных, так сказать «рядовых», стихотворений поэта – «Тропинка туристов» (из цикла

«Лето в горах», 1954 г.). Кристально чистый, «на зеркало похожий» родничок у туристской тропинки в горах Абхазии зазывает к себе путников утолить жажду, и те охотно принимают приглашение:

Кто пройдет тропинкой, тот нагнется
И всегда из родника напьется.
Вот пришли ребята из столицы
И свои в нем увидели лица.
Отразились в нем попеременно
Белорусы, латыши, туркмены.
А за ними следом и другие
Наши люди, братья дорогие.
Мал родник, но он течет, не тужит,
Он со всей большой страной дружит.
(Перевод М.А. Соболя).

В нескольких строках поэту удалось выразить и гордость хрустальным родничком, под которым, конечно, подразумевается маленькая, но прославившаяся на весь мир своим радушным гостеприимством Абхазия, и любовь ко всем народам нашей великой Родины, которых автор называет не иначе, как «наши люди, братья дорогие». В этом раскрывается подлинное лицо поэта-интернационалиста, певца и глашатая дружбы народов. Как известно, в последние годы Д.И. Гулиа, как бы подводя итоги своей многолетней работы, часто рассуждал о роли и назначении поэзии. Он написал ряд литературно-критических статей, в которых подчеркивал важную общественную функцию поэзии. Однако не только в теоретических статьях выразилась эта мысль поэта, но прежде всего она нашла воплощение в его художественной, поэтической практике. В цикле «О поэзии» (1954 г.) у Д.И. Гулиа есть стихотворение под названием «Лесоруб», в котором ярче всего изложено поэтическое кредо автора, его мысли о роли и назначении поэзии в жизни народа. Разные птицы на все лады распевают в лесной чаще свои песенки, напоминающие то «напев свирели», то «разбойный свист», «звон ручья в апреле» или же «лирические трели». И все это кажется приятной музыкой. Но вдруг в этом шумном оркестре возникает завладевший всем существом поэта «могучий, самый главный звук» – стук топора лесоруба, прокладывающего дорогу

сквозь лесную чащу, не боясь ни шипов, ни колючек, безжалостно жалящих его.

Звук топора, веселый стук – люблю!
 Упрямый труд рабочих рук – люблю!
 – восклицает поэт и, обращаясь к собрату по перу, замечает:

Поэт!
 Приятна мне музыка твоя,
 Похожая на пенье соловья,
 На щебет птиц, на тонкий звук ручья...
 Но во сто раз ты будешь мне дороже,
 Войдешь в сердца, народу станешь люб,
 Когда стихами людям путь проложишь,
 Как проложил сквозь чащу лесоруб.
(Перевод М.А. Соболя)

Гордость за человека-творца, создающего все блага земные, любовь к простым, добрым людям планеты Земля и особенно же к народам нашей великой страны, проходят лейтмотивом через всю поэзию Д.И. Гулиа пятидесятых годов. В стихотворении «Я все могу...» поэт гордо заявляет:

Я все могу:
 Подняться в высоту,
 Пospорить с быстрой птицей на лету,
 Создать моря и передвинуть горы...
 Я все могу:
 Перебороть года,
 Чтоб жили в песне молодость и сила,
 И сердце разрывать себе, когда
 Тебе, мой друг и брат, невыносимо,
 Стою под солнцем, землю берегу...
 Я человек, Я все могу.
(Перевод М.А. Соболя).

В другом же произведении поэт искренне сожалеет о том, что хотя и дожил он до седин, однако не встретил еще в жизни многих

и многих хороших людей, количество которых исчисляется не сотнями и тысячами, даже не миллионами, а миллиардами. И вот он очень и очень хотел бы:

Всех бы приветствовать песней и смехом,
 Наше вино распивать под орехом,
 Слушать рассказы по целым часам,
 Слат бы посланья по их адресам,
 В долгой разлуке тоскою томиться!..
(Перевод М.А. Соболя)

Эпические поэтические произведения Д.И. Гулиа (поэмы: «Песнь об Абхазии», «Мой очаг», «Песнь о народе», «Осень в деревне») дают яркое художественное отражение важнейших событий в истории нашего народа как до революции (махаджирство в поэмах «Песнь об Абхазии», «Мой очаг»), так и в советские годы (героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны в поэме «Песнь о народе» и борьба за восстановление разрушенного войной народного хозяйства и дальнейшее его развитие в поэме «Осень в деревне»). Родной очаг, разрушенный коварными врагами и возрожденный к жизни с помощью бескорыстных, добрых друзей, – таков лейтмотив не только поэмы «Мой очаг», но и всей поэзии, всего творческого наследия Д.И. Гулиа, который видел возможность процветания экономики и культуры родного народа только лишь в тесной связи, в нерушимой дружбе с великим русским и другими народами нашей необъятной Родины.

С именем Д.И. Гулиа связано и зарождение абхазской прозы. Его рассказ «Под чужим небом» (1918 г.), роман «Камачич» (1940 г.), сборник коротких рассказов-миниатюр (1942 г.) навсегда вошли в золотой фонд абхазской литературы.

«Камачич» – один из первых романов в абхазской прозе (начат был в 1933 году и завершен в 1940 году). В 1935 году Д.И. Гулиа сообщал читателям: «Я сейчас пишу роман «Камачич» из жизни абхазской женщины. Эта тема особо дорога мне тем, что ее мне навевал сам народ, его богатый и разнообразный фольклор... Путь абхазской женщины, как и путь многих женщин при царизме, был тяжелым и безрадостным. Рассказать о нем нашему молодому по-

колению – большая и ответственная задача» («Альманах писателей Абхазии», №2, Сухум, 1936, с. 91).

В романе резко, контрастно противопоставлены две социальные группы, два лагеря – трудовое крестьянство и их угнетатели. После долгих, мучительных поисков героиня романа Камачич находит единственно верный путь – путь борьбы с оружием в руках против классовых врагов. Убийство ею в финале романа спесивого дворянина Татластана воспринимается нами не столько актом личной мести, сколько мстью социальной, направленной вообще против всех эксплуататоров.

Роман подкупает манерой свободного, сказового повествования, острым социальным конфликтом, тонким знанием и умелым изображением автором этнографического быта абхазов.

Прочитав роман «Камачич», известный советский писатель Н.С. Тихонов так передал свое первое впечатление: «Мне казалось, что автор гипнотизирует меня, передавая мне свои ощущения, он так зримо ведет меня сквозь боль и мрак прошлой жизни абхазского народа, что я уже никогда не забуду того, что узнал долгой осенней ночью» (ж. «Знамя», № 2, 1964, с. 69).

Роман «Камачич», повествующий о тяжелой судьбе дореволюционной абхазской женщины, справедливо признан в нашей критике художественной энциклопедией абхазской действительности конца XIX – начала XX века.

Д.И. Гулиа всегда с большим интересом следил за развитием национального театрального искусства. Он отлично понимал, что театр, живое слово актера – самый надежный рычаг пропаганды передовых, прогрессивных идей среди широких народных масс, незаменимое средство приобщения в прошлом отсталого народа к достижениям цивилизации. Еще в годы господства меньшевиков в Абхазии, находясь на педагогической работе, он организовал в Сухумской учительской семинарии драматический кружок, который, к сожалению, в те годы из-за неблагоприятных условий не смог особенно широко развернуть свою деятельность. Плодотворной была деятельность любительской театральной труппы, которая была организована Д.И. Гулиа уже после установления Советской власти в Абхазии. Репертуар этого коллектива был составлен в основном из передовых русских и грузинских драматических произведений (небольшие одноактовые пьесы и водевили Захарова, Ац-

курели: «Да здравствует свобода!», «Двое голодных», «Ненастный день» и другие). Причем перевод, осуществленный Д.И. Гулиа, был вольным, приближенным к условиям абхазской действительности. Эта любительская труппа впоследствии переросла в профессиональный коллектив национального театра Абхазии, который в настоящее время успешно ставит на своей сцене как оригинальные, так и переводные драматические произведения. Подлинным украшением репертуара этого театра является социально-психологическая драма Д.И. Гулиа «Призраки», вот уже более двух десятков лет не сходящая со сцены. Звериные инстинкты частных собственников и силы, пробуждающиеся и поднимающиеся против них, ярко и колоритно запечатлены в этой драме.

В целом все художественно-литературное наследие Д.И. Гулиа представляет собой как бы одно широкое полотно, на котором ярко и контрастно изображаются картины из неприглядного прошлого, и счастливого настоящего родного края.

Много внимания уделял Д.И. Гулиа и переводческому делу. Он считал, что воспитывать художественный, эстетический вкус народа нужно не только на оригинальных произведениях, но не в меньшей степени путем приобщения его к лучшим художественным достижениям других народов, с целью чего он сам переводил и настойчиво советовал своим соратникам и ученикам переводить на родной язык шедевры русской, грузинской и вообще мировой классической и современной литературы. Сам он перевел на абхазский язык такие выдающиеся памятники русской и грузинской классики, как «Слово о полку Игореве» (совместно с М.Д. Гочуа), «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Воспитатель» А.Р. Церетели, «Сурамская крепость» Д.Г. Чонкадзе, а также многие поэтические произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Т.Г. Шевченко, Н.М. Бараташвили, И.Г. Чавчавадзе, А.С. Исаакяна, К.Л. Хетагурова и других.

К переводческому делу Д.И. Гулиа относился с большой гражданской и художественной ответственностью. Он считал, что переводчик обязан постичь не только и не столько букву, сколько дух оригинала, его идейное и поэтическое своеобразие и отыскать адекватные средства для сохранения этих особенностей и в переводе. Уже успешно завершив многолетний свой труд над переводом гениальной поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Д.И. Гулиа писал в 1941 году: «Едва ли придется говорить о той

ответственности перед читателем, перед собственной творческой совестью, когда я взялся за перевод поэмы на абхазский язык. Поэму Руставели я знаю давно, еще с малых лет. Но мне пришлось много изучить ее, много нового для себя открывать в ней, прежде чем приступить к работе. Я не только хотел точно передать абхазскому читателю содержание поэмы – это было бы половиною дела, – я добивался, насколько возможно сохранить в переводе замечательный язык, образы, а главное – музыкальность».

Поэзия гениального Руставели стала настолько близкой и родной для Д.И. Гулиа, что впоследствии сам он в своей творческой практике нередко обращался к любимейшей форме руставелевского стиха. В частности, высоким руставелевским шаири (шестнадцатисложная стихотворная строка, с обязательной цезурой после восьмого слога и со сплошной рифмовкой строфы) написаны его стихи о Руставели: «Гений веков» и «Памятник Руставели в Сухуми», ярко раскрывающие немеркнувший образ поэта.

Образ Шота Руставели – словно бездонное море,
Храбрость Шота Руставели – вихрем вспененное море,
Бурная жизнь Руставели – неутомимое море,
Кротость Шота – словно солнцем осеребренное море...
(«Памятник Руставели в Сухуми». Перевод В.А. Потаповой)

А чтобы глубже понять, почувствовать неповторимый поэтический мир Тараса Шевченко, над переводом поэзии которого он работал в конце 30-х годов, чтобы увидеть своими глазами преобразенную Украину, Д.И. Гулиа уже в преклонном возрасте совершает далекое путешествие на родину великого Кобзаря. Сам поэт так определяет цель своей поездки: «Моей давней мечтой было повидать счастливую Советскую Украину, познакомиться с ее социалистическим строительством и культурой, почерпнуть вдохновение для своей творческой работы, повидать и поклониться праху великого украинского поэта-революционера Тараса Григорьевича Шевченко... Главная цель моих творческих намерений, направлена к тому, чтобы еще больше закрепить ту дружбу, которая существует между братскими украинским и абхазским народами, закрепить связь украинской и абхазской поэзии (газ. «Вісти», от 29 сентября 1939 г.).

Творческим итогом этой поездки, помимо превосходного перевода целого ряда стихов и поэм Т.Г. Шевченко, а также биографического очерка об их авторе, явилось замечательное стихотворение Д.И. Гулиа «Великий Тарас». Свое восхищение неукротимым духом Кобзаря Д.И. Гулиа выразил в следующих строках:

Мучился. Страждал. Глядел непокорно,
Но к светлой цели стремился упорно.
Не угасал в тебе дух огневой,
Как загоревшийся дуб вековой.
(Перевод С.Ю. Куняева).

Особенно же радует Д.И. Гулиа то, что мечты великого Кобзаря сбылись, трудовой народ разорвал тяжелые оковы, зажил свободно, счастливо и прославляет имя своего непревзойденного певца. В этом и заключается бессмертие настоящего поэта:

– Нет, ты не умер, Великий Тарас
Ты вместе с нами. Ты среди нас!

Эти слова, адресованные Дмитрием Гулиа Тарасу Шевченко и выражающие чувство всенародной любви к глашатаю свободы и справедливости, могут быть с полным основанием переадресованы и самому нашему народному поэту.

Благородному примеру своего наставника последовали и другие абхазские писатели. В настоящее время переведены на абхазский язык такие классические произведения, как «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Воскресение» и «Хаджи Мурат» Л.Н. Толстого, «Ревизор» и «Женитьба» Н.В. Гоголя, рассказы и повести А.П. Чехова и А.М. Горького, И.Г. Чавчавадзе, А.М. Казбеги, Важи Пшавелы, Эгнате Ниношвили, произведения У. Шекспира, Ф. Лопе де Вега, Ф. Шиллера, Г. Гейне, Э. Хемингуэя, произведения советских писателей: Н.А. Островского, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, К.Г. Паустовского, К.С. Гамсахурдиа, К.А. Лордкипанидзе, Г.В. Табидзе, Г.Н. Леонидзе, И.В. Абашидзе, Н.В. Думбадзе и многих других.

* * *

Наряду с литературно-творческой деятельностью Д.И. Гулиа вел плодотворную научно-исследовательскую и педагогическую

работу. Еще до революции, будучи преподавателем абхазского языка в разных сельских и городских школах Абхазии (в селах Кутол, Тамыш, Киндги, в Сухумской женской гимназии, учительской семинарии, преобразованной в советские годы в педагогический техникум), Д.И. Гулиа проводил большую работу по сбору, публикации и исследованию народно-поэтического творчества абхазов. Образцы устной поэзии, записанной им, публиковались в различных сборниках, журналах и газетах, издававшихся в Тифлисе и Сухуме. В 1907 году был опубликован составленный им сборник абхазских пословиц и поговорок. И впоследствии этот сборник, дополненный новыми материалами, дважды переиздавался. Материалы же бытовой лирической поэзии, которые собирались Д.И. Гулиа в течение многих десятков лет, вошли в книгу «Абхазская народная поэзия», опубликованную им совместно с Х.С. Бгажба в 1941 году (переиздана в 1972 году).

Много труда и времени отдал Д.И. Гулиа вопросам разработки норм абхазского литературного языка. Он отлично понимал важность этой проблемы в деле развития национальной культуры. Собранные им еще в 20-х и 30-х годах материалы по терминологическому словарю, а также его статьи и материалы по разным отраслям лексики абхазского языка (абхазские омонимы, синонимы, омографы и другие) не потеряли своего научного значения и по сегодняшний день.

Абхазский язык Д.И. Гулиа не только разрабатывал теоретически или же использовал его в своей творческой практике, но он заочно, с большим энтузиазмом обучал ему молодое поколение. Наряду с преподаванием в школах Абхазии, Д.И. Гулиа первым начал чтение курса лекций по абхазскому языку в Тбилисском государственном университете (1924–1925 гг.). Курс этот был продолжен впоследствии академиками С.Н. Джанашиа и К.В. Ломтатидзе.

При всей увлеченности разными отраслями абхазоведения основной научный интерес Д.И. Гулиа лежал в области истории и этнографии абхазов. Именно по этим вопросам автором опубликован целый ряд статей и монографий, из числа которых особо выделяется его капитальный труд «История Абхазии» (Т. I), изданный в Тбилиси в 1925 году. В этом труде освещается история Абхазии с древнейших времен до X века нашей эры. В предисловии Д.И. Гулиа так определял цель своей работы: «Главная цель нашего труда

– привлечь внимание к абхазскому языковедению, возбудить интерес к проблемам, связанным с историей прекраснейшей в мире, столь богатой красотами природы страны, и побудить научные круги обратить внимание на абхазоведение». Труд этот, обобщающий достижения историко-этнографической и лингвистической науки того времени по вопросам абхазоведения и содержащий богатый фактический материал, не лишен значительного интереса и для современных исследователей, несмотря на то, что отдельные теоретические положения автора не подтвердились последующим развитием науки.

Вообще Д.И. Гулиа постоянно заботился о развитии науки в Абхазии. Еще в середине 20-х годов он стал одним из инициаторов создания, а вскоре и руководителем Академии абхазского языка и литературы, преобразованной впоследствии в Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории АН ГССР, носящий сегодня имя Д.И. Гулиа. С первых же дней открытия этого института (1931 г.) и до конца своих дней Д.И. Гулиа постоянно работал в данном научном учреждении в качестве старшего научного сотрудника.

Должен быть отмечен также важный вклад Д.И. Гулиа в разработку абхазской учебно-методической литературы, в дело составления учебников, учебных программ и пособий. Он является автором многих издававшихся в разные годы учебников и учебных пособий по родному языку и литературе для учащихся разных классов средней школы.

* * *

В развитии национальной культуры, в частности литературы, Д.И. Гулиа всегда придавал решающее значение воспитанию молодой творческой смены. Еще в 1919 году при Сухумской учительской семинарии, где он работал преподавателем родного языка, организовал литературный кружок, выпускавший свой рукописный журнал «Утренняя звезда» («Шарпы-иацва») И вот, после разбора одного из очередных номеров этого журнала, Д.И. Гулиа писал в газете «Апсны»: «Наши питомцы читали свой журнал «Утренняя звезда», и с той поры я убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я видел яркую утреннюю звезду и надо полагать, что скоро станет светло».

И впоследствии, в годы советской власти, он постоянно и внимательно следил за ростом молодых писателей, заботливо поддерживал и направлял их творческие способности, ибо он отлично понимал, что настоящая, большая литература может быть создана только лишь коллективным усилием талантов, а не отдельными гениями. Вот что сам Д.И. Гулиа писал по этому поводу: «Литература не создается одним гением или двумя. Литература в наше время – это большой поток, а большой поток может быть делом только многих писателей, множества талантливых и просто способных литераторов» (Сочинения, Т. IV, Сухуми, 1962, с. 192).

Образно сравнивая литературное творчество с полем битвы, а поэта со знаменосцем, в стихотворении «Знамя» поэт подчеркивал необходимость преемственности, продолжения традиции:

Но знаменосец ранен вдруг
И насмерть. И тогда-то,
Позвав своих, глядит вокруг,
Чтоб знамя из ослабших рук
Взяла рука солдата,
Поэт! Не так ли счастлив ты,
Свершив свой подвиг, зная:
Друзья при штурме высоты
Твое поддержат знамя?
Ты пал.
Оно ведет вперед
В труде и в битве твой народ.
(Перевод Ю.П. Гордиенко).

Подытоживая свой долгий жизненный и творческий путь, Д.И. Гулиа без всякой рисовки, искренне заявлял, что он доволен своей жизнью, своей работой, так как она была целиком посвящена народу. Уходя из жизни, он не испытывал тревожных чувств относительно дальнейшей судьбы того дела, которому он отдал всего себя. Он был спокоен за судьбу родной литературы, так как твердо убедился сам в том, что дело всей его жизни перешло в надежные руки, и теперь оно будет продолжено не художниками-одиночками, а целым отрядом талантливых писателей. Д.И. Гулиа был убежден, что и маленький народ может создать большую

литературу. Он приводил в качестве примера сто шестидесятитысячную Исландию.

Само творчество Д.И. Гулиа и созданная им, его соратниками и последователями абхазская литература также блестяще подтверждает эту мысль поэта. Сегодня абхазская литература не замыкается рамками нашей республики. Она давно перешагнула рубежи родного края и вышла на всесоюзную, а через нее и на мировую арену. Наряду с творчеством Д.И. Гулиа, среди широких читательских кругов нашей великой Родины приобрели известность и популярность такие поэты и писатели, как Самсон Чанба, Иуа Когониа, Иван Папаскир, Баграт Шинкуба, Иван Тарба, Михаил Лакрба, Алексей Ласуриа и многие другие.

Самоотверженный, титанический труд Д.И. Гулиа на ниве культуры и просвещения родного народа находил понимание и поддержку со стороны представителей передовой абхазской интеллигенции еще до революции.

Так, например, в 1919 году, тогда еще молодой Михаил Лакрба посвящает Дмитрию Гулиа стихотворение, в котором называет его «единственной гордостью» и «единственной неугасимой надеждой» абхазского народа (газ. «Апсны», 07 мая 1919 г.). А другой молодой автор – Михаил Чалмаз писал: «У нас, абхазцев, появился человек, которому под силу написать нашу историю и сберечь ее... Этот единственный человек – Дмитрий Гулиа... Что ему делать в первую очередь? За что браться? Обучать наших детей азбуке, писать статьи и стихи или абхазскую историю? Этот человек столько успевает, что нельзя не поразиться. Когда же сумеем мы оценить и поддержать его?» (газ. «Апсны», 28 мая 1920 г.).

Однако такую действенную помощь и поддержку Д.И. Гулиа мог получить только лишь при Советской власти, когда он сумел всю развернуть свою кипучую многогранную деятельность. Но нельзя сказать, что и тогда он не встречал никаких помех. Сам поэт весьма определенно говорит об этом в автобиографии, написанной под конец жизни, в 1958 году: «Когда мне слишком «левые» абхазские товарищи рисовали картину «мировой революции», в которой Абхазия всего-навсего малозначащая капля, у меня – не скрою – невольно выпадало перо из рук. Стоит ли трудиться ради капли, которая все равно испарится? Но жизнь показала, что стоит, что можно и должно работать во имя даже капли. Если хорошо

потрудиться – она не испарится. Она устоит. Тем более, если тебе помогают более многочисленные народы» (Д.И. Гулиа. Избранное. Сухуми, 1973, с. 10).

Но в целом, конечно, такие помехи не могут идти ни в какое сравнение с той поистине всенародной поддержкой и вниманием, какие он постоянно ощущал на себе. Творчество Д.И. Гулиа нашло широкое освещение в нашей литературной критике. Ему посвящены книги М.К. Делба, Х. С. Бгажба и К.Л. Зелинского, Г.Д. Гулиа, Ш.Д. Инал-ипа, Г.К. Гублиа, О.Г. Чургулиа, В.П. Пачулиа. По его творчеству пишутся и защищаются диссертации (Г.К. Гублиа, К.Х. Килба). Нет почти ни одного абхазского поэта, который не воспел бы в проникновенных строках образ патриарха нашей литературы. Особое внимание заслуживают в этом отношении посвященные Дмитрию Гулиа стихи Михаила Лакрба, Леварсы Квициния, Баграта Шинкуба, Алексея Ласуриа, поэма Ивана Тарба «Прошу слова», а также очерки и воспоминания старших наших писателей: Самсона Чанба, Ивана Папаскир, Дзадза Дарсалия, Мушни Хашба и других.

Однако круг знакомств и встреч Д.И. Гулиа далеко не ограничивался абхазскими друзьями и собратьями по перу. Он был дружен с большой семьей советских писателей и ученых. Двери его дома были всегда настежь открыты для дорогих гостей. Д.И. Гулиа не раз встречался с такими выдающимися советскими писателями, как А.Н. Толстой, А.А. Фадеев, В.Я. Шишков, Н.С. Тихонов, К.М. Симонов, Ш.Н. Дадиани, Г.В. Табидзе, Г.Н. Леонидзе, с известными учеными, академиками Н.Я. Марром, И.А. Джавахишвили, А.Г. Шанидзе, Г.С. Ахвледиани, А.С. Чикобава, К.С. Кекелидзе и другие.

Эти выдающиеся деятели науки и литературы исключительно тепло отзывались о нем как о гражданине и деятеле культуры и науки. Так, например, акад. Н.Я. Марр писал о нем: «Бесспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый ни в Европе, ни на Кавказе». Известный грузинский писатель Ш.Н. Дадиани назвал Д.И. Гулиа «орлом абхазской поэзии», а деятельность его, по его же словам, напоминает горную реку, которая вырвалась из своих каменистых стен и принесла в долину народу жизнь и счастье, тепло и свет» (газ. «Заря Востока», 22 февраля 1959 г.).

Н.С. Тихонов видел в Дмитрии Гулиа «нестареющий пример для молодежи», а другой большой русский советский поэт К.М. Симонов так вспоминал великого сына абхазской земли: «С первых дней знакомства, а потом и душевной близости этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. Да только ли для меня? Есть много людей, которые вместе со мной могут повторить эти слова» («Литературная газета», 12 апреля 1960 г.).

Много, очень много таких высказываний – очерков, стихов, теплых, задушевных строк, в которых запечатлен неповторимый облик большого советского поэта, основоположника нашей литературы Д.И. Гулиа.

Большие заслуги Д.И. Гулиа перед народом высоко были оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Еще в 1937 году ему было присвоено почетное звание Народного поэта Абхазии и присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Д.И. Гулиа являлся кавалером ордена Ленина и ряда других орденов и медалей СССР. Неоднократно избирался он депутатом Верховного Совета СССР и Абхазской АССР, был почти постоянным членом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Произведения Д.И. Гулиа выходили большим тиражом как в оригинале, так и в переводах на русский, грузинский и другие языки. При жизни поэта дважды издавалось четырехтомное собрание его сочинений.

В знак глубочайшей благодарности за выдающиеся заслуги и в целях увековечения его памяти в центре г. Сухум, над могилой поэта, воздвигнут величественный памятник, высеченный из цельного гранита. Имя Д.И. Гулиа присвоено многим школам, улицам, научным и культурно-просветительным учреждениям Абхазии. В частности, помимо научно-исследовательского института, о котором говорилось выше, имя поэта носит Абхазский краеведческий музей Министерства культуры Республики, именем Д.И. Гулиа названа Тамышская средняя школа Очамчырского района, в которой еще до революции начинал свою педагогическую деятельность будущий поэт.

В юбилейные дни в г. Сухум был открыт литературно-мемориальный Дом-музей Д.И. Гулиа. Решением союзного правительства одному из океанских лайнеров присвоено имя Дмитрия Гулиа. В Москве в серии «Жизнь замечательных людей» была опубликована, выдержавшая два издания книга известного советского писате-

ля, сына Дмитрия Гулиа – Георгия Гулиа под названием «Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце». В целях дальнейшей активизации творческой жизни в республике учреждена специальная премия – Диплом имени Дмитрия Гулиа. Премия присуждается за лучшие произведения литературы и искусства в два года раз (с 1983 г. – Государственная премия Абхазской АССР им. Д.И. Гулиа). Первыми ее лауреатами в 1967 году стали известный романист И.Г. Папаскир и народный поэт Абхазии Б.В. Шинкуба, в 1971 году талантливый поэт и прозаик И.К. Тарба и молодой художник Т.А. Ампар. А в 1974 году, в юбилейном году, премия была присуждена писателям Г.Д. Гулиа, Г.К. Гублиа, А.Н. Гогоуа, Ч.М. Джонуа и скульптору Г.Н. Рухадзе – автору памятника Д.И. Гулиа в Сухуме.

Еще при жизни народного поэта неоднократно праздновались его юбилеи. Особенно широко было отмечено 80-летие со дня рождения Д.И. Гулиа в 1954 году. Юбилейные торжества прошли как в городах и районах Абхазии, так и в Тбилиси и Москве.

1974 год был годом столетия Д.И. Гулиа. Это особая дата в истории абхазской национальной культуры, и она отмечалась широко и торжественно не только в Абхазии и Грузии, но и во всесоюзном масштабе. В Сухуме изданы однотомники избранных произведений Д.И. Гулиа на абхазском, грузинском и русском языках: в Ленинграде в Большой серии «Библиотека поэта» вышел сборник его поэтических произведений, а в Москве в издательстве «Художественная литература» – однотомник избранных произведений с предисловием К.М. Симонова. Абхазский институт языка, литературы и истории приступил к подготовке к печати собрания сочинений Д.И. Гулиа в шести томах, первые три тома которого уже составлены, а в текущем году будет завершена полностью работа над всеми томами (в настоящее время названное собрание уже издано полностью). Проведены научные сессии, творческие встречи. Завершающим этапом этого всенародного праздника стали юбилейные торжественные заседания в Тбилиси и Сухуме в сентябре, а в Москве – в октябре 1974 года.

Юбилей Д.И. Гулиа – это не только дань уважения и благодарности выдающемуся сыну абхазского народа, но и яркий пример того как мощно расцвели экономика и культура всех народов, сплоченных в единую, семью – Союз Советских Социалистических Республик.

1974

2.2. МУДРОСТЬ И ДАЛЬНОВИДНОСТЬ ПАТРИАРХА

21 февраля 1874 года, на абхазский небосклон возшла яркая, пленительная, доселе неведомая звезда. Причем феномен этот был не космический и не мифический, а совершенно реальный, земной, связанный с рождением в типичной крестьянской семье долгожданного младенца с необычной исторической миссией – стать духовным наставником и спасителем малочисленного своего народа.

Этим чудо-младенцем, будущим мессией и был Дмитрий Иосифович Гулиа, сызмальства хлебнувший сполна из чаши народной все горести и радости. Ему суждено было еще в четырехлетнем возрасте испытать на себе все «прелести» заморской махаджирской жизни в Турции, куда он попал вместе с родителями во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. К счастью, недолго пришлось ему мыкаться на чужбине.

Однако и после возвращения в родные края жизнь его оказалась далеко не безоблачной. Социальные и национальные преграды, чинимые на каждом шагу широким народным массам, не давали свободно раскрыться таланту несомненно одаренного от природы юноши.

И тем похвальнее, что со временем он не только одолел эти препоны, но и сумел достичь небывалых для своего времени высот культуры, став основоположником абхазской художественной литературы, одним из зачинателей абхазоведческой науки: видным историком, этнографом, языковедом, фольклористом, организатором первых передвижных театральных трупп, основателем и первым редактором первой абхазской газеты «Апсны», одним из создателей и первых председателей Академии абхазского языка и литературы, первым переводчиком мировой классической литературы на абхазский язык и инициатором многих-многих других культурных начинаний, которые впоследствии получили дальнейшее развитие в творчестве профессиональных деятелей в каждой из этих отраслей.

О роли, месте и достижениях Д.И. Гулиа на ниве абхазской литературы, культуры и науки писалось много как местными авторами,

так и учеными и писателями из ближнего и дальнего зарубежья, в том числе кое-что и автором этих строк. Всеми исследователями единогласно и безоговорочно признается непререкаемый авторитет великого художника слова, создавшего неповторимые шедевры во всех жанрах абхазской новописьменной литературы – в поэзии, прозе и драматургии.

И на самом деле, без стихов Д.И. Гулиа «Ходжан Большой», «Милое создание», «Назхара», «Родина», «Олень», «Вот кто я...», без рассказа «Под чужим небом» и романа «Камачич», без драмы «Призраки» невозможно представить себе реальную картину развития абхазской литературы.

То же самое нужно сказать и о научном наследии автора, о его разысканиях в области истории, этнографии, языка и фольклора абхазов, и в первую очередь о его капитальном труде «История Абхазии» (1925 г.). Эти исследования стали базой, прочным фундаментом и надежным источником, откуда берут свое начало целые отрасли и направления в современной абхазской гуманитарной науке.

Не повторяя общеизвестные азы из жизни нашего великого патриарха, хотелось бы в данной статье коротко остановиться на одном несколько деликатном вопросе, время от времени мелькающем в нашем обществе (иногда даже в печати, но чаще в закулисных разговорах).

Дело в том, что иногда некоторые наши не совсем далекие деятели, так сказать, не в меру ретивые, горячие головы то приглушенно, а то и во весь голос выражают недоумение по поводу того, как, мол, это ему, Дмитрию Гулиа, центральной фигуре нашей национальной элиты, удалось в столь мрачные, тяжелые времена избежать участи десятков и сотен безвинно репрессированных, зверски замученных земляков и при этом остаться цел и невредим. Уже такая постановка вопроса не может не бросить некую тень на моральный облик всенародного кумира. Хотелось бы по этому поводу высказать свои, в чем-то и субъективные, соображения.

Выход Д.И. Гулиа на историческую арену пришелся на исключительно сложную, противоречивую эпоху. Это было на стыке двух веков – девятнадцатого и двадцатого, когда всюду бушевали социальные, национальные и политические страсти, когда не так-то легко было выстоять среди хаоса и кутерьмы. Однако Д.И. Гулиа, всегда прочно опиравшийся на народные массы, не только не спа-

совал перед трудностями, но последовательно, целенаправленно, без излишней суеты и паники продвигался вперед по извилистой, не всегда безопасной тропе к намеченной, единственно верной цели – к просвещению, духовному возрождению абхазского народа.

На этот благородный, мессианский путь Д.И. Гулиа встал можно сказать, с самых отроческих лет, будучи еще учеником сухумской горской школы, когда он с помощью опытного учителя подготовил к изданию абхазскую азбуку для обучения абхазских детей грамоте на родном языке и всю свою долгую творческую жизнь шел по этому пути, ни разу не свернув с него.

Д.И. Гулиа никогда не занимал в официальной служебной иерархии высоких чиновничьих постов, не был ни партийным, ни политическим лидером, всю жизнь был скромным, рядовым тружеником. И тем не менее Д.И. Гулиа стоял во главе, иначе говоря, в эпицентре всей культурной и духовной жизни своего народа. Для каждого абхаза он был непререкаемым авторитетом, притягательным маяком, к которому все тянулись, как к светочу разума. Поэт-патриарх, конечно, отлично сознавал свое лидирующее положение что начисто и категорически лишало его права на амбициозность и опрометчивость, на ошибку в действиях и поступках, особенно на ошибку при решении острых социальных и национальных проблем, что, к сожалению, часто возникали как при царской администрации, так и при сталинско-бериевско-шеварднадзевском режиме, характеризовавшимся открытым разгулом колонизаторско-ассимиляторской политики грузинских шовинистов в Абхазии. Такое особое положение Д.И. Гулиа обязывало его к нестандартному, неординарному образу действий: любой свой поступок, любой шаг он должен был трезво, хладнокровно продумать, всесторонне взвесить и точно сбалансировать, а не идти напролом, в лобовую. Причем такие требования предъявлялись именно ему как неофициальному, неформальному лидеру нации и никому-либо иному. В противном случае обвинения против него в отличие от любого другого члена общества, пусть даже самого высокопоставленного, могли обернуться непоправимой трагедией не только и не столько для него персонально, сколько для его народа в целом.

Именно такими экстремальными условиями и мучительными поисками тактических ходов по их преодолению объясняются, на наш взгляд, некоторые уступки или, как принято говорить, неко-

торые разумные компромиссы, на которые, скрепя сердце, вынужден был идти порою наш духовный наставник в художественном творчестве (отдельные произведения, такие, как «Песнь о Сталине», «Осень в деревне», созданные под влиянием культа личности и связанной с ним «теорией бесконфликтности»), так и в научной деятельности (навязанная ему критическая самооценка своих исторических исследований, в частности, злополучная брошюра «О моей книге «История Абхазии»). Однако в главном, стратегическом Д.И. Гулиа никогда не давал никаких послаблений, всегда был тверд, непоколебим, ревностно оберегая современные права и богатое, самобытное историческое прошлое своего народа, жил и творил именно с заботой о благе, а в мрачные времена – о физическом сохранении и без того немногочисленного народа любой ценой, любыми компромиссами. Ибо он не мог не знать, что черные времена не вечны, что за мутной погодой настанет ясный божий день, откроется чистое небо и новое бархатное солнце вновь оживит своими целебными лучами израненную землю.

2004

2.3. В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ (Абхазская литература 1955–1965 гг.)

К середине 1950-х годов в развитии абхазской литературы, как и всей советской литературы, наметился новый этап, вызванный экономическими и политическими изменениями, происшедшими в нашей стране за последние десять – пятнадцать лет. Исторические решения XX съезда КПСС, ликвидация последствий культа личности, восстановление ленинских норм во всех сферах жизни советского общества обусловили создание новых типических обстоятельств, в которых формируется и действует главный герой литературы – наш современник, глубокими, неразрывными корнями тесно связанный с жизнью всего советского народа.

В указанный период партией и правительством были осуществлены крупные мероприятия в области литературы и искусства. В частности, для активизации творческой жизни в Абхазии важное значение имели создание новых печатных органов – литературно-художественного и общественно-политического журнала «Алашара» («Свет», с 1955 по 1966 год выходил раз в два месяца, а с середины 1966 года – ежемесячно) и детского журнала «Амцабз» («Пламя», выходит с 1957 года), учреждение республиканской литературной премии – Диплома им. Д.И. Гулиа (ныне – Государственная премия Абхазской АССР им. Д.И. Гулиа), а также регулярное проведение съездов писателей и значительное расширение издательского дела в Республике.

Абхазскую литературу указанного периода характеризуют те же черты, что и всю многонациональную советскую литературу, а именно: «стремление к постановке и решению важных вопросов современности: требование полной, неурезанной и неприкрашенной правды; усиление внимания к проблемам нравственности; сознание необходимости искать новые формы» (История 1963: 650).

Герой большинства произведений абхазской литературы – это наш современник со всеми его радостями и горестями, с живыми человеческими страстями.

Отличительная черта нового героя – это, прежде всего, честность, правдивость и принципиальность, он смотрит на жизнь не сквозь розовые очки, а открытыми глазами, видит в ней как светлые, так и темные стороны и оценивает все это трезвым умом.

В указанные годы нашими писателями было создано немало интересных, волнующих произведений о дореволюционной Абхазии и о борьбе трудящихся за Советскую власть.

Новая проблематика находит свое отражение прежде всего в поэзии.

В творчестве Д.И. Гулиа этих лет остро и взволнованно зазвучали гражданские мотивы, о чем свидетельствуют стихотворения, посвященные Ленину, Коммунистической партии, Революции, Абхазии и т. д.

Приобрела новые черты, стала глубже лирика поэта. В ней нетрудно заметить страстную влюбленность поэта в жизнь, его философские раздумья о смысле жизни, высоком назначении поэзии (циклы стихов «О поэзии», «Весенние настроения»). В то же время его поэзия окрашена тонким, добродушным юмором, согрета завидным юношеским пылом и задором («Стихи о любви», «Лето в горах», «В нашей деревне», превосходно переведенные на русский язык С.Я. Маршаком).

Трагическим страницам истории Абхазии – махаджирству – посвящена лиро-эпическая поэма Д.И. Гулиа «Мой очаг», создания в эти годы.

Д.И. Гулиа не просто был наслышан о махаджирстве, не из книг вычитал сведения об этих событиях, а сам был живым современником и участником народной трагедии.

Поэма «Мой очаг» – не механическое воспроизведение фактов из жизни поэта. Автобиографические элементы здесь приобретают смысл широкого поэтического обобщения, символизируют судьбу родного края. Окрыленный нынешним состоянием своего очага, поэт восклицает:

Жив мой очаг! Он будет непрестанно
гореть, сиять
и жар свой отдавать
тем, кто вокруг,
кто настоящий друг,

кто прямо шел, с дороги не свернул,
навстречу людям сердце распахнул,
любви, отваге, радости навстречу –
всем самым светлым чувствам человеческим,
кто времени победный слышит гул.

(Перевод М.А. Соболя)

В эти годы раскрылся зрелый талант народного поэта Абхазии Б.В. Шинкуба. Он опубликовал на абхазском языке сборники: «Стихи и поэмы» (1956 г.), «Лето» (1962 г.), драматическую – поэму «Песня о скале» (1964 г.). Много сил и энергии отдал поэт также собиранию, изучению и публикации материалов абхазской народной поэзии (Шьынқәба 1959).

Не случайно одна из книг стихов Б.В. Шинкуба получила название «Лето». Оно само уже указывает на поэтический возраст автора, находящегося в зените творческого расцвета. Подобно тому, как летом солнце щедро одаривает людей теплом своих лучей, так и поэт дарит читателям теплом своего доброго, отзывчивого сердца.

Новые стихи Б.В. Шинкуба, несомненно, создают новый этап не только в творчестве поэта, но и во всей абхазской поэзии. Они глубоко вникают в суть жизненных фактов и событий, отличаясь филигранной отделкой («Солнце и комочек снега», «На скале», «Лето», «Говорила со мною Кумарча...» и многие другие).

В небольшом сюжетном стихотворении «У Ленина» (в оригинале «Абхазы у Ленина») через восприятие крестьян-абхазов, приехавших на прием к Ленину вскоре после установления Советской власти в Абхазии (март 1921 г.), поэт раскрывает дорогие черты любимого вождя – мудрость, дальновидность, органически сочетающиеся с неподдельной простотой и скромностью. Задушевная, теплая беседа, необычайная человечность вождя настолько воодушевили абхазских крестьян, что они даже несколько растерялись и допустили оплошность, которую до сих пор не могут простить себе:

Одного простить себе не можем –
Не сказали в памятный тотчас:
– Отдохни, Ильич, в наш теплый край
Ну хотя бы на недельку приезжай.

Самым знаменательным событием в абхазской литературе последнего десятилетия был выход крупного эпического произведения Баграта Шинкуба – романа в стихах «Песня о скале» (1965 г.). За это произведение автору в 1967 году одним из первых была присуждена Государственная премия Абхазской АССР имени Д.И. Гулиа.

«Песня о скале» повествует о тяжелом времени, о событиях, исключительно сложных и противоречивых – о крестьянском революционном движении в Абхазии в начале нашего века. Главный герой романа Кяхба Хаджарат – современник первой русской революции 1905–1907 годов. Этому «благородному разбойнику» посвящена в народе не одна песня, не одно предание.

Умело используя фольклорный материал, поэт не ограничивается воспроизведением основных сюжетных моментов народных сказаний (именно этим завершались попытки других абхазских писателей, обращавшихся раньше к образу Кяхба, как, например, драма М.О. Кове «Кяхба Хаджарат», повесть молодого прозаика А.Б. Возба «Кяхба Хаджарат» и другие). Б.В. Шинкуба создает оригинальное, отмеченное высокой художественностью, эпическое полотно, воспроизводящее широкую картину абхазской действительности в эпоху ожесточенной классовой борьбы.

В соответствии с исторической правдой Кяхба выведен в поэме стихийным революционером. Неграмотному, не вращавшемуся в среде революционной массы, простому крестьянскому юноше трудно было, безусловно, подняться до уровня сознательного, профессионального революционера. Но все действия героя, основанные на жгучей ненависти к феодалам-тиранам, к царским сатрапам и искренней любви к трудовому народу, объективно льют воду на мельницу революции.

Образ непоколебимого, храброго народного заступника ассоциируется в романе с могучей, гордой скалой, которую не в состоянии разрушить ни ураган, ни другая мощная стихийная сила:

Будет буря кружить вековые дубы
Будут тучи – темнее, чем дым из трубы,
Будет снежный буран, будет страшный обвал,
Будут молнии с громом взрываться у скал, –
Но скале, что до неба достала плечом,
И гроза нипочем, и обвал нипочем,

И кому та скала колыбелью была,
Когда буря качала ее и трясла,
Кто под гул водопадов ресницы смыкал
И в зарю на рассвете ладони макал, –
Тот рожден на большие дела. Он – скала.
И за это скале материнской хвала.

(Перевод Р.Ф. Казаковой)

Наряду с образом главного героя, удачей поэта следует признать и образ князя Шабата, который вызвал много споров и различные толкования на страницах периодической печати. Этот умный, образованный, объездивший Европу и отведавший плоды западной цивилизации, по-своему горячо любящий родную страну князь остается все же князем, не может преодолеть классовый барьер, отделяющий его мир от мира трудового народа. Шабат, как и Хаджарат, не удовлетворен окружающей действительностью. Но если Хаджарат обращен своим взором в будущее, ищет свои идеалы в грядущем, хотя еще отчетливо и не представляет себе этого будущего, то Шабат, наоборот, весь устремлен в идеализируемое им прошлое, к временам минувшим и невозвратным, мечтами о восстановлении которых он живет. Он хотел бы видеть Абхазию страной, в которой князья, дворяне и крестьяне живут дружно, мирно, во взаимной любви и полном согласии. Это выглядит таким же анахронизмом, как лук и стрелы, которыми забавляется герой, когда абхазские крестьяне бьются насмерть со своими угнетателями.

В поэме Б.В. Шинкуба выведена целая галерея образов, представляющих различные социальные слои общества предреволюционной Абхазии. Своей завершенностью и масштабностью, помимо упоминавшихся выше персонажей, выделяются: самоотверженная и преданная Хаджарату девушка Квараса, русский революционер Яков, крестьяне Куаста, Мац, угнетатели народа – князья Марытхва, Омар, Нахарбей, а также подлый предатель Джат.

По мотивам популярного народного предания написана также драматическая поэма Б.В. Шинкуба «Человек на скале».

Молодой, но умный и находчивый охотник Шансоу, чтобы спасти от неминуемой гибели своего старшего брата Кансоу, застрывшего на отвесной скале, всю ночь осыпал его оскорбляющими словами, чтоб тот не вздремнул и не сорвался со скалы. Жизнь Кансоу

была спасена, но он, не поняв добрых намерений своего брата, губит его. А мать, узнав о случившемся, гонит со двора старшего сына, который, осознав свою вину, бросается в пропасть.

Так из-за тугумия и вспыльчивости одного из братьев оборвалась жизнь двух молодых людей. Поэмой «Человек на скале» автор призывает людей к благоразумию и хладнокровию при решении сложных жизненных проблем.

В рассматриваемый период мужает и зреет творчество безвременно ушедшего из жизни поэта Алексея Ласуриа (скончался в 1959 г.). Высокая патетичность, гражданственность, полемическая заостренность оставались определяющими чертами его творчества. Лирический герой поэзии А.Е. Ласуриа – страстный патриот, жизнелюб, поборник передового, противник косного, отсталого. Патриотизм героя А.Е. Ласуриа не беспредметен. Это, прежде всего, любовь к своему родному краю, к Абхазии, к ее чарующей природе и героическому древнему народу («Здравствуй, Абхазия!», «Абхазия», «Дочь гор», поэма «Юбилейная»).

В стихотворении «Здравствуй, Абхазия!» выражено неподдельное чувство любви и к абхазской земле, на которой поэт родился и вырос, и к русской земле, давшей ему образование и интеллектуальную зрелость.

Поэт знает, что дома не ждут ни мать, ни отец, но все-таки его неудержимо тянет на родину:

Не собирала меня в дорогу
Мать родная весенним днем,
Мой отец не зарыл до срока –
До приезда – кувшин с вином,
Сиротою на белом свете
В раннем детстве остался я.
Мне отец и мать родная –
Та земля, на которой рос.
Горы, горы мои без края,
Вот и встретиться довелось!

Трогательно прощаясь со столицей, своей наставницей, поэт искренне благодарит ее за все заботы, которые она проявляла к нему, как к своему родному сыну:

Мне б работать и жить в столице...
Только там, где родился я,
Ждет – когда же он возвратится?
– Мать родная, земля моя.
До свидания, Москва моя!
Пусть хоть частью оплачен будет
Долг мой вечный перед тобой
Тем, что жить помогу я людям
Всеми знаниями, всей судьбой...
(Перевод М.А. Соболя)

Любовь к родному краю не только не препятствует лирическому герою поэзии А.Е. Ласуриа понимать, любить и ценить красоты других краев нашей великой Родины в целом, но даже становится необходимым условием для возникновения такого чувства:

... Москвичка,
Я тебе не солгу,
Не обману тебя:
Я землю твою любить могу,
Лишь землю свою любя.
(«Под Москвой», перевод А.М. Кронгауза)

Тема дружбы народов занимает большое место в творчестве А.Е. Ласуриа (стихи «Новогодний стол», «К сестре», «Первомайское путешествие», поэма «Незабываемое», повесть «Луч» и другие). Воспевая братство и дружбу между всеми народами Советского Союза, между простыми людьми всех стран мира, поэт видит образец такой дружбы в отношениях между русским народом с народами национальных республик нашей Родины, в частности, между абхазами и русскими. Вот как А.Е. Ласуриа раскрывает это чувство в стихотворении «К сестре». В Москву, к молодому поэту, еще студенту, приходит теплое письмо из солнечной Абхазии от родной сестры, которая с тревогой спрашивает о здоровье брата, о том, кто за ним смотрит и как он переносит русский мороз? На эти вопросы поэт отвечает очень искренне и взволнованно:

Ну что мне ответить?
 Ты знаешь сама,
 Что, верно, сурова
 В России зима.
 Но ты не волнуйся:
 Я счастлив и рад,
 Я среди русских,
 я равный им брат.
 И пусть месяцами
 нет теплого дня –
 Родные сердца
 Согревают меня.
(Перевод В.Н. Авдеева)

Впечатляюще прозвучала лирико-публицистическая поэма А.Е. Ласуриа «Юбилейная» (1956 г.), посвященная 35-летию Советской власти в Абхазии. В поэме автор создает ряд незабываемых картин, рисующих тяжелое прошлое абхазского народа, а также коренные преобразования в жизни народа в советские годы.

Созидательный труд советских людей, борьба за мир стали ведущей темой в творчестве и других абхазских поэтов.

Произведения И.К. Тарба «На суд товарищей», «Десять лет спустя», «Испытание», «Прошу слова», опубликованные автором в последнее десятилетие, несмотря на отдельные свои недостатки, отмеченные критикой, свидетельствуют о творческих исканиях поэта. Они расширяют наше представление о жанре сегодняшней абхазской поэмы.

Тема лиро-эпической поэмы «Испытание» – неудачно сложившаяся любовь юноши к девушке. Однако это суровое испытание не губит Пату, не опустошает его. Наоборот, и автор, и читатель верят, что оно только закалит характер молодого человека, сделает его твердым, мужественным.

В лирико-публицистической поэме «Десять лет спустя» И.К. Тарба, опираясь на подлинный жизненный факт, воссоздает картину гибели двух малолетних братьев-школьников от взрыва закопанной в абхазских горах вражеской мины, спустя десять лет после войны. Раскрывая тяжелые последствия войны, поэт призывает всех честных людей на земле быть бдительными, не допу-

скасть впредь возможности повторения подобной трагедии, чтобы молодое поколение росло в полной безопасности, бодрым, веселым, жизнерадостным.

Привлекает актуальностью проблемы и своеобразной манерой письма публицистическая поэма И.К. Тарба «На суд товарищей». Уже посеребрённый сединой герой поэмы воскрешает в памяти судьбу своих друзей, с которыми он в свое время учился в школе-интернате. И на поверку выясняется, что по-разному сложилась судьба школьных друзей-сверстников, разными путями разошлись они по большой жизни. И что особо радует лирического героя, так это то, что друзья-сверстники не изменяют правильным жизненным принципам, каким их учили и каких они придерживались еще со школьной скамьи. Одних уже нет в живых, они сложили голову на фронтах Отечественной войны, но память о погибших никогда не угаснет в сердцах друзей. Другие же на разных участках трудового фронта доблестно выполняют свой долг – кто на шахте, кто в армии, кто в школе, на педагогическом поприще.

Но, оказывается, еще не потеряла своей силы древняя поговорка «В семье не без урода». Вот одного из своих школьных друзей, с дипломом педагога, герой встречает за буфетной стойкой на железнодорожном вокзале. Ясно, что сюда его привлекли не какие-нибудь высокие патриотические помыслы, а возможность легкой наживы. Гнев и возмущение вызывают у читателя и штатный агроном, ведающий продовольственным складом в райцентре, и тот «известный Человек» из Гудаут, который на работе «добрей барашка», а дома принимает «лицо деспота» и т. д.

Положительно оценивая поэму, в печати указывалось и на ее недостатки, в частности, на ее бессюжетность. Эту слабость произведения, по-видимому, почувствовал и сам автор, и он попытался оправдать или по крайней мере несколько сгладить ее. Однако в полемической концовке поэмы, в воображаемом споре поэта с педантичным редактором, хотя последний во многом, безусловно, неправ, но все-таки он сделал очень правильные замечания по поводу отсутствия сюжета и неорганической слитности первой и второй частей произведения:

К тому же не ясно, что это – поэма,
 Иль просто очень длинные стихи?

Сюжета нет, конечно, и в помине,
Отсутствует лирический герой,
Есть правда жизни в первой половине,
И нету правды жизни во второй.

(Перевод Я.А. Козловского)

Не соглашаясь с требованием редактора снять вторую часть поэмы, поэт предлагает свое произведение вниманию читателя, однако мимо метких замечаний редактора вряд ли сможет пройти и читатель.

И.К. Тарба является автором получивших популярность ряда публицистических и интимно-лирических стихов («Абхазия», «В гостях у пастуха», «У родника», «Мать», «Лишь только в песнях горных...», «За окошком растет, зацветает черешенка...» и другие).

Весомый вклад в абхазскую поэзию последних лет внес поэт Ш.Л. Цвижба. С середины 50-х годов он вновь возвращается к активной творческой деятельности. Большой интерес представляет жанр поэтической миниатюры в творчестве Ш.Л. Цвижба. Его книга «Ладонь за ладонью» (1968 г.) состоит из ста восьмистиший, тематически подразделенных на три раздела – «Абхазские мотивы», «Шел пароход», «Горизонталь и вертикаль». Стихи-миниатюры привлекают, прежде всего, свежестью жизненного материала и глубиной его осмысления. Во втором разделе произведения – «Шел пароход» – воссозданы картины тяжелой лагерной жизни, которую испытал в продолжение долгих лет сам поэт. И в этих условиях советские люди никогда не теряли веры в правду, справедливость. Мысль эта проходит красной нитью через всю книгу, образно выражена она и в условно-ассоциативном стихотворении «Моряки»:

Они плывут на корабле вперед
В ночи и в утреннюю рань,
Кругом безбрежный океан ревет,
Кругом вода, куда не глянь.
Но продолжают смелые труды, –
Ведь знают люди корабля,
Что создан мир не только из воды,
Что где-то есть еще земля.

(Перевод С.И. Липкина)

Таким оптимистическим и гуманистическим мироощущением проникнуты и другие стихи: «Дом», «Великан», «Человек», «Абхазия», «Упорство», «Мать и дитя».

Плодотворно работают в области поэзии поэты Алексей и Чичико Джонуа, которые вступили в литературу в предвоенные годы, но оформлялись как художники слова в годы Великой Отечественной войны, участниками которой они были. В послевоенные годы их талант все больше мужает и кристаллизуется.

Начиная с 1953 года А.Н. Джонуа издал книги стихов и поэм: «Именем Родины» (1953 г.), «Клятва» (1956 г.), «Поток» (1958 г.), «Стих и счастье» (1964 г.). В русском переводе издан сборник его стихов «Журчащий родник» (1965 г.).

Поэзию А.Н. Джонуа характеризуют ощущение радости земной жизни, образность, метафоричность языка, наиболее ярко проявляющиеся в его лирических стихотворениях. Это рельефно проступает и в коротких поэтических зарисовках, вызывающих ощущение радости бытия:

Блещут утренние росы
По полям и по лугам.
Звезд искрящаяся россыпь –
Так и стелется к ногам,
В ожерелье их собрать бы,
Эти капли по одной,
Подарить его в день свадьбы
Той, что станет мне женой...
Но соперник неуступчив –
Яснолик, золоторук,
Жадно смотрит из-за тучи,
Обирает все вокруг.

(Перевод Г. Валикова)

Героизму советских людей в годы Великой Отечественной войны А.Н. Джонуа посвятил поэму «Клятва» (1956 г.). Она состоит из двух самостоятельных сюжетных линий, объединенных в единое целое общим идейным замыслом: из рассказа о событиях Великой Отечественной войны и народной легенды. Нужно отметить, что из двух названных сюжетных компонентов более убедительное

художественное решение получил лишь второй, т. е. сюжет народного предания. Поэтому не случайно, что в русском переводе в поэме, получившей название «Верность (легенда)», вовсе отсутствует первый компонент.

Опечаленный бездетностью крестьянин Пахуала дает Богу обет о том, что он отдаст из живности своей «то, что всего дороже», если тот одарит его сыном. Через некоторое время у жены Пахуалы родился сын. Радости счастливых родителей не было предела. Однако через некоторое время отцу ребенка голос с неба напоминает о его обете. Пахуала приносит Богу в жертву лучшего быка из своего стада и решает, что исполнил свой обет. Но голос во сне вновь предупреждает его о том, что он обещал жертвовать самым дорогим. Несчастные родители поняли, что речь идет о ребенке. Безмерно было их горе, но оно неотвратимо. Пахуала собрал своих односельчан и решил исполнить свое обещание Богу. Сотворив молитву, он подходит к ребенку и размахивается кинжалом, чтобы нанести удар, но в этот момент раздается голос с высоты – «Не тронь ребенка!». Вместо ребенка был зарезан белошерстный агнец, посланный Богом с неба. И вот этот ребенок подрос, стал юношей. На Апсны напали враги. Вместо того, чтобы с оружием в руках биться насмерть с врагами, он изменяет своему народу и переходит в стан врагов.

Если раньше даже кинжал отказался брать безгрешного ребенка и силы небесные помогали ему, то теперь уже он, трус и предатель, не может ни у кого найти покровительства и пощады. Предатель был пронзен в сердце кинжалом, причем удар был нанесен родным отцом юноши – Пахуалой.

Легенду поэт заключает следующими строками:

Из уст в уста, из века в век
Идет легенда эта.
Воспет в ней гордый человек,
В ней мужество воспето.
Позор, неизвестность, кара ждет
Того, кто честь забудет,
А гордый в песне оживет –
Так было, есть и будет.
(Перевод Г. Валикова)

В поэзии, как и в других жанрах абхазской литературы, одним из самых отрадных явлений последнего десятилетия была возросшая активность поэтов младшего поколения, к числу которых принадлежат Георгий Гублиа, Нелли Тарба, Анатолий Аджинджал, Владимир Анкваб, Мушни Ласуриа, Николай Квициния, Шамиль Пилия, Платон Бебиа, Виталий Амаршан, Борис Гургулиа, Терентий Чаниа, Борис Тужба, Мушни Микая, Константин Герхелия, Сарин Таркил, Владимир Чуаз и другие. Поэтическая молодежь со свойственным ей задором и страстностью старается выражать думы и чаяния своего современника.

Углубляя и развивая все лучшее, что было в творчестве поэтов старшего поколения, молодые художники слова не замыкаются в рамках традиции, а смело идут дальше путями поисков, сообразуя манеру письма с требованиями современной жизни.

Георгий Гублиа – автор ряда поэтических сборников – пробует свои силы также в области прозы и драматургии. Поэт знает и чувствует сердцем родную землю, ее историю и природу, изображая ее темпераментно, метафорично, что создает особый аромат его стихов («Самшит», «Часы капитана», «Старый посох», «Баллада о дубе», «Судьба двух лоз» и другие).

Обращаясь к старому посоху, когда-то служившему твердой опорой людям и в походах, и в быту, Г.К. Гублиа приходит к мысли о том, что следы добрых дел всегда остаются в жизни, их не сможет стереть время:

Но все проходит: годы, горы,
Проходит молодость и жизнь,
И ты, служивший всем опорой,
Стоишь, о стенку опершись,
Ну что ж. Пускай остались метки
Походов, пиршеств и потерь,
Ты не грусти, зеленой ветке
Тебе завидовать теперь.
(Перевод Ф.А. Искандера)

Г.К. Гублиа обращается и к жанру поэмы («Абхазия», «Адгур Бзымба», «Непобедимые» и другие), но произведения этого плана

художественно слабы. В поэме «Счастливого пути», посвященной актуальной теме – теме освоения целины, автор не сумел создать поэтические картины и запоминающиеся образы, так как он больше рассуждает, чем изображает.

Поэмой «Шрам» и множеством искренних, нежных стихов обрадовала читателей первая абхазская поэтесса Нелли Тарба. Оригинальность формы и глубокая идейность органически сочетаются в ее творчестве. Стихи Н.З. Тарба в переводе на русский язык были изданы в Москве в 1961 г. под названием «Сердце весны».

Поэма «Шрам» (1957) повествует о незаживающих ранах, нанесенных нашему народу ураганом минувшей войны. Старый Бадра, отец погибшего на фронте Расты, живет надеждами на возвращение сына. Он не знает, да и не желает знать о гибели единственного сына. Бадра просил своих односельчан, в случае чего не сообщать ему горьких вестей, поэтому и те шадят его и молчат о давно полученном зловещем треугольном конверте. До конца своих дней старик так и не узнал о гибели сына.

Хотя тема поэмы – тема тщетного ожидания близкого, родного, любимого человека – и не нова в литературе, поэтессе удалось раскрыть ее своеобразно, оригинально, не повторяя приевшихся сюжетных ходов. Несмотря на трагичность описанных в ней ситуаций, поэма «Шрам» не опустошает душу читателя, а вызывает в нем чувство гнева и ненависти к силам зла, ко всему тому, что омрачает жизнь мирных, добрых людей.

Перу Н.З. Тарба принадлежит своеобразное поэтическое повествование «Межа и мост». Как отмечает сама поэтесса, в жанровом отношении это – поэма, но поэма, вставленная в рамки рассказа, сюжетно неразрывно связанного с ее главной частью. Иначе говоря, это смешанное стихотворно-прозаическое произведение, свидетельствующее о новизне формы. И эта необычная в абхазской литературе форма поэтического рассказа заинтересовала читателя, но, вместе с тем, и насторожила его. В поэме, в своей основной части, повествующей о дореволюционной жизни абхазских крестьян, содержится немало реально изображенных деталей, картин быта, но в целом сюжет поэмы представляется слишком надуманным. С именем двух молодых людей Несфы и Хабахуа связан сюжет главной части произведения, названной многозначительно «Песнь о песне». Название это обязывало автора ко многому. Но

вместо ожидаемого серьезного разговора читатель вынужден довольствоваться не внушающей доверия историей, приключившейся с героями произведения. Два молодых абхаза, Хабаху и Еслан, были близкими соседями и друзьями, души не чаяли друг в друге. Однажды они пололи кукурузу на смежных своих участках. В полдень юноши сели отдохнуть под тенью ветвистого дерева. В ожидании своих сестер, которые должны были явиться с обедом, друзья в шутку поспорили о том, чья сестра придет первой. Хабаху предложил Еслану: «Если твоя сестра придет первой, то ты выдашь ее замуж за меня; если же придет моя сестра, то она будет твоей женой». Через некоторое время первой появляется Несфа, сестра Еслана. Друзья пошутили, посмеялись, пообедали и, отдохнув часок-другой, вновь принялись за работу. Еслан полагал, что на этом и исчерпана дружеская шутка. Но не тут-то было! Хабаху, по воле автора поэмы, и всерьез потребовал, чтобы Еслан и его братья выдали свою сестру за него. Сначала братья приняли за шутку домогания соседа, но затем, несмотря на все их усилия, они попали в трагическую историю, наполненную угрозами, убийствами, набегами, грабежами и т. д. В самом же деле, никак не верится, чтобы из-за незатейливой шутки закадычных друзей мог разгореться весь этот сыр-бор. Не менее искусственна и вторая сюжетная линия произведения – история знакомства и любви молодой пары Рушни и Цуны – студентов-первокурсников одного из высших учебных заведений Сухума. В первый же час встречи в аудитории, прямо на лекции, они уже обменялись несколькими записками и чуть было не признались друг другу в любви. Но оказывается, эти молодые люди обнаруживают непосредственную связь с той трагической историей, которая приключилась в старину с Несфой и Хабахуом. Последние, как выяснилось вскоре, доводятся нашим молодым героям далекими предками. Таким образом, становится непонятным, о какой меже и каком мосте автор хотел нам поведать.

В поэтических произведениях Владимира Анкваб ярко проступают индивидуальные черты. Духом сегодняшнего дня насыщены его стихотворения, составившие, начиная с 1958 года, несколько сборников. Ему принадлежит и поэма о ткварчалских шахтерах «Моя каска», в которой лепит в мужественных стихах образы горняков. Такие стихотворения, как «Тур», «Стихи о маме», «Осень в селе», «Моя горная река», «Песня о геологе», «Проходчик» и другие

свидетельствуют о пластичности, об умении автора вести взволнованный поэтический разговор.

В.П. Анкваб умело пользуется сюжетами народных легенд и сказаний, углубляя остроту их социального звучания. Таковы «Каменная женщина», «Крепость Кайдух».

В 1966 году Владимир Анкваб опубликовал объемистое произведение «Абрскил», жанр которого автор определяет, как роман в стихах, хотя, на наш взгляд, это эпико-драматическая поэма.

«Абрскил» создан по мотивам одноименной абхазской легенды, которая, наряду со сказаниями о нартах, является одним из наиболее значительных памятников героического эпоса абхазов. Конечно, поэт волен обрабатывать фольклорный материал по-своему, но обработка эта приобретает ценность лишь в том случае, когда она поднимает народное предание до уровня высокой профессиональной поэзии, не нарушая при этом, идейно-художественной концепции первоосновы.

Хотя в поэме «Абрскил» автор и создал ряд ярких, сцен и эпизодов, самих по себе очень интересных и важных, однако в целом, на наш взгляд, образ идеального эпического героя поэтом понят несколько упрощенно.

Осмыслив идею бессмертия героя эпоса слишком прямолинейно, В.П. Анкваб материализовал ее в приключенческо-фантастический сюжет о борьбе героя со всякого рода злодеяниями, борьбе, охватывающей разные эпохи и различные общественные формации, включая сюда и нашу современность.

В абхазской поэзии указанного периода были и удачные обработки фольклорного материала. Наряду с упоминавшейся выше поэмой Б.В. Шинкуба «Человек на скале», можно здесь назвать и поэму Кумфа Ломиа «Дочь Солнца», идейно и тематически напоминающую адыгское народное сказание «Даханого» (а также драму З.А. Аксирова под тем же названием). Подобно тому, как адыгский пастух Япанес, преодолев все препятствия, добивается руки красавицы Даханого – олицетворение народного счастья, так и абхазский юноша Ахра через невероятные трудности добирается до солнца, которое из-за неблагочестивого поступка некоего своего вольного князя было разгневано на людей и потому лишило их своего тепла, вследствие чего жизнь на земле почти прекратилась. Благоклонно расположив небесное светило к земным обитате-

лям и добившись руки его дочери, Ахра с красавицей – невестой, с дочерью Солнца, спускается на землю, на которой жизнь зацвела вновь пышным цветом.

У человека нет и не может быть счастья большего, чем борьба за счастье своего народа – такова основная идея поэмы-сказки. Борьба эта нелегкая, сопряжена с множеством опасностей, но ради нее стоит идти на дерзкий риск.

В абхазской поэзии последних лет заметно оживилась сатирическая струя, которая после 30-х годов (после Л.Б. Лабахуа) в значительной степени заглохла было надолго, если не вспомнить некоторые стихи М.Л. Хашба военного периода. В жанре сатиры успешно выступает Кириш Чачхалиа. Его стихи и басни любят читательские массы, они завоевали популярность. Автор едким смехом бичует вредные пережитки и отрицательные явления, встречающиеся еще в нашей жизни, как бюрократизм, карьеризм, стяжательство, семейственность и землячество, хвастовство («Амбако», «Опора Сафиджа», «Кот и мыши», «Служба Чира», «В магазине №», «Директор Миха», «О чем они спорят?», «Пакет» и другие, вошедшие в сборники его стихов «В моем поселке», «Цветок и колочка», «Сердце говорит», «Подорожник»).

Творчество абхазских поэтов последних лет в целом свидетельствует о росте нашей поэзии, о повышении их интереса к актуальным проблемам, выдвигаемым жизнью на данном этапе развития нашего общества.

Абхазская поэзия все больше и больше освобождается от шаблона, трафарета, от трескучих фраз и ходульных выражений, хотя не все еще благополучно в этой области. Вызывают тревогу серость, бледность языка отдельных поэтов.

* * *

Существенные количественные и качественные изменения претерпела и абхазская проза в указанные годы. Наши прозаики стали намного глубже и правдивее изображать окружающую действительность, ставить и решать актуальные проблемы, имеющие важное жизненное значение. Правда, в прозе, в отличие от поэзии, после 1953 года не сразу же наметился резкий перелом. Еще до 1955 года продолжали издаваться произведения, порожденные «теорией бесконфликтности» (как, например, повесть Ч.М. Джонуа

«Гудиса Шларба», роман И.Г. Папаскир «У подножья Ерцаху» и другие). Но вскоре и здесь положение изменилось коренным образом. Это было связано прежде всего с выходом на литературную арену талантливой творческой молодежи.

Много интересных прозаических произведений опубликовали писатели старшего, среднего и младшего поколений в последние годы. Первый абхазский романист И.Г. Папаскир энергично продолжает творческую работу. Рука мастера чувствуется и в тех рассказах и очерках, которые автор создал в последнее десятилетие («Радостный день», «Ковер», «О том, как я начал писать» и другие).

Большим достижением абхазской прозы является роман И.Г. Папаскир «Женская честь», созданный еще в 40-х годах, но окончательно переработанный вариант которого вышел в 1967 году. В романе автор стремился показать в широком плане коренные перемены, происшедшие в деревне, становление новых людей, формирование их характеров на протяжении десятков лет, начиная со строительства колхозов и кончая послевоенным периодом.

Через весь роман проходят две основные сюжетные линии: распад традиций прошлого и формирование характера нового человека. Заслуживают внимания повести и рассказы абхазских писателей старшего поколения Дзадза Дарсалия, Мушни Хашба, Платона Чкадуа.

Ознакомившись с автобиографической повестью Д.Х. Дарсалия «Из жизни» (1963 г.), с его рассказами «Останься у нас, пожалуйста», «Жадность священника», «Храбрый Мац», «Прилежный мальчик» и другими, читатель испытывает радость встречи с интересным, умным собеседником. Повесть «Из жизни» – первое крупное создание мемуарного жанра в абхазской литературе. До этого появлялись лишь небольшие очерки и зарисовки писателей, воскрешавшие отдельные моменты их творческой жизни или же детства (Д.И. Гулиа – «О том, как я поступил в школу», И.Г. Папаскир – «О том, как я начал писать»).

Не прошли незамеченными также новые произведения М.Л. Хашба («Рассказ Кутата», «Толченый перец»), повесть П.С. Чкадуа «Сагиаса», книга его рассказов «Две встречи».

В местных и центральных издательствах не раз выходили отдельными книгами произведения Мушни Папаскир: повесть

«Письмо Маницы», сборник рассказов и повестей «Злой и добрый», роман «Спасение», повесть «И непризнанный носит меч».

В повести «И непризнанный носит меч» (1963 г., в русском переводе «Что случилось в доме Джаныма») через восприятие пионера Татлана передаются картины современной жизни. И нельзя не радоваться тому, что герой повести, по существу еще ребенок, но уже умеет не столько, конечно, разумом, сколько сердцем отличать добро от зла и всегда поддерживает добро, борется в силу своих возможностей за правду, иначе говоря, он уже с детских лет поступает так, словно следует мудрой пословице – «Береги честь смолоду, а платье – снову».

В романе «Спасение» (1965 г.) М.Г. Папаскир обратился к почти неразработанной теме в абхазской прозе – к изображению жизни тктварчалских горняков. Дружная, спаянная семья горняков спасает от гибели из-за жизненных неурядиц молодую сельчанку Ашну Миранба и направляет ее по единственно верному пути – по пути трудового человека. Кроме главной героини можно было бы здесь назвать еще и других персонажей, наделенных индивидуальными чертами характера – Виктора, Хиудара, Шулю, Машу, Гудыма.

В нашей стране и за ее пределами пользуются широкой известностью новеллы прозаика и драматурга Михаила Лакрба. В течение последнего десятилетия издано на абхазском, русском и грузинском языках несколько книг его новелл («Абхазские новеллы», 1957 г.).

А.Н. Гогуга в повести «Река спешит к морю» поэтизирует труд своих героев, их быт и нравы, окружающую их среду и, в первую очередь, природу. Все сюжетные элементы и все поэтические детали, которые, кстати, всегда несут у А.Н. Гогуга максимальную смысловую нагрузку, подчиняются главной идее произведения – люди в нашей стране, пусть даже они живут в далеком, казалось бы, заброшенном горном селе, заслуживают большого счастья.

Кроме главных героев запечатлеваются в памяти и многие другие образы, и прежде всего образ Махиала, отца Назии, некогда очень бедного, а затем разбогатевшего, но все еще не насытившегося, жадного, готового из-за богатства на любые подлости, вплоть до того, чтоб выдать замуж родную дочь за пожилого председателя колхоза Сандру, с которым сожительствует его жена Тамара. Запоминается и дед Ясона, старый Тархана, опытный пастух и бывалый охотник, долго, неустанно ждавший возвращения безвинно репрессированного сына Куараса, отца Ясона, но так и не дождав-

шийся его: незадолго до приезда реабилитированного сына старик скончался.

Искренняя любовь к честным, рядовым труженикам, к людям, непосредственно занятым созидательным трудом, и жгучая ненависть ко всякого рода мещанам, к хапугам и стяжателям проходит лейтмотивом через все творчество А.Н. Гогуга. В этом отношении особенно показательны его повести и рассказы «От чего растет трава», «Звезда абазина», «До гор по железной дороге», «Дорога длиною в трое суток» и другие.

В повести «От чего растет трава» молодой колхозник Данакай и юная Медея, дочь учителя истории местной школы Уарлама Патуховича, любят друг друга, но не так-то легко им решить свою судьбу. Жизнь героини грубо и открыто атакуется мощной волной мещанства. Родители хотят выдать ее за лощеного, пустого, но зато богатого жениха, за сына самого «большого Джоты», или «хорошего Джоты», как называли – одни умиленно, другие – иронически, работника городской конторы «Заготскот» Джоту, построившего в городе Бог весть на какие средства двухэтажный особняк и разъезжающего на собственной «Победе» песочного цвета. Соблазн, что и говорить, велик, и Медея на короткое время поддавалась было его силе, но, к счастью, она своевременно разгадала фальшивое нутро уготованного ей «большого счастья» и решительно отвергла его. Страхнув с себя липкие щупальцы мещанства, с помощью добрых людей, прежде всего с помощью молодого учителя, от имени которого ведется рассказ, Медея принимает единственно правильное решение – она спешит на свидание со своим возлюбленным Данакаем.

Данакай – честный, трудолюбивый юноша, с обаятельной внешностью и живым, пытливым умом. Он относится к тому типу людей, трудом которых создается жизнь на земле, которые просто необходимы другим, как необходим весенний мелкий дождь ашцаагага (букв.: «от чего растет трава»), чтоб ожила и вновь зацвела природа, или, как говорит об этом автор: «Этот дождь пробуждает все, что находилось в зимнем оцепенении, все, что должно цвести, все, что должно жить». И, конечно же, прежде всего ему, Данакаю, адресованы слова рассказчика-учителя, которые он говорит в беседе с Медеей: «Есть люди, похожие на этот дождь. От них исходит добро, рядом с ними легко жить». В то же время учитель замечает: «А есть такие, которые ничего не дарят земле, выжигают жизнь,

как суховой. Джота убил своего сына, хотя думает, что принес ему счастье. Они хотят, чтобы ты тоже стала богатой и – мертвой».

Но не все молодые герои А.Н. Гогуга нашли свое место в жизни, как Данакай. Есть и такие, которые часто заблуждаются, ищут и, наконец, находят правильный путь, по которому они и следуют («Звезда абазина»), есть и такие, которые когда-то стояли на верных позициях, но впоследствии стали жертвой мещанства, не выдержав единоборства с этим злом («До гор по железной дороге»).

В рассказе «Звезда абазина» выведен образ молодого человека Хухуна, недавно окончившего среднюю школу, но не сумевшего ни в институт поступить, ни на работу устроиться. Юноша много, иногда почти целые ночи напролет, размышляет о жизни, о том, какой путь должен выбрать человек, чтоб он достиг своей цели. Честный путь, т. е. путь борьбы с косностью, пошлостью, со всякого рода сорняками, вначале ему представляется бессмысленным, так как по такому пути шел всю жизнь его отец Навей, прозванный друзьями Абрскилом, именем эпического героя абхазов, борца за справедливость, но враги одолели его. И вот юноша, укрепив сердце, идет на компромисс со своей совестью и ищет пути сближения с хапугами и жуликами, с группой бесчестных людей, возглавляемой заведующим закуской «святым Георгием». Иначе говоря, он намеревается встать на путь, который впоследствии погубил бы его. Недаром все сцены, связанные с ночными размышлениями Хухуна о сближении с шайкой «святого Георгия», освещены светом яркой звезды, называемой у абхазов «Звездой абазина». Эта звезда появляется на небосклоне в полночь, напоминая собою полярную (утреннюю), но, в отличие от последней, закатывается задолго до утра. Согласно народному преданию, некоему абазину предстояло преодолеть длинный путь через горы. Вечером он лег с мыслью подняться рано утром и отправиться в путь еще затемно. Просыпаясь, он видит на небе яркую звезду, которую принимает за утреннюю, и поспешно отправляется в путь. Но утро так и не наступило, звезда закатилась, сумерки сгустились, и несчастный путник сорвался со скалы и погиб. С тех пор светило, погубившее путника, стало именоваться «Звездой абазина».

Однако Хухуну не суждено погибнуть. Вскоре он поймет, что «святой Георгий» и его сподручники – враги честных людей, что они ведут паразитический образ жизни и что недалеко время их

заката. В прозрении юноши, в выборе им правильного жизненного пути неоценимую помощь оказывает ему опытный инженер Ашамба, старый друг отца Хухуна. Ашамба приехал в село с утвержденным проектом строительства новой дороги, осуществлению которого прежде всячески препятствовали «святые Георгии» и их покровители. Но теперь уже не те времена, и несдобровать никаким приспособленцам! Этим, по-видимому, и объясняется появление тревожных ноток в голосе «святого Георгия», раньше никогда не выходившего из себя, притворно смиренного, услужливого, любезного, на вид даже доброго заведующего закуской, за что он и получил прозвище «святой Георгий». Он прекрасно понял, что строительство новой, прямой, широкой дороги, которая заменит собой старую, запущенную, зигзагообразную дорогу, пролегшую по над самой пропастью, где часто случаются аварии, означает в то же время и конец его «господству».

Над головой юноши Хухуна, на том самом месте, где накануне ночью мерцала коварная «Звезда абазина», теперь сияет яркое, ласковое солнце, дарующее людям свет, тепло, жизнь.

Хочется выделить еще рассказ А.Н. Гоголя «Белый конь». В нем повествуется о погибшем на войне молодом абхазе Ахре Ахуба – единственном сыне уже совсем постаревших Арсаны и Хифаф Ахуба. Ахра был смелым, сильным наездником. На своем белом коне он обгонял всех на скачках. Но война есть война, она не щадит никого. Вот не вернулся с фронта и Ахра... Единственным утешением родителей стал его белый конь. Однажды заметили, что конь вернулся домой с заплетенной гривой. Суеверные старики предположили, что это не иначе, как от злого духа. Чтобы проверить свою догадку, Арсана отправился на второй день на поиски коня и застал его на поляне. Но старик был изумлен, увидев кудрявого мальчонку рядом с конем, поглаживавшего его опущенную шею. Выясняется, что мальчик вовсе не злой дух, а сын лесника Шины, и что каждый день он ходит со своей матерью к коню и кормит его. Оказывается, мать часто рассказывала сыну, что конь этот принадлежал очень хорошему человеку, смелому наезднику, которого никто никогда не обгонял. Мальчик мечтает стать таким же джигитом, каким был незнакомый ему владелец коня. Только теперь догадывается старый Арсана, что его сын, Ахра, и мать этого мальчика, жена лесника Шины, считавшаяся лучшей девушкой из со-

седнего села, любили друг друга, и что, возможно, не раз Ахра приезжал на свидание к своей любимой именно на этом белом коне. И, как бы в подтверждение этой мысли старика, доносится до него женский голос, звавший домой мальчика: «Ахра-аа!». Теперь уже не остается никакого сомнения: не случайно ведь мать дала, своему сыну это заветное имя. И вот мальчик, заручившись обещанием старика не запирает коня, уходит домой, а Арсана смотрит вслед малышу, идущему вразвалочку по высокой траве. «И вдруг Арсане показалось, что он совсем еще молод и что его сын – маленький Ахра – идет по траве, покачивая кудрявой головой. Ласковый женский голос зовет сынишку, и он отвечает милым детским баском. Живая, трепещущая любовь слышится в этом материнском зове. И далеко-далеко по склонам разносится заветное «Ахра-а-а!».

Малыш идет по облитому солнцем лугу, идет, словно хочет дойти до самого солнца и обвить его руками, как шею коня.

И конь, белый, как пена водопада, тоже смотрит вслед маленькому своему хозяину...».

И нежные родительские чувства стариков, и сила неугасимой первой любви молодой женщины, и радужные мальчишеские грезы ребенка, – все это, просто, естественно преломляясь в образе белого коня, делает произведение А.Н. Гоголя интимно-лирическим, необыкновенно поэтичным, гуманным.

Алексея Гоголя привлекает не только современность, но и историческое прошлое Абхазии, в частности, историко-революционная тематика (повесть «Снег и молния», рассказ «Радуга» и другие).

Повесть «Снег и молния» рассказывает о событиях, происходивших в Абхазии накануне и в первые годы советской власти. Если раньше абхазских писателей, писавших о революции, как правило, интересовали не судьбы отдельных личностей, а обобщенный образ народа, то в повести А.Н. Гоголя революционная ситуация играет как бы подчиненную роль. Она нужна для того, чтобы полнее раскрыть влияние коренных социальных перемен, больших политических потрясений на судьбы отдельных людей. Простой абхазский крестьянин Иаса, нисколько не задумываясь над трагическими последствиями своего поступка, приютил в своем доме и выходил тяжело раненого княжеского отпрыска Ардашила. Руководствуясь обычаем гостеприимства и чувством гуманности, хозяин не раз спасал своего социального врага от вер-

ной гибели. Однако впоследствии, когда оба персонажа оказались в обратной ситуации, т. е. когда Иасе стала угрожать смертельная опасность, а Ардашилу была представлена возможность спасти его, последний не только не попытался выручить своего благодетеля, но сам был одним из первых, кто поднял руку на него. Таким образом, поставив представителей двух противоположных социальных лагерей в равные ситуации, писатель подчеркивает моральное превосходство простого крестьянина над представителем высшего сословия.

В произведениях молодых абхазских писателей о современниках повышенный интерес проявляется к проблемам любви, долга, семьи. Незыблемость семьи, основанной на непреходящих искренних чувствах и, наоборот шаткость, непрочность семейных отношений, не ждущихся на таких чувствах, можно было бы проиллюстрировать на примерах многих произведений абхазских писателей и поэтов, но мы остановимся только на некоторых из них.

В повести Ш.Е. Чкадуа «Женщина легкого поведения» (1960) выведена молодая героиня Мзия, у которой никак не складывается личная жизнь: вышла замуж за одного – муж не вернулся с фронта, вышла за второго – муж оказался бесчестным человеком, она ушла от него. И вот только после этого Мзии суждено было встретиться с настоящей своей любовью. Глубокие, искренние чувства соединяют двух молодых людей – Мзию и Шамиля. Однако они не свободны самостоятельно решать свою судьбу. Здесь свою неблагоприятную роль сыграли пережитки древней традиции: взгляд на вдову или разведенную женщину, как на особу сомнительного поведения. Вследствие грубого, бестактного вторжения родни Шамиля в его отношения с Мзией пути молодых людей разошлись. В конечном итоге разрыв этот приводит к трагедии. Недолговечно было «семейное счастье», которым наделили Шамиля родители, женив его на непорочной, молодой, но нелюбимой девушке. Горько переживая разлуку с Мзией, Шамиль пристрастился к выпивке, которая вскоре и довела его до могилы.

Мальчик, родившийся у Мзии от Шамиля и названный именем самого любимого человека, – опора не только своей матери, но и родных Шамиля. Женщина, о которой они раньше и слышать не хотели, теперь же вместе со своим сыном стала самым близким, родным человеком в семье Шамиля.

Совершенно в ином ключе решается проблема любви и долга в рассказе Ш.Е. Чкадуа «Ну, что ей стоит улыбнуться?!» (1961 г.). Светлая, первая любовь связывает молодую Нану и приезжающего ежегодно из Ленинграда белокурого юношу Володю, но мать девушки категорически запретила ей встречаться со своим любимым и поклялась памятью своей матери, что она повесится, если только дочь послушается ее и выйдет замуж за «этого рыжего шалопая». Родители выдают Нану за неуклюжего грубого колхозного кассира Мшвылды. Двухэтажный дом, обставленный современной мебелью, легковая машина!.. Но разве могут вещи доставить радость душе человека, тем более такой тонкой, поэтической натуре, как Нана. Автор удачно сравнивает дом, в который вошла Нана, с большим холодильником. Окружающие Нану люди, включая сюда мужа и свекра, и даже брата, не могут представить себе, чем же недовольна эта глупая и неблагодарная, на их взгляд, молодая женщина. Им не понять, почему ей так трудно даже улыбнуться, самой повеселиться и развеселить других?!

Естественно возникает вопрос: почему Нана не оказывает активного протеста? Почему она не уходит из дома нелюбимого человека? Что ее удерживает в этом «холодильнике»? Автор объясняет это не пассивностью героини, а несколькими иными факторами. Во-первых, несмотря на свое большое несчастье в личной жизни, Нана занята захватывающей ее педагогической работой; во-вторых, она не может возвратиться в дом своих родителей, так как это тот же «холодильник» для нее, что и дом супруга; в-третьих, встретиться со своим любимым Володей уже невозможно, да и незачем, а с другой любовью, способной затмить силу первых девичьих чувств, жизнь ее пока что не свела.

Рассказ Ш.Е. Чкадуа посвящен не столько показу несчастливо сложившейся судьбы абхазской девушки, сколько бичеванию тех сил, которые все еще нередко мешают молодым людям создавать счастье по любви.

Образ наших современников ярко и впечатлительно воплощен в повестях Нелли Тарба «Мациса» и «Бзыбская повесть». Выступив первоначально как одаренная поэтесса и продолжая успешно творить в этом жанре, Н.З. Тарба в последние годы проявила себя и как талантливый прозаик.

«Бзыбская повесть» (1961) – первое крупное прозаическое произведение молодой писательницы о своих земляках и сверстниках, о тружениках сегодняшней абхазской деревни. В повести, прежде всего, подкупает простота, естественность поведения молодых героев, их крепкая дружба и сплоченность. Трудно назвать здесь кого-нибудь главным героем. Молодежь колхозного села, ее трудовые дела – главная тема произведения. Истинно человеческие чувства, их прочность и устойчивость раскрываются через отношения Химцы Цимцба и Асиды. В результате слепой случайности Химцу постигло большое несчастье: в день свадьбы совершенно случайно был он ранен своим другом Зосимом в глаза. Однако попавшего в беду комсомольского вожака не покидают ни его молодая жена, ни его верные друзья Зосим, Шара и другие. Хотя в отношениях между друзьями, вследствие сплетен и наговоров разных нечистоплотных людей, иногда и возникают кое-какие недоразумения, но большинство из молодых героев не изменяют своим чувствам, с честью выдерживают суровое испытание, которому подвергает их жизнь. Химца ослеп, но не выключился из общественной жизни, остался нужным людям: он стал музыкантом, доставляя наслаждение слушателям своей превосходной игрой на абхазском народном инструменте апхиарца.

Правда, сам сюжет «Бзыбской повести», вернее ее фабульная схема, несколько напоминает известное произведение В.Г. Короленко «Слепой музыкант». Это и лишает в какой-то степени самобытную повесть молодой писательницы своей оригинальности, хотя мы и далеки от мысли утверждать, что в целом сюжет повести Н.З. Тарба навеян произведением В.Г. Короленко.

Вторая повесть Н.З. Тарба «Мациса» («Алашара», 1961, № 3) отличается большой экспрессивностью и компактностью. Интересна и сама форма подачи сюжета. Окаймленный сказочно красивой картиной абхазского зимнего вечера, рассказ-исповедь героини – Мацисы о своей отнюдь не идиллической жизни придает повествованию доверительный, душевный тон.

Сравнительно небольшое по объему произведение это охватывает большой жизненный материал. В нем показана жизнь героини, начиная с середины тридцатых годов и кончая началом шестидесятых годов. Большой и сложный путь пройден этой абхазской женщиной, ныне звеньевой колхоза. Ее личная жизнь, личная

судьба неразрывно и тесно связывается с общественной жизнью, с политическими событиями, характеризующими жизнь нашей страны в данную эпоху. Мациса испытала лично на себе последствия нарушений социалистической законности, имевших место в период культа личности: в первую же ночь после свадьбы, невинно был репрессирован ее муж Бегва. Долго и безрезультатно хлопотала Мациса об освобождении мужа. Наконец, через пять лет, получив извещение о гибели Бегвы, Мациса выходит замуж за Едарата, за сердечного, доброго человека, который давно любил ее. Но непродолжительно было это ее счастье. Едарат погибает на фронте, под самый конец войны, уже в Берлине, при взятии Рейхстага, в тот самый момент, когда он узнал, что жена одарила его двумя мальчиками-близнецами.

В послевоенные годы Мациса упорно трудится в колхозе и заботливо воспитывает двух сыновей. Она была удостоена высокой правительственной награды, несмотря на все препятствия, чинимые ей ее личным врагом Чаабалырхва, занимавшим высокий пост в Сухуме. По его доносу и при его непосредственном участии было арестовано множество безвинных, честных людей, в том числе и Бегва. Но вот изменились времена. Чаабалырхва за свои злодеяния был сурово и справедливо наказан. Неожиданно возвратился домой Бегва, которого все считали уже погибшим. С этого времени вновь пошли на сближение пути двух любящих людей – Мацисы и Бегвы, но встретятся ли они, эти пути, когда-нибудь, пересекутся ли в какой-либо точке? Этот вопрос автор оставляет открытым. Во всяком случае, не вызывает сомнения тот факт, что они оба сохранили свои прежние чувства и продолжают любить друг друга. Но у Мацисы растут дети от второго мужа, и она не желает причинить им хоть малейшую боль. Поэтому она все старается вытравить из своей памяти, из своего сердца образ любимого человека подобно тому, как ночной снег к утру засыпал, сравнивал во дворе Мацисы следы прошедшего здесь вечером Бегвы. Однако долго ли могут так тянуться их взаимоотношения? Не уступит ли под конец Мациса зову сердца и преданной любви Бегвы? Инужно ли вообще не уступать, тем более, когда дети, о которых заботится Мациса, так любят Бегву.

Умение тонко анализировать душевное состояние своих героев, которые Н.З. Тарба и раньше продемонстрировала в других своих произведениях, особенно ярко проявилось в данной повести писа-

тельницы. Именно тонкий психологизм в сочетании со свободной, разговорной формой повествования делает «Мацису» значительным явлением в абхазской литературе последнего десятилетия.

Известный советский писатель Георгий Дмитриевич Гулиа создал произведения, в которых изобразил абхазские национальные традиции и колорит. Георгий Гулиа в последнее десятилетие проявил особую творческую активность, опубликовав множество рассказов, очерков, повестей и романов, большинство из которых повествует о настоящем и прошлом Абхазии (роман «Водоворот», повести «Каштановый дом», «Скурча уютная» и другие). Разумеется, Абхазия и абхазы – не единственный объект изображения художника. В творчестве Г.Д. Гулиа значительный удельный вес занимает также русская и зарубежная тема (повесть «Леночка», сборник рассказов «Белая ночь», цикл рассказов и очерков о странах народной демократии).

Действие романа «Водоворот» разворачивается в Абхазии – в Сухуме и его окрестностях, в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов. На богатом фактическом материале автор раскрывает причины, вызвавшие непоправимую трагедию в истории нашего народа – махаджирство.

Правдиво, колоритно изображена в произведении жизнь различных социальных слоев общества – крестьян, дворян, князей, интеллигенции. С глубокой симпатией и искренней любовью выписаны автором образы подлинных представителей народа. К ним относятся, прежде всего, умный, скромный, кристально чистый и честный крестьянский юноша Платон Воуба – прилежный ученик Сухумской горской школы. Он, обладая мягким сердцем и доброй душой, проникся уважением к «божьему учению», и эта религиозность сковывает его волю к борьбе. Юноша первоначально полагал, что зло на земле должно быть уничтожено только лишь путем убеждения злодеев в их несправедливости, призывом их к гуманности, добропорядочности. Однако жизнь затянула героя в водоворот таких событий, поставила его перед такими фактами, что он уже не может не понять всю несостоятельность своей позиции. Теперь уже Платон непременно придет в лагерь мстителей и встанет в один ряд с Кутатом Нанба, Астандой Уардан и их друзьями, которые с оружием в руках защищают интересы широких трудящихся масс. Но это все в перспективе, а пока что «в мелкой воде

под лучами майского солнца лежал Платон Воуба, ученик второго класса Сухумской горской школы. Его короткие каштановые волосы шевелил накат волн, как мох, растущий на камнях. И некому было подать ему руку помощи».

Роман «Водоворот», хотя и описывает события глубоко трагические, не проникнут духом пессимизма, безысходности. В нем дана светлая перспектива, показан единственно верный путь, по которому должны идти народные массы, чтоб добыть себе свободу и утвердить на земле справедливость. Касаясь этого вопроса, А.Л. Дымшиц отмечает: «Роман Г.Д. Гулиа полон драматичнейших событий: в нем, в точном соответствии с историей, льется кровь хороших людей и гибнут многие герои, но его эмоциональный колорит светлый, оптимистический. И это потому, что автор превосходно чувствует красоту и силу народных нравственных идеалов и умеет передать своему читателю мысль о всесии, о бессмертии народных масс и народных героев».

Герой второго романа Г.Д. Гулиа «Пока вращается земля» – крупный ученый, проф. Сергей Александрович Иконников, – стал жертвой необоснованных репрессий. Но никакие пытки и издевательства не смогли сломить волю настоящего ученого и гражданина, не поколебали его веры в справедливость, разве только подорвали его крепкое здоровье.

Этим и объясняется, что Иконников не только не отрешился от своей большой мечты, от прежних своих научных интересов, но сразу же после реабилитации, с новым приливом творческих сил, включается в серьезную, важную научную работу.

Основная идея романа заключается в следующем: «Пока земля вращается, должна торжествовать правда и человек на нашей планете обязательно должен быть счастлив. Причем счастье это должно быть не половинчатым, ущербным, а полным, охватывать сферы как общественной, так и личной жизни человека. И самое важное, счастье одного человека ни в коем случае не должно строиться на несчастье других людей, или как говорит один из персонажей: «Человек должен добиваться своего счастья, тщательно избегая ходьбы по головам своих ближних. И даже дальних». Именно такого счастья и добивается проф. Иконников.

Иван Тарба – автор двух романов: «Известное имя» и «Солнце встает у нас». Герой первого романа Арноу Наурба – волевой,

стремительный руководитель чайного колхоза «Киараз», но он самовластен, считает себя непогрешимым.

Сначала Арноу выступает как способный бригадир, а затем он – председатель колхоза, член райкома партии, депутат Верховного Совета; он удостоивается звания Героя Социалистического Труда. От быстрого продвижения вверх у Арноу вскружилась голова, он зазнался, перестал прислушиваться к мнению подчиненных, единолично решал все вопросы колхозной жизни, в результате чего и хозяйство стало разваливаться. А морально-бытовой облик его не выдерживает никакой критики. Однако долго так не могло продолжаться. Настали новые времена. Действие романа и начинается с периода, последовавшего за историческим XX съездом партии.

Для Арноу это был уже не период взлета, стремительного восхождения, а период постепенного падения: непрестанно атакуемый колхозниками и лишенный прежней поддержки «сверху», Арноу вынужден открыто признать свои ошибки и стать на путь истины. Однако этот резкий перелом в сознании героя, его духовное перерождение психологически недостаточно убедительно мотивированы. На самом деле, трудно поверить, чтоб так сразу, только на единственном общем собрании колхозников герой вдруг так прозрел, что ему все стало ясно и во всех своих грехах он раскаялся.

Обращает на себя внимание образ секретаря райкома партии Адгура Абасовича Лейба, который, по замыслу автора романа, должен был стать воплощением справедливого, принципиального и гуманного партийного руководителя. Но, к сожалению, образ Лейба получился слишком прямолинейным и схематичным. На протяжении всего романа очень нередко мы встречаемся с секретарем райкома в связи с различными событиями, в разных ситуациях, однако автор ни разу не дает возможности вникнуть глубоко во внутренний мир героя, ощутить всю широту его интеллекта.

С живым интересом ознакомились читатели со многими произведениями Чичико Джонуа, особенно с его повестью «Белая скала», а также со сборником рассказов участника Великой Отечественной войны Шамиля Акусба «Взлет».

Попытка молодых влюбленных, Астаны и Марты, убежать от преследования братьев девушки и переправиться через покрытую вечными снегами скалу окончилась трагически: Марта сорвалась со скалы и разбилась насмерть. Этот нехитрый сюжет автором под-

нят до высот истинной поэзии. Белая скала в повести Ч.М. Джонуа превращается в поэтический символ большой, настоящей любви, на пути которой в старое время вставляли непреодолимые социальные барьеры.

Следует упомянуть еще рассказы этого же писателя «Старик со струганной палочкой», «Мохнатое полотенце», «Поленья горели», а также повесть А.Н. Джонуа «У партизанского костра», посвященная дружбе и подвигам советских людей в Великой Отечественной войне.

Абхазская драматургия все еще значительно отстает от других жанров. Правда, за последние годы появилось немало драматургических произведений на современную и историческую тематику, поставленных на сцене Сухумского драмтеатра, но это лишь подступы к драматургии, отвечающей требованиям сегодняшнего дня. Однако, несмотря на отставание, и в жанре драматургии имеются отдельные удаchi. К ним мы относим комедии Ш.А. Пачалиа «Гунда», Ш.Е. Чкадуа «Кто из нас глухой?», драму М.А. Лакрба «Чудесный сплав» и другие.

Комедия Ш.А. Пачалиа «Гунда» воссоздает жизнь послевоенного абхазского села. В ней осуждаются отдельные пороки человеческого характера (как, например, зазнайство бригадира Заура после присвоения ему звания Героя Социалистического Труда), но в то же время показаны и силы, способные искоренить эти недостатки – дружба, любовь, суровая, но справедливая критика.

Ряд абхазских драматургов затрагивает проблему утечки и возвращения в родные места разбежавшейся из села молодежи: Ш.Е. Чкадуа «Кто из нас глухой?», Г.К. Гублиа «Вновь цветет», И. Чамагуа «Золотая тропинка», киносценарий И.К. Тарба «Кто оседлает коня» и другие.

Комедия Ш.Е. Чкадуа «Кто из нас глухой?», поставленная коллективом абхазского театра, пользовалась большим успехом. Впоследствии, под названием «Жуля и Мажуля» (по имени сестер, героинь комедии), она была поставлена в Москве артистами Центрального театра Советской Армии и не раз передавалась по Центральному телевидению. Это – первый случай, когда абхазский драматург выходит на всесоюзную арену...

Отличительной особенностью интересующего нас периода было также и то, что в эти годы, по сравнению с предыдущими периода-

ми, бурно стала развиваться абхазская детская литература. Этому процессу особенно способствовало учреждение детского журнала «Амцабз», выходящего с 1957 года раз в два месяца (редактор М.Л. Хашба). Именно на страницах этого журнала были впервые опубликованы детские поэмы Б.В. Шинкуба «Яйрума», «Бесстрашный козленок», «Сказка о соловье и пышнохвостой лисе», Ч.М. Джонуа «Обезьяна-путешественница», стихи и рассказы Ш.Л. Цвижба, И.Г. Папаскир, Д.Х. Дарсалия, Д.К. Тапагуа и других.

В жанре детской литературы успешно работают Гуша Папаскир и Нури Барателиа, опубликовавшие сборники рассказов.

Несмотря на очевидные успехи в развитии данной области литературы, имеются здесь и серьезные недостатки. Это, прежде всего, сухой дидактизм, скучное поучение; часто не хватает настоящей занимательности, героической романтики, полета фантазии, без чего нельзя зажечь сердца юных читателей жадной подвигом.

Выходу абхазской литературы на широкую всесоюзную и международную арену способствует перевод произведений наших писателей на русский, грузинский и другие языки народов СССР и зарубежных стран.

Если до 50-х годов всесоюзному читателю было известно творчество одного-двух абхазских писателей, в первую очередь – поэзия Д.И. Гулиа, то в рассматриваемый период достоянием массового читателя стали лучшие произведения национальной литературы, включая сюда как творчество писателей старшего, так и младшего поколения.

На русском языке в Москве изданы: «Антология абхазской поэзии» (1958 г.), «Абхазские рассказы» (1950 и 1962 г.), «Приключения Нарта Сасрыквы и его 99 братьев» (1962 г.), а также отдельными книгами опубликованы произведения Д.И. Гулиа, И.Г. Папаскир, Б.В. Шинкуба, А.Е. Ласурия, М.А. Лакрба, И.К. Тарба, М.Г. Папаскир, К.Ш. Ломиа, К. Чачхалиа, А.Н. Джонуа, Ч.М. Джонуа, А.Н. Гогва, Н.З. Тарба, Г.К. Гублиа, В.П. Анкваб, А.Т. Аджинджал и других.

Много произведений абхазских писателей издано и на грузинском языке в Тбилиси и Сухуме.

В свою очередь и сама абхазская литература обогащалась не только за счет творения национальных поэтов и писателей, но в значительной степени и за счет переводов лучших произведений русской, грузинской и мировой литературы как классической, так

и современной. За последние годы на абхазский язык были переведены «Воскресенье» Л.Н. Толстого, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Мцыри» М.Ю. Лермонтова, «Гамлет» У. Шекспира, «Старик и море» Э.М. Хемингуэя, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Судьба человека» М.А. Шолохова, «Палестина, Палестина!» И.В. Абашидзе и другие.

Абхазская литература в целом, несмотря на недостатки, идет по пути роста и возмужания, активно включаясь в решение серьезных и сложных проблем, стоящих перед всей многонациональной советской литературой.

1966

2.4. ИСТОКИ НАШЕЙ ПРОЗЫ

Роман, как крупный эпический жанр, безусловно, возникает на сравнительно позднем этапе развития любой национальной литературы, когда художественное мышление народа стоит уже на довольно высоком уровне. Как правило, этому жанру предшествуют сравнительно мелкие и средние эпические жанры – очерки, рассказы, новеллы, повести, которые как бы подготавливают почву для появления сложного, монументального эпического полотна – романа.

В статье доцента М.Г. Ладария «Размышления о четырех романах», опубликованной в газете «Советская Абхазия», 3 июля 1966 года, поставлена исключительно важная проблема – проблема зарождения, становления и дальнейшей эволюции жанра романа в абхазской литературе. Автор статьи, на наш взгляд, в целом верно подмечает причины замедленного становления жанра романа в нашей литературе, а также правильно определяет тенденции его дальнейшего развития. Правда, каждое из четырех произведений, являющихся предметом рассуждений автора, в отдельности до этого не раз становилось объектом исследования в нашем литературоведении и литературной критике. Не оригинален автор также и в общей оценке, даваемой каждому из анализируемых романов – тот, кто хотя бы мало-мальски знаком с абхазской литературной критикой и литературоведением, не может не заметить этого. Однако этим самым мы вовсе не собираемся умалить значение данной статьи. На наш взгляд, цель М.Г. Ладария заключалась не в пересмотре оценок разбираемых произведений, а в сравнительно-сопоставительном их анализе для выяснения хотя бы в самой общей форме закономерностей развития жанра романа в абхазской литературе, что, к сожалению, никем из абхазских литературоведов до сих пор не делалось. В этом отношении работа, безусловно, заслуживает самого пристального внимания и одобрения.

Конечно, наряду с несомненными удачами, бесспорными выводами, в статье, на наш взгляд, имеют место и отдельные спорные моменты. Так, например, нам представляется не совсем правомер-

ным объявить произведение Д.И. Гулиа «Камачич» первым реалистическим романом в абхазской литературе, поскольку оно было завершено лишь в 1940 году, хотя отдельные главы его публиковались в периодической печати уже с 1935 года. Первым абхазским романом следует признать произведение И.Г. Папаскир «Темыр» («К долгой жизни», 1936 г.), которое было написано и опубликовано отдельной книгой в середине 30-х годов. В самом деле, трудно поверить, чтобы главы еще не заверщенного романа «Камачич» могли оказать существенное влияние на стиль романа И.Г. Папаскир «Темыр». И ничего, на наш взгляд, неприятного и тем более предосудительного нет в том, что фольклорная стихия явственнее, осязательнее выступила не в первом, а, скажем, во втором по счету романе. Это может быть объяснено и идейно-тематической основой произведения, и индивидуальными творческими наклонностями писателя, и многими другими факторами,

Вызывает некоторое недоумение и то, что автор ставит знак равенства между четкостью и ясностью нравственно-этического облика героев, с одной стороны, и прямолинейностью их оценок, с другой стороны. Неужели ясность художественных очертаний (заметим в скобках, что речь идет не о сложности, а именно о ясности) присуща лишь только устно-поэтическому творчеству и противопоставлена профессиональной художественной литературе?!

М.Г. Ладария справедливо видит основной недостаток второго романа И.Г. Папаскир «Женская честь» в недостаточном внимании автора к глубокому описанию душевного состояния героев, к усилению психологизма образов, что так выгодно отличает его предыдущий роман «К долгой жизни». Однако, думается, не внешний драматизм и не динамизм событий (хотя мы их и не снимаем со счета) помешали автору в углублении психологизма своего крупнейшего эпического произведения. Главные причины здесь нужно искать, по-видимому, совсем в другой плоскости – во вредном влиянии так называемой «теории бесконфликтности» которая явно ощущается в заключительных частях романа. В них-то, особенно в последней части, изображающей жизнь абхазской деревни в послевоенные годы, как раз меньше всего внешнего драматизма и динамизма событий, но от этого нисколько не углубился психологизм образов, если только не наоборот. Описательность, иллюстративность в значительной степени обезличили героев, которые так

ярко и живо были выписаны в первых двух частях романа. Не случайно поэтому автор в настоящее время много внимания уделяет переработке именно заключительных разделов произведения.

Что же касается указания автора статьи на новизну темы романа И.К. Тарба «Известное имя» для абхазской прозы, то мы, не отрицая справедливости этого указания по отношению к прозе, добавили бы от себя, что тема зазнавшегося председателя или другого колхозного вожака все-таки и раньше разрабатывалась в абхазской литературе, в частности, в поэзии и драматургии. (Таковы, например, председатель колхоза Арсана из романа в стихах Б.В. Шинкуба «Мои земляки», бригадир Заур из пьесы Ш.А. Пачалиа «Гунда» и другие). Правда, тема эта в последних произведениях не стала ведущей, какой она выступает в романе И.К. Тарба, а играет подчиненную роль.

Не останавливаясь далее на статье М.Г. Ладария, содержательной, дельной, написанной на высоком профессиональном уровне, нам хотелось бы обратить внимание читателя и на некоторые другие вопросы абхазской литературы, непосредственно не затронутые в этой статье, но имеющие прямую связь с ней. Речь идет о прозе начала и первой половины 30-х годов, подготовившей почву для появления такого крупного эпического жанра, как роман.

Зарождение абхазской прозы, как известно, относится к концу 10-х годов XX столетия. Первый на редкость удачный рассказ Д.И. Гулиа «Под чужим небом» (1918) заложил основу абхазской прозы. Как ни печально, до самых 30-х годов мы не можем назвать ни одного примечательного факта в абхазской прозе, если не говорить о не потерявших своей актуальности и по сегодняшний день сатирических и юмористических рассказах М.Л. Хашба, изданных отдельным сборником под названием «Алло» (1928 г.).

Только в начале 30-х годов появляются первые абхазские повести «Битая змея» Ш.Л. Цвижба и «Рождение колхоза «Вперед» В.В. Агрба. Несколько позже увидела свет повесть С.Я. Чанба «Сейдык» (1934 г.). Был опубликован также целый ряд рассказов (в частности, рассказы того же С.Я. Чанба).

Ведущей темой рассказов и повестей в начале 30-х годов становится социалистическая перестройка абхазской деревни и классовая борьба, связанная с этой реконструкцией. Первым крупным произведением на тему коллективизации была повесть В.В. Агрба

«Рождение колхоза «Вперед» (1931). В ней, правда, не достигнуто еще больших художественных удач, но все-таки оно ставит очень актуальные, злободневные проблемы, получившие более глубокое художественное воплощение немного позже в повести С.Я. Чанба «Сейдык» и романе И.Г. Папаскир «Темыр» («К долгой жизни»). При всех своих недостатках, при всей их схематичности, иллюстративности, в повести В.В. Агрба выведены почти все типы человеческих характеров, нашедшие впоследствии полнокровное отражение уже в произведениях других писателей. Здесь и образы коммунистов (Хаджарат, Ладикуа, Лашарба) и представители крестьянской бедноты (Езыгу, Маня, Кубта), середняки (Темыр) и кулацкие элементы (Цгиамш) и другие. Сама форма повести В.В. Агрба, написанной в виде дневника председателя вновь созданного колхоза «Вперед», казалось бы, должна была дать возможность заглянуть во внутренний мир хотя бы самого рассказчика. Но, к сожалению, автор ограничивается лишь воспроизведением внешних сторон жизни. В создании образов решающую роль играют здесь скупое, но колоритно выписанные портреты и особенно – очень острые диалоги. О психологизме произведения говорить не приходится.

Дальнейшее, более углубленное раскрытие темы коллективизации мы находим уже в повести С.Я. Чанба «Сейдык». Хотя С.Я. Чанба и не дает совершенно новых, доселе неизвестных литературных типов, однако он заметно раздвигает рамки изображаемой жизни и, самое главное, значительно углубляет характеры своих персонажей, хотя и не достигает той степени художественного обобщения, того органического слияния индивидуальных и обобщенных черт, какими характеризуются лучшие достижения социалистического реализма, в том числе и «К долгой жизни» («Темыр») И.Г. Папаскир.

С.Я. Чанба, как и В.В. Агрба, лучше удались образы кулаков и других врагов советской власти (Сейдык и его сподручные). Что же касается новых людей, проводников политики партии на селе, то они выглядят слишком аморфными, лишенными индивидуальных черт характера (парторг Кубрыц, комсорг Кучир и другие). Правда, есть и среди положительных героев более или менее запоминающиеся образы. Это, прежде всего, батрак Хабаш, крестьянин Темыр, дочь Сейдыка Хикуч и другие. В отличие от повести В.В. Агрба в «Сейдык» С.Я. Чанба введена и любовная линия (Хикуч – Хабаш),

которая занимает значительное место в сюжетно-композиционной структуре произведения.

В повести С.Я. Чанба, хотя и очень робко, неуверенно, но все же предпринимаются кое-какие попытки к изображению внутреннего мира героев, к раскрытию их душевного состояния. Однако, повторяем, это лишь наброски, штрихи, которые не идут дальше одной-двух произнесенных вслух фраз, невысказанных мыслей и т. д. Основным приемом изображения действительности и здесь остаются те же портретные характеристики, описания внешних сторон социальных и бытовых явлений.

Таким образом, появление глубоко психологического романа И.Г. Папаскира «Темыр», первого и поныне непревзойденного произведения в абхазской прозе, предварялось рядом повестей и рассказов – произведений малых и средних эпических жанров, зачастую созерцательных по своему методу отображения действительности, но все-таки несших в себе хотя бы в зачаточной форме те элементы живописания словом, которые впоследствии вырастают в целую художественную систему повествования.

В данной короткой статье мы не остановимся на вопросах современного состояния абхазской прозы, так как это отдельная тема, которая требует к себе особого внимания и специального исследования.

1966

2.5. ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Великая Отечественная война 1941–1945 годов – самая тяжелая из всех известных человечеству войн – стала решающим испытанием в жизни Советской страны, испытанием прочности и непоколебимости социального, политического, государственного строя нашего общества. На карту была поставлена жизнь народов Советского Союза, судьба социалистической революции и вообще будущее человечества. Непримируемость интересов, диаметрально противоположность целей определили остроту конфликта, бескомпромиссность и предельную напряженность борьбы.

Фашистские заправилы считали Советский Союз аморфным и рыхлым государственным образованием, которое развалится при первых же ударах. А многонациональный состав нашей страны им представлялся простым «этническим конгломератом», лишенным внутреннего единства и устойчивости, и поэтому они надеялись легко вбить клинья между народами Советского Союза и перессорить их между собой.

Однако коварный враг жестоко просчитался. По призыву и под руководством Коммунистической партии весь советский народ сплотился в единый мощный кулак, поднялся против грозного врага и, несмотря на временные неудачи, в конечном итоге наголову разбил его, избавив и нашу страну, и всю мировую цивилизацию от коричневой чумы.

В боях за свободу и независимость Родины принимали деятельное участие все народы Советского Союза. На фронтах войны плечом к плечу сражались воины всех национальностей. Естественно, и наш абхазский народ не составлял исключения из этого общего правила.

Подъем духовной и нравственной энергии сражающегося народа в значительной мере обеспечивался развитием литературы и искусства. Советские писатели сразу же определили свое место в этой смертельной схватке – передний край борьбы и пером, и штыком.

Довольно внушительный отряд абхазских писателей, среди которых были как уже известные, опытные, зрелые мастера, так и начинающие литераторы, принимали непосредственное участие в боевых сражениях. К ним относятся Леварса Квициния, Михаил Гочуа, Степан Кучберия, павшие смертью храбрых на поле боя, а также известные поэты и прозаики Киазим Агумаа, Чичико и Алексей Джонуа, Сандро и Шалва Сангулиа, Шамиль Акусба, Кица Ачба, Джото Тапагуа, Нури Барателиа, большинство из которых, к сожалению, уже ушло из жизни, причем укоротили им жизнь раны и увечья, полученные на фронтах. Не вернулись с фронта начинающие писатели: Владимир Чичерия, Рауф Джопуа, Камуг Хурцлаа, Владимир Капба, Петр Ануа, Сергей Цабрия, Шалва Тория, которые были многообещающими, но успели сделать на литературном поприще лишь первые шаги.

Как и во всей многонациональной советской литературе, в эти годы в абхазской литературе ведущими сюжетами и образами, определяющим пафосом всего художественного творчества становятся патриотические мотивы.

В годы войны, хотя и другие жанры абхазской литературы не испытывали застоя, наибольшее развитие получила поэзия, как более оперативный, мобильный жанр, ярко, эмоционально раскрывающий внутренний мир советского человека, его горячую любовь к Родине и жгучую ненависть к фашистским захватчикам.

Хотелось бы сразу же отметить, что на тему войны абхазские литераторы писали и в годы войны, и в послевоенные годы. Но, думается, что из пока что опубликованных произведений на эту тему, по крайней мере в области поэзии, лучшими следует считать те, которые создавались по горячим следам событий, непосредственно в годы войны.

С первых же дней войны громко и призывно звучал голос патриарха абхазской литературы, народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа. Несмотря на преклонный возраст, он проявлял необычайную творческую активность. Правда, еще в предвоенные годы, начиная со второй половины 30-х годов, когда все больше стали сгущаться грозовые тучи над нашей Родиной, в поэзии Гулиа значительное место заняла оборонительная тематика, например, стихи «Война», «Мир», «На озере Хасан» и другие. Однако центральной, господствующей тема эта стала у него, естественно, после того как фашисты развязали войну.

В самом начале войны Д.И. Гулиа пишет стихотворение «За нашу Родину», которым открывается одноименный сборник абхазских поэтов, изданный в 1941 году в Сухуме на абхазском языке. Вслед за этим последовали его стихи «Наш Кавказ», «Вперед, на Запад!», цикл стихов об абхазских воинах-героях – Владимире Харазия, Александре Назадзе, Киазиме Агрба, о снайпере М. Цушба и других. Как правило, все эти произведения отличаются открытой публицистичностью, ярко выраженным призывным характером. Как, например, в стихотворении «Вперед, на Запад!» поэт с таким кличем обращается к нашим воинам:

С заката пришел к нам фашистский солдат,
Так пусть и закатится он на закат.
Пусть будет крепка у героев рука,
На Запад! На Запад! Гоните врага!

Популярной народной песней стало стихотворение Д.И. Гулиа «Песня о герое из героев» – о первом из абхазов Герое Советского Союза артиллеристе Владимире Харазия, совершившем свой бесмертный подвиг на украинской земле, под Харьковом:

Воин отважный, герой и храбрец,
Верный товарищ, бесстрашный боец,
Сын твой любимый, Абхазия, –
Смелый Владимир Харазия.

Идея дружбы и братства народов, как источник великой Победы, ярко воплощена в поэме Дмитрия Гулиа «Песнь о народе», созданном в 1943 году. Обращаясь к защитникам Кавказа, поэт восклицает:

И дал народ своим
защитникам наказ –
На бой за Родину
поднялся весь Кавказ,
Врага разбили мы –
Абхазец с русским братом,
Грузин и армянин
С азербайджанцем рядом.

В годы войны еще глубже и шире раскрылся поэтический талант крупнейшего мастера абхазского стиха Баграта Шинкуба. Его стихи «Думы бойца», «На рассвете», «Моей маленькой дочери Биане», «Когда фашист над родником нагнулся», «Под Сталинградом», «Абхазским воинам», «Партизан», цикл о Владимире Харазия («Отец», «Клятва» и «Воспоминания о герое»), «Славный памятник», «День великой Победы», баллада «Гунда Прекрасная», поэма «Меч» принадлежат к лучшим достижениям абхазской поэзии военных лет. В них то с открытой, обнаженной публицистичностью, то в ассоциативных, символических обрядах четко и недвусмысленно выражена мысль о непобедимости народа, поднявшегося на борьбу за правое дело, в защиту родной земли, в защиту своей свободы и независимости. Не только живые люди, но даже сама природа, казалось бы, глухая, бесчувственная природа, восстает против непрошенных гостей, готовя им страшную гибель:

Когда фашист над родником нагнулся,
Родник, вдруг кровью спекшейся, свернулся.
Плоды хватал фриц жадными руками –
Они мгновенно превращались в камни.
Взбирался на отвесную скалу –
Скала обрушилась, гремя свою хулу...

Таким образом, куда фашист не ступит ногой – везде он встречает непреодолимую преграду и наконец находит свою бесславную гибель на дне бурной реки. Заканчивается стихотворение отнюдь не праздным, риторическим вопросом: «Зачем, фашист, ты в край чужой полез?».

Из произведений о войне, созданных в эти годы в абхазской литературе, несомненно, выделяется ставшая хрестоматийной поэма Б.В. Шинкуба «Меч». В поэме описан не простой меч, доставшийся герою поэмы Леониду Лунину от родного деда. Этот меч – самая ценная семейная реликвия, которой не дано завладеть фашистам, что символизирует традиционную храбрость и непобедимость русского народа.

Победа в войне с оголтелым фашизмом досталась советскому народу слишком дорогой ценой, но тем выше и крупнее ее значи-

мость, что ярко выразилось в стихотворении Б.В. Шинкуба «День Победы»:

Девятого мая зажглась молодая заря,
Развернутым стягом над морем и сушей горя.
Промчатся столетия, но этот немеркнущий свет
Пробьется к потомкам сквозь толщу бесчисленных лет.

Пламенным чувством патриотизма и неиссякаемого оптимизма проникнута военная лирика Ивана Тарба. Призыв к борьбе, к священной мести и гордость за советский народ, выдержавший столь тяжкое испытание, проходят лейтмотивом через всю его поэзию военных лет.

Популярными среди читателей стали его стихи: «Брат мой», «Абхазский кинжал», «Пастух», «Ни шагу назад!», «У могилы неизвестного», «На берегу Дона», «Встречай, девушка». Стихотворение «На берегу Дона» посвящено памяти абхазской девушки, политрука Александры Назадзе, павшей в бою за Дон. Ненавязчиво, простыми, естественными интонациями воссоздана в нем картина, которая доставляет читателю не только неизбыточное горе, но, главное, порождает у него чувство неподдельной любви к нашей большой общей Родине:

На берегу привольном Дона
Бессмертья памятник стоит, –
Могильный холм травой зеленой,
Цветами яркими укрыт.
Прощайте! – с горестью во взоре
Друзьям шепнула боевым
И умерла, и Дон был в горе,
Он ей, как Мчишта, стал родным.

Написал И.К. Тарба в годы войны и поэму «Краснодонцы», повествующую о подвигах подпольной комсомольской организации Краснодона, возглавляемой юным Олегом Кошевым.

Когда мы говорим о поэзии военных лет, особо должно быть выделено творчество самих поэтов-фронтовиков. Здесь в первую очередь следует назвать имя Киазима Агумаа – поэта, который еще

в 30-е годы приобрел широкую известность среди абхазских читателей. В годы же войны его лирика обрела новые черты, засверкала новыми гранями. Прежде всего, большинство его стихов, кстати, как и других поэтов-фронтовиков (например, Чичико и Алексей Джонуа), написаны в форме стихотворных посланий, стихи-письма, направляемые с фронта к родным и близким в Абхазию, в Сухум. Таковы его стихи «Письма в Апсны», «Ночью», «Любовь моя», «Генацвале», «Ласточка» и другие. Несмотря на крошечный ад и смерть, подстерегающую бойца на каждом шагу на фронте, лирический герой этих стихов не испытывает ни малейшего страха перед смертью, мысли и чувства его всецело связаны с жизнью, с думой о своих близких, жадной скорой встречи с ними, «с возвращением домой с победой»:

Пролить не жаль мне кровь свою,
 Рука в бою не задрожит.
 Я клятву родине даю,
 Что и пред смертью крикну: «Жизнь!»,
 Мечом врага сразив в борьбе,
 Что цепи нес стране родной,
 Апсны, я вновь вернусь к тебе,
 Цветущей розами весной.
 («Письмо в Апсны»)

В балладе «Ачарпын» («Свирель») поэт воссоздал образ абхазского крестьянина-пастуха, повторившего на высокогорных альпийских пастбищах Абхазии подвиг легендарного Ивана Сусанина – в минуту, когда родине угрожала смертельная опасность, не став на путь измены, он и сам погиб, но погубил целый вражеский отряд.

Тонкий, проникновенный лирик Чичико Джонуа еще до войны опубликовал ряд замеченных и принятых читателем стихов, но настоящим поэтом он ощутил себя именно в годы войны. Его стихи «Расставание», «Песня ранения», «В окопе», «Ответ», «К ней», «Песня конников», «Эшерский табак», «Моя шинель» полюбили читателей, вошли в золотой фонд абхазской поэзии. Как с близким, неразлучным фронтовым другом, который не раз выручал тебя в трудную минуту, и ты всегда отвечаешь ему взаимностью, ведет поэт задушевную, интимную беседу со своей армейской шинелью

(вернее с плащ-палаткой – «амшьамба»), беседу, всю пропитанную жизнелюбием и мягким лукавым юмором:

Эй, шинель, скажу по чести,
 Не расстаться мне с тобой.
 Ты товарищ верный мой,
 Ты со мною служишь вместе.
 Пусть огонь тебя прожжет,
 Пусть осколком ты пробита,
 Кровью серый ворс пропитан –
 Ничего! Живем, дружок!
 («Моя шинель»)

Такой же верой в жизнь, в конечную победу добра над злом веет от поэзии Алексея Джонуа, Сандро и Шалвы Сангулиа и других поэтов-фронтовиков, созданной именно в годы войны, непосредственно в окопах сражений. Можно было бы здесь назвать такие, как стихи Алексея Джонуа «Слово пленника», «Гидж-партизан», «Сталинград», «Фашизм», Сандро Сангулиа «Месяц выплыл легко из-за туч», Шалва Сангулиа «Мы вернемся, Севастополь» и др.

Нужно отметить, что и в послевоенные годы лучшие свои поэтические и прозаические произведения многие поэты-фронтовики создали именно на тему войны, как яркое и живое воспоминание, которое навсегда стало главным источником художественного творчества.

В годы войны определенное развитие получила и сатирическая поэзия (сатирические стихи Мушни Хашба, Степана Кучберия, поэта-сказителя Платона Киласания и других).

Как было сказано, в годы войны от поэзии значительно отставали абхазская проза и драматургия, хотя и здесь мы имеем определенные успехи. В прозе – это рассказы крупнейшего новеллиста и романиста Ивана Папаскири: «Разведчики», «Письмо с фронта», «Две сводки», «На виселице», рассказы, в которых воспроизводится героическая борьба советских людей с фашистами.

В эти годы написал ряд рассказов также Степан Кучберия – «За родину», «Осман» и другие.

Лучшим абхазским драматическим произведением периода войны была драма К.К. Агумаа «Большая земля», повествующая о во-

енных событиях в горных районах Абхазии. На сцене Сухумского театра в те годы ставилась также пьеса Георгия Гулиа «Скала героя» тоже, на тему войны. Этой же тематике были посвящены и некоторые одноактные пьесы Артема Миквабия.

Таково, примерно, в самых общих чертах отражение военной тематики в абхазской литературе, созданной именно в годы войны.

Но тема эта – вечная, нестареющая, непреходящая. Трудно перечислить всех писателей и тем более все произведения различных жанров послевоенной и современной абхазской литературы, в которых специально разрабатывается или же частично затрагивается военная тематика. Но мы, наверняка, не ошибемся, если скажем, что нет такого писателя, начиная от Дмитрия Гулиа и кончая современными молодыми абхазскими поэтами и прозаиками, которые в той или иной форме не затрагивали бы эту тему. Одни посвятили ей более крупные эпические произведения, другие же, возможно, ограничились лишь упоминаниями ее в ретроспективном плане, но так или иначе тема эта постоянно привлекала и привлекает внимание наших литераторов.

Наиболее крупным эпическим полотном всей послевоенной абхазской прозы признан роман Ивана Папаскира «Женская честь». Значительным событием в жизни главной героини романа Саиды явилось ее участие в этой кровопролитной войне, по дорогам которой она и ее боевые друзья прошли от Кавказских гор до самого Берлина.

Военная тематика, как было сказано выше, осталась ведущей в послевоенные годы, в творчестве самих поэтов-фронтовиков. Это стихи и героическая поэма «Тариел Рашба» Киазима Агумаа, его рассказы и повесть «Узник», кстати, одна из лучших повестей о войне (в русском переводе «Свет в решетке»), поэтические и прозаические произведения Чичико и Алексея Джонуа, в том числе книга воспоминаний Ч.М. Джонуа «Огонь тушат огнем», его рассказ «Тайна тайн» и поэтический сборник «Млечный путь», повесть Алексея Джонуа «У партизанского костра», его новые стихи о войне и особенно поэма «Любовь и кровь», отмеченная Государственной премией Абхазской АССР имени Дмитрия Гулиа.

Центральное место занимает тема войны и в творчестве Шамиля Акусба, бывшего военного летчика. Он создал прекрасные пове-

сти и рассказы из жизни военных летчиков – «Взлет», «Последняя ночь», «В полете» и другие.

Значительный вклад в разработку этой темы внесли также документальные повести Платона Чкадуа «Горная Абхазия», «Год второй», созданные по воспоминаниям автора, живым участником событий в горах Абхазии, в частности, в селении Псху.

К военной тематике проявляют постоянный интерес и писатели, чье детство, отрочество или ранняя юность пришлось на тяжелые годы войны.

В этом отношении особенно плодотворной нужно признать творчество Алексея Ласуриа, Кумфа Ломиа, Георгия Гублиа, Алексея Гогуа, Алексея Джения, Шоты Чкадуа, Шалоди Аджинджал, Мушни Ласуриа, Нелли Тарба, Шамиля Пилюа, Мушни Микая, Владимира Анкваб, Николая Хашиг, Платона Бебиа, Терентия Чаниа, Бориса Гургулиа и многих других. Роман Алексея Джения «Тайна леса» о Давиде (Датико) Зухба, пьесы Шараха Пачалиа «Бессмертное» – о Владимире Харазия и Михаила Чамагуа «Иван-абхазец» – о Хинтруге Мхонджиа, рассказы и очерки Алексея Джонуа о Владимире Пачулиа, Платона Бебиа – о Чичико Хиба и особенно же оригинальная, своеобразная, я бы сказал, уникальная в условиях Абхазии книга-хроника Нелли Тарба – «Твои сыны, Дурипш», – далеко не полный перечень произведений, созданных на основе фактического документального материала и повествующих о ратном подвиге наших земляков в годы Великой Отечественной войны.

Основные тяжести войны испытали на себе прежде всего непосредственные участники военных событий, фронтовики. Однако не на много легче была жизнь и в тылу. Необыкновенное напряжение физических и духовных сил, тяготы, лишения сполна испытали и те советские люди, которые находились в тылу и делали все возможное и даже невозможное для материального обеспечения великой Победы. Именно эти напряженные годы воссоздают под впечатлением своих детских или отроческих воспоминаний Алексей Ласуриа в поэме «Незабываемое», Алексей Гогуа в рассказах «Ягненок», «За семью камнями», «Белый конь», Нелли Тарба в повестях «Мациса», «Солнце мертвых», Джума Ахуба в повести «Войны уже не было», рассказе «Белоногий жеребенок», в стихах, поэмах, рассказах и повестях других абхазских писателей.

Нет сомнения, что освоение темы войны будет продолжено современными и последующими поколениями абхазских писателей, ибо бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов – это неиссякаемый источник, из которого будут черпать темы, сюжеты и возвышенные образы мастера художественного слова всех времен.

1985

2.6. В ОДНОМ СТРОЮ С НАМИ (Памяти талантливого поэта Л.Б. Квициния)

Леварса Бидович Квициния занимает особое место в абхазской национальной литературе. Творческая деятельность его началась с конца 20-х – начала 30-х годов. Но и сегодня его произведения любимы и чтимы народом.

Л.Б. Квициния родился 31 декабря 1912 года в селе Атара Очамчирского района в семье крестьянина. Окончив в родной деревне начальную школу, будущий поэт в 1925 году приезжает в Сухум и поступает в абхазскую среднюю школу им. Н.А. Лакоба. В том же году он вступил в комсомол. Интересы любознательного юноши не исчерпывались одним только учебным программным материалом. Он с упоением читал художественную литературу, принимал активное участие в работе школьного литературного кружка. Здесь, в стенах абхазской школы и начался недолгий, но очень яркий и самобытный творческий путь поэта.

Первые свои стихи Л.Б. Квициния опубликовал, будучи еще 16-летним юношей, в сборнике «Созвездие», который выходил приложением к газете «Апсны капш». В школьные же годы было написано и одно из лучших его произведений – стихотворение «Комсомолец». В обобщенном символическом образе комсомольца-джигита, объезжающего на красавце-коне нашу необъятную Родину с высоко поднятым факелом в одной руке и с красным знаменем – в другой, поэт создает зримую картину неукротимого, победного шествия по нашей земле социалистической нови. Раскрытию идеи произведения в значительной степени способствует его ритмико-интонационный строй, напоминающий движение бурного, неудержимого горного потока.

После окончания средней школы в течение двух лет Л.Б. Квициния работал сначала в Абхазском государственном издательстве, а затем в редакции газеты «Апсны капш». К этому времени поэт уже опубликовал ряд своих произведений, успел выпустить первую книжку стихов, в которую вошли поэмы: «Ленин», «Пролетарий», «Ткварчалстрой», «Миллион голосов», «Комсомол», «Слушайте!».

В ранних произведениях и особенно в названных поэмах Л.Б. Квициния чувствуется очень сильное влияние поэзии В.В. Маяковского.

Для продолжения учебы и совершенствования поэтического мастерства Л.Б. Квициния в 1933 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, который окончил в 1937 году. В те годы среди близких друзей нашего земляка по институту были ныне известные советские поэты К.М. Симонов, М.И. Алигер, Е.А. Долматовский и другие.

По возвращении в Абхазию Л.Б. Квициния первое время работал в «Апсны капш», а затем был ответственным секретарем Союза писателей Абхазии. В 1939 году Леварса Квициния вступил в Коммунистическую партию. В этом же году его призвали в ряды Советской Армии. Л.Б. Квициния погиб в бою под Белостоком в самом начале Великой Отечественной войны. Он не дожил даже до 30 лет.

Несмотря на короткую жизнь, Леварса Квициния оставил нам богатое литературное наследие. Все оригинальные произведения поэта, за исключением утерянных (были и такие), и переводы собраны и изданы Абхазским государственным издательством в 1955 году. Главное в творчестве поэта – необычная тяга к современной тематике, к разрешению острых политических и социальных проблем своего времени. Поэзия Л.Б. Квициния отличается яркой публицистичностью, страстным призывом к борьбе за утверждение всего того нового, прогрессивного, что несет людям социалистическая действительность, и к искоренению всех унаследованных от старого мира пережитков в сознании людей.

Композиционная неупорядоченность и сюжетная рыхлость некоторых, особенно крупных эпических произведений, иногда упрощенность и прямолинейность в обрисовке отдельных характеров, языковые погрешности в раннем творчестве поэта объясняются его молодостью и молодостью самой абхазской литературы. Но зато нас волнует страстная влюбленность в жизнь, глубокая вера Леварсы Квициния в торжество идей социализма, убежденность в прочном, бесповоротном утверждении новой жизни, за которую так яростно боролся он звонким поэтическим словом.

Среди его произведений особенно выделяются художественной завершенностью ставшие хрестоматийными поэмы «Шаризан», «Даур», названные так по именам главных действующих лиц.

Юную абхазку Шаризан обычаи седой старины обязывают мстить за убитого брата, но она находит в себе силы отрешиться от дедовских законов гор и вступить на путь новой жизни. Не менее тяжел был путь к подлинной жизни и для молодого крестьянина Даура, совершившего тяжкое преступление, на которое его толкнула крестьянская частнособственническая психология и ложно понятое чувство чести. Однако наша действительность открывает глаза ослепленному стариной молодому абхазу и направляет его по единственно правильному пути.

Кроме больших эпических полотен, перу Л.Б. Квициния принадлежит много великолепных стихов, посвященных Москве, родной Абхазии, дружбе народов. Глубокий патриотизм, высокая патетичность и гражданственность и сегодня придают стихам поэта свежесть и актуальность.

Леварса Квициния перенес на абхазскую почву нормы классического силлабо-тонического стихосложения. Правда, такой вид стихосложения встречался и до него в абхазской литературе, но как исключение, а он его утвердил. Конечно, Л.Б. Квициния не исчерпал все возможности абхазского языка в данной области, а только лишь наметил основные пути. Свое наиболее полное применение эта система стихосложения нашла в творчестве других поэтов, особенно в поэзии мастера стиха Б.В. Шинкуба.

Поэзия Л.Б. Квициния служит ярким примером того, как советский писатель должен служить родному народу. Леварса Квициния и сегодня в одном строю с нами.

2.7. ПОЭТ-ГРАЖДАНИН (К 50-летию со дня рождения Киазыма Агумаа)

Значительный вклад в развитие почти всех основных жанров абхазской литературы внес талантливый писатель Киазым Агумаа, прошедший недолгий, но исключительно плодотворный жизненный и творческий путь.

Киазым Караманович Агумаа родился в селе Гвада Очамчирского района в крестьянской семье. Детские годы будущий писатель провел в родном селе. Здесь же он получил начальное образование. В 1929 году, окончив Джгердскую среднюю школу, переехал в Сухум и поступил в педагогический техникум. В эти годы он знакомится с тогда еще начинающими поэтами Л.Б. Квициния и Л.Б. Лабахуа. К.К. Агумаа сближается с ними и другими молодыми поэтами. Особенно тесная дружба устанавливается у него с Л.Б. Лабахуа.

Окончив педтехникум, К.К. Агумаа в 1932 году едет в Москву, в Институт журналистики. В 1935 году он переезжает в Калинин и поступает на исторический факультет Калининского педагогического института. В 1937 году, окончив учебу, К.К. Агумаа возвращается в Абхазию. Первое время он работает преподавателем истории в Ткварчалской средней школе. Затем с 1938 года сотрудничает в редакции газеты «Апсны капш». В 1940 году его призывают в ряды Красной Армии.

С первых же дней Великой Отечественной войны К.К. Агумаа – на фронте. Киазым был в окружении, партизанил в Белоруссии и на Украине. Отважному народному мстителю не раз приходилось встречаться лицом к лицу со смертью. В 1944 году он получает тяжелое ранение и после излечения возвращается в Сухум.

Несмотря на тяжелый недуг, являющийся следствием полученных на фронте ранений, К.К. Агумаа с головой окунается в редакционную работу в Союзе писателей Абхазии и газете «Апсны капш». Скончался К.К. Агумаа в 1950 году в возрасте 35 лет, не успев осуществить многих задуманных творческих планов.

К.К. Агумаа, как вспоминают его родные и друзья, проявлял пристрастие к литературному творчеству еще в школьные годы. В

печати поэт выступает в начале 30-х годов. Первой наиболее крупной публикацией К.К. Агумаа были стихи, напечатанные в молодежном поэтическом сборнике «Первые шаги» (1934 г.). Его стихи время от времени начинают появляться в различных периодических изданиях и сборниках, и прежде всего в «Литературном журнале» и газете «Апсны капш». Печатаются также первые прозаические произведения К.К. Агумаа.

В некоторых ранних стихах К.К. Агумаа чувствуются следы механического подражания крупным поэтам, особенно В.В. Маяковскому («Ленин»). Однако такие увлечения быстро проходят, и талант поэта полностью раскрывается во всей своей оригинальной неповторимости.

В 1930-е годы поэтом были написаны такие популярные стихи, как «Колхида», «Семья Гыда», «Гуда-картежник и гуляка», «Свадьба» и многие другие. Наивысшей гармонии, идейного звучания и поэтической отделки стихов поэт достигает в лирике военных лет, вобравшей в себя все, что накопилось в душе поэта-бойца. Стихи-послания, адресованные любимой, друзьям, родному краю, звучат как клятва верности своей Родине, своему народу. Воедино сплелись обида и гнев солдата-мстителя, его ненависть к лютому врагу; в то же время мы ощущаем и другое, не менее сильное чувство – нежную любовь солдата к своей Родине, к народу, уверенность в победе советского народа над фашистской чумой («Письмо в Апсны»).

Оптимистическим настроением, мыслью о скорой победе, о возвращении в родные места, о встрече с любимой проникнута вся фронтовая лирика К.К. Агумаа (стихи «Прощание воина», «Любовь моя», «Генацвале», «Ласточка» и другие). В балладе «Ачарпын» поэт воссоздает образ бесстрашного горца-патриота, в условиях Абхазии повторившего подвиг Ивана Сусанина.

К теме Великой Отечественной войны поэт возвращался и в послевоенные годы («Могила солдата», наброски большой поэмы «Таризл Рашба»). По отрывкам, опубликованным в печати, по манере исполнения, по эпическому стилю можно смело утверждать, что поэма обещала быть монументальным произведением, посвященным борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В послевоенной лирике К.К. Агумаа воспевал созидательный труд советских людей, борьбу за мир («Кремлевская звезда», «Город цветов», «Шахтерская песня» и другие).

В поэтическом наследии К.К. Агумаа особняком стоит поэма «Песня о скале», основанная на известном фольклорном сюжете о братьях-охотниках. Кстати, этот народный сюжет не раз подвергался литературной обработке. Наиболее удачными, на наш взгляд, следует признать произведение К.К. Агумаа и недавно опубликованную драматическую поэму Б.В. Шинкуба «Застрявший на скале».

Киазым Агумаа известен и как талантливый прозаик. Еще до войны писатель обратился к прозе. В сохранившихся фрагментах романа «Селым» (имеются сведения о том, что роман был завершен, но автор потерял его на фронте) воссоздана картина абхазской жизни середины XIX столетия. Рассказ «Братья» повествует о революционных событиях периода борьбы за Советскую власть в Абхазии. Неоконченная повесть «Чичико» (написана в 1940–1941 годах, опубликована в 1955 году) посвящена проблемам воспитания молодежи в семье и школе.

В послевоенные годы проза вновь становится ведущим жанром в творчестве К.К. Агумаа. Повесть «Узник» единодушно признана всеми нашими критиками лучшим прозаическим произведением абхазской литературы на тему о Великой Отечественной войне.

Помимо многочисленных стихов, отрывков из названной выше поэмы «Тариэл Рашба» и повести «Узник», на тему войны писатель создал еще ряд рассказов («Непролитые слезы», «Материнская любовь», «Рассказы из жизни») и героическую драму «Большая земля». Отчаянное сопротивление, которое оказывает небольшое горное село Абхазии фашистским извергам, символизирует собой борьбу всей нашей необъятной Родины с фашистскими оккупантами.

В послевоенные годы из-под пера К.К. Агумаа вышло немало произведений о современности. В неоконченном романе «Родник» автор ставил целью создать образы молодежи колхозной деревни. Однако в этом произведении сильно сказалась пресловутая «теория бесконфликтности», вследствие чего роман выглядит не только фрагментарным, но и несколько поверхностным, иллюстративным.

Киазым Агумаа обогатил абхазскую литературу как оригинальными произведениями, так и переводами русской, грузинской, украинской классики. В числе лучших переводов К.К. Агумаа сле-

дует назвать стихи А.С. Пушкина и Н.М. Бараташвили, Г.М. Шервашидзе и С.И. Чиковани, поэму «Сон», фрагменты армянского народного героического эпоса «Давид Сасунский» и другие.

Немало внимания К.К. Агумаа уделял и публицистике. На страницах периодической печати он выступал со статьями и рецензиями по вопросам литературы и искусства. А в годы службы в рядах Советской Армии поэт активно выступал на страницах армейских газет.

Лучшие произведения писателя стали хрестоматийными, изучаются в школах и вузах нашей республики. Исследованию творчества К.К. Агумаа посвящен ряд статей и рецензий абхазских литературоведов, среди которых выделяется монография молодого критика Р.Х. Капба «Киазым Агумаа».

Творчество Киазыма Агумаа – яркая, немеркнущая страница в истории абхазской художественной литературы.

2.8. СТАРЕЙШИЙ ПИСАТЕЛЬ

Талантливый драматург и прозаик Владимир (Дзадз) Харионович Дарсалия принадлежит к числу тех писателей, с именами которых неразрывно связано зарождение и становление абхазской советской литературы. Вот уже полвека неутомимый художник преданно служит развитию культуры родного народа, обогащая ее произведениями глубокого идейного содержания в сочтении с отточенной художественной формой.

Дзадз Дарсалия родился в 1898 году в селении Гуп Очамчырского района. Выходец из крестьянской среды, рано лишившийся родителей, он на своем личном опыте еще в молодости познал всю тяжесть и горечь жизни трудового народа в условиях царского режима и меньшевистской реакции. По-видимому, в памяти впечатлительного и зоркого юноши сложилось так много наблюдений, что и впоследствии, когда он становится уже зрелым писателем, то не может никак отрешиться от этого «груза», и поэтому жизнь дореволюционного крестьянства занимает основное место во всем его творчестве, остается главным объектом его художественных интересов.

Однако, несмотря на нужду и лишения, мальчик упорно тянулся к духовному простору, к свету и знаниям. Сначала Дзадз Дарсалия учился в Гупской сельской школе, затем в Очамчырском высшем начальном училище. В 1916 году он переезжает в Сухум, где вначале учится на педагогических курсах, а вскоре переводится в Сухумскую учительскую семинарию, преобразованную в советские годы в педагогический техникум, который он и кончает в 1923 году. После этого Дзадз Дарсалия работал учителем в Кутолской и Очамчырской школах; затем в 1925 году он поступает в Тбилисский политехнический институт, а оттуда через год переводится в Краснодарский педагогический институт. Проучившись два года в институте, Дзадз Дарсалия по состоянию здоровья оказался вынужденным оставить учебу и возвратиться в Абхазию.

С 1928 года (если не считать нескольких месяцев работы заместителем управляющего Абгосиздатом в 1937 году) до ухода на

пенсию в 1959 году Дзадз Дарсалия сотрудничает в редакции газеты «Апсны капш», причем в течение 20 лет он был ответственным секретарем редакции. Считая свою работу в редакции, безусловно, интересной и полезной, он в то же время в автобиографической повести «Из жизни» (1963 год) с горечью признает, что все же эта работа отнимала у него слишком много писательского времени.

Интерес к литературному творчеству у Дзадза Дарсалия проявился в годы учебы в Сухумской учительской семинарии. Начал он со стихов. Еще в 1919–1920 годы им были написаны стихи и басни «Вор», «Цыпленок», «Абхазия и махаджир», «Народная правда», «Сарай», «Два дерева» и другие. Некоторые из них публиковались в первой абхазской газете «Апсны», издававшейся под редакцией Дмитрия Гулиа и Самсона Чанба, другие вовсе не печатались.

В те же годы молодой автор начал пробовать свои силы и в жанре драматургии. В 1920 году им была написана одноактная пьеса «Зубной врач» по мотивам новеллы А.П. Чехова «Хирургия». Несколько позже, в 1923 году, он пишет две оригинальные одноактные пьесы «Любовь – царица жизни» и «Адына», которые сохранились у автора в рукописи.

Широкой популярностью и по сей день пользуется двухактная антирелигиозная комедия Дзадза Дарсалия «Икона и переживания» (1925 г.). В ярких, колоритных картинах абхазского быта раскрывается вред предрассудков старины, развенчивается «всемогущество» знахарей и служителей культа. Особенно запоминаются образы крестьянина Ламшаца и знахарки Каймытхан.

Однако главным произведением Дзадза Дарсалия, принесшим ему заслуженную славу и признание широких народных масс, является драма «В глухой старине». Драма эта была написана еще в 1924 году в четырех картинах, а затем автор дописал еще три картины, и она была принята к постановке в конце 1928 года. В 1929 году «В глухой старине» издается отдельной книжкой.

Эта социально-бытовая драма повествует о бесчинстве и грубом произволе, царивших в абхазской деревне в прошлом столетии. Острый социальный конфликт в драме раскрывается через столкновения двух семейств – князя Зосхана и крестьянина Хабахуа. Из чувства мести непокорному крестьянскому юноше Мизану сыну Хабахуа, князь Зосхан решает организовать налет на семью крестьянина, связать всех и продать в рабство. Но не так-то легко

удается коварным врагам осуществить свои намерения. В завязавшей схватке погибают мать и отец Мизана, а сестра его Назия попадает в руки злоумышленников, перепродающих ее в рабство на Северный Кавказ; однако и сами злодеи понесли заслуженную кару: одного из дворянских молодчиков и подлого изменника-крестьянина Мизан убивает, а ему самому удается спастись от погони. И впоследствии не раз предпринималась погоня за Мизаном, и, наконец, врагам удалось схватить его, и он был сослан в Сибирь. Пьеса кончается тем, что Мизан уже глубоким стариком вместе с частями Красной Армии попадает на Северный Кавказ и здесь неожиданно встречается со своей сестрой, уже совсем постаревшей Назией, которая жила в служанках у одной северокавказской княгини.

Приведенная сюжетная схема драмы, конечно, не может дать полного представления о произведении, в котором так неповторимо живо, образно воссоздан дореволюционный абхазский быт. Основное достоинство произведения заключается в том, что в нем каждый образ – это живой человеческий характер. Даже второстепенные персонажи выведены настолько колоритно и ярко, что имена некоторых из них стали нарицательными в нашей абхазской действительности, как, например, имя Гуаджа – безвольного, преданного слуги князя Зосхана.

В драме не показана организованная борьба крестьянских масс против своих угнетателей. Мизан выведен одиноким борцом, но это вовсе не означает, что другие крестьяне не поддерживают его. Многие ему сочувствуют, помогают по возможности (как, например, крестьянин Кынтыжв). Кроме того, в пьесе недвусмысленно говорится о том, как Мизан ищет связи с другими борцами против социального гнета не только в Абхазии, но даже на Северном Кавказе.

Следует обратить внимание на то, что в драме Дзадза Дарсалия и лагерь феодалов не изображен одноцветным. Впервые в абхазской литературе мы здесь встречаем представителя дворянского сословия, который пусть еще не может стать на сторону угнетенного класса, но во всяком случае активно начинает протестовать против жестокости и бесчинств, творимых властью имущими по отношению к крестьянам (образ дворянина Мсырбея).

Созданию типичных, ярко национальных образов в значительной степени способствует и язык произведения. Вообще Дзадз

Дарсалия отличается редким даром поэтического живописания. В речах персонажей драмы выражается их характер, внутренняя сущность, их социальное положение. Грубая, надменная натура хищника Зосхана как нельзя лучше проявляется в его вульгарной, порой циничной речи, изобилующей такими выражениями, как «сволочь», «собака», «убью», «выпорю» и т. д. Самонадеянность его отлично выражает фраза «Да не будь я Зосханом!..».

Дзадз Дарсалия – не только драматург, но и прекрасный прозаик. Правда, он написал не так уж много прозаических произведений, но его рассказы вошли в золотой фонд абхазской литературы.

Первый свой рассказ Дзадз Дарсалия написал в 1940 году. Называется он «Заложник». Здесь, как и в драматических своих произведениях, автор обращается к дореволюционной жизни. До глубины души трогает читателя образ злосчастного Ладжа, крестьянина-бедняка, который выбивается из сил, но никак не может уплатить налога, которым власти обложили его. Однако если до сих пор Ладж не оказывал открытого сопротивления, как-то молча переносил все оскорбления и издевательства, то теперь, когда он видит, что берут в заложники его малолетнего сынишку, не может сдержаться и наносит физическое оскорбление старшине.

Таким образом, автор показывает, что не безбрежно и не беспредельно крестьянское терпение, рано или поздно крестьяне должны восстать против бесчинств и притеснений.

В юмористическом рассказе «Старая шуба, не зазнавайся» высмеиваются такие черты человеческого характера, как зазнайство, чванство, стремление забыть свое прошлое, свое происхождение.

В рассказах «Абзагу», «Старик с ношей» и других автор стремится контрастно, в резких противопоставлениях показать преимущество новой социалистической действительности перед старой жизнью, основанной на эксплуатации человека человеком.

В последние годы, после ухода на пенсию, писатель создал множество новелл и мелких рассказов, или, точнее сказать, миниатюр, а также детские рассказы и пьесу «У родника».

Самым значительным из всего, что написано автором в последние годы, следует признать его автобиографическую повесть «Из жизни». Повесть эта – первое крупное произведение мемуарного жанра в абхазской литературе. В ней подробно описывается жизнь писателя, особенно в дореволюционные годы, его встре-

чи, знакомства с интересными людьми, деятелями, сыгравшими важную роль в истории абхазской национальной культуры. Много теплых слов автор посвящает своим учителям – Дмитрию Гулиа и Самсону Чанба, а также своим друзьям и соратникам – Иуа Когониа, Ивану Папаскир, Леварсе Квициния, Леонтию Лабахуа, Киазиму Агумаа и другим.

Творчество старейшего абхазского писателя Дзадза Дарсалия свидетельствует о росте и возмужании абхазской национальной литературы, давно уже перешагнувшей за пределы своей республики. Хочется надеяться, что наш талантливый и умудренный богатым жизненным и творческим опытом писатель еще не раз обрадует своих читателей новыми художественными произведениями.

1968

2.9. МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ (К 50-летию И.К. Тарба)

Талантливый абхазский поэт Иван Тарба принадлежит к кругу тех деятелей литературы и искусства из национальных республик Советского Союза, которые за последние 10–15 лет завоевали широкую всесоюзную известность и признание.

И.К. Тарба – ровесник Советской власти в Абхазии в буквальном смысле этого слова. Появившись на свет в один год с нею, всю свою сознательную жизнь он подчинил служению народной власти, служению нашей великой партии. Мысль эту поэт выразил впоследствии в превосходном стихотворении «С первых дней», где он с гордостью заявляет:

Я иду коммунистом
И счастлив, шагая в строю,
Сознавать, что без партии
В жизни не прожил ни часа,
Что она с первых дней
Осеньет дорогу мою.

Как поэт И.К. Тарба сложился в военные и послевоенные годы, хотя в творческую жизнь вступил очень рано, опубликовав первое стихотворение в 1937 году. За плечами писателя богатая не столько фактами, сколько своей типичностью для советского гражданина жизнь: учеба крестьянского парнишки в родном селе Беслахуба в Очамчырской абхазской школе, в Сухумском пединституте, в партийной школе при ЦККП Грузии, а затем ответственная работа на журналистском, советском, партийном постах. И вот уже около двадцати лет И.К. Тарба – бессменный руководитель Союза писателей Абхазии. Активная общественная деятельность писателя, по-видимому, в немалой степени способствует проявлению его творческих интересов, которые всегда на переднем крае борьбы нашего народа за утверждение новых, коммунистических идеалов.

Широк и разнообразен жанровый и тематический диапазон творчества И.К. Тарба – от лирических стихов до ярких публицистических и лироэпических поэм, от беглых путевых заметок и очерков до многоплановых романов и сценария первого абхазского художественного фильма.

Наиболее характерной чертой писателя, проявляющейся во всех жанрах, следует признать его неизменную приверженность к проблемам и темам современности. Поэтому произведения И.К. Тарба никогда не оторваны от жизни, всегда актуальны.

Несмотря на многогранность своего дарования, И.К. Тарба прежде всего известен как поэт. Он начинал свой творческий путь с поэзии и никогда не отказывался от нее, даже и тогда, когда был занят работой над своими романами. С конца 40-х годов до наших дней он опубликовал около полутора десятков поэтических сборников на абхазском, русском и грузинском языках в Сухуме, Москве и Тбилиси. Вслед за первой поэтической книгой И.К. Тарба «Горный родник» (1949 г.) вышли сборники его стихов и поэм: «Стихотворения», «С первых дней», «Сердце говорит», «Два моря», «Испытание», «На суд товарищей», «Доброй встречи», «О друзьях-товарищах», «Стихи и поэмы», «Подарок», «Мост», «Весенний снег» и другие.

И.К. Тарба по праву считается одним из ведущих современных поэтов Абхазии. Значителен его вклад в каждую из жанровых разновидностей нашей поэзии. Заслуги поэта особенно велики в развитии лирических жанров. Широкой популярностью пользуются многие гражданские, политические, пейзажные, интимные стихи И.К. Тарба, в которых воспеваются наша социалистическая действительность, советский человек – простой и великий, дружба народов, красота и богатство родного края и всей нашей великой Родины.

Во всех деяниях, во всех свершениях советского народа поэт закономерно усматривает проявление немеркнущих идей великого Ленина:

Ленинской мысли звезда нам
сияет нетленная,
С Лениным вместе шагаем в
могучем строю,

В каждом свершении вижу
товарища Ленина,
В каждом деянии душу его
узнаю.

Лирический герой поэзии И.К. Тарба – человек для которого судьба его народа – это и его личная судьба:

Я дышу в твоём просторе,
Я живу твоей судьбой:
Словно капля слита с морем,
Мой народ, я слит с тобой.

В многообразии тем и образов лирики И.К. Тарба особое место принадлежит абхазским мотивам. Патриотизм поэта – это, прежде всего, любовь к тому уголку земли, который его вскормил и воспитал, любовь к родному народу, давшему ему путевку в большую жизнь. Вот как поэт выразил любовь к родному краю в одном из своих стихотворений, переведенном на русский выдающимся советским поэтом Николаем Тихоновым:

Люблю, как сын, Абхазию мою,
Не устаю ходить по ней, – такую
Ее, как цвет невянущий, пою, –
Большой земли Советской часть родную.

Таким же глубоким чувством проникнуты стихи «Песня об Абхазии», «Мое горное село», «Утро Сухума», «Вчера до утра», «Гвада», «Дмитрий Гулиа в гостях...» и многие другие. В цикле стихов об Абхазии автору удалось зримо воссоздать поэтический облик родного края – и его печальное прошлое, и его счастливое настоящее, – как страны, навсегда освободившейся от гнета и темноты.

Тема интернационализма, дружбы народов, конечно, разрабатывалась в абхазской поэзии и до И.К. Тарба. Но, на наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что особую актуальность и масштабность эта тема приобрела именно в его творчестве. Поэт много путешествовал по стране, неоднократно выезжал за границу и в качестве туриста, и в составе делегаций советских писателей, не-

редко возглавляя эти делегации. Он побывал в Болгарии, Чехословакии, Корее, Монголии, Тунисе, Алжире и других странах Европы, Азии и Африки. Огромные впечатления, вынесенные из этих поездок, автор отразил в ряде стихотворных циклов или в путевых заметках. В частности, тепло были приняты читателем стихи о Корее, Монголии, очерки о Чехословакии и т. д. Но наибольшее внимание поэт уделяет теме взаимосвязи народов, населяющих нашу Советскую страну. Тема эта нашла воплощение в целом ряде стихов о России, о республиках Закавказья и Северного Кавказа. Ярким отблеском этой большой дружбы нужно признать и поэтический вечер на дагестанской земле, на родине прославленного поэта Расула Гамзатова, где судьба свела за одним столом представителей четырех литератур – русского А.Т. Твардовского, аварца Р.Г. Гамзатова, грузина К.Р. Каладзе и нашего сегодняшнего юбиляра. И.К. Тарба так воспроизводит в стихах ту незабываемую ночь:

То поднимаясь, а то стихая,
 Медью звеня в строках,
 В ту ночь округа дышала стихами
 На четырех языках,
 В ту ночь в горах сроднились
 по-братски –
 Ине расторгнуть их,
 Русский, грузинский стих
 и аварский,
 И мой абхазский стих.

С середины 1950-х годов И.К. Тарба делает крутой поворот к эпической поэзии, хотя и раньше он пробовал свои силы в этом жанре (вспомним хотя бы его поэму «Мужество», написанную в годы Великой Отечественной войны и посвященную молодогвардейцам Краснодона). В 1950–1960-х годах из-под пера И.К. Тарба вышли такие поэмы, как «Человек собрался в путь», «Испытание», «Десять лет спустя», «На суд товарищей», «Прошу слова». Разнообразна и тематика, и жанрово стилистическая структура этих произведений.

«Человек собрался в путь» (или «Ражден Жиба») – это произведение, которое повествует о становлении рабочего класса Абхазии, о превращении вчерашнего сельского паренька в кадрового рабо-

чего. Тема же эпической поэмы «Испытание» – неудачно сложившаяся любовь юноши к девушке. Однако нелегкое испытание, выпавшее на долю героя, не опустошает его душу, не убивает в нем веры в жизнь, оно еще больше закаляет характер молодого человека, делает его твердым, мужественным.

Актуальностью проблемы и своеобразием манеры письма привлекает внимание и публицистическая поэма «На суд товарищей». Лирический герой поэмы, который через много лет воскрешает в памяти жизненный путь своих друзей-одноклассников, гордится теми из них, которые не изменили своим юношеским романтическим мечтам, не свернули с прямой дороги жизни. Многие из них отдали жизнь за Родину, спасая от фашистских поработителей, другие самоотверженно трудятся на благо своего народа. Но, к сожалению, не все друзья выдержали испытание временем. Некоторых из них засосало болото мещанства, они становятся приспособленцами, подхалимами, бюрократами. Автор гневно бичует их, вершит над ними товарищеский суд.

Сначала 60-х годов И.К. Тарба обратился и к художественной прозе, причем сразу же к самому трудному ее жанру – роману. Он опубликовал два романа: «Известное имя» (1963 г.) и «Солнце встает у нас» (1968 г.). Произведения эти, переведенные на русский и грузинский языки, стали достоянием широкого круга читателей. Если в первом романе писатель делал основной упор на обличение отдельных пороков, порожденных определенным этапом развития нашего общества, то во втором романе автор ставит и решает иные художественные задачи – выдвигает на передний план здоровые позитивные начала в жизни современной абхазской деревни, не закрывая в то же время глаза и на теневые стороны. В этом отношении представляются весьма интересными основные герои романа – Амра, Арноу, Харзаман, Алгерей и другие. Как известно, роман «Солнце встает у нас», наряду с другими произведениями абхазских писателей, выдвинут на соискание литературной премии – Диплома имени Д.И. Гулиа за 1971 год. Много теплых слов благодарности было сказано автору романа «Солнце встает у нас» как в местной, так и в центральной печати, за создание глубокого и правдивого художественного произведения. Роман этот – одно из наиболее крупных и значительных явлений в абхазской прозе последних лет.

Конечно, не одни только успехи и взлеты сопутствовали Ивану Тарба на его большом творческом пути. Как у любого настоящего художника, и у него бывали неудачи, приносившие автору немалые огорчения. Но, к счастью, не они определяют творческий облик маститого поэта. Он пришел к своему пятидесятилетию с солидным поэтическим багажом, представляющим собой весомый вклад в развитие абхазской художественной литературы.

Пятьдесят лет – это такой возраст, когда человек получает моральное право заявить о себе в обществе во весь голос. Нет сомнения в том, что И.К. Тарба найдет соответствующее этому возрасту веское поэтическое слово и впредь не раз порадует советских читателей новыми художественными открытиями. Хочется от всей души пожелать нашему юбиляру попутного ветра в его многотрудном плавании по безбрежному литературному океану.

1971

2.10. ПЕРВЫЙ АБХАЗСКИЙ РОМАНИСТ (К 70-летию со дня рождения И.Г. Папаскир)

В становлении и развитии абхазской прозы, особенно жанра романа, выдающуюся роль сыграл Иван Георгиевич Папаскир. И.Г. Папаскир один из тех литераторов, которые всегда находятся на передовой линии, воплощают в своих произведениях важнейшие черты эпохи. Его романы «Темыр» и «Женская честь», реалистически изображающие абхазскую действительность советской эпохи, отличаются многоплановым построением, психологической обрисовкой персонажей, подробным описанием событий. Писатель известен и своими рассказами, привлекающими читателей силой художественного обобщения.

Иван Папаскир родился в селе Кутол Очамчирского района в 1902 году. Здесь он закончил начальную школу и поступил в Сухумскую учительскую семинарию. В 1921 году, после победы Советской власти в Абхазии, он становится студентом вновь созданного на базе учительской семинарии педагогического техникума, который окончил в 1925 году. Затем будущий писатель несколько лет работает в редакции газеты «Апсны капш», а в 1928 году едет в Ленинград и поступает в Институт восточных языков. Через несколько лет он возвращается в Абхазию, вновь работает в редакции «Апсны капш», в Абхазском книжном издательстве. С середины 1950-х годов И.Г. Папаскир полностью отдается творческой работе.

В абхазскую литературу И.Г. Папаскир вступил уже сложившимся мастером прозы. И это не было случайностью. К творческому успеху он шел постепенно, долго и упорно совершенствуя свое мастерство. Всеобщую известность и популярность он приобрел сразу после выхода в свет первого своего крупного художественного произведения – «Темыр» (1937 г.), явившегося в абхазской литературе первым романом.

Страницы романа ярко рисуют абхазскую деревню периода коллективизации сельского хозяйства, коренной переворот в экономическом укладе, в быту и сознании крестьян.

Правда, еще до И.Г. Папаскир к теме коллективизации обращались и другие абхазские прозаики (Ш.Л. Цвижба «Битая змея», В.В.

Агрба «Рождение колхоза «Вперед», С.Я. Чанба «Сейдык»). Но в их произведениях чаще всего воспроизводились внешние проявления типичных конфликтов эпохи. В романе же И.Г. Папаскир на первый план, в центр повествования выдвигается судьба личности, вовлеченной в водоворот социальных столкновений. Писатель уделяет особое внимание проблеме положительного героя, становлению характера нового, советского человека в процессе социалистической перестройки жизни.

История трогательной, но осложненной различными обстоятельствами любви двух молодых людей – Темыра и Зины, не просто раскрывается на фоне социалистического переустройства деревни, но органически сливается с ним. Честный, с добрыми от природы задатками из бедной крестьянской семьи, Темыр попадает в сложную драматическую ситуацию: с одной стороны, он искренне любит свою односельчанку Зину, и та отвечает ему взаимностью, но с другой, выясняется, что отец любимой девушки, Ахмат, его кровник – убийца родного брата героя. С этого момента юноша переживает мучительную внутреннюю борьбу. Новая действительность зовет Темыра к свету, к разумной жизни, но ей противостоит другая сила, постоянно напоминающая молодому горцу о вековых обычаях – о долге кровной мести.

В такой момент особо возрастает роль окружающей среды, под влиянием которой судьба колеблющегося человека может решиться совершенно по-иному. А время это, как известно, было насыщено ожесточенной классово-идеологической борьбой. Две противостоящие силы, два мира дрались не на жизнь, а на смерть. Новый мир изо дня в день расширял свои владения, но и старый, представителями которого являются в романе кулаки Мыкич, Кадыр, дворянин Мырзакан и другие, добровольно не уступал своих позиций.

Вот почему обе противоборствующие стороны пытаются склонить на свою сторону человека, оказавшегося как бы на демаркационной линии. Однако победу одерживают лучшие стороны характера Темыра. Он втягивается в общую работу, и, в конце концов, становится активным строителем новой абхазской деревни. Выстрел из ружья, произведенный секретарем партиячейки Михой на свадьбе Зины и Темыра, того самого ружья, из которого в свое время, ослепленный князьями и дворянами, темный крестьянин Ахмат убил ни в чем не повинного Мыту, брата Темыра, ознаменовал собой победу нового над старым.

В образе Темыра И.Г. Папаскир воплотил лучшие черты характера советского человека – чувство коллективизма, гуманизма, любви и преданности простому народу, непримиримости к врагам трудящихся.

Роман «Темыр», созданный по горячим следам событий 30-х годов и отличающийся глубоким психологизмом, компактностью сюжета, стройностью композиции и сочностью языка, был этапным произведением, сыгравшим первостепенную роль в развитии всей последующей абхазской прозы. В абхазской литературе «Темыр» – такое же явление, как «Поднятая целина» М.А. Шолохова в русской литературе, «Заря Колхиды» К.А. Лордкипанидзе и «Гвади Бигва» Л.М. Киацели в грузинской литературе.

Роман переведен на русский и грузинский языки, неоднократно издавался в Сухуме, Тбилиси и Москве под названием «Темыр» и «К долгой жизни».

Второе крупное эпическое полотно И.Г. Папаскира – роман «Женская честь», который увидел свет в 1949 году. Затем он был переведен на русский язык, и первые две его части вышли из печати в 1958–1959 годах, затем все три части вместе издавались в 1967 и 1970 году.

По широте показа жизненного материала, по глубине и тонкости его образного воплощения роман «Женская честь» не знает себе равного в абхазской литературе. Это крупнейшее произведение абхазской прозы охватывает большой промежуток времени – от первых лет коллективизации до первых двух-трех послевоенных лет включительно. Действие его разворачивается как в Абхазии, так и за ее пределами, на фронтах Великой Отечественной войны, где сражаются многие герои произведения. По признанию автора, роман с самого начала задуман и реализован как эпическое повествование о судьбе абхазской женщины в годы советской власти. Если в первом своем романе автор акцентировал внимание на судьбе молодого абхаза Темыра, то в центре повествования второго романа стоит уже женщина, ровесница Темыра, с не менее сложной, драматической судьбой.

Чтобы глубже и ярче раскрыть образ главной героини, писатель показывает ее в обыденной обстановке – в быту, в общественных и семейно-интимных отношениях, среди друзей и в борьбе с врагами. Много неожиданных ударов наносит жизнь совсем еще юной Саиде: ее похищают, хотя похитители и не достигают своей цели, едва оправившись от этого злоключения, Саида вдруг узнает, что

она подкидыш, а это, согласно нормам старого патриархального уклада, считалось несмываемым позором.

Естественно, такие удары не могли не вызвать у молодой девушки на какое-то время душевной депрессии. Этим моментом не замедлили воспользоваться классовые враги – кулаки Патух, Дамей и другие. Еще больше усугубляя ее внутренние переживания, сомнения и колебания, они пытались сделать ее слепым орудием в своих злодеяниях. В другой обстановке, при иных соотношениях социальных сил, вероятно, так оно и вышло бы. Однако, к счастью, эти невзгоды приключаются с Саидой в такое время, когда при всей живучести и отчаянном сопротивлении пережитков старого уклада командные пункты в общественной жизни уже прочно занимают социалистические отношения. Им-то, социалистическому укладу и новым людям (Леварсе, Зауру, Мактине, Караману и другим), обязана Саида победой над собой, выходом на широкий жизненный путь. А путь этот был длинен и труден, усыпан далеко не одними только розами. Начинаясь в горной абхазской деревушке, он пролегает через всю Европу, до самого Берлина, до логова фашистского зверя, а оттуда возвращается в Абхазию, в родное село, на колхозные чайные плантации. И горечь личных невзгод, и сладость семейного счастья, и трудности фронтовой жизни, и радость общественного труда – все познала Саида на своем пути.

В романе «Женская честь», этом эпическом полотне, прослежена судьба не только одной Саиды, но и многих других людей, с которыми свела жизнь героиню произведения. Среди них прежде всего следует назвать Леварсу – организатора и председателя колхоза в родной деревне, впоследствии секретаря райкома партии. В борьбе с классовыми врагами, с диверсией, с грубыми нарушениями ленинских норм партийной и государственной жизни Леварса проявляет себя как стойкий и принципиальный коммунист.

В романе, кроме Леварсы, выведена целая галерея положительных образов. Это и степенный, рассудительный Заур, и нежная, заботливая Мактина, героически погибшая на войне, и умная, настойчивая Нуца, и фронтовой друг Саиды Леван Адамадзе, и многие другие.

И.Г. Папаскир и в «Женской чести» остается верен своей приверженности к острым драматическим конфликтам. Он умело создает многоплановый динамический сюжет, в ярких картинах и образах убедительно разворачивает широкую панораму жизни.

Роман читается легко, заставляет глубоко и серьезно задуматься над сложностью жизненных проблем.

Книги И.Г. Папаскира, особенно его роман «Женская честь», пользуются исключительной популярностью. В адрес писателя, а также издательства «Алашара», Абхазского книготорга со всех концов Советского Союза приходят от читателей тысячи писем, в которых они выражают горячую признательность автору за добрые, умные произведения, обогатившие их духовный мир.

В Абхазии же лучшие произведения И.Г. Папаскира давно стали настольными книгами. Романы «Темыр» и «Женская честь», а также рассказы и повести писателя входят в учебную программу средних и высших учебных заведений.

О творчестве И.Г. Папаскира написано множество статей, рецензий, очерков. В нашей литературной критике творчество писателя получило самую высокую оценку.

Большие заслуги И.Г. Папаскира в развитии абхазской и всей многонациональной советской литературы высоко оценены партией и правительством. Писатель награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», а также медалями и почетными грамотами президиумов верховных советов ГССР и Абхазской АССР. В 1967 году за роман «Темыр» и сборник рассказов И.Г. Папаскира была присуждена республиканская литературная премия – Диплом имени Д.И. Гулиа. В 1968 году писателю присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры ГССР», а в 1973 году – «Народный писатель Абхазии».

Наряду с творческой писатель ведет также большую общественную работу. Неоднократно избирался он депутатом Верховного Совета Абхазской АССР, в настоящее время является членом Президиума Верховного Совета автономной республики и членом бюро правления Союза писателей Абхазии.

И.Г. Папаскир в постоянном творческом поиске. Совсем недавно он значительно переработал первую книгу романа «У подножия Ерцаху», сейчас работает над второй его частью. Параллельно с этим писатель завершил цикл рассказов, повествующих о дореволюционной Абхазии. Благодарные читатели и почитатели его таланта желают славному юбиляру долгих лет жизни и полного осуществления всех его творческих замыслов.

2.11. НЕИССЯКАЕМЫЙ ОПТИМИЗМ (К 60-летию со дня рождения Ш.Л. Цвижба)

На рубеже 1920–30-х годов в абхазскую советскую литературу со свойственными молодости задором и напористостью, со своими свежими образами, темами и сюжетами, новым поэтическим видением мира бурно вторглась группа молодых поэтов и прозаиков. Это были такие одаренные мастера художественного слова, как Леварса Квициния и Леонтий Лабахуа, Владимир Агрба и Отар Демирдж-ипа... К их плеяде принадлежит также известный поэт и прозаик Шалва Цвижба, которому совсем недавно исполнилось шестьдесят лет.

Шалва Леварсанович Цвижба – художник трудной судьбы, пронесший через все невзгоды и тяготы жизни веру в торжество разума и справедливости и вселяющий это чувство оптимизма в своих юных и взрослых читателей.

Родился Шалва Цвижба в селе Тамыш Очамчирского района. По окончании средней школы некоторое время работает в Абхазском книжном издательстве, а в 1932 году едет в Орджоникидзе и поступает в педагогический институт, где проучился до 1935 года. Затем в течение почти двадцати лет поэт был оторван и от учебы, и от творческой работы и лишь только в середине пятидесятых годов он вновь возвращается к любимому занятию.

Основная тема поэзии Ш.Л. Цвижба тридцатых годов – это созидательный труд народных масс, грандиозные социалистические преобразования в материальной и духовной жизни народа. Лирика поэта тех лет, впрочем, как и многих других абхазских, да и не только абхазских поэтов, отличается высокой патетичностью и страстностью, стремлением ярче и громче воспеть окружающую кипучую жизнь, смелее вторгаться в нее, принимать самое деятельное участие в ее революционной переделке. Таковы стихи «Новый хозяин» «Голос молодежи», «Мы», «Не бездельничай», «К Леварсе Квициния» и другие. Герой лирической поэзии Ш.Л. Цвижба – не пассивный созерцатель, а активный участник борьбы за прочное утверждение новых, социалистических основ в экономическом и духовном быте народа.

Наиболее значительными явлениями в творчестве поэта 30-х годов были поэмы «Невеста» и «Кинжал». В абхазской эпической поэзии они представляли собой одну из первых попыток широко показать окружающую действительность. И по сегодняшний день не потеряла своей актуальности основная проблема поэмы «Невеста» («Там, где стояла шапа»). Герой поэмы Нар, следуя обычаю и дабы «не ударить в грязь лицом», решил сыграть грандиозную свадьбу. Вконец разоренная непосильными расходами, молодая супружеская чета горько раскаивается в содеянном, но поздно: вместо счастья и радости свадьба принесла молодоженам только беду и взаимные укоры. Поэма завершается строками, гневно осуждающими изжившие себя обычаи старины, разорительные для крестьян.

Классовая борьба в деревне в период коллективизации сельского хозяйства легла в основу второй поэмы Ш.Л. Цвижба «Кинжал» («Большое счастье»). Наиболее выпукло и ярко в ней выведены образы строителей новой жизни – абхазского юноши, в начале батрака, а затем председателя колхоза Шаруана и русского инженера-геолога Степана Светлова. Им противостоят кулаки Омар, Миха и другие.

Крепкая дружба, непринужденно, естественно возникшая между Шаруаном и Светловым, дружба, которая фактически спасла от коварных врагов абхазского юношу, как бы символизирует братские отношения между народами нашей Родины.

К середине 1950-х годов, как уже сказано было выше, после вынужденного перерыва Ш.Л. Цвижба вновь возвращается к творческой деятельности. В течение последних десяти-пятнадцати лет приобрели широкую известность поэтические и прозаические произведения писателя, рассчитанные как на взрослых, так и на юных читателей, и издававшиеся неоднократно не только на языке оригинала, но и в переводах на другие языки. За этот период Ш.Л. Цвижба издал на абхазском, русском и грузинском языках в Сухуме, Тбилиси, Москве сборники стихов, рассказов, повестей и поэм: «Маленький хозяин», «Чудесный сад», «Избранное», «Опора», «Белые дома», «Стихи», «Две ладони», «Сказочный поезд», «Волны», «Долина крылатых коней» и другие. Каждая книга писателя – это интересная встреча читателей с подлинным художником слова.

Необычайно расширяется в эти годы жанровый и тематический диапазон писателя. С одинаковым успехом он пишет незатейливые стихи и рассказы для детей и философские стихи, и ассоциативно-аллегорические поэмы, проникнутые глубокими раздумьями о смысле жизни, о назначении человека, о добре и зле, о правде и кривде.

Большой любовью юных читателей пользуются детские стихи и рассказы Ш.Л. Цвижба. Его стихи «Маленький хозяин», «Опора», «Чудесный сад», рассказ «Овчарка Вулкан» и многие другие воспитывают в детях чувство гордости за свою родную землю, гуманность, чуткость к слабым существам, придают им уверенность в своих силах. Особенно тепло был встречен читателями сборник рассказов «Долина крылатых коней», выпущенный московским издательством «Детская литература» в 1971 году. Водном из отзывов об этой книжке, адресованном издательству, который подписан москвичами О.А. Образцовой и С.В. Образцовым, читаем: «Мы хотим Вас поблагодарить за издание очень полезной книжки для маленьких детей – «Долина крылатых коней». Это добрая книжка, написанная добрым человеком и хорошо переведенная на русский язык О. Романченко. От таких книг большая польза».

Несмотря на популярность Шалвы Цвижба как детского писателя, основные его творческие достижения все же относятся к литературе для взрослых. В первую очередь здесь следует назвать сборники его стихов и поэм «Две ладони», «Сказочный поезд», «Волны» и другие.

Книга восьмистиший «Две ладони» (1966 г.) – значительное явление в современной абхазской поэзии. Сборник «Сказочный поезд», изданный в Москве в 1969 году, состоит в основном из переводов произведений, вошедших в сборник «Две ладони».

Стихи сборника тематически подразделены на два основных цикла – «Абхазские мотивы» и «Горизонталь и вертикаль». В зарисовках, набросках, раздумьях поэта чувствуются глубина и прозорливость, рожденные большим жизненным опытом. Автор касается разных сторон действительности, высказывая при этом искусство и изобретательность в выборе художественных средств. Многие произведения из цикла «Абхазские мотивы» представляют собой стихи-притчи, созданные непосредственно по мотивам и сюжетам абхазского фольклора («Черт», «Нарт Сасрыква», «Конец

терпению», «Подхваченная течением», «Будем друзьями», «Под дубом»...) или же навеянные фольклором («Помню», «Гости и хозяйка», «Мать и сын» и другие). Но большинство стихов сборника – плод поэтического вымысла автора, обобщение его жизненного опыта и наблюдений.

Поэт ратует за вечную красоту, за то, чтобы жизнь на земле всегда благоухала ароматами цветов. Эта мысль отчетливо воплощена в восьмистишии «Цветущее дерево»:

Не знаю, как оно зовется,
Как имя этой красоты,
Но солнце с ним не растается,
Так солнечны его цветы,
Его нигде не забываю,
Оно стоит в моих глазах,
Пусть имени его не знаю,
Не все ль равно – оно в цветах.

Для сохранения вечной красоты на земле, однако недостаточно одного только пассивного созерцания. За нее нужно бороться. Поэт верит, что настанет время, когда силы, угрожающие миру гибелью, исчезнут, что появится сказочный поезд, который увезет смертоносное оружие со всего земного шара на заводы, чтобы переплавить их на орудия труда, орудия созидания и счастья. Такой поезд пока, правда, сказочный, но он – не такая уж невозможная мечта, или же, говоря словами самого поэта, – «рельсы ему уже на земле подводят».

Даже те стихи Ш.Л. Цвижба, которые повествуют о суровых и тяжелых испытаниях, проникнуты неиссякаемой верой в жизнь, в победу светлых, добрых начал. Лирический герой поэзии Ш.Л. Цвижба никогда не отступает от верных жизненных принципов, не изменяет дружбе, товариществу, ни при каких условиях он не растает с чувством гордости за свою землю, с надеждой и верой в торжество разума и справедливости. Эти чувства и мысли поэта отчетливее всего выражены в стихах «К надежде», «Герой», «Моряки», «Смерть без падения», «В пустыне», «Строфа Пушкина».

В условно-ассоциативном стихотворении «Моряки» есть такие строки:

Они плывут на корабле вперед
 В ночи и в утреннюю рань.
 Кругом безбрежный океан ревет,
 Кругом вода, куда ни глянь,
 Но продолжают смелые труды,
 Ведь знают люди корабля,
 Что создан мир не только из воды,
 Что где-то есть еще земля.

Таким оптимистическим мироощущением проникнута вся поэзия Ш.Л. Цвижба.

1972

2.12. К ЛЮДЯМ – С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Среди абхазских поэтов, безвременно ушедших из жизни, но оставивших глубокий след в литературе, видное место принадлежит Киришу Чачхалиа. Его обычно называют поэтом-сатириком. И это справедливо, хотя сатира далеко не исчерпывает всего разнообразия его дарования: он являлся также автором множества прекрасных, лирических, публицистических, чисто гражданских стихов.

Кириш Шамилович родился в селе Пакуаш Очамчирского района в семье крестьянина. Учился сначала в родном селе, а затем в Сухумском абхазском педучилище. С 1938 года начинается его трудовая жизнь. Долгие годы он вел педагогическую работу: заведовал Пакуашской начальной школой, преподавал абхазский язык и литературу в различных сельских и городских школах (в селах Аквася, Пакуаш, в г. Ткуарчал). Воспитание подрастающего поколения в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, преданности идеалам Коммунистической партии, в рядах которой он состоял с 1945 года, К.Ш. Чачхалиа считал священным своим долгом и выполнял его безукоризненно.

Исключительно важное значение для творческой биографии поэта имел его переезд в 1946 году в индустриальный центр нашей автономной республики – в Ткуарчал. В течение ряда лет (до 1953 г.) жил он здесь в рабочей среде, был начальником отдела кадров Ткуарчалской геологоразведочной партии треста «Кавказ-углегеология». И впоследствии он никогда не прерывал связей с рабочими коллективами. Думается, что именно рабочая среда сыграла не последнюю роль в воспитании таких его качеств, как принципиальность, смелость, прямота, которые так характерны были и для личности, и для творчества К.Ш. Чачхалиа.

В 1956 году, будучи уже известным поэтом, но чувствуя постоянную потребность в углублении своих знаний и повышении профессионального мастерства, К.Ш. Чачхалиа едет в Москву и поступает на двухгодичные Высшие литературные курсы при Ленинградском институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Годы

учебы на курсах оказались очень плодотворными. Значительно расширился творческий диапазон поэта, здесь он создал ряд новых произведений, перевел на русский язык лучшие свои стихи, которые были изданы отдельной книгой в Москве в 1959 году под названием «Сердце говорит». Духовно обогащенным, зрелым мастером возвращается К.Ш. Чачхалиа из Москвы и продолжает работать в родном Ткуарчале.

В 1961 году К.Ш. Чачхалиа переезжает на постоянное жительство в Сухум. Здесь он работал сначала литературным сотрудником редакции газеты «Апсны капш», а затем до конца своих дней (скончался он 4 июня 1970 года) – собственным корреспондентом этой же газеты. Похоронен К.Ш. Чачхалиа в Пантеоне писателей и общественных деятелей на Сухумской горе.

Писать стихи К.Ш. Чачхалиа начал рано, еще в годы учебы в педучилище. Первым его наставником и советчиком, как он вспоминал, был талантливый абхазский поэт-сатирик Л.Б. Лабахуа.

Первые свои стихи К.Ш. Чачхалиа напечатал в 1938 году в журнале «Апсны капш». С этого времени в различных периодических изданиях – в газетах, журналах, альманахах – часто стали появляться произведения поэта. Первый сборник его стихов вышел в 1955 году, а затем при жизни поэта и после его смерти издано свыше десятка поэтических книг на абхазском, русском и грузинском языках в Сухуме, Москве и Тбилиси. Это – сборники «В моем поселке» (1956), «Новые песни» (1960), «Цветок и колючка» (1963), «Подорожник» (1967), «Избранное» (1966), «В дубраве Отечества» (1965), «Спасение» (1969), «Весенние раздумья» (1971) и другие.

Лучшие стихи поэта, особенно сатирические, пользуются широкой популярностью у читателей. Их высоко оценила и наша литературная критика. Еще Д.И. Гулиа, пристально и внимательно следивший за каждым ростком на литературной ниве, заметил и благословил поэзию К.Ш. Чачхалиа, точно определив ее основные особенности: «Его сатирические стихи глубоки по содержанию, метки по идейной направленности, ярки по форме».

Разнообразна и обширна тематика поэзии К.Ш. Чачхалиа. Он вдохновенно воспевал родную Абхазию, отдельные ее уголки, особенно город Ткуарчал, посвящал теплые, идущие от сердца строки дружбе народов нашей Родины, славной нашей столице Москве.

Неподдельным, искренним чувством согрета интимная лирика К.Ш. Чачхалиа – стихи о любви и дружбе. Поэта привлекает не бурное внешнее проявление этих чувств, а их внутренняя сила, их глубина и подлинность. Эту мысль удачно выразил поэт в стихотворении «Дружба». Обращаясь к другу детства и юности, он наказывает ему:

Когда умру, то нашей дружбы силу
Себе возьми... Хочу, чтоб с ней ты жил,
Лишь попрошу, чтоб на мою могилу
Раз в год хотя б ты все же приходил,
Но без цветов и слез... Так, по-простому
Приди ко мне не ритуал творить,
А словно к другу ходишь ты к живому,
С которым недосуг поговорить.

В цикле стихов о любви выведен образ лирического героя, который готов свои чувства, свою верность любимой сохранить до конца жизни, пронести их незапятнанными через любые жизненные испытания:

Попрощавшись у порога,
Проводила ты меня,
Отправляясь в путь-дорогу,
Я садился на коня.
Путь далек. Когда вернусь я.
Может быть, пройдут года;
Но мои все мысли, чувства
Будут звать к тебе всегда,
Я свое исполню слово
Вновь приеду на коне,
Ты встречай с улыбкой снова
И открой ворота мне.
(Перевод Л. Нестеренко)

Как уже говорилось выше, особенно силен К.Ш. Чачхалиа как поэт-сатирик. В этом жанре, пожалуй, среди современников в абхазской поэзии ему не было равного. То в аллегорической, то

в открытой, прямой форме он бичевал различные пороки жизни. Основными объектами его сатиры были такие явления, как карьеризм, бюрократизм, расхищение социалистической собственности, расточительство, зазнайство и т. п. Причем нужно подчеркнуть, что в оригинале сатирические стихи К.Ш. Чачхалиа очень экспрессивны, что достигается языковыми средствами (своеобразные, чаще всего частушечные рифмы, аллитерации и т. д.), которые, к сожалению, невозможно сохранить при переводе на другой язык. Тем не менее и в переводе многие из них метко бьют в цель.

У любого абхазского читателя не может не вызвать улыбки одно только упоминание названий таких сатирических стихов К.Ш. Чачхалиа, как «Амбако тащит потихоньку», «Опора Сафиджа», «Чемодан Рамадана», «В магазине №», «Служба Чира», «Директор Миха», «Банкеты» и другие.

В стихах К.Ш. Чачхалиа сурово бичуются воры и хапуги, горе-руководители, такие, как директор Миха, которые создают видимость занятости важным государственным делом, без конца заседают, совещаются, обсуждают, рассуждают, однако дело от этого – ни с места:

Языком он, словно мельник,
Мелет целый понедельник.
Словно мастер разговорник,
Выступает он во вторник,
А потом ведет беседу
От утра до ночи в среду,
В сон глубокий всех поверг
На собрании в четверг.
Так же в пятницу, в субботу
«Проворачивал» работу.
Есть у многих опасенье:
То же будет в воскресенье,
(Перевод А. Николаева)

В аллегорической форме высмеиваются в басне К.Ш. Чачхалиа «Спор» все еще встречающиеся в жизни люди, которые думают лишь о том, как бы поудобнее, поуютнее устроиться.

Остро подмечая различные недостатки нашей жизни и гневно их бичуя, К.Ш. Чачхалиа был полон любви и уважения к человеку труда, к народу. Поэзия его, даже тогда, когда она повествует о самых уродливых явлениях, неизменно носит жизнеутверждающий характер; поэт всегда был верен высокому оптимизму.

Киршала Чачхалиа нет сегодня среди нас, но поэзия его живет полнокровной жизнью, твердо шагая вместе с теми, кто творит добро и борется со злом.

1978

2.13. САМОБЫТНЫЙ ЛИРИК (К 50-летию Анатолия Аджинджал)

Абхазская литература знает немало талантливых людей, жизненный путь которых, к сожалению, рано оборвался. К ним принадлежит и Анатолий Аджинджал – яркий представитель послевоенного поколения абхазских поэтов.

Анатолий Тархунович Аджинджал родился в 1930 году в селе Кутол Очамчирского района, в том самом селе, которое в нашем народе с гордостью называют поэтическим родником Абхазии. Действительно, село это и для нашего края щедрого на поэтические таланты – феноменальное явление: почти треть писателей Абхазии – выходцы из Кутола, в том числе такие выдающиеся мастера художественного слова, как Иуа Когониа, Иван Папаскир, Алексей Ласуриа и другие. Тот факт, что А.Т. Аджинджал провел детские и отроческие годы в родном селе, где он учился в школе, воспитывался на поэтических традициях, в поэтической атмосфере, естественно, не мог не наложить глубокий отпечаток на всю его дальнейшую творческую судьбу. Интерес к поэтическому творчеству, возникший у него еще в годы учебы в сельской школе, особенно возрос и окончательно утвердился в студенческие годы.

Учился А.Т. Аджинджал в Сухуме, сначала в педагогическом училище, а затем в педагогическом институте, филологический факультет которого окончил в 1956 году. Но и после этого Анатолий никогда не переставал совершенствовать свое поэтическое мастерство. В этом смысле очень многое дала поэту и учеба на двухгодичных Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР в Москве в начале семидесятых годов.

Первые стихи А.Т. Аджинджал были напечатаны на страницах газеты «Апсны капш» в 1948 году, а первый сборник его стихов под названием «Родные картины» увидел свет в 1957 году. После этого до конца своих дней (скончался он в 1977 году) А.Т. Аджинджал опубликовал свыше десятка поэтических и прозаических книг, вышедших на абхазском, русском и грузинском языках в Сухуме, Москве и Тбилиси. Это – сборники «Крылья», «Пути-дороги»,

«Голубые свечи», «В тени камней», «Северные ветры», «Этот мир», «Море белое», «Улей», «Белая земля», «Пока еще весна» и другие. В текущем году издательство «Алашара» выпустило большой сборник избранных поэтических произведений А.Т. Аджинджал на абхазском языке.

Поэтическое наследие А.Т. Аджинджал отличается тематическим и жанровым многообразием. Лучшие свои стихи он посвятил родному краю, чарующей природе Абхазии, ее людям. В стихах, посвященных Абхазии, причудливо сочетаются мотивы прошлого с настоящим. Поэта одинаково волнует, как сегодняшняя счастливая жизнь родного села, так и воспоминания о прошлом – остатки древней крепости, героические образы богатырей-нарттов, с которыми он ощущает внутреннюю органическую связь (цикл «Родные картины»).

Анатолия Аджинджал без преувеличения можно назвать одним из лучших абхазских поэтов-пейзажистов. Причем образное воспроизведение картин природы часто носит у него обобщенный ассоциативно-символический характер, и сам поэт как бы сливается с окружающей природой, с родной стихией.

Пристально наблюдая за движением природы, за движением жизни, поэт ведет неумолимый счет потерям и вдруг приходит к совершенно четкому, глубоко философскому выводу:

Я снова пальцы загибаю,
Не ведая, что каждый раз
Мир в тот же миг и погибает
И вновь рождается опять...
(«Вот день опять бесследно канул...»)

Тематика поэзии А.Т. Аджинджал, конечно, не ограничивается одной Абхазией, она значительно шире. Особое место занимают в ней стихи о России, о Москве, о Севере, о неоглядной шире нашей Родины (цикл «Северные ветры»). Сыновней любовью к седой Москве, к этому доброму другу всех наших народов пронизаны строки поэта:

Окинул я взглядом седую Москву,
Покрытую утренним паром,

Белеет вдали и зовет в синеву
 Ветрами наполненный парус.
 Меня пронизало большое тепло,
 Когда я, как в друга поверил,
 Когда я, как в песню поверил светло
 В московский встречающий берег.

Восхищение могуществом России, ее неудержимым шествием вперед, ее славным прошлым и еще более светлым будущим автор выразил в следующих строфах:

Стоит над сумрачным погостом,
 Стоит, где сеял смерть свинец...
 Россия затеряла в звездах
 Свое начало и конец.
 Я слышу: затихает ветер
 Какая тишь! Какая гладь!
 Как медленна Россия эта...
 Но в силах кто ее догнать?!

Для более колоритного воспроизведения окружающей действительности А.Т. Аджинджал нередко обращался к арсеналу народной поэзии, заимствуя у нее отдельные образы и мотивы. Особенно любимыми у него были образы идеальных народных героев – Сасрыквы и Абрскила. Однако есть в отдельных случаях и целые фольклорные сюжеты, обработанные им без существенных изменений. Прежде всего это относится к популярной балладе «Материнское сердце», повествующей о всепоглощающей материнской любви.

В творческом наследии поэта ведущее место занимает лирика – гражданские, пейзажные, любовные, юмористические, сатирические стихи. Однако А.Т. Аджинджал обращался и к жанру поэмы. Заслуживают внимания его поэмы «Идут двое» и «Дорога». Первая – эпическая, посвященная отважным борцам-киаразовцам, а вторая – лирическое размышление о родоначальнике абхазской литературы Дмитрие Гулии, о тех трудностях, которые он преодолевал на пути к достижению своей заветной цели.

А.Т. Аджинджал работал, правда, в меньшей степени, и в жанре прозы. Известность приобрела его повесть «Пока еще весна» – о

формировании характера молодого нашего современника, о сложных семейных отношениях. Многие его рассказы, особенно посвященные природе, по своей мягкой тональности и взволнованной лиричности можно было бы назвать стихотворениями в прозе («Как-то раз», «Горлица», «Гости» и другие). Отдельной книжкой под названием «Короткие рассказы» изданы были еще в 1961 году его юмористические миниатюры, напоминающие остроумные народные анекдоты. Наряду с такими абхазскими писателями, как Ч.М. Джонуа, Г.К. Гублиа, А.Б. Возба и другие. Анатолий Аджинджал развивал дальше традиции Дмитрия Гулии, впервые опубликовавшего аналогичные короткие рассказы еще в годы Великой Отечественной войны.

К сожалению, своеобразная, самобытная поэзия А.Т. Аджинджал не успела достичь высшей своей точки. Однако лучшее, что порождено незаурядным талантом поэта, прочно вошло в золотой фонд нашей национальной литературы, являя собой яркий пример беззаветного служения вдохновенным поэтическим словом Родине, народу.

2.14. МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

На долю народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба выпала поистине счастливая творческая судьба. Ровесник Великого Октября, наделенный от природы редким поэтическим даром, вот уже 65 лет он шагает по родной земле вместе с родным народом по-новому, социалистическому пути, всецело посвятив свою жизнь образному воспроизведению великих революционных преобразований нашего края. Смело подхватив знамя своих предшественников – основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа и его ближайших соратников – Самсона Чанба, Иуа Когониа и других, он понес его дальше и выше, мастерски сочетая в своем творчестве неповторимо своеобразное, национально-традиционное начало с достижениями мировой поэтической культуры. Еще с юношеских лет Б.В. Шинкуба стал одним из самых популярных и любимых поэтов Абхазии, непререкаемым поэтическим авторитетом. Именно с его именем связано прочное утверждение в абхазской литературе классических форм стихосложения. Необычайно широк и многообразен жанровый диапазон его поэзии – от миниатюрных лирических стихов, от народных баллад и легенд до крупных эпических полотен, представленных реалистическими, героико-романтическими и драматическими поэмами и романами в стихах. Причем лучшие образцы его поэзии во всех жанровых разновидностях давно стали высшим эталоном поэтического творчества, объектом поклонения и восхищения любителей и ценителей красоты. Это относится к его ранним поэтическим шедеврам. «Сон», «Белая кофточка», «Махаджирская колыбельная», «Шардаамта», и к его более поздним стихам – философским раздумьям из поэтических сборников «Слово», «Лето», и к его восхитительным балладам «Дитя», «Свирель», «Гунда Прекрасная», и к его поэмам «Меч», «Домой», и к его романам в стихах «Мои земляки», «Песня о скале».

Долгое время многочисленным почитателям таланта Б.В. Шинкуба казалось, что их любимый певец безраздельно и бесповоротно предан одной только избраннице своих юношеских лет – поэтической лире. Однако, как видно, годы и богатый жизненный опыт

делают свое дело. Поэтому все мы приняли за должное, когда лет пятнадцать назад впервые встретились с первым и сразу удачным прозаическим опытом писателя – с повестью «Чанта приехал». А несколько лет спустя он предстал перед читателем как крупнейший мастер современной прозы, опубликовав исторический роман «Последний из ушедших» – роман, который не только неоднократно и массовым тиражом издавался на абхазском, русском и грузинском языках, но и переводился на многие другие языки народов СССР и за рубежом. И вот совсем недавно в апрельском номере журнала «Алашара» читатель вновь испытал приятное волнение, ознакомившись с начальными главами нового романа Б.В. Шинкуба «Рассеченный камень», повествующий о первых годах Советской власти в Абхазии, и теперь мы уже с нетерпением ждем выхода следующих номеров журнала.

В последние годы Б.В. Шинкуба также успешно обратился и к жанрам драматургии и кинодраматургии. Спектакль Абхазского государственного ордена «Знак Почета» драматического театра по его пьесе «А там как хотите...» остро бичует вредные обычаи, связанные с пышными, многолюдными свадьбами, с дорогими подношениями и денежными сборами и т. д. А художественный фильм по его сценарию «Белый башлык» был отмечен специальным призом Всесоюзного кинофестиваля в г. Кишиневе.

Творчество Баграта Шинкуба, естественно, с самого начала было объектом особого внимания абхазской критики и литературоведения. Много рецензий, статей, очерков критиков и литературоведов Х.С. Бражба, Ш.Д. Инал-ипа, В.Л. Цвинариа, А.А. Аншба, М.Г. Ладария, Г.К. Гублиа, С.Л. Зухба, Р.Х. Капба и других посвящены отдельным произведениям писателя. Жизненный и творческий путь Б.В. Шинкуба глубоко и всесторонне изучен в диссертации В.Л. Цвинариа «Творчество Б. Шинкуба», защищенной им в Институте мировой литературы им. А.М. Горького.

Однако нас особенно радует тот факт, что творчеством народного поэта Абхазии интересуются не только абхазские критики. Самобытная поэзия и проза Б.В. Шинкуба становятся все более привлекательным объектом и для столичных критиков. Много места уделено произведениям писателя и в центральной периодической печати, и в академических научных изданиях. И в первую очередь здесь должно быть указано на неоднократные выступления вы-

дающегося советского писателя Константина Симонова на страницах «Правды», «Литературной газеты», на книгу критика Нины Байрамуковой «Баграт Шинкуба», изданную в 1981 году в Москве в издательстве «Советский писатель». Творчество Б.В. Шинкуба нашло достойное отражение в шеститомной «Истории многонациональной советской литературы», изданной Академией наук СССР в 1960–1970-х годах. Высокую оценку поэтическим и прозаическим произведениям нашего писателя, особенно романам «Последний из ушедших» и «Песня о скале» дают в своих статьях известные ученые и писатели Г.И. Ломидзе, В.В. Кожин, У.Б. Далгат, Г.С. Чиковани, Л.Н. Арутюнов и многие другие. В частности, член-корреспондент Академии наук СССР Г.И. Ломидзе о романе «Последний из ушедших» пишет: «Роман Б. Шинкуба пронизан печалью и одновременно чувством радости за то, что народы, погибавшие бесследно или находившиеся на грани уничтожения, нашли надежный кров, расцвели, встали во весь рост после Октября».

Определяя соотношение мифа и реальности в современной прозе, критик В.В. Кожин сослался как на наиболее удачный пример в современной советской прозе на роман Б.В. Шинкуба «Последний из ушедших». Он пишет: «Подлинный миф реально раскрывает судьбу целого народа. Задача трудная, но я могу сослаться на произведение, в котором, по-моему, она решена. Это произведение – не побоюсь этого слова – великого абхазского поэта Баграта Шинкуба «Последний из ушедших»... В нем, действительно, создан миф о народе, причем – об исчезнувшем с лица земли народе убыхов. Творение Баграта Шинкуба, помимо всего прочего, дало этому народу бессмертие в слове». Восхищаясь мастерством писателя, глубиной проблематики его произведений, в частности, романа «Последний из ушедших», В.В. Кожин заключает: «Ведь это, если хотите, творческий подвиг. И кстати, Баграт Шинкуба – это человек, про которого, действительно, можно сказать, что он воплощает в своем творчестве волю своего народа, он настолько знает жизнь и культуру своего народа как ученый, художник, мыслитель, общественный деятель, что действительно смог дать художественное решение невероятно трудной задачи».

Таких оценок, высказываний специалистов и читателей о творчестве Б.В. Шинкуба можно привести бесконечно много. Но и из приведенных примеров ясно видно, какое высокое место занима-

ет в содружестве многонациональных советских литератур творчество нашего народного поэта. Конечно же, не случайно в таком уникальном советском издании, каким является 200-томная Библиотека мировой литературы, абхазское художественное слово представлено наряду с великим нартским эпосом, поэзией Д.И. Гулиа и И.К. Тарба, творчеством поэта Баграта Шинкуба.

Могучее шествие народного поэта Баграта Шинкуба по столбовой дорожке многонациональной советской литературы продолжается. Значит, предстоит еще много радостных встреч.

2.15. НА ВЫСОКИХ ВОЛНАХ (К 50-летию Ш.Х. Пи́лиа)

Творческий путь абхазского поэта и прозаика Шамиля Пи́лиа во многом поучителен. Поучителен потому, что он еще и еще раз подтверждает ту непреложную истину, согласно которой писателю, если он желает, чтобы его творение дошло до ума и сердца читателя, наряду с природным даром необходимо непосредственное, практическое, а не только книжное знание жизни, личный жизненный опыт. А такой опыт, к счастью, у Ш.Х. Пи́лиа к его пятидесяти годам оказался весьма богатым, насыщенным и разнообразным.

Окончив среднюю школу в родном селении Отхара Гудаутского района, Ш.Х. Пи́лиа продолжил учебу в Тбилисском университете, а затем работал в различных учреждениях Сухума: был преподавателем родного языка в школе, заведующим отделом редакции газеты «Апсны капш», директором Абхазского отделения Художественного фонда Грузии. А с сентября 1971 года в течение семи лет был первым помощником капитана судов заграничного плавания Грузинского морского пароходства Министерства морского флота СССР. С 1978 года и по сегодняшний день является председателем Государственного комитета Абхазской АССР по телевидению и радиовещанию.

Интерес к поэтическому творчеству у Ш.Х. Пи́лиа проявился рано, еще в школьные годы, но осознанным и целенаправленным он становится несколько позже, в годы учебы в Тбилисском университете, где одаренный юноша принимал активное участие в работе студенческого литературного кружка. С этих лет он уже систематически публикует свои стихи в периодической печати, различных сборниках.

Первый сборник стихов молодого поэта – «Моя нива» вышел отдельной книжкой на абхазском языке в 1959 году. Стихи свидетельствовали о несомненном таланте их автора, о его глубокой лиричности и широте круга творческих интересов. А затем в разные годы на абхазском и русском языках издавались его поэтические

сборники: «Чайки над морем», «Живая вода», «Нартдзы» («Нартская вода»), «Горные потоки Губаа».

В поэзии Шамиль Пи́лиа имеет свой неповторимый почерк, свой стиль, свой голос. Он успешно выступает и в жанре гражданской лирики, и в жанре сатиры. Его поэзии, как правило, чужды выпренность, риторичность. Поэт предпочитает мягкие, приглушенные тона, интонации доверительной, душевной беседы с другом-читателем. И в то же время его поэтические произведения, особенно патриотические стихи, посвященные родному краю, его истории и современности (например, цикл стихов о Красной поляне), не лишены внутренней взволнованности, эмоционального накала. Радость и гордость за новую, светлую жизнь, боль и горечь за безотрадное прошлое – основные мотивы и темы гражданской поэзии Ш.Х. Пи́лиа. Своеобразна и привлекательна также интимная, любовная лирика поэта, отмеченная предельной честностью, искренностью и теплотой.

В жизни Ш.Х. Пи́лиа поэзия, безусловно, не залетная гостья. Она всегда играла и сегодня играет важную роль в его творческом активе. Поэтические произведения автора печатаются как в оригинале, так и в переводе на русский, грузинский и другие языки, доходят до широкого круга читателей. Поэтому несколько не умаляя значения его поэзии, тем не менее следует отметить, что главная заслуга Ш.Х. Пи́лиа перед родной литературой, основные его творческие достижения связаны все-таки с прозой. В абхазскую прозу писатель внес такую свежую струю, такую новую жанровую разновидность, которую можно охарактеризовать как хроникально-документальную прозу.

Две объемистые книги Ш.Х. Пи́лиа – «Волны жизни» (1977 г.) и «Глаз Нептуна» (1979 г.) – творческий плод семилетнего плавания автора (с 1971 по 1978 год) по морям и океанам, в результате которого он посетил, увидел своими глазами множество стран. Причем побывал он в этих странах не просто как турист, а в качестве первого помощника капитана целого ряда крупных танкеров советского торгового флота – таких, как «Сухум», «Чкалов», «Адигени», «Поти» и других.

Описание всего многообразия, увиденного и услышанного за эти годы в далеких и близких странах, яркие впечатления от непосредственного восприятия шедевров мирового искусства, встречи

и беседы как с многочисленными друзьями и доброжелателями, так и с откровенными нашими недругами занимают значительное место в обеих книгах Ш.Х. Пи́лиа. Поэтому с познавательной точки зрения эти произведения автора имеют не меньшее значение, чем с чисто художественной, эстетической. Однако главное в морских дневниках Ш.Х. Пи́лиа все-таки не экзотика далеких стран. В центре повествования жизнь советского судового коллектива, овеванная, с одной стороны, романтической героикой, а с другой стороны, сопряженная с нелегким трудом, строгим морским режимом, с необходимостью быть готовым каждую минуту к любым опасностям и неожиданностям в условиях сурового морского быта. Интересны в книге и лирические отступления. Среди них – теплые воспоминания о матери, о родном околотке Гарп (часть села Отхара), где родился и провел детские и отроческие годы писатель.

Книги Ш.Х. Пи́лиа «Волны жизни» и «Глаз Нептуна» – новое, веское слово в абхазской литературе, интерес к которым, на наш взгляд, не померкнет с течением времени.

Ш.Х. Пи́лиа проявляет интерес и к художественному переводу. С большим художественным чутьем, с заботой о максимальном сохранении особенностей оригинала он перевел на абхазский язык ряд стихотворений Т.Г. Шевченко, Г. Гейне, С.Я. Маршака, Р.Г. Гамзатова, В.А. Солоухина, О. Вели, М.М. Мирнели, М.Х. Чикатуева, К.С. Джегутанова и других.

50 лет – это расцвет творческих возможностей. Пожелаем же писателю постоянно быть на самых высоких волнах бушующей творческой жизни.

1982

2.16. БОЕЦ СТАРОЙ ГВАРДИИ (К 70-летию П.С. Чкадуа)

Платон Семенович Чкадуа – один из старейших абхазских писателей. Родился он в селе Бедиа Очамчырского района в 1904 году в крестьянской семье. Окончив сельскую начальную школу, некоторое время он учился в Очамчырском высшем начальном училище и уже после установления Советской власти в Абхазии в 1922 году поступает в Сухумский педагогический техникум. Окончив техникум в 1926 году, он работает в разных организациях, позже поступает в Сухумский пединститут, который, однако, не окончил по семейным обстоятельствам.

С середины 1930-х до начала 1960-х годов до ухода на пенсию П.С. Чкадуа находился на разных советских и хозяйственных работах. Это, правда, несколько отвлекало его от творческой деятельности, но зато дало возможность накопить богатый жизненный опыт, который впоследствии он прекрасно отразит в своих воспоминаниях.

В литературу П.С. Чкадуа вступил рано. Печататься начал с 1924 года. Первые его стихи и рассказы появились на страницах «Апсны капш». Вскоре он целиком переключился на прозу. В члены Союза писателей СССР он был принят еще при А.М. Горьком в 1935 году.

Значительным явлением в абхазской литературе стала его повесть «Новое побеждает», изданная отдельной книгой в Абгосиздате в 1932 году (с некоторыми изменениями и дополнениями она была переиздана в 1958 году под названием «Новый Ткуарчал»).

Известно, что, начиная с тридцатых годов, тема Ткуарчала становится популярной в абхазской литературе. Созданы многочисленные стихи, поэмы, рассказы, повести и даже романы, посвященные индустриальному Ткуарчалу. Здесь могут быть названы стихи и поэмы Л.Б. Квициния, Л.Б. Лабахуа, Ш.Л. Цвижба, Б.В. Шинкуба, К.Ш. Чачхалиа, В.П. Анкваб, Н.З. Тарба, Н.И. Сабекия, рассказы, очерки, повести и романы Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, И.Г. Папаскир, М.Г. Папаскир, Ш.М. Аджинджал, А.Н. Гогуга и других. В них в целом довольно ярко и впечатляюще воссоздан облик индустри-

ального центра нашей республики. И сегодня особенно приятно подчеркнуть, что именно П.С. Чкадуа был писателем, который в эпической прозе первым среди абхазских литераторов обратился к этой важной и нужной теме. Молодой герой повести «Новое побеждает» Смел (в новой редакции – Мас) уверенно возглавляет целую шеренгу литературных героев – представителей рабочего класса, выведенных на страницах поэм, рассказов, повестей и романов абхазских писателей. Вчерашний сельский паренек, не имея ни опыта, ни знаний, – ничего, кроме горячего желания, с головой окунается в новую, ранее неведомую ему жизнь и вскоре становится вожаком дружной, интернациональной комсомольско-молодежной бригады горняков. В повести уделено много внимания показу благотворного влияния города на деревню. Именно передовым идеям, носителем которых выступает рабочий класс, обязаны своим прозрением многие персонажи – представители сельской бедноты (такие, как выросшие в условиях социального гнета отец и мать Смела – Чахмат и Сана), которые еще долго находились под влиянием кулацких элементов (таких, как Чагу).

К середине 50-х годов П.С. Чкадуа вновь возвращается к активной творческой работе. Его произведения стали появляться в журналах, газетах, издаваться отдельными книгами. В 1958 году он издает сборник рассказов и повестей, куда вошли, помимо повести «Новый Ткуарчал», новая повесть «Мать Роберта», целый ряд сатирических и юмористических рассказов и особенно завоевавший сразу же популярность у абхазского читателя цикл его рассказов «Сагеса». Главный персонаж произведения Сагеса – не только неисправимый лентяй, бездельник, но и хитроумный балагур, многими своими чертами напоминающий знаменитого героя восточных анекдотов – Ходжу Насреддина.

Затем П.С. Чкадуа издает еще две книги: сборник рассказов и повестей «Две встречи» (1963 г.) и книгу воспоминаний «Следы времени» (1971 г.). Последняя книга – одна из немногих в абхазской мемуарной литературе. Автор в ней довольно подробно и красочно описывает тяжелые годы предреволюционной Абхазии, жизнь абхазского крестьянства, задавленного, пришибленного, но упорно стремившегося к свободе и справедливости. Много места в книге отводится показу социалистического строительства в Абхазии в 20–30-х годах. Автор здесь выступает не как сторон-

ний наблюдатель, а как современник и непосредственный участник описываемых событий. Вызывают большой интерес его воспоминания о встречах с различными общественными деятелями и писателями (например, с Нестором Лакоба, Дмитрием Гулиа, Константином Гамсахурдиа и другими). И почти добрая половина книги посвящена тяжелым дням Великой Отечественной войны. Автор сам был участником обороны Кавказа, живым свидетелем небывалого массового героизма советских людей как на фронте, так и в тылу. И все это он правдиво воспроизводит на страницах своей автобиографической повести.

Есть еще одна область художественного творчества, которой П.С. Чкадуа отдал немало энергии и времени. Это – художественный перевод. В его переводе с грузинского на абхазский язык изданы отдельными книгами роман К.А. Лордкипанидзе «Заря Колхиды», сборники рассказов Г.С. Чиковани, Г.К. Натрошвили и других.

П.С. Чкадуа и сегодня в строю. Он и не думает расставаться с пером и бумагой, полон творческих планов. Нет сомнения в том, что он еще не раз порадует своих читателей новыми, талантливыми произведениями.

2.17. ДЕТСКИЙ ПОЭТ, ПЕДАГОГ (К 60-летию Д.К. Тапагуа)

Пожалуй, не так легко сразу определить, в какую область внес наиболее весомый вклад известный абхазский детский поэт и педагог Джота Константинович Тапагуа – в развитие ли детской поэзии, в создание учебно-методической литературы или в живую учебно-воспитательную практику. Одно несомненно – во всех этих сферах он имеет и богатый опыт, и значительные заслуги.

Родился Д.К. Тапагуа 20 сентября 1924 года в селе Кутол Очамчырского района, в крестьянской семье. Здесь окончил неполную среднюю школу и в 1939 году поступил в Сухумское абхазское педагогическое училище. Когда началась Великая Отечественная война, старшие братья Джоты ушли защищать Родину, и он тоже подал заявление в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Однако удалось ему попасть на фронт лишь через год, когда ему исполнилось 18 лет, а в течение первого военного года он заведовал начальной школой в родном селе. В 1944 году был тяжело ранен и демобилизован.

Вернувшись в Кутол, Джота Константинович начал работать преподавателем абхазского языка и литературы в местной школе, где учился сам, и одновременно окончил педучилище. С 1949 по 1953 год Д.К. Тапагуа преподавал в восьмилетней школе в родном селе.

Работая в сельских школах, он организовал ученические творческие кружки – литературные, драматические, хоровые, которыми умело руководил. Как известно, Кутол – родина целого ряда абхазских писателей, деятелей науки и искусства, и многие из них были в свое время учениками Джоты Константиновича, который учил их родному языку и литературе, способствовал раскрытию их таланта. Это – Анатолий Аджинджал, Мушни Ласуриа, Шота Чкадуа, Мушни Микаия, Платон Бебиа, Борис Гургулиа, Владимир Цвинариа, Владимир Агрба и другие.

В 1953 году Д.К. Тапагуа поступил на филологический факультет Сухумского госпединститута им. А.М. Горького, а затем, еще будучи студентом, был принят на работу в редакцию вновь основанно-

го детского журнала «Амцабз» («Пламя»). Однако после окончания института его, как опытного педагога, направили работать в сухумскую абхазскую среднюю школу им. Н.А. Лакоба, а вскоре перевели в Министерство просвещения Абхазской АССР школьным инспектором по абхазскому языку и литературе, где он успешно трудится и сегодня.

В 1966 году Д.К. Тапагуа было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Абхазской АССР», а в 1975 году – «Заслуженный учитель ГССР». В 1980 году он был награжден нагрудным знаком «Отличник народного образования СССР».

Печататься Д.К. Тапагуа начал с 1943 года, когда в газете «Апсны капш» было опубликовано его стихотворение «Письмо матери». До второй половины 50-х годов он писал преимущественно для взрослых – стихи и драматические произведения. Его одноактные пьесы ставились в клубах сел Джгерда, Кутол, Тамыш, Атар, Адзюбжа и других. Когда же стал издаваться журнал «Амцабз», Джота Константинович полностью переключился на поэзию для детей. За прошедшие с тех пор годы он издал более десяти поэтических сборников, в том числе: «Первые шаги», «Ласточка щебечет», «Моим маленьким друзьям», «Гордый петушок», которые выходили также на русском и грузинском языках.

В текущем году в Москве выходит на русском «Сборник песен для детей», в Тбилиси на грузинском – «Стихи для детей», а в Сухуме – «Избранное» (на абхазском языке). Сборник избранных детских стихов и поэм издавался также в 1974 году, в год 50-летия поэта.

Абхазские ребятишки встречаются с поэзией Д.К. Тапагуа задолго до знакомства с азбукой. И дома, и в детских садах и яслях они на слух воспринимают стихи поэта, декламируют и расппевают их. А затем, уже в школе, научившись грамоте, читают их в своих учебниках.

В стихах и поэмах Д.К. Тапагуа детей привлекает живой, образный язык, легкий, звонкий, ритмичный стих. Ненавязчиво, не обнаженно, назидательно, а как бы между прочим, поэт прививает детям чувство справедливости, гуманизма, сочувствие слабому, любовь к труду, гордость за свой край и свою великую Родину (стихи «Дождь», «Зимой», «Четвертое Марта» и др.). Одновременно он остро подмечает и высмеивает такие стороны в поведении детей, которые со временем могут развиться в дурные привыч-

ки (таково, например, стихотворение о ленивом мальчике Маце – «Мац и часы»).

Д.К. Тапагуа не только создает оригинальную детскую поэзию, но и много переводит. Он перевел на абхазский язык произведения таких крупных мастеров детской поэзии, как С.Я. Маршак, К.И. Чуковский, С.В. Михалков, А.Л. Барто, И.Г. Чавчавадзе, О.Т. Туманян, С.Б. Капутикян и других. В 1983 году в его переводе был издан отдельной книжкой сборник стихов и сказок С.Я. Маршака, куда вошли такие любимые детворе произведения, как «Мяч», «Мельник, мальчик и осел», «Круглый год» и другие. Подготовлены к печати переведенные им сборники стихов А.Л. Барто и О.Т. Туманяна. Переводились и стихи самого Д.К. Тапагуа – не только на русский и грузинский языки, но также на украинский и якутский. Его стихи печатались в газетах «Вечерний Ростов», «Кавказская здравница», в журнале «Дон» и т. д.

Целый ряд детских стихов Д.К. Тапагуа переложен на музыку композиторами А.А. Позднеевым, И.А. Лакрба, К.А. Ченгелия, Б.А. Багателия и другими.

Заслуживает внимания и педагогическая работа Джоты Константиновича. Сорок лет он трудится на этом благородном поприще. Им создано множество учебников, учебных и методических пособий для дошкольных учебных заведений и начальных классов абхазских школ, пособия по абхазскому языку для русских школ и т. д. Он серьезно занимается проблемами школьного и семейного воспитания, по этой теме защитил кандидатскую диссертацию.

Коммунист, активный общественник, ветеран войны и труда Д.К. Тапагуа встречает свое 60-летие в расцвете творческих сил. Нет сомнения, что он еще не раз порадует своих маленьких и взрослых читателей новыми талантливыми произведениями, многое сделает для развития педагогической науки в условиях осуществления школьной реформы.

1984

2.18. С ПОЗИЦИИ ВЫСОКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

После затяжного послевоенного затишья, где-то к началу 1950-х годов на ниве абхазской литературы вдруг, как трава после теплого весеннего дождя, бурно возшла молодая творческая поросль, обретшая свой собственный голос и подлинное лицо уже в последующие десятилетия. Один из представителей этого поколения абхазской художественной интеллигенции Борис Алмасханович Гургулиа – поэт, прозаик, переводчик, ученый и педагог.

Родился Б.А. Гургулиа в 1935 году в крестьянской семье в селе Кутол Очамчырского района. Здесь же окончил восьмилетку, а среднее образование получил в соседнем селе Тамыш. В 1953 году он поступает на отделение журналистики филологического факультета Тбилисского госуниверситета. Окончив вуз, в 1958 году возвращается в Абхазию и поступает на работу в редакцию вновь созданного тогда абхазского детского журнала «Амцабз».

Проработав шесть лет в редакции журнала, Б.А. Гургулиа в 1964 году едет в Москву, в аспирантуру при Институте мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, которую окончил в 1967 году, защитив диссертацию на тему «Жанр поэмы в абхазской литературе (истоки, зарождение и становление)». В том же году был принят в Союз писателей СССР.

Вернувшись в Абхазию, в 1967 году Б.А. Гургулиа поступает на работу в Сухумский госпединститут (ныне Абхазский госуниверситет), на кафедру русской и зарубежной литературы старшим преподавателем, где работает и поныне, причем с 1972 по 1984 год был заведующим этой кафедрой. В 1973 году утвержден в звании доцента.

Родившийся и выросший на абхазской земле, поэт и ученый прошел высокую школу мастерства, получил широкую профессиональную подготовку в Москве и Тбилиси, где приобщился к достижениям отечественной и мировой культуры и науки. Сегодня, будучи одним из ведущих специалистов в области абхазского литературоведения, Б.А. Гургулиа, помимо курсов лекций на абхазском и русском языках, читает грузинскому студенчеству на языке

бессмертного Ш. Руставели лекции о шедеврах великой русской классической литературы – о творчестве А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Не проявляются ли ярко в этом, в общем-то не совсем ординарном факте, приметы нашего, советского времени!

Печататься Б.А. Гургулиа начал с 1952 года, будучи еще школьником. Первый сборник его стихов издан в 1961 году под названием «Добрые руки». С этого времени по сегодняшний день им издано свыше десяти оригинальных и переводных поэтических и прозаических сборников, литературоведческих исследований.

Несмотря на разносторонность его творческого дарования, Б.А. Гургулиа известен, прежде всего, как поэт. В его книгах: «Добрые люди», «Солнце и люди», «Веснянка», «Скалы», «Родная земля», «Самшитовая роща», «Время» и других, изданных в разное время на абхазском, русском, грузинском языках, воссоздан, прежде всего, поэтический образ родной земли, Абхазии: ее горести и радости, ее безрадостное прошлое и возрождение к новой, счастливой жизни в советские годы. Судьбу своего маленького, но крепкого духом народа, поэт образно сравнивает с деревом особой, твердой породы – самшитом («Самшитовая роща»):

Не зря ведь были схожи
И стать и судьбы их –
Самшита твердой рощи
И прадедов моих.
(Перевод Д.К. Чачхалиа)

Именно твердость духа, ковавшаяся в бесконечной борьбе со всякого рода недругами, как заморскими, так и внутренними, социальными, спасла немногочисленный народ от полного уничтожения, от исчезновения с лица земли. А ныне этот благодарный край, выражаясь словами поэта, «возрожден для новой жизни, солнцем Ленина согрет». Эту возрожденную Абхазию, ее очаровательную природу, ее славных людей, проявляющих свой героический характер как в годы мирного социалистического строительства, так и в годы смертельной схватки с иноземными захватчиками, воспевают поэт в лучших своих стихах («На абхазской земле», «Мой поселок», «Писатель-герой», «Дырмит Гулиа», «Чабаны», «Волны, мчась...», «Сумерки», «Иуа Когониа», «Родной язык» и другие).

Весьма эмоциональны экскурсы поэта в историческое прошлое Абхазии («Абхазские крепости», «Границы Абхазии»), а также стихи, посвященные махаджирской тематике – печальной судьбе потомков абхазских переселенцев в Турцию и другие страны Ближнего Востока.

Однако следует заметить, что интересы поэта не замыкаются рамками одной только Абхазии. Много задушевных поэтических строк он посвящает России, Советскому Кавказу, вообще всей нашей общей великой Родине, дружбе и братству советских народов (стихи: «Москва», «Русская песня», «Саят-Нова», «Абазашта»).

Наиболее характерная особенность поэзии Б.А. Гургулиа – это открытая публицистическая гражданственность. Поэт любит говорить не шепотом, не полутонами, а в полный голос, во всеуслышание о проблемах насущных, волнующих нашего современника.

Б.А. Гургулиа успешно работает и в жанре прозы. Хрестоматийными стали такие его рассказы, как «След ладони», «Чайка», а также цикл рассказов для детей и юношества, посвященных жизни В.И. Ленина и созданных по воспоминаниям старого коммуниста, жителя Сухума Я.В. Израителя, не раз встречавшегося с В.И. Лениным.

Значителен вклад Б.А. Гургулиа в развитие абхазской критики и литературоведения. Благодаря ему впервые монографически исследован жанр поэмы в абхазской литературе, выявлены закономерности его зарождения, становления и дальнейшего развития. Лучшие литературно-критические статьи и очерки автора по проблемам абхазской литературы и искусства вошли в его сборник «Слово рождает слово» (1980 г.). Особо хотелось бы отметить очерк «Монолог дочери» из этого сборника, посвященный дочери выдающегося абхазского революционера Ефрема Эшба – скульптору Марине Эшба, автору монументального памятника отцу в центре г. Сухума.

Часто выступает Б.А. Гургулиа на страницах периодической печати, как местной, так и центральной, даже за рубежом (например, в газете «Зонга» в ГДР) по актуальным проблемам абхазской литературы и культуры. Нет почти ни одной литературной дискуссии на страницах газет и журналов Абхазии за последние 15–20 лет, в которой не принял бы самого активного участия Б.А. Гургулиа (дискуссии по абхазскому рассказу, по проблемам современной абхазской лирики и другие).

Яркую страницу творческой биографии Б.А. Гургулиа составляет его большая плодотворная переводческая деятельность. Переводит он произведения Джансуга Чарквиани, Мориса Поцхишвили, Заура Болквадзе и других современных грузинских поэтов и писателей на абхазский язык. Есть у него также переводы с русского (С.А. Есенина, Е.А. Евтушенко), осетинского, абазинского и т. д.

Но особенно важным событием в литературной жизни Абхазии стал выход на абхазском языке собрания сочинений в одном томе первого писателя из абхазов Георгия Чачба-Шервашидзе, писавшего, как известно, на грузинском, русском и некоторых западноевропейских языках. Еще в 1960-х годах Б.А. Гургулиа осуществил перевод основных произведений Г.М. Чачба-Шервашидзе и издал их отдельной книгой. Однако и после этого он много работал над своим переводом, совершенствовал его, дополнял новыми материалами и в 1983 году выпустил вторым, переработанным и существенно дополненным изданием, куда вошло фактически все творческое наследие Г.М. Чачба-Шервашидзе. Книга снабжена подробными комментариями и обширным предисловием-исследованием переводчика.

Б.А. Гургулиа активно участвует в творческой и общественной жизни республики: является членом правления Союза писателей Абхазии, членом редколлегии журнал «Алашара» и «Нианги».

Борису Гургулиа исполнилось 50 лет. Сделано им немало, но намечается еще больше. Друзья и почитатели талантливого поэта желают ему полного осуществления всех его творческих планов.

1985

2.19. ОБ АЛЕКСЕЕ ГОГУА¹

Алексей Гогуга – яркий представитель послевоенного поколения абхазских писателей, творчество которых широко развернулось, начиная с середины 1950-х годов и достигло апогея уже в 1960–1980-е годы.

Младописьменная абхазская литература, основанная в предреволюционные годы Дмитрием Иосифовичем Гулиа и бурно развившаяся в советские годы, за исторически короткий срок в результате плодотворного воздействия на нее традиции развитых литератур достигла значительных художественных высот во всех ее основных жанрах – в поэзии, прозе и драматургии. Имена многих представителей старшего поколения абхазских писателей хорошо известны и за пределами нашей республики. Это прежде всего ближайшие соратники или ученики Д.И. Гулиа, которые уже ушли из жизни, но оставили ценное духовное наследие. Это Самсон Чанба, Иуа Когониа, Иван Папаскир, Дзадз Дарсалия, Михаил Лакрба, Леварса Квициния, Леонтий Лабахуа, Киазым Агумаа, Чичико Джонуа, Киршал Чачхалиа, Алексей Ласуриа, Анатолий Аджинджал и другие. Это ныне живущие и плодотворно творящие поэты и писатели старшего поколения: Баграт Шинкуба, Иван Тарба, Мушни Хашба, Мушни Папаскир, Шамиль Акусба и другие. Причем произведения некоторых из них, например, романы Баграта Шинкуба «Последний из ушедших» и Ивана Тарба «Солнце встает у нас», переведенные на ряд языков зарубежных стран, вышли на мировую арену.

За ними следует то поколение, к которому принадлежит «виновник» сегодняшней нашей встречи Алексей Гогуга. Это известные наши поэты и прозаики: Кумф Ломиа, Георгий Гублиа, Шалодиа Аджинджал, Алексей Джения, Мушни Ласуриа, Шота Чкадуа, Джума Ахуба, Нелли Тарба, Владимир Анкваб, Николай Квициния, Пла-

¹ Текст доклада, прочитанного в Москве, в ЦДЛ Союза писателей СССР, в марте 1985 года на заседании, посвященном обсуждению книги А.Н. Гогуга «За семью камнями».

тон Бебиа, Виталий Амаршан, Терентий Чаниа, произведения которых неоднократно издавались в Москве, Тбилиси, Сухуме и других культурных центрах страны. А за ними следует хорошо зарекомендовавшая себя еще более молодая поросль, но я не хочу сейчас утомлять вас длинным перечнем имен и фамилий. Некоторые из этих молодых присутствуют и на нашем заседании. Это талантливые поэты и переводчики Таиф Аджба, Денис Чачхалиа и другие.

Результатом вдохновенной, совместной творческой работы писателей всех этих поколений являются те достижения, которыми сегодня законно гордится абхазская земля. Думается, что неплохо продемонстрировали наши писатели свой зрелый уровень и выросшие художественные вкусы и на недавно прошедших в Абхазии Днях советских литератур, приуроченных к торжествам по случаю 110-летия со дня рождения Дмитрия Иосифовича Гулиа.

Красноречивым свидетельством значительных достижений абхазской литературы является и тот факт, что в течение последних 10–15 лет около 10 наших писателей стали лауреатами Государственной премии Абхазской АССР имени Дмитрия Гулиа, а за последние четыре года четверо ведущих мастеров абхазского художественного слова стали лауреатами Государственных премий ГССР: Баграт Шинкуба и Мушни Ласуриа удостоены премии имени Шота Руставели, а Иван Тарба и наш Алексей Гогуа премии Совета Министров ГССР. Хотя, конечно, не одними премиями определяется уровень развития литературы, но думается, что и эти факты красноречиво говорят кое о чем.

Итак, Алексей Гогуа вырос не на голом, пустом месте, он имел предшественников, крупных мастеров художественного слова, имеет сверстников-соратников, братьев по перу, уже заимел и последователей, которые явно учатся у него художественному мастерству.

Кроме несомненного природного дара, творческий успех писателю обеспечили не по годам богатый его жизненный опыт и основательная профессиональная подготовка. А.Н. Гогуа родился (1932 г.) и вырос в типичной абхазской крестьянской семье (село Гуп Очамчирского района), причем детство и ранняя юность пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы, полные скорби, лишений, невзгод. Окончив сельскую среднюю школу, он не сразу

продолжил учебу, а физически работал в индустриальном центре Абхазии – в Ткварчале, где в интернациональной горняцкой семье закалялся характер будущего писателя. Затем он кончал два высших учебных заведения – Сухумский педагогический институт (ныне Абхазский госуниверситет) им. А.М. Горького (1955 г.), и Литературный институт им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР в Москве (1960 г.). Проучившись девять лет в этих специальных учебных заведениях, он вновь окунается в жизнь – работал и работает в различных печатных органах: в издательстве «Алашара», в журналах и альманахах «Алашара», «Эрцаху», «Амцабз», последний из которых он редактирует уже 10 лет. По роду занятий он тесно связан с живой практикой, часто бывает в районах и городах Абхазии, знакомится с людьми, с образом жизни своих будущих литературных героев. Все это, наряду с изучением архивно-документального материала, необходимого при создании исторических полотен, способствует раскрытию его таланта, созданию живых полнокровных художественных образов.

Как и многие его сверстники, Алексей Гогуа пришел в литературу не как прозаик, а как поэт. Стихи его, и довольно крепкие, печатались в республиканских газетах и журналах, вошли даже в антологии абхазской поэзии, изданные в Тбилиси и Москве во второй половине 50-х годов на грузинском и русском языках. Однако поэтом А.Н. Гогуа не сделался. Видно, это не его стихия. Своевременно разгадав и правильно оценив характер своего дарования, он решительно и, как видно, бесповоротно отвернулся от поэзии и целиком переключился на прозу, где и раскрылся сполна его незаурядный талант.

Начиная от первых рассказов, вот уже 30 с лишним лет читатель с неизменным интересом встречает каждое его новое произведение в различных жанрах прозы, начиная от художественных очерков и рассказов и кончая романами, хотя с последними русский читатель еще не знаком.

За эти годы издано свыше 20 книг А.Н. Гогуа на абхазском, русском, грузинском языках. Издавался он как в Сухуме, так и в Тбилиси, Москве. Причем обсуждаемый сегодня сборник «За семью камнями» (1984) – это четвертая книга автора, издаваемая в Москве массовым тиражом в русском переводе. Этому сборнику предшествовали его книги «Река спешит к морю» (1960), «Вкус воды»

(1974) и «Время оленьего зова» (1981). Перевод ранних двух книг выполнен Б.С. Штейном, Г.Е. Ковалевичем и Г. Семеновым, а последних двух – С. Шевелевым. Не меньше издавалось книг А.Н. Гогуа и в Тбилиси в грузинском переводе. Нужно подчеркнуть, что произведения А.Н. Гогуа не раз обсуждались как в Сухуме, так и в Тбилиси. Очень обстоятельный разбор его сборника рассказов состоялся еще в 1978 году в Тбилиси, в Союзе писателей Грузии, где произведениям писателя была дана высокая оценка.

Совершенно естественно, что творчество А.Н. Гогуа больше всего популярно в его родном крае – в Абхазии. Его произведения прочно вошли в школьные и вузовские программы по абхазской литературе.

Нужно отметить, что Алексей Гогуа не обделен вниманием литературной критики как местной, так и столичной. Много статей, очерков, рецензий, посвященных творчеству писателя, публиковались в республиканских и всесоюзных газетах и журналах, в том числе в «Правде», «Литературной газете», в журналах «Дружба народов», «Литературная Грузия», «Алашара» и т. д. Здесь имеются в виду прежде всего статьи и рецензии абхазских критиков Ш.Д. Инал-ипа, В.Л. Цвинариа, В.В. Дарсалия, А.А. Аншба, С.Л. Зухба, Р.Х. Капча, поэта и критика М.Т. Ласуриа, тбилисского писателя Г.П. Дочанашвили, московских критиков П.С. Ульяшова, В.В. Кожина и других. Доброе слово о талантливом прозаике сказано его старшими братьями по перу – Багратам Шинкуба, Иваном Тарба, Фазилом Искандером...

И такой интерес к творчеству писателя не случаен.

А.Н. Гогуа пришел в абхазскую литературу, когда она, переболев невзгодами, связанными с так называемой «теорией бесконфликтности» и известными нарушениями социалистической законности в предвоенные и послевоенные годы, в период культа личности, стала на путь нового, еще более мощного подъема. Особенно это относилось к прозе, которая в предыдущие годы заметно отставала от поэзии. И молодым литераторам приходилось идти не по проторенному пути, а прокладывать новые, неизведанные пути. Характеризуя особенности творческих исканий молодых абхазских литераторов, в частности А.Н. Гогуа в эти годы, известный абхазский поэт и прозаик И.К. Тарба пишет в послесловии к книге А.Н. Гогуа «Вкус воды» (Москва, 1974 г.): «Молодым литераторам...

приходилось прокладывать свою собственную дорогу, не разрушая уже воздвигнутое здание, разрабатывать свой стиль, свой язык, свою манеру письма, новые художественные средства для освоения материала. Одним из первых, начавших это трудное преодоление и вставших на свой собственный путь в абхазской литературе, был и молодой прозаик А.Н. Гогуа» (с. 218).

Одной из основных определяющих черт творчества А.Н. Гогуа нужно признать приверженность автора к современной тематике. Это, конечно, не полностью исключает историческую тематику из творческих интересов писателя. У него есть, например, прекрасная повесть «Снег и молния», посвященная борьбе за Советскую власть в Абхазии, и новый роман «Большой снег», который сейчас печатается в журнале «Алашара» и вскоре выйдет отдельным изданием. Это также роман, повествующий о жизни предреволюционной Абхазии. Однако при всем этом абсолютное большинство его произведений – и роман «Нимб», множество рассказов и повестей, в том числе и те, которые вошли в обсуждаемый сегодня сборник, посвящены современности, проблемам именно сегодняшнего дня.

Главными героями в произведениях А.Н. Гогуа выступают наши современники. Чаще всего это молодые люди, юноши, вступающие в жизнь, иногда даже дети или подростки, сталкивающиеся с первыми серьезными жизненными испытаниями, нередко – это мудрые, а иногда и забавные старики, критическим взглядом озирающие пройденный жизненный путь. Не лишены отдельных недостатков, изъянов, герои эти в основном и главном всегда остаются верными принципам гуманности, справедливости, честности. Герои А.Н. Гогуа – это простые труженики, связанные глубокими корнями с родной землей, с трудовым народом, бескорыстно и безвозмездно творящие добро и непримиримо борющиеся со всякого рода нечистью, с ханжеством, мещанством, с антиподами нашего общества.

Такие герои были выведены в рассказах, опубликованных в прежних сборниках: «Отчего растет трава», «Глаза Такара», «Белый конь», «Полнолуние», «Ягненок», «До гор по железной дороге», в повестях «Река спешит к морю», «Вкус воды», в романе «Нимб» и в других произведениях. Такие герои выводятся в повестях и рассказах, вошедших и в сборник «За семью камнями». В этих произ-

ведениях писателем смело ставятся и мастерски решаются важные нравственные проблемы. Молодые герои А.Н. Гоголя – Хухун из повести «На повороте», Маку из повести «Гора красивая», Бага из рассказа «Дорога в три дня и три ночи», мальчик Зауркан или Кан, как чаще его зовут, из рассказа «За семью камнями», так же, как и безымянный мальчик из рассказа «Ягненок» (кстати, в оригинале он наделен собственным именем – Мыта), безымянный сын Еланы из одноименного рассказа и многие другие, – вступив в схватку со злом, с нечистью, с несправедливостью в различных формах их проявления, в конечном итоге всегда выходят победителями. Даже в тех случаях, когда они физически погибают (например, Бага или сын Еланы), все равно моральная победа неизменно остается за ними.

Честным и чистым героям, и молодым, и старым, в произведениях А.Н. Гоголя, как правило, противостоят люди низменных интересов, стяжатели, хапуги, честолюбцы, корыстолюбцы, словом, различного рода антиподы нашего социалистического общества. Однако борьба с ними осложняется тем, что нередко эти антиподы ловко маскируются, рядятся в тогу благодетеля и тем самым могут ввести в заблуждение окружающих, особенно неопытных, только что вступающих в жизнь молодых людей (такие, как Святой Георгий из повести «На повороте», Александр из рассказа «Дорога в три дня и три ночи»). В этом отношении особенно колоритным является образ Аджира из романа «Нимб», который, к сожалению, не переводился на русский язык. К чести А.Н. Гоголя нужно отметить, что бескомпромиссная борьба с негативными явлениями, которая так планомерно, широко и последовательно ведется в нашей республике, заняла важное место в его творчестве еще даже до принятия известного постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому партии, не говоря уже о произведениях, созданных в последующие годы.

Алексея Гоголя справедливо называют абхазским писателем-новатором. Дело здесь не только в новизне его тематики и проблематики, но не в меньшей степени и в том, что с его именем связано возникновение в абхазской прозе нового стилевого направления, новой манеры художественного повествования. В отличие от традиционного, эпически спокойного, хронологически последовательного сказового повествования, произведения А.Н. Гоголя, как

правило, строятся на ином сюжетно-композиционном принципе – на принципе так называемого сжатого времени, когда художественное время действия максимально ограничивается, доводится до минимума, до нескольких дней или даже часов, а реальное время, о котором повествует произведение, охватывает годы, иногда даже десятилетия. Для совмещения разных временных плоскостей автором удачно используются различные художественно-композиционные приемы ретроспекции: лирические отступления, внутренние монологи, воспоминания, дневники (особенно к ним автор обращался в романе «Нимб», повести «Вкус воды», рассказе «Дорога в три дня, три ночи» и т. д.). Такой ретроспективный план в совокупности с изображением нынешнего состояния персонажей дает автору больше возможности ярче воссоздать их образы, глубже раскрыть внутренний мир, глубинную сущность, подлинное лицо героя.

В произведениях А.Н. Гоголя значительно усилилась роль образительно-выразительных средств: эпитетов, метафор, сравнений, символов, роль так называемых сквозных, часто повторяющихся художественных деталей, несущих не только эстетическую, но и значительную идейную смысловую нагрузку.

Хочу отметить и еще одну важную характерную особенность прозы А.Н. Гоголя. В ней содержание произведения никогда не исчерпывается одним только внешним, видимым текстом; как правило, здесь непременно наличествует подтекст. События и факты, о которых повествует произведение, его художественные образы широко могут ассоциироваться с другими образами и явлениями действительности.

Все это делает прозу А.Н. Гоголя исключительно интересной, эмоционально насыщенной, глубоко содержательной, интеллектуальной. Поэтому она, как правило, всегда привлекает читателей. Справедливости ради следует сказать, что иногда слышатся и нотки недовольства, отдельные читатели сетуют на сложность, недоступность художественного языка писателя. Правда, есть у Гоголя отдельные произведения, не вошедшие в обсуждаемый сборник, такие, как рассказы «Олимпиада», «Тишина», из вошедших в наш сборник к ним больше приближается, на мой взгляд, рассказ «Шелкопряд», нарочито осложненные, с запутанными сюжетными ходами, с искусственным замедлением действия. Но, во-первых, их,

таких произведений, совершенно немного, и, во-вторых, не они определяют творческий облик и художественную манеру писателя-новатора. В целом же избранная им, новая для абхазской прозы форма письма отлично раскрывает глубокое идейное содержание его произведений. В этом мы видим основную заслугу А.Н. Гоголя в развитии современной абхазской прозы. Думается, что переведенная на русский язык, она также стала заметным вкладом в многонациональную литературу.

Алексей Гоголь, по абхазским возрастным параметрам, еще молод. Лишь недавно общественность нашей республики, почитатели таланта писателя торжественно отметили его пятидесятилетие. Сейчас абхазский журнал «Алашара» начал печатать его новое крупное эпическое полотно-роман «Большой снег». А что последует за ним – для нас пока секрет. Но нет ни секрета, ни сомнения в одном – в том, что продолжение следует, что непременно будут новые, интересные встречи.

1985

2.20. ВЕЛИКИЙ МАРР КАК АБХАЗОВЕД

Абхазоведческой науке, можно сказать без малейшего преувеличения, крупно повезло: еще на заре формирования новой, молодой науки у ее кормила встал такой всемирно признанный научный авторитет, каким был акад. Николай Яковлевич Марр. Именитый ученый сыграл основополагающую роль в становлении и дальнейшем развитии абхазоведения не только в том смысле, что сам он лично избрал одним из основных объектов своих научных разысканий древний, самобытный абхазский язык, что само по себе, конечно, факт исключительно отрадный для нас, но и в плане научно-организационном, связанном с практическим воплощением в жизнь выдвинутых временем проблем, всеми доступными средствами содействуя формированию научных обществ и научных учреждений в республике и подготовке соответствующих квалифицированных научных кадров для них.

Отец ученого, Джеймс Марр, был шотландцем по происхождению, видным ученым-садоводом. Будучи вдовцом, он приезжает в Грузию, в Кутаиси, где вторично женится на грузинской девушке. От этого брака в конце 1864 года у них рождается сын, которого назвали Николаем (Нико). С детского возраста мальчик рос исключительно любознательным, проявляя живой интерес ко всему окружающему, особенно – к изучению языков.

Мальчика определили на учебу в Кутаисскую классическую гимназию, в которой он проявил недюжинные способности и окончил ее с золотой медалью. Причем в его аттестате о среднем образовании были конкретно отмечены «отличительные способности к языкознанию» выпускника гимназии.

Сразу же после окончания гимназии, в 1884 году Н.Я. Марр был принят на факультет восточных языков Петербургского университета. И вот с этого времени вся его дальнейшая бурная, могучая и кипучая жизнь неразрывно связывается именно с этим городом на Неве, с одним из крупнейших научных и культурных центров Российской, а впоследствии и Советской империи.

После окончания в 1888 году названного университета, он был оставлен при этом же учебном заведении для ведения исследовательской работы. И до конца своих дней (1934 г.), без малого 50 лет, он вел непрерывную преподавательскую и исследовательскую работу в Петербургском (Петроградском, Ленинградском) университете. Н.Я. Марр становится доктором словесности (1901 г.), профессором университета (1901 г.), действительным членом (академиком) Петербургской Академии наук (1912 г.), директором Яфетического института (1921 г., впоследствии Институт языка и мышления АН СССР) и вице-президентом АН СССР (1930–1934 гг.).

Необычайно широк и многообразен был круг научно-теоретических и научно-организационных интересов академика Н.Я. Марра. Множество фундаментальных трудов он посвятил проблемам древнеармянского и древнегрузинского языков, литературы и культуры в целом, включая и проблемы истории, археологии, этнографии и т. д. В его кавказоведческих исследованиях почетное место занимала тематика горских народов и в первую очередь проблемы абхазского языка и истории Абхазии в широком смысле.

Мы здесь не ставим своей целью осветить всю многогранную деятельность великого ученого. Во-первых, это нам просто не под силу; во-вторых, о нем уже написано так много и так противоречиво, что толком разобраться во всем этом многообразии не так просто. Тем более ни при какой погоде не собираемся рассуждать о его новой теории, так называемом «новом учении о языке», вызвавшем в свое время такую бурную дискуссию, куда были вовлечены не только специалисты-лингвисты, но и высокие государственные мужи. Думается, что рассуждение по таким специальным проблемам должно быть уделом и прерогативой именно узких специалистов, в данном случае – теоретиков-лингвистов, а также, может быть, и философов.

Наша же цель совсем скромна – в самом общем плане напомнить читателям о великих заслугах этого гиганта науки в создании мирового имиджа почти никому не известному к тому времени языку, принадлежащему малочисленному народу, какими являлись абхазский язык и абхазский народ в начале первой четверти XX века. Правда, могут быть здесь упреки в том смысле, что к этому времени были уже некоторые публикации и по языку, и по другим отраслям абхазоведения, в частности, монография П.К. Ус-

лара «Абхазский язык» и кое-что другое. Все это верно, но они, эти ранние публикации, все-таки не получили такого широкого распространения, как труды Н.Я. Марра.

Н.Я. Марр неожиданно, внезапно, как вихрь среди ясного дня, ворвался в открытую дверь непретенциозной хижины, где тускло тлел очаг абхазской науки, вдохнул в него живительную силу, развел мощный костер и распространил по всему миру яркий свет этого пламени. Таким образом, абхазский язык и Абхазия представили перед мировой научной общественностью во всей своей красе, во всем многоцветье.

Здесь же мы должны заметить, что тема «Марр и Абхазия» ставится в нашей науке не впервой. Наиболее крупную, специальную работу, фактически монографическое исследование об абхазоведческих разысканиях ученого под названием «Академик Н.Я. Марр о языке и истории абхазов» впервые опубликовал в 1936 году в Сухуме его талантливый ученик, первый абхазский кандидат наук, директор Абхазского научно-исследовательского института А.К. Хашба (Хашба 1936). И впоследствии, в связи с теми или иными проблемами, работы Н.Я. Марра об Абхазии освещались также в различных трудах абхазских ученых: Х.С. Бгажба, Г.А. Дзидзария, К.С. Шакрыл, Ш.К. Арстаа, Л.П. Чкадуа, Ш.Д. Инал-ипа, С.Л. Зухба, В.Ш. Авидзба и многих других абхазоведов, не говоря уже об оживленной переписке между именитым ученым и лучшими представителями абхазской интеллигенции того времени – Д.И. Гулиа, А.М. Чочуа, А.К. Хашба и другие.

Акад. Н.Я. Марр, родившийся и выросший на Кавказе, в непосредственном соседстве с Абхазией, в Кутаиси, и тем более с юношеских лет проявивший столь необычайное влечение к языкам, не мог конечно, не знать о существовании абхазского языка. Но практически и фактически поводом для его поворота лицом к абхазскому языку послужила работа провинциального ученого-краеведа, народного учителя, энтузиаста П.Г. Чарая, который в 1912 году опубликовал в Петербурге монографию «Об отношении абхазского языка к яфетическим». И случилось так, что редактором книги оказался не кто иной, а именно сам академик Н.Я. Марр. Как видно, Н.Я. Марр был не просто номинальным редактором (к сожалению, в жизни нередко встречаются и такие случаи), а чуть ли не соавтором, активно и компетентно вмешивающимся в судьбу рукописи.

Работа П.Г. Чарая настолько заинтриговала редактора Н.Я. Марра, что параллельно и почти одновременно с нею он опубликовал и свою собственную работу на ту же тему – «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических» (СПб., 1912 г.), которая во многом является дополнением, разъяснением, а то и критикой отдельных положений монографии П.Г. Чарая.

С этого времени и до конца своих дней (1934 г.) у ученого никогда не ослабевал интерес к полюбившемуся ему абхазскому языку.

Первое реальное знакомство с живым абхазским языком в его естественном бытовании произошло у Н.Я. Марра в том же, 1912 году. Завершив археологическую экспедицию в Сванетии, летом 1912 года он приезжает в Абхазию. Вместе с элитой абхазской интеллигенции – членами Переводческого комитета: Д.И. Гулиа, Н.С. Джанашиа, Н.С. Патеипа, И.И. Гулиа, П.Г. Чарая и другими, он работал в селе Джгирда нынешнего Очамчирского района (тогдашнего Кодорского участка) Абхазии, в семье знаменитого Хабыджа Ашуба. Работой своей ученый остался очень доволен, или, как он сам выразился, «стал в значительной степени понимать живую абхазскую речь джгердинского говора». И это, заметьте, фактически с первого же знакомства с живой речью изучаемого языка. Безусловно, все это свидетельствует о необыкновенных, феноменальных способностях гениального ученого. Кроме знакомства с живой речью, Н.Я. Марр в этот приезд провел и иную большую работу: он сравнил весь лексический материал, собранный П.К. Усларом, уточнил ряд вопросов, не совсем ясных ему по работе П.Г. Чарая, провел анализ опубликованных сказок и афористических жанров, выяснил морфологические и сложные синтаксические особенности абхазского языка, запаса списком ряда личных имен, как мужских, так и женских и т.д. Обо всем этом он довольно подробно пишет в своем научном отчете «Из лингвистической поездки в Абхазию», опубликованном в 1913 году в Петербурге. Как он пишет в своем отчете, эти наблюдения над живой абхазской речью вынудили его «подвергнуть пересмотру последнюю редакцию яфетической теории, в части взаимоотношения яфетических и внести в нее некоторую поправку».

После первой поездки 1912 года Н.Я. Марр еще не раз приезжал в Абхазию и в другие регионы Кавказа, особенно к различным кавказским горцам – к сванам, тушинцам, чеченцам и т. д. В 1916 году

Н.Я. Марр выступает с обстоятельным научным докладом в Сухуме на тему «Кавказоведение и абхазский язык», где он заявил: «Лично мне абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточно-кавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения, и арменоведения, в частности и мое, было в корне неправильно, по крайней мере, в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена без общекавказских перспектив и, в частности, без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков...»

В этом же докладе академик Н.Я. Марр подчеркивает необходимость привлечения не только лингвистических, но и археологических, этнографических и фольклорных материалов для всестороннего освещения той или иной проблемы, связанной с прошлым состоянием языка, истории и культуры народа. Он требовал выходить за рамки филологии и лингвистики, становясь и археологом, и этнографом, и фольклористом, вернее сказать, привлекая и археологию, и этнографию, и фольклор для освещения исторического процесса по данным своей основной специализации – лингвистики.

«Оставаясь по своей специализации лингвистом, Н.Я. Марр тем самым выдвигает лингвистику на общую историческую арену, обращает языковой материал в исторический источник, проливающий свет на пройденные и современный этапы истории развития человеческого общества», – пишет академик И.И. Мещанинов (Хашба 1936: 18).

Н.Я. Марр особое значение придавал литературе бесписьменных народов, иначе говоря, устному народному творчеству, подчеркивая, что «литература не только бывает у народов без письменности, но часто она является более надежным и богатым источником для изучения языка, этой души народа, чем обширная искусственная литература с письменностью, обыкновенно состоящая из сплошных переводных памятников и в большинстве, если не исключительно подражательных к ним сочинений» (Марр 1938: 125–129).

Полемизируя с П.К. Усларом и П.Г. Чарая, подчеркивавшими архаический характер структуры абхазской речи, Н.Я. Марр утверждал, что «абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней человеческой речи» (Марр 1933: 63).

Н.Я. Марра очень тревожило то обстоятельство, что некоторые участники «Бзыбского комитета» (созданного по инициативе Н.Я. Марра для сбора фольклорного материала) «задались целью, несколько понижающей ценность материала для очередных научных изысканий: они старались, по возможности, свести все свои записи в отношении языка к одному общему типу, отстраняя местные особенности говоров или подговоров тех сел, откуда они происходили. Нужно ли прибавлять, что для лингвиста важны именно эти особенности, раз дело идет о воссоздании истории языка» (Марр 1933: 64).

Н.Я. Марра огорчало то, что памятники народной словесности, несущие на себе зачастую исключительно важную историческую информацию, нередко погибают прямо на наших глазах. В качестве примера он приводил народную пословицу, записанную им в один из очередных приездов в Бзыбскую Абхазию, в селе Калдахара от 70-летнего старика. Пословица эта в переводе на русский язык звучала так: «В чьей лодке сидишь, того песню пой» («Зашхәа утоу иашәа хәа»). Когда ученый спросил сопровождавших его двух молодых людей, как они понимают эту пословицу, один из них ответил, что он вообще не слышал о такой пословице, а второй ответил, что он знает эту пословицу, но в другом варианте, а именно: «В чьем дворе находишься, того песню пой». Здесь произошла замена не понятного современной молодежи термина «ашхәа» («лодка») близким по звучанию термином «ашта» («двор»). А ведь пословица эта свидетельствует о древнем образе жизни абхазов, об их морском промысле и т. д.

Представляет исключительный интерес мнение Н.Я. Марра об одном древнем общем памятнике народов Кавказа и о его генезисе. Речь идет о кавказском герое, типа Прометея, прикованном к скале или заточенном в глубокое подземелье. По мнению Н.Я. Марра, кавказские сказания о прикованном герое докатились до Греции и там они превратились в легенду о Прометее.

«В родной среде (т. е. на Кавказе. – Ш. С.) та же легенда вырабатывалась в сказание в Армении о Мher'е, в Грузии – об Амиране, в Абхазии – об Abзге. Какому бы яфетическому племени ни принадлежала честь создания этого сказания, та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно, прошла через абхазскую среду... Само имя Амиран (собственно, A-məra

или A-mər) представляет абхазское название солнца a-mra или a-mər, как последнее появляется в сложных абхазских словах» (Марр 1933: 74).

Работа «Кавказоведение и абхазский язык» очень важна и в том плане, что она завершается программой, которую наметил Н.Я. Марр для дальнейшего исследования абхазского языка в сопоставлении с другими кавказскими языками. По мнению Н.Я. Марра, изучение абхазского языка должно быть интенсивно продолжено по всем трем наречиям (или, как сейчас принято говорить, диалектам): самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому, с относящимися к ним говорами и подговорами. Далее ученый специально подчеркивал: «Должны быть использованы в этой работе и говоры абхазов, эмигрировавших при царизме в Турцию. Необходимо это изучение направить в сторону выяснения и выделения из абхазской речи всего того, что наносное в ней, хотя и с незапамятных времен... Лингвистическая палеонтология в кавказских языках дает возможность вскрывать поразительную историю взаимоотношений, в корень подрывающую националистические или тенденциозные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи» (Марр 1933: 77).

Акад. Н.Я. Марром, как в дореволюционные, так и в советские годы было создано около 25 специальных работ, посвященных актуальным проблемам языка, истории и культуры Абхазии. Все они впоследствии, уже после смерти автора, были собраны под одной крышей его учениками и соратниками А.К. Хашба и И.В. Мегрелидзе. Однако после того, как сборник был уже фактически набран и сверстан, один из основных составителей его, А.К. Хашба, был репрессирован в 1937 году. Была реальная угроза срыва издания, и тем не менее сборник вышел из печати в 1938 году с предисловием академика И.И. Мещанинова, под редакцией И.В. Мегрелидзе. В предисловии указано, что он составлен Институтом абхазской культуры.

Хорошо известно, что отношение Н.Я. Марра к теоретическим проблемам языка, к его генезису, к внутренним и внешним факторам его развития и т. д., не всегда было прочным, постоянным, раз и навсегда данным. Оно менялось, проходя путь от миграционной теории до «нового учения о языке», понимаемого им как материалистическая теория, соответствующая новой советской идеологии.

Однако, как бы ни менялись все теоретические выкладки, отношение ученого к абхазскому языку, как к необычному феномену было всегда восхитительным. Он всегда ставил язык этот на один уровень, если не выше, с самыми развитыми языками мира. Об этом свидетельствуют не только ранние, но и поздние работы автора, такие как «Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык» и другие.

Хотелось бы сказать несколько слов и о другой, не менее важной, чем его теоретические исследования, стороне деятельности академика Н.Я. Марра на ниве абхазоведения. Речь идет о широте размаха его практической деятельности по оказанию научно-методической помощи любителям-энтузиастам краеведения, по мобилизации и правильной их ориентации, по воспитанию молодых научных кадров, созданию всевозможных творческих коллективов, комитетов, а впоследствии и официальных государственных и общественных научных учреждений и т. д. и т. п.

С первого же приезда в Абхазию ему стало ясно, что ждать в этом деле какой-то серьезной помощи сверху или со стороны нет смысла. Нужно было рассчитывать на энтузиазм и самоотверженность любителей-краеведов и вовлечь в это благородное дело творческую молодежь, включая сюда и учащихся старших классов немногочисленных сельских и городских учебных заведений.

Так и поступил многоопытный ученый. Были созданы комитеты по сбору фольклорного, этнографического и лингвистического материала в основных регионах Абхазии – в Бзыби и Абжуаа, куда входили, главным образом, учащиеся старших классов учебных заведений.

Н.Я. Марр составил, впоследствии и опубликовал, специальное методическое руководство – инструкцию «О записывании абхазских текстов». Уже к 1916 году энтузиастами из Бзыбской и Абжуйской Абхазии был составлен рукописный сборник сказок (100 бзыбских и 50 абжуйских сказок) и послан в Петербург акад. Н.Я. Марру. Посылались и другие материалы. Накоплен большой архивный материал, ныне хранящийся в фондах акад. Н.Я. Марра в Ленинградском (Санкт-Петербургском) отделении Архива РАН. Над этими материалами Н.Я. Марр работал при составлении им абхазско-русского словаря, изданного в 1926 году и, конечно же, при написании и других исследований по абхазскому языку. Но в целом

фонды эти и до настоящего времени полностью не опубликованы. Правда, значительная часть этих материалов, а именно сказки, посланные Н.Я. Марру в 1916 году, были подготовлены к печати и изданы отдельной книгой в 1967 году тогда еще молодым научным сотрудником Абхазского института, ныне акад. Академии наук Абхазии Сергеем Зухба под названием «Материалы абхазского фольклора (из архива академика Н.Я. Марра)».

Трудно даже просто перечислить все добрые дела, осуществленные акад. Н.Я. Марром по организации науки в Абхазии. Но не сказать об одной вещи просто невозможно. Речь идет о создании Академии абхазского языка и литературы в середине 20-х годов прошлого столетия. Инициатива полностью принадлежит Николаю Яковлевичу. Ученый с мировым именем и такого высокого научного ранга (проф., доктор наук, акад.), Н.Я. Марр, конечно, не мог не понимать, что создаваемая в те годы в Абхазии Академия ни по кадровому составу, ни по научному потенциалу, ни по исследовательской базе далеко не полностью отвечала тем высоким требованиям, какие вообще предъявляются к аналогичным учреждениям. Честно говоря, этим высоким требованиям не полностью отвечает даже и нынешняя наша Академия наук, которую мы иногда в шутку так и называем – «Академия в миниатюре», хотя она по сравнению с тем, что открывалось в 1925 году, может быть смело названа храмом науки. Но тем не менее Академию абхазского языка и литературы открыли в 1925 году. Ее первым председателем (тогда он еще не назывался президентом) был избран А.М. Чочуа, а с 1927 года – Д.И. Гулиа. Почетным председателем с самого же начала был избран Н.Я. Марр. Академия провела значительную исследовательскую, собирательную и издательскую работу.

В 1930 году Академия была преобразована в Абхазский научно-исследовательский институт языка и литературы, а затем, неоднократно реорганизовывался, но в основном, менялось название, а сущность оставалась та же. И вот до 1950 года, до начала критики в адрес Н.Я. Марра, институт носил его имя. Сегодня учреждение это называется – Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа и входит в систему Академии наук Абхазии.

Не менее важна и показательна забота Н.Я. Марра о подготовке профессиональных научных кадров, ибо он отлично понимал, что в конечном итоге успех абхазоведения может быть обеспечен

лишь только профессиональными научными кадрами, иного пути просто нет. Со второй половины 20-х годов в Ленинградском государственном университете и Ленинградском институте восточных языков проходят основательную научную подготовку (сначала вузовскую, а затем и аспирантскую) под непосредственным научным руководством академика Н.Я. Марра два молодых, талантливых абхаза, два первых кандидата наук – А.К.Хашба и В.И. Кукба, впоследствии ставшие крупными организаторами науки (директор и заместитель директора АбНИИ), которые, к сожалению, вскоре оказались безвинными жертвами политических репрессий 1930-х годов.

Тема «Марр и Абхазия» поистине неисчерпаема. Но мы, пожалуй, на этом остановимся. И вдвойне становится приятнее от сознания того, что этот великан в науке, акад. Николай Яковлевич Марр – прямой потомок далекого шотландского народа, подарившего миру таких выдающихся деятелей истории, как Мария Стюарт, Роберт Бернс, Вальтер Скотт и многих других, почти за сотню лет до заключения официального договора о дружбе и побратимстве между нашими городами – Сухумом и Килмарноком, а следовательно, и между нашими немногочисленными, но гордыми, вольнолюбивыми народами, возвысился под абхазским небосклоном и стал родным, духовным отцом многострадального народа, отдав столько сил и энергии извлечению из глубин веков многочисленных памятников живой старины и их возрождению, вообще расцвету науки и культуры Абхазии, которая последовательно и самоотверженно ведет сегодня борьбу за утверждение своей желанной национальной и государственной независимости. И в освещение этого нелегкого, но неотвратимого пути мощный поток света проливает неугасимый луч, зажженный великим Н.Я. Марром в сердцах потомков бессмертного Абрскила.

2006

2.21. ИСХАК МАШБАШ И АБХАЗИЯ¹

Дом нашего бессмертного патриарха Дмитрия Иосифовича Гулиа и при жизни хозяина, и после его ухода в мир иной, принимал многих высоких гостей из ближнего и дальнего зарубежья. Но сегодняшний случай, думаю вы согласитесь, особый, не ординарный, так как Исхак Шумафович Машбаш, которого в эти дни так тепло и радушно чествует абхазская земля, весь народ Абхазии, наделен на этой земле не только правом гостя, но в не меньшей степени и правом хозяина, правом родного и по духу, и по крови брата, правом, не подлежащим в дополнительных научных разысканиях, ибо оно уже неоспоримо доказано многочисленными примерами из древней, новой и новейшей истории, что особенно ярко и мощно проявилось в последней кровопролитной войне 1992–1993 годов. Так что Исхак Шумафович приехал к нам и по велению души, и позову крови. Он весь наш, со всеми очевидными достоинствами, ну а недостатков как известно, у И.Ш. Машбаша нет, а если даже что-то и есть, мы их не выискиваем.

Исхак Шумафович Машбаш по праву признан живым классиком адыгских литератур, одним из наиболее ярких, крупных, привлекательных светил не только на адыгском, но и на всем кавказском поэтическом небосклоне.

Рассказывать, тем более доказывать, что поэзия и особенно же историческая проза Исхака Машбаша – это необыкновенное чудо, небывалый феномен культурной жизни братских адыгских народов – это все равно, что ломиться в открытую дверь. Ибо это неоспоримый факт, хорошо известный не только узким специалистам-адыговедам, но и широким читательским массам.

Я, конечно, не считаю и никогда не считал себя узким специалистом в области адыгского литературоведения. Плохо ли, хорошо ли справляюсь с нею, моя специальность – это абхазский фольклор и абхазская литература. Но по воле случая, поскольку не было у нас

¹ Выступление на встрече И.Ш. Машбаша с абхазскими писателями в Доме-музее Д.И. Гулиа.

других, имеющих специальную подготовку в этой области кадров, мне пришлось в нашем университете, в АГУ, вести историю адыгских литератур. Как говорят у нас в народе, «за неимением быка, запрягли петуха» (а слово бык «ацә» как известно, и как остроумно подметил наш дорогой Исхак Шумафович на своем блистательном литературном вечере вчера в государственном театре, совершенно одинаково звучит в адыгейском и абхазском языках, даже ближе, чем в кабардинском языке, ближайшим родственнике к адыгейскому).

Без ложной скромности я считаю себя любителем адыгской словесности, но никак не специалистом. Еще с аспирантских лет я занимался нашим общим древним памятником – нартским эпосом. Бывая месяцами в течение многих лет, я бы сказал даже десятилетий, в республиках Северного Кавказа, у наших братских народов, я интересовался не только главным объектом своих специальных разысканий – нартским эпосом, но в известной степени и другими жанрами фольклора, ну, конечно, и художественной литературой. Видимо, это обстоятельство и приняло во внимание наше университетское начальство, когда более 10 лет назад доверило мне ведение курса адыгских литератур на филологическом факультете. Ну, конечно, не так глубоко и специально, как в адыгских вузах, но все-таки в течение этих лет хотя и обзорно, но и с некоторыми элементами анализа, слушается этот курс в нашем университете, причем наряду с лекционным курсом проводятся и практические, семинарские занятия, как в целом по истории всех адыгских (адыгейской, кабардинской и черкесской) литератур, так и по творчеству наиболее видных представителей этих литератур.

Адыгейские писатели Тембот Керашев и Исхак Машбаш, кабардинские Али Шогенцуков и Алим Кешоков, черкесские Абдулах Охтов и Хусин Гашоков вошли не только в вузовскую программу, но и в программу для средних школ нашей Республики. В 10 и 11 классах, где литературный процесс изучается по историко-хронологическому принципу, каждому из названных выше адыгских писателей отводится определенное количество академических часов как для освещения в целом его жизненного и творческого пути, так и для текстуального изучения отдельных его произведений.

И я, теперь уже не просто как сторонний наблюдатель, а как один из составителей и школьной программы, и учебников для этих классов (совместно с М.Т. Ласурия и С.Л. Зухба), а также как преподаватель университета, могу засвидетельствовать, что именно творчество нашего сегодняшнего дорогого гостя, Исхака Шумафовича, обладает той могучей притягательной силой, которая неизменно привлекает к себе интерес и внимание нашей любознательной молодежи.

Не только в учебном процессе представлено творчество И.Ш. Машбаша в Абхазии. Часто оно привлекается в качестве сравнительно-сопоставительного материала при освещении тех или иных, не всегда прозрачных моментов в творчестве отдельных абхазских писателей или литературных явлений в целом.

Мимо любителей нашей словесности, наверное, не прошла незамеченной полемика между специалистами в нашей периодической печати (на страницах газеты «Апсны» и журнала «Алашара») по поводу генезиса и вообще исторического прототипа образа Абатаа Беслана – героя одноименной поэмы классика абхазской поэзии Иуа Когониа. Так вот для освещения этой проблемы широко привлекался роман Исхака Машбаша «Хан-Гирей» точно так же, как и блистательная повесть самого Хан-Гирея, «Беслений Абат». Однако я не буду сейчас подробно вдаваться в эти проблемы: материалы опубликованы, и тот, кто интересуется, легко может их найти. Здесь важно подчеркнуть сам факт, что для освещения, казалось бы, сугубо национальных проблем абхазской литературы, нередко невозможно обойтись без обращения к фактам адыгских литератур, в данном случае – к творчеству Исхака Машбаша.

Я не говорю здесь о многих сходных элементах в художественном мышлении, обнаруживающихся в творчестве адыгских и абхазских писателей, восходящих во многом к общему фольклорному источнику, в частности, к монументальному нартскому эпосу. Все это увлекательно, но у нас сейчас просто нет времени останавливаться на них.

В заключение хочется еще раз от имени Академии наук Абхазии, президента АНА акад. Ш.К. Арстаа и от себя лично поздравить Исхака Шумафовича с высокой наградой нашей Республики – орденом «Ахьз-Апша» второй степени, пожелать ему крепкого

здоровья, полной реализации всех своих творческих задумок, в которых, мы уверены, найдет подходящее место и история нашей многострадальной абхазской земли.

Разрешите от имени Президиума АНА преподнести дорогому гостю вместо традиционного абхазо-адыгского подарка – резвого коня-скакуна, наш скромный подарок – первый выпуск «Вестника Академии наук Абхазии».

2005

2.22. НЕПОВТОРИМЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛОРИТ (О Темботе Керашеве)

Адыгейская литература (кстати, как и другие адыгские – кабардинская и черкесская литературы) является одним из наиболее близких и родственных к абхазам культурных феноменов XX века. Немало у адыгейцев талантливых и популярных писателей, получивших широкое признание не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. Перечислять всех здесь нет возможности, тем не менее, назвать два имени совершенно необходимо. Это Тембот Керашев и Исхак Машбаш.

Первый из них из плеяды зачинателей адыгейской прозы и один из крупнейших ее мастеров, а второй – из сравнительно более молодого поколения. Творчество этих писателей – это две величественные вершины, которые аккумулировали в себе наиболее существенные, характерные черты и национальные особенности адыгейской литературы. В данном случае речь идет о Темботе Керашеве.

Тембот Магометович Керашев (1902–1988) – личность незаурядная, талант многогранный и авторитет непререкаемый в адыгской национальной культуре. Своими корнями он уходит в глубь народной жизни. С самых ранних лет вращался в крестьянской среде, давшей ему неисчерпаемый запас знаний о быте и нравах родного народа. К этому впоследствии удачно приложилось и солидное школьное и вузовское образование. И все это, освещенное светом необыкновенного таланта, возвращается народу в форме шедевров художественного творчества – новелл, повестей и романов. Причем, Т.М. Керашев одинаково остро решает в своих произведениях как современные, так и исторические темы.

О жизни современников повествуют такие знаменитые его социальные романы: «Шамбуль» («Дорога к счастью»), «Состязание с мечтой». Не менее популярны его произведения, посвященные историческому прошлому: романы «Одинокий всадник», «Дочь шапсугов», «Абрек», «Последний выстрел», рассказы «Абадзехский охотник», «Испытание мужества», «Урок жизни» и другие. Кстати,

последние две новеллы вошли в новую учебную программу по литературе абхазских школ.

У Тембота Керашева как писателя нет слабых сторон: он одинаково силен и в выборе тематики, и в постановке актуальных проблем создании сложной сюжетной коллизии, и в портретном живописании, главное то, что все его произведения – будь то крупные эпические полотна или миниатюрные создания, всегда наделены неповторимым национальным колоритом, свидетельствующим о том, что образное мышление писателя прочно зиждется на национальной почве. Сказанное ни в коем случае не обедняет, наоборот, еще больше усиливает значимость его творчества в общечеловеческой художественной культуре.

2005

3. КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

3.1. ПОЛУВЕКОВОЙ ПУТЬ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Доктором исторических наук, проф. Ш.Д. Инал-ипа написано множество статей, очерков, книг и рецензий по вопросам абхазской литературы и устно-поэтического творчества. Его книга «Из истории абхазской литературы» (1961 г.) фактически заменяет учебник литературы для студентов пединститута и учащихся средних школ.

Новая литературоведческая работа Ш.Д. Инал-ипа «Заметки о развитии абхазской литературы» вышла к 50-летию Великого Октября в издательстве «Алашара» в 1967 году. В ней автор в популярной форме повествует о зарождении, становлении, основных этапах развития абхазской художественной литературы, о трудностях, с которыми она встречалась, и несомненных успехах, которых достигла на полувековом пути.

Хотя автор и не претендует на исчерпывающее, систематическое освещение истории абхазской литературы, тем не менее «Заметки» явно приближаются к очеркам истории, поскольку в них прослеживается путь развития литературы с момента ее возникновения.

Характеризуя начальный, дореволюционный период развития абхазской литературы, исследователь справедливо заключает, что эти первые шаги так и затерялись бы в неизвестности, не получили бы дальнейшего развития, если бы в стране не победила Советская власть. Именно этой победе обязана наша литература всеми своими достижениями, которых она добилась за короткое время своего существования.

В рецензируемой книге надлежащее место и внимание уделено огромной исторической миссии Дмитрия Гулиа в закладке основ и творческом вкладе в последующее развитие абхазской литерату-

ры. Кроме того, отмечена роль талантливых писателей С.Я. Чанба, И.А. Когониа, М.А. Лакрба, М.Л. Хашба, Д.Х. Дарсалия, стоявших у колыбели нашей молодой литературы.

Двадцатые и тридцатые годы были годами формирования основных жанров в абхазской литературе. На творческую арену выходят молодые поэты и прозаики, с юношеским задором и пылом воспевавшие преобразования на родной земле (Л.Б. Квициния, В.В. Агрба, Л.Б. Лабахуа, К.К. Агумаа, Ш.Л. Цвижба, И.Г. Папаскир, Б.В. Шинкуба). Коллективизация сельского хозяйства и связанная с нею ломка устоявшихся экономических и психологических укладов в быту и сознании крестьянских масс стали ведущими проблемами в творчестве абхазских писателей 1930-х годов. Однако, как справедливо замечает исследователь, крутой поворот к проблемам современности вовсе не означал отказа вообще от исторической тематики, от изображения истории родного народа. Наоборот, в эти годы появляется в печати ряд значительных произведений о дореволюционной Абхазии, в том числе и роман «Камачич» – крупнейшее эпическое полотно Д.И. Гулиа.

Начиная с конца 1930-х и до середины 1950-х годов, абхазская литература испытывала немалые трудности, связанные как с тяготами военного времени, так и с известными нарушениями национальной политики в республике, вызванными культом личности и порожденными так называемой «теорией бесконфликтности». Не обходя молчанием эти трудности, автор в то же время основное свое внимание сосредоточивает на успехах нашей литературы в указанные годы, подчеркивая, что развитие литературного процесса в целом шло по восходящей линии. В те годы были созданы такие произведения, как драма Д.И. Гулиа «Призраки», роман И.Г. Папаскир «Путь Химур» («Женская честь»), роман в стихах Б.В. Шинкуба «Мои земляки», повесть Г.Д. Гулиа «Весна в Сакене» и другие, отличающиеся в целом, правдивым изображением жизни и завоевавшие признание и любовь широких читательских кругов.

Второй раздел рецензируемой книги проф. Ш.Д. Инал-ипа посвящен литературе последнего пятнадцатилетия (начиная с 1953 г.). В эти годы, решительно преодолев трудности, о которых говорилось выше, абхазская литература вступила в новый период своего развития, характеризующийся небывалой активизацией творческой жизни, приходом в литературу талантливой молодежи,

стремлением глубже вникать в жизнь нашего общества и правдиво отражать ее в ярких поэтических образах. Как отмечает автор, в освещении жизни наших современников и в воплощении исторической и историко-революционной тематики особенно заметны успехи поэзии и прозы, достижения же драматургии намного скромнее. Упомянуты все более или менее значительные произведения абхазской литературы последних 10–15 лет, включая творчество молодых поэтов и писателей. Читатель может ознакомиться с оценками поэмы Д.И. Гулиа «Мой очаг», романа И.Г. Папаскира «Женская честь», поэмы Б.В. Шинкуба «Песнь о скале», романа А.Н. Гогуга «Нимб», а также произведений М.А. Лакрба, А.Е. Ласуриа, И.К. Тарба, Ш.Л. Цвижба, А.Н. Джонуга и Ч.М. Джонуга, К.Ш. Ломиа, К.Ш. Чачхалиа, М.Г. Папаскир, Н.З. Тарба, Ш.Е. Чкадуа, В.П. Анкваб и других.

Довольно подробно освещается в книге состояние абхазской литературной критики и литературоведения, которые лишь в последние годы становятся на путь профессионализма, хотя в этой области и раньше велась определенная работа специалистами смежных отраслей знаний. Молодые литературоведы, окончившие аспирантуру и защитившие или защищающие диссертации все чаще выступают в печати с интересными статьями и исследованиями, разрабатывая важные проблемы абхазской художественной литературы и народно-поэтического творчества.

Наша литература постоянно обогащается не только за счет оригинальных произведений национальных поэтов и писателей, но также и за счет перевода на абхазский язык лучших произведений классической и современной литературы народов СССР и зарубежных стран и прежде всего – грузинской и русской. Произведения абхазских писателей также становятся достоянием широкого круга читателей, переводятся на русский, грузинский и другие языки. Переводческая деятельность наших писателей, начало которой восходит еще к периоду зарождения абхазской литературы, особенно усилилась в последние 10–15 лет. Все эти вопросы автор рассмотрел в данной главе, выделив их в специальный параграф. Здесь же предпринята попытка обособленно проследить процесс развития абхазского литературного языка.

Свою работу автор заключает главой о литературно-общественной жизни, знакомящей читателей с состоянием издательского

дела в республике, с деятельностью писательской организации Абхазии, с проведением пленумов и съездов писателей, а также юбилейных, других литературных вечеров и встреч. Важными событиями в литературной жизни последнего пятнадцатилетия явились основание двух республиканских журналов – «Алашара» (с 1955 г.) и «Амцабз» (с 1957 г.), I и II съезды писателей Абхазии (1959 и 1966 гг.), Декада абхазского искусства и литературы в Тбилиси (1957 г.), учреждение Диплома имени Д.И. Гулиа (1967 г.) (ныне Госпремия имени Д.И. Гулиа).

«Заметки о развитии абхазской литературы» Ш.Д. Инал-ипа, охватывающие все этапы развития нашей литературы, насыщены богатым фактическим материалом, что, несомненно, делает работу весьма полезной и ценной. Однако сказанное вовсе не означает, что рецензируемая работа безупречна во всех отношениях.

Наиболее существенным недостатком «Заметок», на наш взгляд, следует признать некоторую их эскизность и отрывистость. Хотя Ш.Д. Инал-ипа, как мы уже говорили, и не претендует на всестороннее освещение истории абхазской литературы, однако, решив проследить процесс ее развития с момента зарождения и до наших дней, следовало выделить из всего этого процесса наиболее важные явления и факты и подробнее проанализировать их. В данной же работе мы наблюдаем иную картину: в сравнительно небольшой книжке автор стремится охватить слишком широкий круг вопросов, что, естественно, приводит в ряде случаев к схематичности описания.

В «Заметках» имеют место и некоторые иные недочеты и упущения частного порядка. В главе о развитии литературного языка содержатся, на наш взгляд, некоторые спорные моменты о том, какой диалект лег в основу абхазского литературного языка.

Однако судить о работе в целом, видимо, следует по тому, что она содержит позитивного, нового для русского читателя, у которого до последнего времени не было под рукой решительно никакого труда, хотя бы в схематичной, но обобщенной, систематизированной форме воссоздававшего цельную картину развития абхазской литературы. В этом отношении работа проф. Ш.Д. Инал-ипа вполне отвечает своему назначению, и читатель с интересом ознакомится с ней.

1968

3.2. О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ АБХАЗСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Абхазское литературоведение пополнилось новым исследованием: в Тбилиси в издательстве «Мецниереба» вышла в свет книга кандидата филологических наук Владимира Дарсалия «Абхазская советская драматургия». Явление это примечательно в двух отношениях: во-первых, в лице автора книги наука о нашей литературе приобрела молодого талантливого исследователя; во-вторых, выход данной работы фактически кладет начало научному освещению истории жанров абхазской литературы. И в самом деле, прежние работы абхазских литературоведов и критиков, при всей их актуальности и важности, как правило, посвящались творчеству отдельных писателей, анализу наиболее крупных произведений или же очерковому обозрению всего литературного процесса. Из этого общего потока не выделялись особо какой-нибудь жанр или проблема. Правда, есть одна работа, которая в известной степени сближается с монографией В.В. Дарсалия, – книга М.А. Лакрба «Очерки истории абхазского театрального искусства». Но М.А. Лакрба интересовался абхазскими драматическими произведениями как театровед, со стороны их сценического воплощения. Он изучал историю не абхазской литературы, а абхазского театра.

Жанр драмы в абхазской литературе зарождается еще до революции, но как особая форма литературного творчества оформляется уже в советское время. Причем не всегда развитие драмы шло ровно, гладко. Абхазская драматургия знает периоды и бурного подъема, и определенного застоя, и нового оживления. Выявлению особенностей развития этого жанра в разные периоды истории абхазской литературы и посвящена рецензируемая нами монография.

Подробно, без излишней торопливости автор прослеживает 40-летний путь абхазской драматургии – с 1919 года, когда появились первые драматические произведения, до конца 50-х годов. Весь обозреваемый отрезок времени он делит на четыре основных периода, которым и посвящены соответствующие главы работы.

Обзор драматургии автор начинает с идейно-художественного анализа драмы С.Я. Чанба «Махаджир». Произведение это известно в двух редакциях: первая, положившая начало абхазской национальной драматургии, была опубликована в 1919 году в газете «Апсны», а вторая вошла в сборник избранных произведений С.Я. Чанба в 1930 году. Детально сличая обе редакции «Махаджира», исследователь показывает, в каком направлении шла работа драматурга над произведением и к каким результатам она привела: значительно усилилось идейное звучание драмы, отшлифовалась, упорядочилась ее архитектура.

Так же глубоко и всесторонне разобраны и другие драматургические произведения 20-х годов. Наибольшую разработку в те годы получила историко-революционная тема. Именно на эту тему написаны драмы «Апсны-Ханым» и «Случай из прошлого» С.Я. Чанба, «В глухой старине» Д.Х. Дарсалия, «Освобожденный Кучита» С.Т. Бжания и другие. Сюжеты всех этих произведений основаны на остром социальном конфликте, на непримиримой борьбе трудящихся с угнетателями.

Другой проблемой, привлекавшей внимание драматургов в 20-е годы, была борьба с суевериями, предрассудками, вредными обычаями, унаследованными от прошлого. В работе рассмотрены комедии С.Я. Чанба «Бог Саваоф» и «Пьяный оплакивал своих покойников», М.Л. Хашба «Коротание ночи», Д.Х. Дарсалия ««Икона и муки», а также сделанные Д.И. Гулиа переводы одноактных пьес с русского и грузинского, сыгравшие определенную роль в становлении данного жанра в абхазской литературе.

Во второй главе монографии исследуется состояние абхазской драматургии в 1930-е годы. Основной проблемой драматургии, как и всей абхазской литературы того периода, становится проблема освоения современности, и в первую очередь – отражение в ярких художественных образах картин социалистической перестройки деревни.

Из ранних драматургических произведений 30-х годов, посвященных теме современности, наиболее интересной была пьеса В.В. Агрба и С.Я. Чанба «Победа», созданная по мотивам драмы В.М. Киршона «Хлеб». Путем тщательного сравнения пьесы с ее русской первоосновой В.В. Дарсалия не только устанавливает общность идейно-тематического замысла и основной сюжетной канвы этих

произведений, но обращает особое внимание на те значительные расхождения, которые в известном смысле и делают оригинальной пьесу абхазских драматургов.

Вслед за «Победой» разбираются одноактные пьесы С.Я. Чанба «О, аллах, аллах!» и «Камень с очага дедушки», представляющие собой инсценировки одноименных новелл того же автора. Сообщается также об инсценировке повести «Сейдык». (Следует заметить, что последняя не сохранилась вообще, а первые две считались утраченными и лишь совсем недавно были обнаружены и исследованы самим В.В. Дарсалия.)

В этой главе автор рассматривает вопрос возникновения в абхазской драматургии такой жанровой разновидности бытовой комедии, как лирическая комедия, тяготеющая к водевилю. К этому жанру, на наш взгляд, справедливо отнесены комедии М.А. Лакрба «Потомок Гечей» и «В овраге Сабыды». В последней, по утверждению исследователя, уже отчетливо обозначились симптомы так называемой «теории бесконфликтности».

Значительное место в обзоре довоенной драматургии занимают также произведения с исторической и фольклорной тематикой (В.В. Агрба – «Кровавый путь», М.О. Кове – «Кяхба Хаджарат», «Инапха Кягуа» и другие).

Из произведений, написанных в годы Великой Отечественной войны, исследователь подробно анализирует драмы К.К. Агумаа «Родная земля» и Г.Д. Гулиа «Скала героя», упоминает также и одноактные пьесы А. Миквабия, А.А. Олонецкого и В.М. Маан. Драммы К.К. Агумаа и Г.Д. Гулиа повествуют о подвиге советских людей во время войны. Действие обеих пьес происходит в горах Абхазии. В этих произведениях, естественно, на первый план выдвигаются героические и патриотические мотивы, а также идея дружбы советских народов.

Последний раздел монографии В.В. Дарсалия освещает процесс развития абхазской драматургии с 1945 по 1959 год, причем этот период подразделяется на два этапа: с конца войны до середины 50-х годов и с середины до конца 50-х годов. На первом этапе, как известно, сильно было отрицательное влияние «теории бесконфликтности», хотя она и не смогла в целом сбить советскую литературу с генерального пути ее развития. В.В. Дарсалия указывает на произведения, испытывавшие на себе влияние этой тео-

рии («Большая свадьба» Ш.А. Пачалиа, «Искренняя любовь» А.Е. Ласуриа и другие). Исключение составляет лишь драма Д.И. Гулиа «Призраки» – остро конфликтное, психологическое произведение. Поэтому оно и оказалось в центре внимания исследователя при освещении проблем послевоенной драматургии. Подчеркивая глубину идейного содержания, совершенство художественной формы драмы «Призраки», В.В. Дарсалия отмечает благотворное влияние на Д.И. Гулиа традиции чеховской и горьковской драматургии.

С середины 50-х годов в связи с большими переменами, происшедшими в жизни советского народа после исторического XX съезда партии, намечилось оживление и в абхазской драматургии. Правда, здесь все еще нет крупных, эпохальных произведений, но все-таки появились пьесы, явно несущие на себе отпечаток времени, доказывающие не только крупные успехи народа в строительстве новой жизни, но и те недостатки и упущения, которые все еще имеют место в нашей действительности. В данной главе автор касается комедий: Ш.А. Пачалиа «Гунда», Ш.Е. Чкадуа «Кто из нас глухой?», Ч.М. Джонуа «Подарок за радостную весть» и других.

Монография В.В. Дарсалия завершается кратким заключением, подводящим итоги развитию абхазской драматургии за сорок лет.

Рецензируемая работа не лишена отдельных недочетов, хотя они, разумеется, не могут сколько-нибудь снизить ценность исследования. На наш взгляд, в работе, специально посвященной истории зарождения и развития жанра абхазской драматургии, не следовало обходить молчанием вопрос о его истоках. Надо было поговорить об этом хотя бы в виде краткого экскурса в область народной драмы или тех видов народного творчества, которые содержат в себе элементы драматического действия. Желательно было бы несколько расширить связь изучаемого жанра с другими жанрами абхазской литературы, поскольку они все разные стороны одного и того же процесса.

Автор впервые вводит в научный оборот ряд драматических произведений, ранее почти совершенно не затрагивавшихся абхазской литературной критикой и литературоведением (С.Т. Бжания – «Освобожденный Кучита», В.В. Агрба – «Кровавый путь», первый вариант драмы С.Я. Чанба «Махаджир», его же одноактные

комедии «О, аллах, аллах», «Камень с очага дедушки» и другие). Исследователь встречался при работе с немалыми трудностями. Кроме того, что многие произведения были вовсе утеряны или стали библиографической редкостью, большинство произведений абхазской драматургии не переведено на русский язык. Поэтому почти весь иллюстративный материал В.В. Дарсалия пришлось переводить самому. К чести молодого автора, нужно сказать, что он удачно справился и с этой задачей: его переводы вполне могут соперничать с художественными.

Монография В.В. Дарсалия «Абхазская советская драматургия», несомненно, привлечет к себе внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей.

1970

3.3. ОБ АБХАЗСКИХ СКАЗКАХ

Недавно в Тбилиси, в издательстве «Мецниереба», под редакцией известного советского фольклориста проф. Е.Б. Вирсаладзе вышла в свет книга старшего научного сотрудника Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузии, кандидата филологических наук С.Л. Зухба «Абхазская народная сказка». Значение этой книги трудно переоценить, если учесть, что до сих пор в области научного исследования абхазских сказок почти ничего не было сделано, хотя материала было собрано немало. Этот пробел в абхазской фольклористике теперь существенно восполнился.

Монография «Абхазская народная сказка» состоит из пяти глав, которым предпослано небольшое предисловие, определяющее цели и задачи исследования. Первую главу работы автор посвящает истории собирания, публикации и исследования изучаемого жанра и обзору существующих сборников сказок.

Особый интерес представляет сообщение автора о найденной им в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, в фонде акад. Н.Я. Марра коллекции абхазских народных сказок, собранной по поручению прославленного ученого еще до революции членами так называемого Бзыбского комитета и другими лицами под руководством Д.И. Гулиа и С.М. Ашхацава. Коллекция эта, включающая в себя образцы всех основных жанров абхазского фольклора, особенно ценна обширным предисловием и подробными научными комментариями сказок.

Вторая глава монографии посвящена выяснению значения термина «алаку» («сказка»), определению жанра и классификации абхазского сказочного репертуара. На наш взгляд, исследователь прав, когда он, используя данные специальной литературы, в частности, труды акад. Н.Я. Марра, абхазский термин «алаку» возводит к общекавказскому «араки», «арек» и т. д. Что же касается определения жанра сказки, то молодой ученый не дает своей собственной формулировки, но, подробно обзревая существующие в науке определения, он придерживается мнения тех исследователей, ко-

торые видят основную, определяющую черту сказки в ее установке на вымысел, конечно, в сочетании со своеобразной поэтической структурой.

Одной из сложнейших проблем сказковедения является вопрос классификации. Прежде чем предложить свою классификацию, автор освещает состояние этого вопроса вообще в фольклористике, в частности, в русской и грузинской. Исходя из особенностей фактического материала и опираясь на общетеоретические установки, автор делит весь абхазский сказочный репертуар на четыре основные группы: сказки о животных, волшебные сказки, бытовые сказки и небылицы. Он категорически отказывается от слишком мелкого дробления, которое в свое время было предложено проф. Н.П. Андреевым. Кроме того, С.Л. Зухба вообще выключает из сказочного репертуара так называемые сказки – были и анекдоты, которые выделялись Н.П. Андреевым в особые группы абхазских сказок, не говоря уже о нартских сказаниях.

Охарактеризовав в общих чертах каждую из выделенных им групп, автор переходит к следующей главе, где детально анализируются основные образы абхазских сказок. Анализ ведется автором в сравнительно-сопоставительном плане, причем для сравнения широко привлекаются как варианты абхазских сказок, так и параллели из сказочного эпоса других народов, в первую очередь из грузинского и русского фольклора. Но сравнительный анализ в данном случае используется не столько для выявления сходных черт в творчестве разных народов, что, конечно, тоже немало важно, но главным образом для того, чтобы ярче оттенить специфические особенности международных сказочных мотивов и сюжетов на абхазской почве, что, собственно, и делает абхазские сказки памятниками национальной культуры. Для более полного освещения вопросов происхождения и социальной сущности тех или иных сказочных сюжетов и образов наряду с фольклорными материалами, исследователь часто привлекает также и данные смежных наук – этнографии, лингвистики и т. д.

Опубликованные и еще не публиковавшиеся архивные материалы, и непосредственные наблюдения над живым бытованием изучаемого жанра дают исследователю основание с уверенностью заявить, что в количественном отношении в абхазском сказочном эпосе преобладают волшебные сказки; несколько уступают им бы-

товые сказки, сказки о животных немногочисленны, а небылиц еще меньше. Естественно, что автор уделяет основное внимание анализу сюжетов и образов тех групп, которые наиболее характерны для абхазского сказочного репертуара.

Исходя из конкретного идейно-художественного анализа абхазского сказочного материала, С.Л. Зухба приходит к совершенно верному выводу: «В абхазском сказочном эпосе встречаются излюбленные многими народами мира сюжеты, мотивы и образы. Эти сюжеты, мотивы и образы носят международный характер... В то же время абхазская сказка в целом предстает перед нами как памятник национальной культуры». Национальность абхазской сказки состоит в конкретном изображении героев, в конкретном понимании нужды и отсталости, от которых сказочные герои ищут спасения.

Сказка в абхазском фольклоре, как и вообще в поэтическом творчестве любого другого народа, не стоит совершенно обособленно, изолированно от других жанров устной поэзии, а связана с ними множеством нитей. Сложные взаимоотношения сказки с другими жанрами абхазского фольклора автор освещает в четвертой главе монографии. Здесь прежде всего он акцентирует внимание на взаимоотношениях сказки с жанром героического эпоса, классическим образцом которого в абхазском фольклоре является архаический нартский эпос.

Детально сличая отдельные мотивы и сюжеты сказки и эпоса, исследователь устанавливает в них много общих или сходных моментов, восходящих в большинстве своем к общему источнику – первобытному фольклору.

В последней главе монографии исследуются поэтика и традиция исполнения абхазской сказки. Конечно, и в отношении поэтики абхазские сказки не представляют собой какой-то исключительности. Здесь мы имеем те же общие принципы построения сюжета, композиции, что и в сказках других народов: та же троекратность действия, тот же гиперболизм и т. д. Указывая на общие принципы и приемы, автор в то же время подчеркивает, что все эти компоненты в абхазской сказке выражаются в своеобразных устойчивых словесных формулировках, что и придает абхазской сказке неповторимый национальный колорит.

Представляет значительный интерес сообщение автора о традиции исполнения сказки у абхазов. На основе немногочисленных

письменных свидетельств и, главным образом, своих личных наблюдений исследователь устанавливает, что в Абхазии нет и не было в прошлом профессиональных сказочников, профессиональных сказителей вообще, т. е. таких сказителей, для которых, исполнение народных произведений являлось бы способом добывания средств к существованию.

Повышению научной ценности рецензируемой книги способствует и ее богатый научный аппарат: подробнейшая библиография, список использованных архивных материалов, указатель имен и т. д.

Все сказанное выше не означает, что монография С.Л. Зухба лишена каких бы то ни было недостатков и упущений. Одним из таких следует признать ничем порой не оправданное увлечение автора побочными вопросами, которые сами по себе, может быть, и не лишены интереса, однако не имеют непосредственной связи с объектом исследования, как например, пространственные рассуждения автора о легенде «Папанцкур», о культе коня у абхазов, о значении выражения «уашхуа макиапсис», с привлечением различных фольклорных вариантов, с экскурсами в область археологии, этнографии, лингвистики и т. д.

Как уже отмечалось выше, С.Л. Зухба богато и умело использует сравнительный материал из фольклора других народов. Однако следует заметить, что материалы из адыгского фольклора не заняли в работе того места, которого они заслуживают. В сказочном репертуаре адыгов, ближайших родственников абхазам, можно было найти много общих или сходных черт.

Несколько преждевременным и слишком категоричным представляется нам приговор, вынесенный автором сказочному жанру, предвещающий ему скорую гибель. На основании того факта, что в настоящее время не создаются новые сказочные сюжеты, трудно судить, какова будет судьба их в будущем. Во всяком случае, сказка пока живет в народе интенсивной жизнью.

Разумеется, замечания наши носят частный характер и несколько не умаляют достоинств содержательного исследования. Книга С.Л. Зухба «Абхазская народная сказка», несомненно, интересует не только специалистов-фольклористов, но и широкий круг читателей, особенно студенческую молодежь.

3.4. КНИГА О НАРОДНОМ ПОЭТЕ

Творчество народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба – качественно новое явление в абхазской поэзии. К сожалению, до последнего времени оно было изучено совершенно недостаточно. Отдельные очерки, статьи и рецензии на страницах периодической печати или же в различных сборниках (Ш.Д. Инал-ипа, Х.С. Бгажба, М.К. Делба, М.Г. Ладария, А.Н. Гогуга, М.Т. Ласурия и другие), хотя и представляют определенный интерес, но никак не могут претендовать на всестороннее раскрытие творческой индивидуальности крупнейшего современного абхазского поэта. И вот, наконец, увидело свет специальное исследование кандидата филологических наук, литературоведа В.Л. Цвинария «Творчество Б.В. Шинкуба. Лирика. Эпос. Поэтика» (Тбилиси, 1970), в котором монографически, глубоко и ярко освещен мир поэтических образов Б.В. Шинкуба в его органических связях как со стихией родного фольклора и предшествовавшей абхазской поэзии, так и со всей советской и прогрессивной зарубежной поэтической культурой.

В рецензируемой монографии охвачен широкий круг проблем, связанных не только с творчеством Б.В. Шинкуба, но вообще с развитием жанров, стилей, художественной, образной структуры абхазской поэзии, которые сопоставляются, соизмеряются с аналогичными или, наоборот, противоположными явлениями в поэзии других народов.

Б.В. Шинкуба начинал свой творческий путь как поэт-лирик, создав еще в 30-х годах целый ряд превосходных стихов пейзажной и любовной лирики. А затем, особенно в послевоенные годы, поэт все больше тяготеет к эпосу, в то же время, не ослабляя своих творческих поисков в жанре лирической поэзии. Видимо, этим и объясняется, что исследователь начинает анализ творчества поэта именно с его лирики.

В работе выдвинуто принципиально новое, хотя, возможно, и не совсем бесспорное, положение, согласно которому зарождение лирического начала в абхазской поэзии связывается с именем Б.В. Шинкуба. Причем если в пейзажной лирике поэт имел пред-

шественника – И.А. Когония, в творчестве которого пейзаж носит уже не утилитарно-прикладной характер, а выполняет чисто эстетическую функцию, то в любовной лирике, как утверждает исследователь, Б.В. Шинкуба выступает как зачинатель, поскольку все его предшественники, как до революции, так и в 1920-х годах, тему любви раскрывали в фольклорном духе, в соответствии с идеалами и нормами фольклорной эстетики и поэтики («Письма юноши, и девушки» Д.И. Гулия, «Абатаа Беслан» И.А. Когония и другие).

И в 3190-х годах молодые поэты (Л.Б. Квициния, Л.Б. Лабахуга и другие) односторонне подходили к изображению богатой жизни советского человека, в частности, женщины, видя в ней преимущественно труженицу и почти не касаясь ее внутреннего мира, мира чувств и переживаний. В поэзии же Б.В. Шинкуба, как утверждает автор рецензируемой монографии, любовь впервые стала изображаться как духовное начало, как облагораживающая человека земная страсть, как созвучие души. Анализируя любовную лирику поэта, исследователь указывает и на отдельные недостатки в раскрытии интимного мира человека, наиболее ощутимо проявившиеся в крупных эпических полотнах поэта, некоторая сухость и скованность в отношениях влюбленных или же не всегда оправданное стремление к идеализации любви, вызванное, по всей вероятности, национальным складом мышления родного народа и его богатой эпической традицией со слабо развитым лирическим началом.

Разбирая основные лирические образы и идеи Б.В. Шинкуба в широком сравнительном плане, В.Л. Цвинария приходит к следующему, на наш взгляд, совершенно верному выводу: «Наиболее органическим свойством его (Б.В. Шинкуба. – Ш. С.) поэтического таланта является пластически-повествовательный склад художественного мышления. Возможно, что это определенный этап не только в его творчестве, но и вообще в абхазской поэзии, который будет углублен в дальнейшем мыслительной стихией, отражающей как гармоничность, так и трагичность взаимоотношений современного человека с природой и обществом, в котором он живет» (с. 50).

Во второй главе монографии – «От историко-героических песен к современной эпической поэме» – освещаются проблемы зарождения, становления и дальнейшей эволюции эпических жанров в абхазской поэзии, связывая эти проблемы с анализом эпических

полотен. Б.В. Шинкуба (роман в стихах «Мои земляки» и монументальная героическая поэма «Песня о скале»).

Основным источником жанра поэмы в абхазской литературе явились народные историко-героические песни. Именно сюжеты и мотивы историко-героического эпоса легли в основу первых абхазских эпических поэм (поэмы И.А. Когониа). Лишь в 30-х годах создаются в Абхазии чисто литературные поэмы, не опирающиеся уже на фольклорный материал и посвященные в основном теме современности. Однако, как правильно, указывает исследователь, многие из них, например, поэмы Л.Б. Квициния «Пролетарий», «Миллион голосов», «Ткварчалстрой» и другие) носили декларативно-риторический, лозунговый характер и представляли собой попытки неудачного подражания русской советской революционной поэзии, в частности, поэзии В.В. Маяковского. Но вскоре появляются эпические произведения, в которых авторы с большей или меньшей силой художественного мастерства воссоздавали реальную картину окружающей действительности (поэмы Л.Б. Квициния «Шаризан» и «Даур», Л.Б. Лабахуа – «Голос Ткварчала» и другие). Произведения эти, характеризующиеся стройным повествовательным сюжетом и значительным удельным весом в них лирического элемента, при всех своих недостатках, стали важным этапом в становлении жанра абхазской лиро-эпической поэмы. Дальнейшее свое развитие жанр этот в абхазской поэзии получает в последние годы (поэмы Д.И. Гулиа, И.К. Тарба, А.Е. Ласуриа и другие).

На фоне созданной исследователем картины исторического развития и современного состояния эпической поэзии в абхазской литературе нагляднее и рельефнее выглядит тот большой вклад, который внес Б.В. Шинкуба в развитие данного жанра. Наряду с ранними поэмами и балладами (поэмы «Домой», «Меч», баллады «Гунда Прекрасная», «Дитя» «Свирель» и других), автор вводит в абхазскую литературу новую для нее жанровую разновидность – роман в стихах.

В.Л. Цвинариа дает довольно подробный идейно-художественный анализ романа в стихах Б.В. Шинкуба «Мои земляки». Задуманное как широкое эпическое повествование о жизни послевоенной абхазской деревни, произведение это, однако, не смогло, как утверждает исследователь, в силу ряда причин и прежде всего

из-за отрицательного влияния «теории бесконфликтности», реально воспроизвести подлинные, наиболее существенные конфликты времени.

Самой крупной удачей Б.В. Шинкуба в жанре эпической поэзии явилась его монументальная поэма «Песня о скале». Отсюда, естественно, что основное внимание исследователь сосредоточил именно на этом произведении.

Навеянная народными песнями и рассказами о деяниях «благородного разбойника» Кяхба Хаджарата – современника первой русской революции 1905–1907 годов, «Песня о скале» не замыкается в узких рамках фольклорных сюжетов, а открывает широкую панораму абхазской действительности на рубеже XIX и XX столетий. С большой художественной силой выведены в ней представители различных социальных слоев общества, создана галерея живых, типических характеров.

Много места и внимания в монографии уделено анализу центральных образов поэмы – народного мстителя Кяхба Хаджарата и трагической личности князя Шабата. Исследователь подчеркивает жизненность, историческую реальность образа Кяхба, который при всей своей бунтарской натуре, в силу ограниченности крестьянского мировоззрения, не может подняться выше уровня стихийного революционера. Что же касается князя Шабата, то несмотря на его субъективные положительные качества, всем своим корпусом он обращен в идеализируемое им прошлое. Эпические полотна Б.В. Шинкуба свидетельствуют не только о зрелости таланта поэта, но и о зрелости и возмужании всей абхазской поэзии вообще.

Особенностям поэтики Б.В. Шинкуба автор посвящает специальную главу в своей монографии. Вопросы поэтики, очень сложные сами по себе, абхазским литературоведением почти не затрагивались, если не говорить об отдельных статьях и очерках, в первую очередь о статье самого Б.В. Шинкуба – «Принципы абхазского стихосложения» (1952 г.). Поэтому, понятно, с какими трудностями приходилось встречаться В.Л. Цвинариа при разработке столь сложной проблемы. Но, к чести молодого исследователя, нужно сказать, что с решением поставленной задачи он справился блестяще. Опираясь на основополагающие труды крупных теоретиков литературы, таких, как В.М. Жирмунский, Л.И. Тимофеев,

Б.В. Томашевский и других, В.Л. Цвинариа правильно определяет основные особенности поэтического мышления Б.В. Шинкуба. Он отмечает, что «по своему эмоционально-изобразительному, живописно-пластическому и, главным образом, объективно-эпическому направлению, абхазский поэт ближе всего стоит к традициям А.С. Пушкина, А.Р. Церетели, А.Т. Твардовского, нежели М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака с их эмоционально-субъективным, страстно-музыкальным поэтическим стилем» (с. 99).

Б.В. Шинкуба – поэт-новатор, который своей творческой практикой доказал неограниченные возможности силлабо-тонического стихосложения в абхазской поэзии. Особенности композиции лирических стихов поэта, их ритмико-интонационный строй и целый ряд других вопросов поэтики нашли также глубокое освещение в монографии В.Л. Цвинариа.

В целом рецензируемая монография отличается проблематичностью и широтой, высоким теоретическим уровнем исполнения. На наш взгляд, она не имеет каких-либо значительных недостатков, которые существенно снижали бы достоинства этого глубокого и оригинального литературоведческого исследования. Тем не менее, хотелось бы указать на отдельные недочеты или упущения автора, которые могут быть устранены при дальнейшей работе над данной темой.

В работе, посвященной монографическому изучению творчества одного из ведущих поэтов Абхазии, не нашли отображения такие его произведения, как детские поэмы-сказки «Яйрума», «Храбрый козленок», «Соловей-певец и пышнохвостая лиса», драматическая поэма «Человек на скале». Правда, не эти произведения определяют творческий облик Б.В. Шинкуба как поэта. Однако это не значит, что они не играют никакой роли в его творческой биографии. Хотя бы с точки зрения поэтической техники детские сказки-поэмы Б.В. Шинкуба представляют исключительный интерес. Можно было также упомянуть хотя бы в самых общих чертах факт обращения Б.В. Шинкуба в последние годы к прозе (повесть «Чанта приехал»).

На наш взгляд, исследователь при анализе романа в стихах «Мои земляки» слишком много внимания уделяет недостаткам и неудачам автора, хотя мы вовсе и не склонны думать, что роман не имеет никаких недостатков и в то же время недостаточно

указывает на те положительные моменты, которые делают данное произведение значительным событием в абхазской литературной жизни, несмотря на все недочеты.

Зачастую автор слишком далеко отходит от объекта своего исследования. Иногда очень меткие и верные наблюдения автора над отдельными фактами и явлениями в литературах других народов или в смежных областях искусства начинают приобретать самодовлеющий характер, поэтому, не будучи непосредственно связаны с предметом исследования, порою они представляются если не лишними, то по крайней мере необязательными в данной работе.

Несмотря на отдельные недочеты, рецензируемая монография В.Л. Цвинариа, несомненно, одна из лучших работ во все больше набирающем силы абхазском литературоведении. Достоинства этого исследования были справедливо оценены еще в 1968 году одним из крупнейших советских теоретиков литературы, членом-корреспондентом АН СССР Л.И. Тимофеевым, выступавшим в качестве официального оппонента на защите кандидатской диссертации В.Л. Цвинариа по данной теме в Институте мировой литературы им. А.М. Горького в Москве, указывая, что автор «свободно и самостоятельно ориентируется в сложных вопросах теории литературы и привлекает в их разработке очень широкий сравнительный материал, далеко выходящий за пределы непосредственного предмета исследования, очень тонко и точно характеризует и развитие абхазской поэзии, и ее своеобразие именно благодаря продуманности теоретических предпосылок».

3.5. ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Новый сборник стихов Георгия Гублиа «Горсть земли» (1976 г.), вышедший в издательстве «Советский писатель», – это уже вторая встреча поэта со всесоюзным читателем. Первая состоялась в 1966 году, когда издательство «Молодая гвардия» опубликовало его первую поэтическую книжку на русском языке под названием «Посох». Все стихи нового сборника переведены на русский язык поэтом Алексеем Кафановым.

Не изменяя своему главному поэтическому кредо – жить страстями и мыслями современника, автор в новой книге раскрывает новые грани своего творческого дарования: глубокий интерес к прошлому своего народа, его культуре, служащей живительным источником и для творчества самого поэта.

Широк и разнообразен тематический диапазон рецензируемого сборника. Однако ведущее место в нем принадлежит стихам о Родине, о делах, чувствах и переживаниях современника, о нерушимой дружбе и братстве наших народов, о природе родного края. Лирический герой новых стихов Г.К. Гублиа живет одной жизнью со своим народом, со всей нашей великой страной. Лучшие его помыслы связаны с Родиной, с готовностью служить ей беззаветно и бескорыстно, ибо, как справедливо утверждает поэт, «человек живет безликой тенью, если он без Родины живет». Поэтому самой высшей наградой – народной любовью вознаграждается лишь тот, кто сполна исполнил свой долг перед Родиной, будь это в тревожный час войны или же в час трудовых свершений. Не случайно, нужно полагать, идейным и композиционным стержнем всей книги стал цикл «Посреди равнины», посвященный памяти Героя Советского Союза Владимира Харазия. Все стихи цикла («Горсть земли», «Слово сестры», «Ореховые деревья») пронизаны щемящим чувством любви к Родине, чувством единения и братства советских народов. Уроженец горного абхазского села Владимир Харазия бился под Харьковом с остервенелой фашистской ордой до последней капли крови, до последнего вздоха, отстаивая каждую пядь священной советской земли, как свой родной очаг.

Горсть земли, привезенная комсомольской делегацией Абхазии на могилу героя, как бы физически скрепляет уже свершившийся акт породнения, акт вечной нерушимой дружбы. Причем она не только дань уважения и благодарности прошлому, но и надежный залог на будущее.

Чувство семьи единой, чувство любви каждого советского человека к нашей общей Родине – Советскому Союзу, как известно, не исключает, а, наоборот, обязательно предполагает любовь каждого гражданина к родному краю, к своему очагу. Этим и объясняется обилие абхазских тем и мотивов в рецензируемом сборнике Г.К. Гублиа.

Немало в сборнике стихов о любви, о дружбе, об интимных человеческих отношениях. Здесь и стихи, написанные несколько ранее (правда, их немного) в мажорном, радужном ключе (такие, как «Я абхазец, я алмаз!»), и стихи последних лет, окрашенные уже в другие, более грустные тона («Когда по вечерам, домой спеша...», «Уехала... Нет в комнате огня...», «Пленившись голубой звездой...», «Мне от себя спасенья нет...», «Сколько тебе я страданий принес» и пр.). Но они не гнетут читателя безысходной тоской и пессимизмом. Интимные стихи поэта последних лет, на мой взгляд, стали просто более жизненными.

Особо должны быть отмечены стихи-четверостишия и восьмистишия, нередко строящиеся в диалогической форме («А почему ты не был среди тех?...», «Вчем долголетия твоего секрет?...»), иногда в форме образного параллелизма («Бывало, во время затмения...», «Когда зажжется первая звезда...»), но чаще всего в виде прямого раскрытия темы («Цветок», «Снег идет...», «Когда синело море у причала» и другие). Эти стихи по своей образной структуре, а иногда даже и по материальной фактуре (например, «Бывало, во время затмения...»), близки к народно-поэтическому творчеству, особенно к жанру народной бытовой лирики.

Есть в сборнике и целый цикл, прямо заимствованный из фольклора. Это песни популярного народного певца Абхазии конца XIX начала XX века Жаны Ачба («Ауаз Жаны Ачба»). Приведенные автором песни, приписываемые по традиции Жане Ачба, безусловно, интересны, хотя мы знаем, что в народе сохранились социально более острые и художественно более совершенные песни этого слепого рапсода.

О широте тематики нового сборника Г.К. Гублиа свидетельствуют стихи, посвященные народному поэту Грузии Галактиону Табидзе («Дом Галактиона»), Венгерской Народной Республике («И здесь, как в Абхазии»), украинским труженикам (цикл «Каска») и другие.

Безусловно, не все произведения рецензируемого сборника равноценны. Наряду с сильными, по-настоящему талантливыми, здесь есть, на мой взгляд, и несколько поверхностные, иногда холодные, рассудочные стихи. Бывает и так, что, нарушая стройное течение мысли и образов, в четком поэтическом рисунке вдруг появляются детали, никак не совместимые с изображаемой картиной. Так, например, в стихотворении «Земля сняла покровы ночи...» по всем имеющимся деталям (кипарисы, устремившиеся к берегу моря; лодка у причала, которую видит поэт из распахнутого окна своей квартиры и т. д.) следовало ожидать, что речь идет о рассвете в городе, но здесь же поэт уверяет нас в том, что в поле «спешит абхазец молодой», чтобы этот весенний день «отметить первой бороздой». И этот спешащий в поле молодой пахарь нужен автору только для того, чтобы убедить нас в том, что и ему, поэту, надо спешить к рабочему столу – создавать стихи. Думается, что и без такого открытого, лобового сопоставления желания автора вполне были бы понятны читателю. Может быть, для русского читателя, незнакомого с народным вариантом предания, не совсем будет понятна «Легенда о матери», да к тому же с очень, на мой взгляд, неудачной концовкой (окаменевшая беременная женщина стоит на скале, «поднимая над миром огромный живот с не рожденным ребенком в гранитной утробе»).

В отдельных стихах ассоциативного характера сопоставления иногда бывают слишком туманными, расплывчатыми. В таких случаях трудно угадать мысль автора (например, «Одинокое дерево ввысь...»). Одинокое дерево выросло на скале, поднялось ввысь, а где-то в стороне лес «суетливо трепещет зеленой листвой». На ветвях одинокого дерева «беззаботные птахи щебечут» (они здесь нашли приют). И это одинокое дерево постоянно ведет разговор с познавшей мудрость природой. Что это за образ? Если одинокое дерево на скале автором задумано как аллегория мудрости (ведет же оно постоянно разговор с познавшей мудрость природой), то зачем лес в стороне должен суетливо трепетать? А если оно симво-

лизирует произвол, своеволие, любование самим собой, то зачем оно должно постоянно советоваться с мудрой природой? Словом, мысль автора неясна, неопределенна.

Встречаются в сборнике и чисто утилитарные, лишенные какого-либо поэтического обобщения, стихи («Не торопясь, в знакомый лес вошел...»). В будущем в поэзии Г.К. Гублиа хотелось бы видеть больше стихов, в которых автор открыто и смело вторгнется в жизнь, а не говорил бы намеками и полунанеками. Ведь не станет же никто отрицать, что открытая, воинствующая публицистика даже в поэзии может быть не менее художественной, чем самая утонченная интимная лирика.

В целом же книга стихов Г.К. Гублиа «Горсть земли» – новая ступень к вершине поэтического мастерства, хотя до самой вершины не так еще и близко. Однако несомненный природный дар поэта, помноженный на неустанный творческий труд – верная порука тому, что вершина эта успешно будет покорена.

3.6. НОВЫЙ ПЕРЕВОД БЕССМЕРТНОЙ ПОЭМЫ РУСТАВЕЛИ

Судьбы гениальных творений мировой литературы, при всей их оригинальности и неповторимости, в одном, главном, неизбежно схожи – каждое из них, будучи созданием и национальной гордостью одного народа, рано или поздно, в силу заложенных в нем великих идей и художественного совершенства, непременно пробивает себе дорогу к другим народам, становится и для них родным и близким духовным памятником.

К таким шедеврам принадлежит и поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Ведь не случайно она была представлена отдельным томом в недавно завершившемся уникальном издании – 200-томной Библиотеке всемирной литературы.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» переводилась на множество языков как народов нашей Родины, так и зарубежных стран. При чем показателен и тот факт, что к Ш. Руставели проявляют интерес не только большие народы с древними литературными традициями, но в не меньшей степени и малочисленные народы, у которых художественная литература появилась сравнительно недавно. К числу последних принадлежит и абхазский народ.

Правда, нужно полагать, что в абхазском народе, живущем в течение многих столетий в ближайшем соседстве и в тесных историко-культурных связях с грузинским народом, имя Ш. Руставели приобрело известность не только в наши дни, но и в более отдаленные времена, хотя подтвердить это конкретными фактами за отсутствием источников затруднительно. Во всяком случае, доподлинно известно одно – уже в XIX веке среди выходцев из абхазского народа были люди, не просто знакомые с творчеством Ш. Руставели, но даже посвящавшие ему специальные научные трактаты (О. Чхотуа). Однако бесспорен и тот факт, что особенно широкой популярностью среди абхазских народных масс Ш. Руставели стал пользоваться после того, как появились переводы его поэмы на абхазский язык.

Мы употребили выражение «появились переводы», и это не оговорка, а констатация самых что ни на есть реальных фактов. Да, за

перевод Ш. Руставели на абхазский язык принимался не один поэт, не один мастер художественного слова. Ик счастью, двое из них довели начатое дело до конца. Это Дмитрий Гулиа – первый переводчик «Витязя в тигровой шкуре» на абхазский язык и Мушни Ласуриа, совсем недавно издавший свой новый перевод гениальной поэмы Руставели. Отдельные главы поэмы и афоризмы Руставели были опубликованы также в блестящем переводе народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба. Благодаря этим переводам Руставели стал в Абхазии одним из самых популярных и любимых поэтов. Грузинскому гению абхазские мастера художественного слова посвящали не одно вдохновенное поэтическое произведение, а ученые – не одно исследование.

Мудрость и дальновидность Дмитрия Гулиа заключалась прежде всего в том, что, закладывая основы абхазской литературы, он ориентировал ее дальнейшее развитие не на самоизоляцию, а на установление широких и прочных контактов с братскими литературами и прежде всего с имеющими богатые древние традиции русской и грузинской литературами, указывал на необходимость перевода лучших произведений этих литератур на абхазский язык. Причем это была не столько теоретическая установка, сколько практическая, ежедневная, кропотливая работа патриарха нашей литературы в области художественного перевода. Лично им были переведены на абхазский язык такие выдающиеся памятники древнегрузинской и древнерусской литератур, как «Витязь в тигровой шкуре» и «Слово о полку Игореве», а также множество поэтических и прозаических произведений классиков и современных писателей. Поданный патриархом пример не прошел даром для его младших братьев по перу: сегодня абхазские читатели, наряду с оригинальными произведениями своей национальной литературы, могут знакомиться на родном языке со множеством шедевров отечественной и зарубежной классики и современной литературы и прежде всего с лучшими произведениями грузинских и русских писателей.

Первый полный перевод «Витязя в тигровой шкуре» был осуществлен Дмитрием Гулиа еще в предвоенные годы и издан под редакцией акад. Симона Джанашиа в 1941 году. Сам Д.И. Гулиа в связи с этим событием писал: «Едва ли придется говорить о той ответственности перед читателем, перед собственной творческой

совестью, когда я взялся за перевод поэмы на абхазский язык. Поэму Руставели я знаю давно, еще с малых лет, но мне пришлось много изучать ее, много нового для себя открывать в ней, прежде чем приступить к работе. Яне только хотел точно передать абхазскому читателю содержание поэмы – это было бы половиною дела, я добивался насколько возможно сохранить в переводе замечательный язык, образы, а главное – музыкальность».

Д.И. Гулиа, безусловно, достиг своей цели. Его перевод получил высокую оценку критики и читательских масс. Перевод этот не раз издавался и, несомненно, будет еще и впредь переиздаваться.

Однако сказанное вовсе не означает, что гулиевский труд – предел переводческих возможностей вообще и что не было уже никакой надобности другому мастеру испытать свои силы в этом благородном деле. Конечно же, нет. Принимаясь за новый перевод «Витязя» талантливый поэт Мушни Ласуриа руководствовался не чувством неудовлетворенности работой своего предшественника и наставника Д.И. Гулиа, к титаническому труду которого он всегда относился с глубочайшим уважением и благоговением, а непреодолимой внутренней потребностью лично самому приобщиться к дивному, поэтическому миру Руставели, глубже проникнуть во все его тайники и сделать свое видение, свое новое прочтение поэмы достоянием родного народа.

История мировой литературы знает немало примеров того, как одно и то же произведение переводилось на какой-либо другой язык неоднократно. Чтобы далеко не ходить за примерами, укажем хотя бы на то, что сам «Витязь в тигровой шкуре» имеет пять полных и свыше десяти частичных переводов на русский язык. Причем каждый из них отмечен своими несомненными достоинствами, и поэтому все переводчики, выражаясь словами акад. Александра Барамидзе, «заслуживают слова благодарности за благородный литературный труд». То же самое можно сказать и об абхазских переводчиках поэмы. Благодаря Дмитрию Гулиа поэма Руставели приобрела широкую популярность в Абхазии, стала любимым произведением массового читателя.

Однако прошло немало времени после того, как был осуществлен гулиевский перевод поэмы. За это время абхазская литература – и оригинальная, и переводная – поднялась на новую ступень. Да и сама руствелология не стояла на одном месте. Как известно,

при Президиуме Академии наук Грузии создана специальная Комиссия по воссозданию академического текста поэмы Руставели. В 1966 году, в дни 800-летия Руставели, было осуществлено академическое издание поэмы «Витязь в тигровой шкуре», текст которой был одобрен этой комиссией. Этот текст, очищенный, освобожденный от чужеродного, неруставелевского, внесенного в него позже различного рода переписчиками, является наиболее близким к оригиналу поэмы, хотя и он не может считаться окончательным: комиссия, как известно, все еще продолжает свою работу. Д.И. Гулиа, естественно, не имел возможности уточнять свой перевод в соответствии с утвержденным текстом поэмы.

Словом, назрели не только субъективные причины, не только внутренняя, так сказать, художественная потребность молодого поэта причаститься к волшебству гениального творения Руставели, но и вполне объективные причины – необходимость познакомить абхазского читателя с последним, уточненным текстом поэмы.

Итак, работа над новым переводом «Витязя» на абхазский язык началась. Решимость и уверенность в своих силах придавали молодому поэту не только оригинальные сборники поэтических произведений, тепло принятые читателем и высоко оцененные как местной, так и центральной критикой, но и огромный для своего возраста опыт переводческой деятельности, включавший в себя переводы на абхазский язык таких произведений, как роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри», книга стихов И.В. Абашидзе «Палестина. Палестина!» (позже он перевел также поэму Байрона «Шильонский узник», книгу стихов Шота Нишанидзе «Песня лозы»). Как сам признавался позже, именно книга стихов И.В. Абашидзе «Палестина, Палестина!», посвященная руставелевской теме, пробудила в абхазском поэте особый интерес к «Витязю в тигровой шкуре» и послужила непосредственным поводом к началу работы над переводом поэмы.

Самоотверженный, вдохновленный труд над переводом «Витязя» начался в 1968 году и продолжался почти до середины 70-х годов. Все эти годы М.Т. Ласуриа был полонён чарующей поэзией Руставели, жил одной жизнью с героями поэмы, ставшими для него родными, близкими, глубоко переживая с ними их горести и радости и в то же время, не забывая ни на минуту о своей главной задаче – «пересадить» на абхазскую почву это величественное со-

оружие, причем воспроизвести его как можно точнее, с возможно минимальными потерями, полностью избежать которых при «транспортировке» такой громадины, к сожалению, пока никому не удавалось.

Основным источником, над которым работал М.Т. Ласуриа при переводе поэмы, был текст подлинника, языком которого он хорошо владеет. Однако, не ограничиваясь одним только оригиналом, он широко обращался также и к переводу Д.И. Гулиа, и к русскому подстрочному и различным поэтическим переводам. Словом, использовал все доступные ему материалы, отдавая при этом предпочтение, конечно, самому оригиналу.

К чести М.Т. Ласуриа нужно сказать, что, завершив работу над переводом, он не торопился с его публикацией, а еще и еще раз выверял каждую строфу и каждую строку поэмы, ее идейное и музыкальное звучание, близость ее не столько к букве, сколько к духу оригинала. Сначала были опубликованы в периодической печати отдельные главы. Прежде чем понести в издательство свой труд, переводчик предложил его на суд ряда компетентных товарищей, а также научных и творческих организаций. Ознакомившись с рукописью перевода, лучшие специалисты, отлично владеющие не только языком перевода, но и языком оригинала, такие, как акад. Академии наук Грузии, крупнейший исследователь абхазского языка К.В. Ломтатидзе, известные абхазские поэты И.К. Тарба, Н.Т. Квициния, Б.А. Гургулиа и другие, дали высокую оценку вдохновенному труду переводчика. В частности, свой отзыв о новом переводе поэмы К.В. Ломтатидзе заключала словами: «Издание нового перевода «Витязя в тигровой шкуре» на абхазский язык нужно приветствовать». Такую же оценку получила работа М.Т. Ласуриа на совместном обсуждении ее, устроенном Союзом писателей Абхазии и Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР.

И лишь после такого широкого обсуждения переводчик решил издать свой труд отдельной книгой в издательстве «Алашара». Поэма была набрана на абхазском языке в Сухумской типографии, отпечатана в Тбилиси, Тбилисской книжной фабрикой на самом высоком полиграфическом уровне. Редактором книги является народный поэт Абхазии Б.В. Шинкуба. Небольшое, но весьма содержательное предисловие к ней написано проф. Ш.Д. Инал-ипа.

В книге использованы иллюстрации народного художника Грузии С.С. Кобуладзе. Оформление принадлежит художнику Д.А. Дундуа.

Говорить о качестве перевода здесь, не имея возможности проиллюстрировать свои суждения примерами, очень трудно, однако думается, что читатель поверит нам на слово, если скажем, что это трудоемкая и ответственная работа выполнена добротнo, талантливо, на высоком поэтическом уровне. Бережно сохранено не только богатое идейное содержание произведения, но и его сложная, многокрасочная художественная палитра, его философичность, афористичность, его неповторимое музыкальное звучание. Знаменитый руставелиевский шаири зазвучал красочно и на абхазском языке.

Тот факт, что такое гениальное произведение, как «Витязь в тигровой шкуре» Руставели дважды полностью переводился на абхазский язык, говорит прежде всего, конечно, о немеркнувшей славе самого памятника, о его непреходящих художественных достоинствах, но факт этот свидетельствует также и о неограниченных возможностях языка перевода, языка, на котором создавались такие величественные памятники устной поэзии, как нартский эпос и легенда об Абрскиле, языка поэзии Дмитрия Гулиа и его последователей.

Выход на абхазском языке второго полного перевода «Витязя в тигровой шкуре» явился подлинным праздником для всех любителей поэзии, крупным событием в культурной жизни Абхазии.

3.7. ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ АБХАЗИИ

В многовековой истории Абхазии одним из самых сложных, противоречивых, полных бурными, зачастую трагическими событиями периодов является XIX – начало XX века. Однако, к счастью, именно этот период оказался разработанным в нашей историографии наиболее глубоко и всесторонне благодаря прежде всего капитальным трудам известного советского ученого-историка, члена-корреспондента Академии наук Грузии, проф. Г.А. Дзидзария. В многочисленных монографиях, статьях и очерках ученого обстоятельно исследованы кардинальные проблемы социальной, экономической, политической, духовной, культурной жизни абхазского народа в указанный период.

Труды эти давно приобрели широкую известность и признание в научных кругах не только нашей страны, но и за ее пределами. Одна из наиболее крупных и фундаментальных работ Г.А. Дзидзария – монография «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века» в 1979 году была удостоена Государственной премии ГССР.

В 1979 году в издательстве «Алашара» вышла новая монография Г.А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» под редакцией члена-корреспондента АН ГССР проф. З.В. Анчабадзе. Книга эта – результат продолжительной, упорной работы, в которой, по словам самого автора, он «подвел итоги своему многолетнему изучению вопросов истории культуры и общественного движения в Абхазии XIX – начала XX века и обобщил выводы по этой проблеме, содержащиеся в трудах других исследователей».

История абхазской интеллигенции до этого никем специально не изучалась, хотя и были работы об отдельных представителях интеллигенции, особенно о некоторых деятелях литературы и народного просвещения. В данной же монографии тщательно выявлена и последовательно изложена деятельность всех более или менее значительных представителей дореволюционной абхазской интеллигенции. Причем в понятие «абхазской интеллигенции» автор вкладывает самое широкое содержание. «Име-

ются в виду и те интеллигентные абхазы, профессии которых, казалось, даже далеки от узко абхазской действительности. Это особенно относится к военным, которые получили специальное образование в военных учебных заведениях России. К абхазской интеллигенции автор относит и тех деятелей, которые, «проявляя глубокий интерес к грузинской или русской литературе, отличались успешной творческой деятельностью на поприще одной из этих культур».

Словом, исследуемый объект берется шире, охватывая различные профессиональные группы интеллигенции, являющейся выходцами из абхазского народа, независимо от того, владели ли они родным языком, творили ли на этом языке. Историю зарождения абхазской интеллигенции автор справедливо увязывает с присоединением нашего края к России, хотя он и вовсе не исключает участие представителей абхазского народа в создании древних памятников материальной и духовной культуры, сохранившихся на территории Абхазии. Г.А. Дзидзария пишет: «Невозможно себе представить, чтобы, скажем, произведения древней архитектуры, живописи, скульптуры и прикладного искусства, так богато представленные в Абхазии, создавались и развивались на протяжении веков без приложения сил и ума коренного населения. Напротив, они свидетельствуют о высоком творческом потенциале и эстетическом вкусе этого населения, его передовой части». Сказанное имеет отношение и к памятникам письма, выполненным на древнегреческом, латинском, грузинском языках, которыми, несомненно, владела определенная часть населения.

В этом смысле историю проблемы можно было бы, конечно, расширять, отодвигая хронологические рамки зарождения абхазской интеллигенции к более глубокой древности. Однако, думается, что автор все-таки прав, когда начинает эту историю именно с момента присоединения Абхазии к России.

Г.А. Дзидзария исходит из того принципиального основополагающего ленинского положения о том, что в дореволюционной России следует различать две России. Россию царскую, самодержавно-помещичью, буржуазно-капиталистическую, со своей жестокой колониальной политикой, с реакционной великодержавно-шовинистической идеологией. И Россию великого русского народа, с ее замечательными революционными традициями. Разоблачая и

бичуя официальную колонизаторскую политику царизма, исследователь в то же время подчеркивает объективно-прогрессивное значение акта присоединения к России, благодаря которому абхазский народ, во-первых, спасся от полного физического истребления и, во-вторых, связал свою судьбу с революционной борьбой русского народа.

В монографии Г.А. Дзидзария красной нитью проходит идея благотворного влияния прогрессивной русской культуры, особенно ссыльных декабристов, на формирование дореволюционной абхазской интеллигенции, на рост национального самосознания абхазского народа.

Зарождение, становление, формирование абхазской интеллигенции прошли несколько этапов. Первая половина XIX века была периодом зарождения интеллигенции, причем интеллигенции по преимуществу в иной, немногочисленной, состоявшей в основном из представителей высшего сословия общества или его близкого окружения. К их числу принадлежали прежде всего сыновья владетельного князя Георгия (Софарбея) Келишбеевича Шервашидзе (Чачба) – Дмитрий и Константин, окончившие в Петербурге Пажеский корпус и их брат впоследствии владетель Абхазии Михаил (Хамутбей) Шервашидзе. Их судьбы сложились по-разному. Старший сын Георгия Дмитрий, окончив Пажеский корпус, возвращается в Абхазию с благими намерениями, а младший его брат Константин, видный деятель культуры, из-за близости к демократически настроенным кругам грузинского дворянства и за участие в заговоре 1832 года в Грузии, был арестован.

В первой половине XIX века происходит формирование первого абхазского ученого-этнографа Соломона Теймруковича Званба. В монографии Г.А. Дзидзария подробно охарактеризована военная, научная деятельность С.Т. Званба, подполковника русской армии, героически погибшего в сражении с турками на берегу реки Ингури в 1855 году. С.Т. Званба не успел много опубликовать, но то, что им создано, имеет и до наших дней непреходящее научное значение, так как все материалы его носят характер первоисточника. Материалы эти были собраны и систематизированы автором рецензируемой работы и изданы отдельной книгой в середине 50-х годов. В настоящее же время Г.А. Дзидзария готовит их к переизданию в дополненном виде.

Представляют большой интерес и сведения о жизни и деятельности другого абхазского интеллигента первой половины XIX века Николая (Эмина) Шакрыл, который начал военную службу вместе с С.Т. Званба, а затем служил при дворе владетеля Абхазии переводчиком и проводником, кроме абхазского, владел русским, черкесским и турецким языками, сопровождал известного русского офицера Ф.Ф. Торнау во время пребывания последнего на Кавказе в середине 30-х годов прошлого столетия, много помог ему в сборе физико-географических, историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии.

К плеяде абхазской военной интеллигенции принадлежали также упоминаемые в рецензируемой работе деятели XIX века. Д.Х. Шервашидзе и С.Л. Шервашидзе, Бабышбей Маршания, Григорий Шервашидзе, Зураб Джамлетович Анчабадзе и другие, проявившие в различных сражениях в составе русской армии чудеса героизма и доблести.

Как видим, в первой половине XIX века абхазскую интеллигенцию представляли в основном военные, получившие образование в военных учебных заведениях России и проходившие службу в русской армии. Как правило, все они были представителями княжеско-дворянского сословия.

Следующий этап в формировании абхазской интеллигенции, как это убедительно показано в рецензируемой монографии, падает на вторую половину XIX века и связывается с утверждением буржуазно-капиталистических отношений в экономической и общественной жизни края. По справедливому замечанию автора, «этот процесс повлек за собой рост национального самосознания, что немедленно проявлялось в культурной деятельности народа». Повышается культурная потребность всех слоев общества, что в свою очередь, способствует демократизации культуры.

В этот период на передний план выдвигается вопрос о научной разработке проблем абхазского языка и письменности. В монографии подробно освещается деятельность крупного русского кавказоведа П.К. Услара, создателя первого абхазского алфавита на основе русской графики и первой научной грамматики абхазского языка, а также работа комиссии под председательством генерала И.А. Бартоломея по созданию первого «Абхазского букваря». При этом автор аргументированно, на фактах опровергает бытующее и

поныне в абхазоведческой науке мнение о том, будто «Букварь» этот не получил практического применения в школьной жизни Абхазии. О работе комиссии по составлению «Букваря» писалось немало и раньше, но Г.А. Дзидзария, не ограничиваясь известными фактами, приводит в своей работе много новых сведений, почерпнутых из различных источников, о жизни и деятельности всех тех, кто имел отношение к названному букварю, особенно тех природных абхазов, которые содействовали усовершенствованию текста «Букваря» – Константина и Григория Шервашидзе, священника Иоанна Гегия, прапорщика Георгия Курцикидзе и Симона Эшба.

Вообще вторая половина XIX века, несмотря на неблагоприятные для развития культуры условия, сложившиеся в крае в связи с восстанием 1866 года, русско-турецкой войной 1877–1878 годов и связанным с ними махаджирством, в целом характеризуется расширением сети школьного образования, пробуждением интереса к знанию, просвещению, тягой народа к культуре. Правда, в условиях царизма не приходилось, конечно, говорить о широком охвате низших крестьянских масс этим процессом, однако все-таки тяга и желание, несомненно, имели место, и немало крестьянских детей, наряду с представителями привилегированных классов, стали обучаться грамоте. В результате всего этого появляется разночинная, а затем и демократическая интеллигенция, основным знаменем которой становятся просветительские идеалы, стремление помочь своему народу вырваться из тьмы и невежества и стать на путь просвещения, прогресса. Поэтому особая миссия в этот период выпадает на долю учительства. В монографии глубоко раскрывается роль народных учителей, их неутомимая, подвижническая деятельность на ниве народного просвещения. Много места и внимания уделено в работе таким представителям просветительской интеллигенции, как Алексей и Григорий Эмухвари, Виссарион Инал-ипа, Григорий Шервашидзе, Фома Эшба, Виктор Гарцкия, Константин Маршания, Давид Аджамов, Мелитон Бжания, Николай Ладария, Николай Патеипа и, конечно же Дмитрий Гулиа, деятельность, которого как в этот, так и в последующие периоды особенно широко освещается.

Народные учителя были не просто преподавателями определенных дисциплин в школе, но, как правило, большинство из них одновременно являлись и составителями учебников и учебных по-

собий, краеведами-энтузиастами, интересовавшимися историей, этнографией, языком, фольклором родного народа и часто выступавшими по этим вопросам на страницах периодической печати.

Благотворное влияние на местную интеллигенцию оказывали выдающиеся деятели русской и грузинской культуры, такие как И.Е. Репин, В.В. Верещагин, А.П. Чехов, А.М. Горький, И.Л. Чавчавадзе, А.Р. Церетели, Я.С. Гогебашвили и другие, посещавшие Абхазию или близко связанные с ее представителями, а также отдельные прогрессивные деятели этих народов, которые подолгу жили в Абхазии (Н.С. Джанашиа, П.Г. Чарая, К.Д. Мачавариани, Н.И. Воронов и другие).

Деятельность абхазской интеллигенции во второй половине XIX века в целом способствовала духовному пробуждению народа, хотя, конечно, далеко не полностью отвечала другим, более высоким, революционно-демократическим задачам, которые выдвигаются на первый план на следующем этапе развития нашего общества, в период революционных бурь.

Последние две главы рецензируемой монографии Г.А. Дзидзария освещают деятельность абхазской интеллигенции в период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России и в годы борьбы за Советскую власть в Абхазии, иначе говоря с 1905 по 1921 год.

В эти годы революционно-демократическое движение в Абхазии вступает на новую полосу. Как повсюду в Закавказье, и в Абхазии создаются социал-демократические организации, которые направляют борьбу трудящихся по-новому, организованному руслу. Исключительно велика была роль выдающихся революционеров А.Г. Цулукидзе и С. Орджоникидзе в создании первых марксистских организаций в Абхазии, в руководстве борьбой абхазского народа, всех трудящихся Абхазии, в период первой русской революции за социальное и национальное освобождение.

Передовая демократическая интеллигенция не могла остаться и не осталась безучастной к борьбе трудящихся. В свете влияния этой революционной борьбы и последовавшей за ней реакцией, а затем нового подъема революции рассматривается в монографии вопрос дальнейшего развития и становления абхазской интеллигенции. Сначала XX века ряды абхазской народной интеллигенции пополняются новыми замечательными кадрами, впоследствии

ставшими видными деятелями национальной культуры. Это были А.М. Чочуа, С.Я. Чанба, А.И. Агрба, С.П. Басария, А.И. Чукбар, С.М. Ашхацава и другие.

О неослабевающем интересе к культурным нуждам народа свидетельствует создание в этот период различного рода обществ, кружков. Таковыми были, например, «Общество по распространению просвещения среди абхазцев», издавшее первые поэтические сборники Д.И. Гулиа и некоторые другие книги, а также Бзыбский комитет этого общества, развернувший большую работу по сбору абхазского фольклорного и языкового материала, деятельность которого одобрял и поддерживал акад. Н.Я. Марр. Все это способствовало оживлению культурно-просветительной работы, поднятию и укреплению классового и политического сознания трудового народа.

Однако этого не могли не видеть и царские чиновники, а также служители духовенства. Поэтому они всячески стремились дать новое, нужное им направление зарождающейся национальной культуре, наполнив ее религиозным, церковным, богословским содержанием. С этой целью создается специальная, так называемая Абхазская переводческая комиссия, которой особенно в годы столыпинской реакции вменяется в обязанность переводить на абхазский язык разного рода церковные книги. И действительно, означенная комиссия перевела ряд книг церковно-религиозного содержания, в том числе Евангелие. Однако наряду с этим члены комиссии переводили и книги практического характера, особенно сельскохозяйственные брошюры, которые призваны были помочь крестьянству в более рациональном ведении хозяйства. В целом же деятельность переводческой комиссии не могла свернуть и не свернула с демократического пути развития национальной культуры. Вскоре она прекратила свое существование. Ее деятельность в известном смысле имела важное значение, так как способствовала становлению и утверждению абхазского литературного языка.

В период нового подъема революционного движения в состав абхазской интеллигенции вливаются новые силы, в том числе целый ряд революционных деятелей. Среди представителей революционной интеллигенции выделяются первые абхазские большевики, профессиональные революционеры: С.А. Картозия, Н.А. Лакоба, Е.А. Эшба, а также Д.К. Кобахия, М.Г. Гобечия, С.Я. Чанба,

Д.Л. Габуня, В.Т. Адлейба, А.С. Агрба и другие деятели народного просвещения и революционного движения в Абхазии. В своей монографии Г.А. Дзидзария подробно останавливается на деятельности этой плеяды революционной интеллигенции. Достойное место отводится также народным учителям, выступавшим на педагогическом поприще в этот период. К ним принадлежат: П.С. Шакрыл, В.Н. Харазия, Д.Х. Барцыц, М.Д. Пилия, С.И. Дзидзария, Г.А. Алан, К.И. Лабахуа, И.А. Вардания и другие. Автор детально освещает деятельность и других отрядов абхазской интеллигенции, в частности, знаменитого художника А.К. Шервашидзе (Чачба), его брата В.К. Шервашидзе (Чачба), замечательных врачей В.Т. Анчабадзе и В.А. Шервашидзе, а также представителей технической интеллигенции – Д.П. Агрба, Г.А. Алшунба и другие.

Особое развитие в первые два десятилетия XX века в Абхазии получает жанр публицистики. С острыми публицистическими статьями и очерками выступали в периодической печати С.П. Басария, Д.И. Алания, Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, Д.М. Шервашидзе, Н.С. Патейпа, С.М. Ашхацава, В.Г. Адлейба, М.И. Тарнава, И.И. Гулиа и другие. В рецензируемой монографии работа каждого из названных авторов в жанре публицистики находит достойное отражение.

Классовая политическая борьба не унимается, а еще больше обостряется в период господства меньшевиков в Абхазии. Эта борьба находит отражение «в среде интеллигенции». Часть ее активно сотрудничает с меньшевистскими заправками, а другая же, значительная большая часть – на стороне революционных сил, хотя и в этой среде не было единого понимания целей и задач революции.

В деле формирования абхазской национальной интеллигенции важное значение приобрело создание первой абхазской газеты «Апсны». Меньшевики пытались сделать газету послушным своим печатным органом, но благодаря деятельности ее редактора Д.И. Гулиа и постоянного сотрудничества с ним революционно настроенной интеллигенции (Д.И. Алания, С.Я. Чанба и других) газета с самого начала приобрела демократический характер, стала защищать интересы трудового народа. В ней печатались материалы, свидетельствующие о неблагоприятном положении дел во всех областях окружающей жизни и тем самым бичевавшие антинародную политику меньшевиков. Газета «Апсны» сыграла неоценимую роль в воспитании молодых кадров творческой интеллигенции. На

ее страницах, помимо произведений писателей старшего поколения Д.И. Гулиа и С.Я. Чанба, печатались первые художественные опыты начинающих авторов, впоследствии ставших признанными писателями и поэтами (И.А. Когониа, М.Л. Хашба, М.А. Лакрба, Д.Х. Дарсалия, Ш.И. Хокерба и других).

В рецензируемой монографии подчеркивается также роль Сухумской учительской семинарии, в советские годы преобразованной в педагогический техникум, в становлении абхазской национальной интеллигенции. Многие питомцы этого учебного заведения, впоследствии окончив вузы в научных центрах страны, дополнили ряды абхазской трудовой интеллигенции, стали видными деятелями науки, литературы и искусства.

В ответ на реакционную, антинародную политику меньшевиков абхазская интеллигенция, особенно ее демократическая, революционная часть, активизировала свою деятельность, направленную на разоблачение этой политики. Несмотря на гонения, запреты и аресты, которым подвергались представители интеллигенции, борьба не прекращалась вплоть до установления Советской власти в Абхазии.

Наряду с внутренними проблемами в те годы абхазскую интеллигенцию занимала также проблема возвращения на родину выселенных в прошлом столетии в Турцию абхазских махаджиров. Рецензируемая монография дает много материалов, свидетельствующих о неустанной работе в этом направлении (создание специального комитета по делам махаджиров, освещение пребывания проф. М.Ш. Бутба на страницах газеты «Апсны», обсуждение махаджирского вопроса на съезде интеллигенции и т. д.).

Абхазская трудовая интеллигенция всегда выступала вместе со своим народом за социальное освобождение и национальное возрождение. Поэтому она, несомненно, заслуживала того, чтобы специально показать ее как отряд борцов за новую советскую действительность.

Ознакомившись с монографией Г.А. Дзидзария – «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции», нельзя не восхищаться ее богатейшим фактическим содержанием. Автором выявлен огромный архивный материал, извлеченный из различных хранилищ страны, и большей частью впервые вводимых им в науку, проработана большая специальная литература, зачастую труд-

нодоступная, в результате чего выявлено множество новых имен деятелей абхазской культуры и много новых фактов из жизни тех, кто и раньше был известен. Все это факты систематизированы, обобщены, осмыслены с позиции марксистско-ленинской методологии. Проблема формирования интеллигенции в ней рассматривается в историческом аспекте: начав свой путь с представителей социальной верхушки, абхазская интеллигенция все больше приближалась к трудовому народу и наконец стала подлинной выразительницей его дум и чаяний.

Рецензируемая монография Г.А. Дзидзария – фундаментальный труд об истории абхазской интеллигенции, крупный вклад в отечественную историческую науку. Книга эта несомненно найдет теплый прием не только у специалистов, но и у широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории и культуры нашего народа.

3.8. КНИГА О ЛЕГЕНДАХ

В нынешнем году в Москве в издательстве «Наука» вышла книга В.П. Пачулиа «Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья».

Наряду с абхазскими материалами, которые, естественно, составляют основное ядро коллекции, в книге содержатся также легенды и предания соседних народов – грузин, адыгов и населявших в недалеком прошлом район Адлер–Сочи убыхов.

В кратком послесловии ответственный редактор книги, крупнейший советский ученый-этнограф, акад. Ю.В. Бромлей пишет: «Многочисленные образы героев абхазского эпоса, земледельцев и ремесленников, абхазских богов и сказочных великанов, обожествленных и одухотворенных явлений природы проходят перед читателями книги В.П. Пачулиа, раскрывая яркую картину древней абхазской земли и ее народа, обладающего своеобразным национальным характером».

Следует сразу же оговорить тот факт, что термин «легенды», вынесенный в подзаголовок книги, как жанровое определение материалов публикации, понимается автором несколько шире, чем это принято в узкоспециальной, фольклористической науке. В книгу, наряду с собственно легендами, включены также образцы эпоса, мифологических и исторических преданий, бытовых новелл и анекдотов, а иногда даже бессюжетных устных сообщений-информаций, так называемых меморатов. Но объединяет их одна общая черта – так или иначе они приурочиваются к определенным историческим местам или событиям, объясняют происхождение тех или иных народных обычаев и нравов.

Цель автора как историка в данном случае заключалась прежде всего в том, чтобы максимально извлечь из фольклорного наследия материалы, проливающие свет на страницы истории и культуры народов Кавказского Причерноморья, в том числе легенды и предания, связанные с нашествием иноземных захватчиков или строительством крепостей и замков, с народным толкованием генезиса тех или иных обычаев и порядков.

Словом, в данном случае публикация фольклорных текстов – не самоцель, а как бы выполняет в известном смысле подчиненную служебную функцию – способствует толкованию исторических фактов и реалий с точки зрения народных масс.

В книге В.П. Пачулиа, как было отмечено выше, мы встречаемся с широким, разнообразным выбором сюжетов и образов, начиная от знаменитых древних нартов, славного героя-богоборца Абрскила, непокорных ацанов-карликов и кончая преданиями и устными рассказами типа «Слезы Лауры» или «Как в Сухуме появился «Синоп», относящимися, несомненно, к эпохе позднего феодализма, а некоторые даже к рубежу XIX–XX столетий. Из всего этого разнообразия тем и сюжетов наиболее интересными и ценными нам представляются именно те материалы, жанровую природу которых можно определить, как собственно легенды или исторические предания. Они легко могут быть сопоставимы с известными историческими фактами, с реальными памятниками истории, культуры или природы.

К ним относятся прежде всего легенды и предания, связанные с древней Анакопией, со строительством Лыхненского дворца, Моквского и Пицундского храмов, Великой Абхазской стены, Батумской башни Тамар, с образованием целого ряда городов в Абхазии и во всем Кавказском Причерноморье.

Следует подчеркнуть, что большинство легенд и преданий, включенных в рецензируемую книгу, имеют оригинальные сюжеты, встречающиеся только в данной местности, у данного народа. Но нередко попадаются и расхожие, так называемые «бродячие сюжеты», которые, как и сказочные фабулы, широко бытуют в фольклоре разных народов, хотя и не буквально повторяя друг друга, получая своеобразное национальное оформление, проявляют сходство в главном, основном. К ним относится, например, мотив троянского коня в «Падении Анакопии», замурование живого человека в стену возводимой крепости или храма – в предании о Лыхненском дворце, провал населенного пункта в подземелье в знак наказания его неблагочестивых жителей и образование на его месте глубокого водоема – в легендах об озерах Папанцкур, Рица, Палиасти и других.

Представляют большой интерес и другие разделы книги, содержащие предания и легенды о происхождении отдельных народов

Кавказского Причерноморья, о генезисе различных фамильных родов, а также обычаев и нравов («Откуда пошел народ Апсир», «Откуда пошли Киуты», «Скала стариков» и другие). Конечно же, должны быть отмечены и многочисленные устные произведения об образовании отдельных городов и населенных пунктов (Гагра, Пицунда, Ткварчал, древний Сухум – Диоскурия, Поты и других). Многие из этих легенд и раньше были известны (как, например, связанные с Поты, Диоскурией, Гудаутой), но есть и такие материалы, которые автор впервые вводит в широкий научный оборот.

Одно из основных достоинств рецензируемой книги – стремление автора во всех случаях, где это возможно, шире сопоставить содержание приводимой легенды или предания с сообщениями письменных источников и другими памятниками материальной и духовной культуры.

Книга «Падение Анакопии» отличается также добротным полиграфическим и художественным исполнением, снабжена прекрасными иллюстрациями, заставками (художник Н.А. Абакумов).

1986

4. ТЕАТР. КИНО

4.1. ПЕРЕПОЛОХ В ЛЕСНОМ ЦАРСТВЕ

В лесном царстве, где властвует одряхлевший Лев, беспокойно: звери безжалостно истребляются, леса редуют, родники высыхают. Некоторые представители этого царства, в том числе и Тигр, предлагают Льву навести порядок в своих владениях или сложить полномочия. Однако, честолюбивому владыке не по душе разумное предложение Тигра. В гневе обрушивается он на своего собрата. Почти все звери и птицы, поддерживавшие до этого Тигра, в страхе перед нависшей над ним угрозой, отшатнулись от него. Тигра, главного антипода владыке, заточили в глубокую пещеру. В борьбе Льва с Тигром особо отличилась своей «преданностью» пышнохвостая Лиса, которая, оценив перевес сил, поддерживающих владыку, не замедлила стать на его сторону. Эта хитрая проныра, воспользовавшись честолюбием выжившего из ума владыки, втерлась к нему в доверие и, умело угодничая, стала все выше и выше взбираться по служебной лестнице. Дело дошло до того, что растроганный льстивой речью Лисы Лев публично объявил ее своей наследницей.

После кончины лесного царя, согласно его завещанию, на трон была возведена Лиса. Она тут же решила незамедлительно воспользоваться властью, чтобы подчинить себе непокорных зверей, в противном же случае – стереть их с лица земли. С этой целью она приказывает доставить из подземелья в стан верховного владыки связанного Тигра. Гордый зверь предпочитает принять смерть, чем признать над собой власть презренной Лисы, однако ему не суждено погибнуть. В дело вмешиваются сверхъестественные силы. Перед сборищем зверей со своим волшебным кнутом появляется Дочь Ажвейпшаа – божества охоты и диких животных. Ударом кнута она превращает Лису в камень, лесным же царем назначает Тигра. Таким образом, зло было наказано, справедливость восторжествовала.

Таков вкратце сюжет нового абхазского спектакля Сухумского государственного драматического театра им. С.Я. Чанба «Дочь Ажвейпшаа», поставленного народным артистом СССР Азизом Агрба по одноименной пьесе-сказке молодого абхазского драматурга Рушни Джопуа.

В соответствии с замыслом драматурга комедия-сказка «Дочь Ажвейпшаа» осуществлена на сцене как яркое зрелищное представление, адресованное в первую очередь юным зрителям. В спектакле много песен танцев, массовых сцен. Прекрасна сцена пира в честь триумфа Лисы, незабываемы траурная процессия и гражданская панихида по усопшему царю, воспроизведенные в чисто национальных традициях, сопровождаемые траурно-торжественными мелодиями «Ауау» и «Азар».

Однако не только зрелищность делает спектакль значительным явлением в театральной жизни нашей республики. На земле безраздельно должны господствовать разум, справедливость, гуманизм – вот основная мысль спектакля.

В спектакле много неповторимых, оригинальных образов, ярко воплощенных в основном молодежным составом труппы (из артистов старшего поколения в нем участвуют только двое – заслуженные артисты СССР Я. Чочуа и И. Кокоскерия). Крупно, масштабно воссозданы на сцене образы деспотичного, выжившего из ума Льва (артист Ш.Ч. Гыцба) и мужественного Тигра (артист А.К. Ермолов).

Хотя весь актерский ансамбль действует слаженно, целеустремленно, тем не менее хотелось бы выделить четыре образа, которые, на наш взгляд, отличаются наибольшей рельефностью и колоритностью. Это Лиса, Заяц, Медведь и Еж.

Всячески изошряющаяся в лести перед властью имущими хитроумная, изворотливая Лиса (артист С.В. Сакания) умело делает карьеру, мечтая завладеть царским тронном. И самое печальное не в том, что Лиса неискренна, нечистоплотна и коварна в своих действиях – ведь это в ее, лисьей, натуре, – а в том, что никто из окружающих не в силах оказать ей хоть малейшее сопротивление. Напротив, многие даже против своей воли способствуют возвеличению этого ничтожества – в такие жесткие условия они поставлены. Взять, к примеру, хотя бы Зайца. Этот рыцарь на час, набравшись смелости, выступает в поддержку Тигра, но пороку у него хватило ровно на одну вспышку. Стоило пригрозить ему расправой, как

улетучилась вся его храбрость, у бедняжки судорожно затряслись коленки, и он публично отрекся от своих слов. Артист З. Чанба исключительно верно передает не только внешние проявления характера, но и мельчайшие внутренние движения мыслей и чувств несчастного, запуганного зверька, вынужденного влачить жалкое существование.

Не менее интересен образ Медведя, созданный молодым актером Сергеем Чуаз. Этот могучий зверь, достойный соперник самого владыки, проштрафившись в свое время Бог весть чем, фактически был отстранен от участия в решении важных «государственных» вопросов. Оказавшись за бортом «политической» жизни, он пристрастился к хмельным напиткам, примирился со своей участью и даже сам уверовал во все приписываемые ему грехи. Правда, пьяный угар иногда у него проходит, и тогда он начинает осознавать свое положение, но это чувство так же быстро исчезает, как и возникает. И смешно, и горько видеть, как такой грозный зверь поет дифирамбы пышнохвостой Лисе, норовя лестью, угодничеством заслужить ее благосклонность. Что же касается Ежа (артист И. Малазониа), то он готов по мелочам уколоть, ужалить любого, но, когда дело коснется главного, основного, он отступает в панике, не в силах противостоять злодею.

Запоминаются в спектакле исправный служака, верный слуга всех господ, Волк (артист Ч. Джения), непримиримый к несправедливости певец свободы Соловей (артист И. Царгуш), бесталанная, завистливая Сойка (заслуженный артист СССР Я. Чочуа) и другие.

Хотя роль Дочери Ажвейпшаа, появляющейся на сцене лишь в финале спектакля, эпизодична, однако именно она несет основную идейную нагрузку произведения. В отличном исполнении заслуженной артистки Абхазской АССР В.В. Маан Дочь Ажвейпшаа предстает перед нами воплощенным идеалом справедливости, вершительницей народного правосудия, творящей добро, беспощадной ко злу.

В реализации идейно-художественного замысла произведения важную роль сыграли также художник Т. Жвания, композитор М. Берикашвили и постановщик танцев народный артист СССР Р. Агрба. Хороши костюмы, маски, в основном удачно музыкальное оформление спектакля, хотя в отдельных случаях вместо новых, оригинальных песен авторы удовлетворяются воспроизведением

популярных народных мелодий (как, например, «Песня о Хуаке и Шаке» и других).

Спектакль не лишен отдельных спорных моментов, которые, на наш взгляд, проистекают в основном из просчетов его литературной первоосновы. Как известно, в художественном произведении, в том числе и в аллегорическом, идея не должна быть навязана или привнесена извне, а должна естественно вытекать из природы самих образов. В данном же произведении иногда нарушается этот непреложный закон художественного творчества: отдельные поступки и реплики зверей и птиц – персонажей произведения – не только ассоциируются с картинами человеческого общества, но и впрямь отождествляются с ними, что, конечно, нельзя считать удачей авторов спектакля.

Двояко можно осмыслить и надпись «Музей», появляющуюся в финале спектакля на захлопнувшихся дверцах сказочного замка-теремка. Если авторы хотят этим сказать, что все, о чем поведали они в сказке, уже отошло в прошлое, стало достоянием музея, то вряд ли можно будет с этим безоговорочно согласиться. Если же этой надписью они выражают доброе пожелание, чтобы с подобными явлениями люди могли знакомиться только в музее, то тогда мы полностью солидарны с авторами.

Однако дело не в этих спорных моментах. Главное в спектакле – осуждение деспотизма и произвола, воспевание разума и справедливости. В этом – пафос новой работы коллектива абхазской драмы Сухумского драматического театра, этим он и привлек внимание массового зрителя.

1967

4.2. «ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА»

Полувековой юбилей Великого Октября коллектив абхазской труппы Сухумского государственного драматического театра им. С.Я. Чанба ознаменовал постановкой драмы Г. Габуния «Перед восходом солнца», повествующей о борьбе абхазского народа за установление Советской власти. Сухумские зрители знакомы с драмой: пятнадцать лет назад в постановке народного артиста ГССР Азиза Агрба она с успехом шла на сцене этого же театра. Однако нынешний юбилейный спектакль вовсе не является стереотипным воспроизведением прежнего, он во многом изменен, дополнен. Новая постановка пьесы осуществлена главным режиссером абхазской труппы Х.Ф. Джопуа в соавторстве с прежним ее постановщиком А. Агрба.

Глубокий общественный конфликт в сочетании со сложными семейными взаимоотношениями персонажей, лежащий в основе пьесы, делают «Перед восходом солнца» серьезным драматургическим произведением. Борьба абхазского народа за социальное и национальное освобождение, длившаяся веками, но принявшая особо острый характер в период меньшевистской диктатуры, воспроизводится в драме в широком эпическом масштабе, с изображением различных слоев общества и прежде всего – крестьянских масс, организованных в партизанские отряды «киаразовцев», которыми руководили большевики.

Борьба двух противоборствующих лагерей носит непримиримый характер. Драматизм усугубляется еще и тем, что враждебными силами, сцепившимися в смертельной схватке, руководят два родных брата: Аляс Смырба – вожак революционного отряда «киаразовцев» и брат его Тараш – комиссар меньшевистского правительствa, руководитель карательного отряда.

Какие только жестокие меры не предприняли меньшевики, что только не делали они, чтобы потопить в крови революционное движение. Пьеса кончается победой Советской власти, добытой борьбой трудящихся Абхазии во главе с большевиками-ленинцами и с помощью Красной Армии.

Хотя спектакль и не является исторической хроникой, воскрешающей образы реальных исторических деятелей (за исключением одного только Нестора Лакоба), в ней, однако, воссоздается реальная обстановка, в которой протекала борьба за Советскую власть в Абхазии. На сцене оживает романтика суровой героической борьбы, неукротимый, революционный дух восставшего народа.

В спектакле, изобилующем массовыми сценами, занята почти вся труппа. В главных ролях выступают как артисты старшего поколения, так и молодые. В соответствии с драматическим материалом больше всего места в спектакле отводится действиям меньшевистского комиссара Тараша. Исполнитель этой роли заслуженный артист Абхазской АССР Н. Камкия глубоко и масштабно раскрывает характер вероломного врага трудового народа. Этот надменный и свирепый изверг, никогда не знавший ни пощады, ни теплых слов по отношению к представителям простого народа, после перемены обстоятельств, когда стал очевиден крах меньшевистского господства, вдруг неузнаваемо преображается, становится притворно ласковым, сердечным, норовя лестью и угождением смягчить сердце старика Батаквы и сделать его своим заступником перед новой, народной властью, чтобы как-нибудь спасти свою подлую душонку.

Бесстрашным, стойким и находчивым руководителем и борцом предстает перед нами вожак повстанческого отряда Аляс Смырба в исполнении молодого талантливого актера Ш.Ч. Гыцба, хотя справедливости ради следует заметить, что по сравнению с Тарашем образ Аляса в спектакле выглядит несколько прямолинейным. Возможно, основные причины этого кроются в недостаточной глубокой разработке данного образа в самой драме. Но тогда тем более нужно было и постановщикам, и актеру приложить больше усилий, чтобы устранить пробелы драматургического материала, ярче оттенить, в характере героя не только то, что проступает наружу, лежит, так сказать, на поверхности, но и то, что внутренне скрыто и двигает действиями и поступками его. Несмотря на это, образ Аляса несомненно имеет большую притягательную силу, приковывает к себе внимание зрителей, завоевывает их симпатию и любовь.

Поистине трагична судьба доброй старой женщины Шахуар, вынужденной стать очевидицей злодеяний своего родного сына Та-

раша. Прежде чем оказаться в стане борцов, возглавляемых ее не родным по крови, но родным по духу сыном Алясом, она сделала немало, чтобы возвратить сына Тараша на путь истины, но все безуспешно. Народная артистка ГССР М. Зухба создает образ абхазской женщины, органически сочетающей в себе мягкость, отзывчивость матери-труженицы с решительностью и беспощадностью бойца-мстителя.

Одной из наиболее удачных актерских работ во всем спектакле следует признать исполнение народным артистом ГССР А. Агрба роли Батаквы Лазба. Изведав на долгом жизненном пути немало невзгод и лишений, старый абхазский крестьянин проникается ненавистью к угнетателям народа и сначала стихийно, но затем, уже не раз встречаясь с профессиональными революционерами, в том числе и с Серго Орджоникидзе, становится убежденным борцом за социальное освобождение трудящихся. Яркий национальный колорит, проявляющийся буквально во всем – и во внешнем рисунке характера, и в образе мыслей и чувств, в манере держаться, говорить и даже просто двигаться по сцене, – характеризует образ Батаквы, воплощенный Азизом Агрба – артистом большой эрудиции, большой внутренней культуры. Все сцены с его участием, особенно сцены на мельнице, на допросе в кабинете Тараша и другие проходят с исключительным внутренним напряжением, которое достигается не только характером материала, но не в меньшей степени и безукоризненной игрой крупного мастера перевоплощения.

Важную историческую миссию в спектакле выполняет революционер Антон Глебов (народный артист ГССР Р. Агрба), образ которого олицетворяет идею бескорыстной братской помощи великого русского народа народам национальных окраин царской России в их освободительной борьбе.

Из актерского ансамбля спектакля хотелось бы выделить еще двух молодых исполнителей: заслуженную артистку Абхазской АССР С.Х. Агумаа в роли Маруши – жены Аляса, натуры исключительно сильной, цельной, а также А. Гожева – создателя образа юного Тоукана (в этой роли выступает также молодой артист З. Чанба). Если С.Х. Агумаа и раньше не раз радовала сухумских зрителей вдохновенным исполнением сложных и разнообразных ролей, то А. Гожева до этого мы видели, в основном, в эпизодических

ролях. В этом же спектакле он играет одну из наиболее сложных и трудных ролей. И очень отраднo, что актеру оказалось под силу заставить зрителя до конца поверить в реальность своего героя, и не только в его наивность и простодушие, но и в пробуждающуюся в нем высокую сознательность, которая и приводит его в стан борцов за народное счастье.

В небольшой роли надменного капитана английской эскадры засверкал новыми гранями талант народного артиста СССР Л. Касландзия. Образ подлого, омерзительного предателя Сабыды Джикирба живо воплощен молодым актером Н. Кишмариа. Запоминаются также роли, исполненные народными артистами ГССР А. Аргун-Коношок (княгиня Даурхан), М.О. Кове (князь Татаркан Эмухвари), молодыми артистами А.К. Ермоловым (сподручник Тараша Арзакан), А.В. Тания (крестьянин-киаразовец Гуджа Хвингия), М. Зухба (начальник караула) и другие.

Молодому актеру Ч. Джения доверена хотя и эпизодическая, но исключительно ответственная роль Нестора Лакоба – одного из непосредственных руководителей борьбы за Советскую власть в Абхазии. Эта первая попытка воплощения сценическими средствами образа выдающегося абхазского революционера.

Авторы постановки, вводя в действие этот образ, ставили перед собой благородную цель: сделать заключительную часть спектакля более впечатляющей. Но коль скоро это сделано, авторам новой редакции пьесы следовало быть более осторожными в обращении с фактами, не допускать искажений общеизвестных истин. На наш взгляд, постановщики допустили вольность в обращении с фактом отправки телеграммы в Москву В.И. Ленину об установлении Советской власти в Абхазии. Как известно, этот выдающийся документ был составлен не одним человеком, а всеми членами Ревкома Абхазии Е.А. Эшба, Н.А. Лакоба и Н.Н. Акиртава и подписан ими. Так он и вошел в историю Коммунистической партии Советского Союза.

Недавно в передовой статье «Правда» писала: «Главное для исследователей – правдивое освещение фактов и событий прошлого, неукоснительное соблюдение принципа историзма, партийности и научной добросовестности». Это замечание целиком относится и к писателям, и к режиссерам, обращающимся к исторической теме.

Художественное и музыкальное оформление спектакля (художник Т. Жвания, композитор М. Берикашвили), отличаясь строгой простотой и продуманностью, производит весьма благоприятное впечатление. Идейную сущность произведения удачно и верно выражает изображение солнечного диска, на фоне которого происходит все действие, причем постепенно изображение наливаясь светлыми тонами, в финале становится ярким, пылающим, озаряя все вокруг своими живительными лучами: взошло солнце народного счастья, положив конец вековым страданиям и ознаменовав начало новой эры.

1967

4.3. ВЕСЕЛЫЙ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Уже несколько месяцев идет на сцене Сухумского государственного драматического театра им. С.Я. Чанба веселый, увлекательный спектакль «Алоу сердится», поставленный главным режиссером абхазского театра, заслуженным деятелем искусств Абхазской АССР Д.В. Кортава по одноименной комедии Ш.Е. Чкадуа. Этим спектаклем абхазская труппа театра закрыла свой прошлогодний сезон, с этим спектаклем она гастролировала целое лето по городам и районам Абхазии, этим же спектаклем она открыла и новый сезон.

Автор комедии Шота Чкадуа – не новичок в абхазской драматургии, да и в литературе в целом. На сцене Сухумского театра еще раньше шли его пьесы «Кто из нас глухой?», «Два профессора», «Враг человека...». Причем первая из них («Кто из нас глухой?») под названием «Жуля и Мажуля», поставленная коллективом Центрального театра Советской Армии, неоднократно показывалась всесоюзному зрителю из Москвы по Центральному телевидению. Горячий прием у зрителя нашли также его юмористические и сатирические скетчи, интермедии, поставленные театром миниатюр при Абхазской государственной филармонии под руководством народного артиста ГССР Ш.А. Пачалиа. Я уж не говорю о его прозе, не менее популярной, чем драматургия (назовем хотя бы рассказ «Ну что ей стоит улыбнуться!..», повесть «Женщина легкого поведения» и другие).

И вот состоялась новая встреча зрителей с уже полюбившимся автором. О чем хочет поведать автор зрителю в новой своей работе, что его волнует? Любителей хитроумных сюжетных переплетений мы вынуждены сразу же разочаровать: нет здесь никаких острых, запутанных сюжетных ходов с неожиданными, крутыми поворотами, ошеломляющими сценами, не происходит никаких из ряда вон выходящих событий. Все как будто бы подчеркнуто припущено, обыденно, и в то же время очень жизненно, правдиво.

Вместе с корреспондентом одной из областных газет Асланом (его играет заслуженный артист Абхазской АССР А.К. Ермолов),

приехавшим в современное абхазское село Уарха для изучения передового опыта его колхоза «Правда», о котором он собирается писать, зритель неторопливо, шаг за шагом знакомится с экономическим и духовным бытом села, с его жителями, с их делами, интересами, желаниями и мечтаниями. Причем с жизнью одних героев, естественно, мы знакомимся глубже, шире, с другими встречаемся мельком, как бы мимоходом, но в целом получаем возможность составить себе четкое представление о современном колхозном селе, о его достижениях и недостатках, о его заботах и нуждах, а главное – о той здоровой, нравственной, психологической атмосфере, которая все прочнее утверждается сегодня в нашей жизни благодаря неуклонной, решительной борьбе с различного рода негативными явлениями, имевшими широкое распространение в недалеком прошлом и все еще не до конца изжитыми.

В центре спектакля – образ председателя колхоза «Правда» Алоу. В исполнении народного артиста ГССР Ш.А. Пачалиа Алоу – это опытный, отлично знающий хозяйство и людей, выросший на земле и кровно связанный с этой землей руководитель. С первого взгляда он может показаться грубым, черствым, самовлюбленным бюрократом, но на поверку выясняется, что у него, наоборот, очень даже нежное, доброе, любящее сердце. Другое дело – он строг и требователен к подчиненным, особенно к людям, находящимся не в ладах с трудовой дисциплиной. Но такая строгость, сочетающаяся со справедливостью, может идти только впрок общему делу.

Правда, Алоу не идеализируется авторами спектакля. Иногда он излишне вспыльчив, неоправданно резок и груб, а также в начале несколько недооценивает работу очагов культуры на селе, до поры до времени не оказывает действенной помощи и поддержки коллективу художественной самодеятельности и т. д. Хотя, как выясняется далее из хода действия, нет четко выраженного отношения к проблемам развития духовной жизни сельских тружеников не только у Алоу, но и у самих авторов спектакля. В первых сценах Алоу показан непримиримым противником каких бы то ни было культурно-массовых мероприятий на селе, так как для него существует только государственный план по чаю, табаку, животноводству и т. д., на выполнение которого он и направляет все свои силы и внимание. Ина самом деле трудно или почти невозможно возразить Алоу, когда он категорически запрещает в разгар полевых

работ снимать людей с чайных плантаций и собирать их в доме культуры на репетиции художественной самодеятельности. Здесь стремление создателей спектакля пожурить отдельных руководителей хозяйств за их невнимание к вопросам культурного досуга сельского населения не дает, на наш взгляд, ожидаемого эффекта: зритель оправдывает вполне логичные действия Алоу и смеется над незадачливыми «культтрегерами». Если уж хотели авторы бичевать зажимщиков культурного развития, так следовало их показать в соответствующей жизненной ситуации. К сожалению, этого нет в спектакле. Наоборот, Алоу, оказывается, вообще-то и не такой уж закоренелый враг культуры. Он только за то, чтобы безоговорочно выполнялся план сельскохозяйственных работ, а после этого не прочь и поразвлечься, погулять на славу.

На протяжении всего спектакля мы имеем возможность понаблюдать за самыми различными изменениями душевного состояния героя: то Алоу раздражен до предела, мечет грома и молнии, то величественно спокоен и сдержан, то гневно кричит в телефонную трубку, угрожая кому-то суровой расправой, то нежно и ласково гладит по головке родную дочь... Но во всех ситуациях он правдив и искренен, а потому и внушает доверие и завоевывает симпатии зрителей. В этом еще раз сказалась подлинная артистическая культура талантливого художника. Думается, что множество классических образов как национальной, так и переводной драматургии, воплощенных Ш.А. Пачалиа на сцене нашего театра, не затмят, самобытный образ Алоу, и что роль эта станет заметной вехой в творческой биографии большого актера.

Много и других интересных образов в спектакле – живых, ярких, как бы списанных непосредственно с натуры. К ним прежде всего мы отнесли бы пожилую колхозницу Яку. Ее роль весьма эмоционально и колоритно исполняет народная артистка ГССР М. Пачалиа. Яка Пачалиа – это женщина с нелегким характером, перенесшая в жизни немало трудностей, но никогда не унывающая, защищающая правду не только голыми словами, но, если нужно, то и кулаками. В ней как-то естественно, органически сочетается стремление к постижению нового, современного образа жизни с соблюдением отживших или, во всяком случае, отживающих свой век обычаев старины. (Например, очень интересна сцена, где Яка поучает свою молодую невестку Гугуцу, как та должна вести себя

в обществе: не разговаривать со старшими, не поворачиваться к ним спиной, не снимать косынку...).

К несомненным удачам авторов спектакля нужно отнести и образ Шаратына – этого непутевого директора сельского дома культуры (его роль исполняет заслуженный артист Абхазской АССР А.В. Тания). Шаратын еще совсем молод, только вступает в жизнь, но, уже отлично научился «шагать в ногу» с начальством. Правда, был момент в его жизни, когда он полностью раскрыл свое подлинное лицо. Это когда он в нетрезвом состоянии, расхрабравшись, приходит в кабинет Алоу и выкладывает ему все, что думает о нем, о себе, о своей работе, о других. А.В. Тания – артист широкого творческого диапазона, он превосходно играл на нашей сцене как жанровые комедийные, так и сугубо драматические роли. Шаратын – одна из его удачных ролей, несмотря на то, что в некоторых сценах он уже слишком теряет чувство меры и начинает переигрывать (например, чрезмерное манерничество, жеманство в сцене случайной встречи с Гугуцей в кабинете Алоу).

Очень мила, непосредственна, искренна артистка Н. Лакоба в роли Гугуцы. Запоминаются также образы колхозного сторожа Тхасоу (народный артист ГССР Р. Агрба), работника свинофермы Тиру (артист В.А. Аблотиа), бухгалтера Калистрата (артист С. Чуаз) и особенно же колхозного бригадира Гаху с его характерным заиканием, постоянно создающим неподдельный комический эффект.

Спектакль «Алоу сердится» режиссерски решен как веселое, зрелищное представление, со множеством музыкальных номеров (музыкальное оформление К. Гогуадзе). Причем музыкальные куплеты здесь не просто вставные номера, призванные развлекать заскучавшего зрителя, а связаны неразрывно с основной сюжетной линией произведения, дополняют, углубляют его идею. Основную проблему комедии постановщик Д.В. Кортава решает простыми, но, на наш взгляд, весьма выразительными средствами, без лишних декорационных нагромождений, с яркими, отлично продуманными мизансценами. Надолго запомнит зритель такие комические сцены, как «репетиция» концерта художественной самодеятельности, пьяный Шаратын в кабинете Алоу, телефонный разговор Алоу с начальником автоинспекции Джото по поводу возвращения отобранных водительских прав Шаратына и многие другие. Зритель от начала до конца спектакля неудержимо хохочет.

Однако спектакль заставляет не только смеяться, но не в меньшей степени и задуматься над многими серьезными вопросами нашей жизни. Правда, есть и здесь некоторые сцены, может быть, не совсем продуманные, а иногда даже несколько пошлые, рассчитанные на дешевый эффект (например, сцена с «аппендицитом»), но, к счастью, не они делают погоду в спектакле. В целом «Алоу сердится» – это представление пронизанное здоровым, жизнеутверждающим народным юмором, от встречи с которым человек духовно обогащается.

И, наконец, в связи со спектаклем «Алоу сердится» мне хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Об успехах и недостатках в работе абхазской труппы Сухумского драмтеатра в последние годы писалось и говорилось много – и на страницах прессы, и с трибун различных, весьма представительных и авторитетных совещаний. При этом, всячески поощряя и поддерживая стремление коллектива театра обогатить свой репертуар переводами апробированных произведений из современной и классической литературы других народов, критики не раз указывали на слабость национальной драматургической основы. Как известно, без национальной драматургии не может быть самобытного, подлинно национального театра. На эту слабую сторону обратила особое внимание и столичная критика при обсуждении спектаклей нашего театра, который летом прошлого года впервые гастролировал в Москве, в целом успешно выдержав трудный экзамен перед доброжелательным, но требовательным и взыскательным столичным зрителем.

Я далек от мысли утверждать, что постановкой на сцене Сухумского театра комедии Ш.Е. Чкадуа «Алоу сердится» разрешены все проблемы абхазской драматургии. Но хочется верить, что, подобно первой ласточке, появившейся на небе после долгого зимовья, предвещающая наступление желанной весны, комедия эта станет провозвестницей нового мощного подъема одного из ведущих жанров нашего национального искусства. Видимо, об этом же говорит и театральный анонс нынешнего сезона, согласно которому в текущем году зрителю будет показан ряд новых работ абхазских драматургов.

1974

4.4. НА СЦЕНЕ – АБХАЗСКАЯ СКАЗКА

Абхазский коллектив Сухумского государственного драматического театра им. С.Я. Чанба в самом конце 1977 года преподнес своим юным зрителям приятный сюрприз – премьеру спектакля «Дочь Солнца». Подарок этот особенно ценен тем, что до сих пор у нас не было удачных детских спектаклей, осуществленных на основе национальной драматургии.

Давно и заслуженно пользуется успехом у юных читателей поэма-сказка известного абхазского поэта К.Ш. Ломиа «Дочь Солнца». Она входит в учебную программу для абхазских школ. С этим произведением знаком и всесоюзный читатель: поэма издавалась на русском языке в Москве. По ее мотивам и написана пьеса, однако написана не самим автором поэмы, а талантливой абхазской поэтессой Нелли Тарба. Нужно сразу же оговориться, что «Дочь Солнца» – это не просто инсценировка одноименной поэмы, а новое литературное произведение, хотя и сохраняющее во многом общую с первоисточником сюжетную канву. Бескорыстное, беззаветное служение народу, борьба за народное счастье – высшая цель и назначение человека: вне этой борьбы нет и личного счастья – вот главная идея произведения, воплощенная в сказочно-фантастическом сюжете, рассказывающем о борьбе героя, которую он ведет, чтобы добыть солнечный свет для своего народа.

Спектакль «Дочь Солнца» примечателен во многих отношениях: и добротной литературной основой, и слаженностью актерского ансамбля, и выразительным художественным, музыкально-хореографическим и световым оформлением, и тем, что благодаря ему в нашем театре состоялось рождение нового талантливого режиссера. Заслуженная артистка ГССР и Абхазской АССР Этери Когониа, до сих пор известная как одна из ведущих актрис абхазского театра, выступила как режиссер, сумев под общим руководством главного режиссера абхазской драмы, заслуженного деятеля искусств Абхазской АССР Д.В. Кортава, поставить яркий, зрелищный, эффективный спектакль.

Как сказано выше, сюжет пьесы – сказочный. Неким царем-самодуром Солнцу нанесено тяжелое оскорбление, вследствие чего оно отвернулось от людей, перестало посылать им свой свет и тепло. Доведенные до отчаяния люди призывают на помощь своих богатырей – Сасрыкву и Абрскила, но и те не в силах вызволить народ из беды. И вот тогда-то рождается новый герой – Ахра. Он отправляется к Солнцу. На далеком трудном пути ему предстоит не одно испытание (поединок с многоголовым драконом – агулшапом, встречи с богатырской девой-чародейкой и злой старухой-ведьмой), но с помощью то физической силы, то смекалки и находчивости, преодолев все препятствия, он достигает дворца Солнца. Обаянием, смелостью, умными, справедливыми речами Ахра располагает к себе Солнце и его супругу Весну и завладевает сердцем их единственной дочери. Ни за какие блага (его невесте – Дочери Солнца обещает в приданое целую планету) герой не соглашается отказаться от возвращения на грешную Землю, где нет конца распрям, склокам, заботам. Ибо для Ахры вне Земли, вне родного народа нет и не может быть никакого счастья. Только для людей и только с ними ему дорога его собственная жизнь. Поэтому герой и возвращается на Землю вместе с дочерью Солнца, принеся людям свет и тепло. Все на Земле вновь оживает, народ ликует и воздает славу своему герою.

В спектакле вместе с ведущими артистами занята и талантливая молодежь. В роли Ахры выступает молодой актер Т. Чамагуа, недавний выпускник Тбилисского театрального института им. Ш. Руставели. Это одна из его первых ответственных ролей на сцене профессионального театра. И тем приятнее отметить, что он отлично с нею справился. В Ахре Т. Чамагуа привлекают неукротимая внутренняя энергия и юношеский задор. По ходу действия герой попадает в самые разнообразные ситуации, которые требуют от него проявления высоких физических и душевных качеств – здесь нужны и смелость, и находчивость, и ловкость, и настойчивость. Актер раскрывает характер своего героя естественно и последовательно, без излишней внешней суеты. И зритель верит каждому его слову, каждому движению. Поздравляя молодого актера с удачным дебютом, хочется надеяться, что он еще не раз порадует нас своими новыми сценическими образами.

В спектакле «Дочь Солнца» занята целая группа ветеранов нашей сцены. Роль Солнца исполняют народные артисты ГССР А. Агрба и Л. Касландзия. Сходясь в трактовке главного, каждый из них вносит своеобразные штрихи в создаваемый образ. В исполнении А.Р. Агрба Солнце представляется нам более торжественным, возвышенным. Л.Ш. Касландзия же вносит в образ некоторые черты бытовой приземленности и юмора. Величава народная артистка ГССР М. Зухба в роли Сатаней-Гуаши. Чертами простоты и искренности отмечена Весна в исполнении народной артистки Грузинской ССР А.Б. Аргун-Коношок. Запоминающийся образ Представителя мужчин создал народный артист ГССР М.О. Кове. Решительный, волевой, до конца преданной своему избраннику рисует молодая актриса Р. Дбар свою героиню – Дочь Солнца. Правда, в непосредственном развитии действия Дочь Солнца занимает незначительное место, появляясь только к концу спектакля, но и в идейном отношении именно этот образ является одним из центральных, несущих большую смысловую нагрузку.

Несомненно, к актерским удачам спектакля принадлежат роли старухи-ведьмы (арт. П. Джикирба) и дракона (заслуженные артисты Абхазской АССР А.В. Тания и А.К. Ермолов). Хочется отметить деву-великана (заслуженная артистка Абхазской АССР Л.И. Гицба) и голову и хвост дракона (заслуженный артист Абхазской АССР С.В. Сакания и артисты А. Даутиа, Л. Ахба).

Вместе с драматургом, режиссером и исполнителями ролей успех постановки заслуженно разделяют художник Т. Жвания, композитор – заслуженный деятель искусств Абхазской АССР М. Берикашвили и хореограф – заслуженная артистка ГССР Л.А. Чихладзе, кропотливая и вдохновенная работа которых обеспечила яркость, музыкальность, ритмичность и зрелищность спектакля.

Сценическое воплощение «Дочери Солнца», на наш взгляд, не лишено и отдельных недостатков, и спорных моментов. Главным образом просчеты эти вызываются, по-видимому, неоправданными отступлениями от сюжетной линии поэмы, легшей в основу пьесы и спектакля. Так, например, органически не слилась с сюжетом пьесы легенда о том, как Абхазия впервые досталась абхазам. Ине потому, что легенда эта не оригинальна (аналогичные легенды встречаются и у многих других народов), а потому, что сказочная эстетика сама по себе не любит такого конкретного гео-

графического или исторического приурочения. Неудачным представляется и обращение авторов спектакля к эпическим образам Сасрыквы, Сатаней-Гуаши, Абрскила. Все эти герои несовместимы с той средой, которая выводится в спектакле, они просто не могут сосуществовать рядом, на одной плоскости. И поскольку эти образы являются эпизодическими и проходят стороной, не задевая основной сюжетной линии спектакля, лучше было бы, конечно, вообще не тревожить их. Кстати, подобных просчетов легко можно было бы избежать, если бы создатели спектакля своевременно обратились за соответствующей консультацией к специалистам-фольклористам, этнографам, историкам древней культуры. Однако, повторяем, подобные погрешности не могут существенно повлиять на общую восторженную оценку спектакля.

1978

4.5. И СМЕХ, И ГРЕХ

В сюжетной основе нового спектакля Абхазского государственного ордена «Знак Почета» драматического театра им. С.Я. Чанба «Белый портфель», поставленного заслуженным деятелем искусств ГССР и Абхазской АССР М.К. Мархолия по одноименной сатирической пьесе известного писателя, прозаика-драматурга, лауреата Государственной премии Абхазской АССР имени Д.И. Гулиа Шалоди Аджинджал, лежит анекдотический случай. В один из отдаленных уголков Абхазии приезжает в командировку молодой корреспондент областной газеты Гудиса Ланба. Посетив универмаг курортторга «Русалка», имеющий отличные показатели в товарообороте, и, собрав необходимые сведения для статьи, он уже собрался было уходить, но подувший в это время ветер рассыпал исписанные им листки. И это напомнило ему о необходимости приобрести папку или портфель. И вот после долгих препирательств с работниками универмага, не желавшими получить с него денег, он выбирает белый портфель.

Как выясняется из дальнейшего хода молниеносно развивающихся событий, в этом портфеле лежат деньги, предназначенные для руководящих работников треста как месячная их доля за «услуги», оказываемые работниками главка своим подчиненным. Начинается борьба, как говорится, не на жизнь, а на смерть за его возвращение. На какие только ухищрения не пускаются работники универмага «Русалка»: то всячески хулят портфель, называя его старомодным, бракованным; обещая заменить его самым ультрамодным, то стараются в ресторане выкрасть его, предварительно напоив хозяина вином, то пытаются в номере гостиницы подменить его другим, идентичным, срочно доставленным с фабрики... Однако все их потуги оказались напрасными.

И тогда только один-единственный путь остается у «утопающих» – немедленно обратиться за спасением к своим покровителям, к тем, кому предназначалось содержимое портфеля. «Благодетели» встречают своих подопечных по старой привычке не только с распростертыми объятиями, но и с широко раскрытыми карманами и распахнутыми портфелями, чтобы туда посылались

монеты по звонче и купюры по крупнее. Однако стоило только им услышать от Лагу Лаговича пренеприятнейшую новость о том, что портфель попал в чужие руки и что корреспондент подослан одним из ответственных и, как видно, честных работников треста, как все они моментально, в ту же секунду отвернулись, отмежевались от своих «кормильцев», обвиняя их во всевозможных грехах, в грубом нарушении правил советской торговли. И начинается настоящий крупный скандал между взяточниками и взяточдателями, обливающими друг друга грязью. Начальство, чтобы запугать своих подчиненных, обвиняет их в шантаже, провокации, а те в свою очередь выкладывают все, чем одаривали своих «благодетелей»: перечисляются и автомашины, и импортные спальные гарнитуры, и дубленки, и серьги, и кольца, и просто ежемесячные «взносы». Казалось бы, после всего этого все должно быть кончено между этими озверевшими людьми, их примирение невозможно. Уже даже вызвана милиция. Однако именно в этот момент в тресте неожиданно появляется корреспондент со своим злополучным портфелем и спокойно возвращает его работникам универмага, заявив, что не смог его открыть и что хотел бы, если это возможно, обменять на другой. Все кидаются к желанному, долгожданному портфелю и, удостоверившись, что это он – тот самый и что содержимое его в целости и сохранности, приходят в дикий восторг и сразу же забывают обо всех своих взаимных обвинениях и обидах.

Однако радость их оказалась недолговечной – появляющийся в самом финале спектакля милиционер уверенной, твердой рукой как бы накладывает арест на портфель, нагнав на всех этих мошенников и хапуг смертельный страх.

Думается, что комедия Ш.М. Аджинджал правильно, вдумчиво прочитана коллективом Абхазского театра и воплощена им в яркий, зрелищный, самообытный спектакль, отмеченный несомненным режиссерским мастерством и крупными актерскими удачами. Режиссер М.К. Мархолия представил на суд зрителя не обыденную, реалистическую картину современного быта, а, следуя духу, пафосу и жанровой специфике литературного первоисточника, воспроизвел на сцене в шаржированных, сатирических образах определенные, к сожалению, все еще не до конца изжитые негативные стороны нашей действительности, сознательно выпячивая, укрупняя, доведя их до гротескного изображения, стремясь таким приемом достичь желаемого результата – гневного осмеяния чуждых

нам явлений. Поэтому было бы не совсем правильно подходить к оценке данного спектакля и вообще подобных ему произведений искусства с точки зрения лишь внешнего соответствия жизненной правде, без учета их жанровой специфики.

Какими бы ни были интересными, заманчивыми замыслы драматурга и режиссера, они всегда останутся благими намерениями, если не получили достаточно убедительного образного воплощения в живом актерском исполнении. Успех спектакля «Белый портфель» во многом объясняется талантливой игрой актеров, представителей всех трех поколений Абхазского театра.

Оригинальный, нестереотипный образ директора универмага Лагу Лаговича создан заслуженным артистом ГССР и Абхазской АССР А.К. Ермоловым. В его исполнении Лагович очень ограниченный, невежественный, грубый человек, руководствующийся в своих поступках единственным принципом – сам бери и другим давай. Не обнаружив таланта ни в каком другом деле, в одной области он все-таки преуспевает – в умении подкупать нужных ему людей, ублажать их в расчете на то, что в критический момент они его поддержат. И каково же было возмущение директора, точно переданное тонкой игрой актера А.К. Ермолова, когда обнаружилось, что все эти, казалось бы, до гробовой доски преданные ему люди перед угрозой вдруг стушевались и перестали его узнавать, более того – обвиняют в шантаже и провокации. Вот тут-то он пустил в ход весь арсенал своего изысканного «красноречия».

Под стать директору и его заместитель в блистательном исполнении заслуженным артистом ГССР и Абхазской АССР М.К. Зухба (Габро) и С.В. Сакания (Грамитон). Они по-своему изобретательны, ловки, сообразительны, имеют богатый «опыт работы» (читай: мошенничества, воровства), которым охотно делятся со своим новым, на их взгляд, неудачным, неумелым учеником, а на самом деле добропорядочным юношей, стажером-практикантом Алиасом (артист В. Ардзинба).

Женские образы в спектакле представлены тремя прекрасными актрисами. Две из них исполняют роли работниц универмага. Это, прежде всего, давно полюбившаяся нашему зрителю исполнительница ведущих ролей во многих спектаклях Абхазского театра народная артистка ГССР С.Х. Агумаа в роли многоопытной продавщицы и соблазнительницы Мимозы, и молодая актриса Т.Л. Гамгия в роли второй продавщицы – Гулки. Третий женский образ,

воплощенный заслуженной артисткой ГССР и Абхазской АССР Н.Г. Лакоба, – это безымянная секретарша в приемной управляющего трестом, с исключительно колоритной походкой и характерной манерой говорить по телефону.

В спектакле созданы образы работников треста, состоящих в преступной связи с миром ловкачей. Вновь (в который уже раз!) заблистал неповторимыми яркими гранями своего могучего таланта народный артист ГССР и Абхазской АССР Л.Ш. Касландзия в роли управляющего трестом Барфыновича. С каким мастерством этот большой актер передает метаморфозы своего «героя»! Встречая в тресте Лаговича, он весь сияет, он так добр, так внимателен, что не скажешь иначе, как душа-человек. Но стоило только ему узнать, что нагрянула беда, он весь тут же мрачнеет и знать не знает никакого Лаговича, ни его имени, ни его фамилии, ни его портфеля!

Заместители управляющего Мачагович (народный артист Абхазской АССР и заслуженный артист ГССР А.В. Тания) и Джанхуатович (арт. А. Даутиа) такие же оборотни, как и их шеф. Многоопытный артист театра и кино А.В. Тания и сравнительно молодой актер А. Даутиа убедительно, достоверно раскрывают характеры своих персонажей.

Миру стяжателей и хапуг, миру дельцов противопоставлены в комедии образы чистых и честных молодых людей – корреспондента Гудисы (арт. С. Сангулиа) и практиканта-стажера универмага Алиаса в исполнении упоминавшегося уже артиста В. Ардзинба. Верится, что эти молодые люди, вступающие в жизнь не через боковые ворота, в которые толкают их Лагович и его сподручные, а с центрального входа, с фасадной стороны, безусловно, выдержат испытание временем и не поддадутся никаким соблазнам и уговорам нечистоплотных людей.

Декорации и костюмы выполнены со вкусом, не претенциозно (заслуженный художник ГССР и Абхазской АССР Е.Г. Котляров), музыкальное оформление также исключительно удачное, способствует созданию эффективных сцен (заслуженный деятель искусств Абхазской АССР А. Эсебуа).

Спектакль «Белый портфель» принят зрителем с большим интересом и пониманием. Он, несомненно, будет активно способствовать той последовательной, неухающей борьбе, которая настойчиво ведется в нашей республике с негативными явлениями.

1984

4.6. ТРЕВОЖНЫЙ НАБАТ

Широкоформатный художественный фильм «Колокол священной кузни», поставленный режиссером Марком Ковалевым на киностудии «Мосфильм» по сценарию абхазского писателя, прозаика и драматурга Шалоди Аджинджал, известного всесоюзному зрителю по прежнему его фильму «В ночь на новолуние». В обоих фильмах Ш.М. Аджинджал обращается к теме революционной борьбы в Абхазии. Однако в отличие от первого, построенного на чисто художественном, поэтическом вымысле, в основе второго фильма лежат документальный материал, действительные факты, жизнь реальных исторических деятелей, центральным из которых является Нестор Лакоба.

Создать фильм о Несторе Лакоба – задача почетная, но в то же время очень сложная и ответственная. Сложная потому, что герой этот очень близок и дорог народу, воспроизвести на экране адекватный художественный образ, который так же сердечно принял бы простой народ. Забегая вперед, можно твердо заявить, что со своей основной миссией создатели фильма успешно справились.

Действие фильма происходит в тяжелые 1918–1921 годы, когда в Абхазии бесчинствовали меньшевистские заправилы. Демагогически разглагольствуя на словах о широких, демократических правах и свободе для народа, их реакционнейшая буржуазно-помещичья власть на деле жестоко преследовала малейшие проявления свободолюбия и свободомыслия. Свиристествовал белый террор, часто устраивались всевозможные погромы, налеты, снаряжались одна за другой карательные экспедиции. Однако никакие жестокие меры не смогли ни сломить, ни заглушить стремление трудового народа к свободе и счастью. Наоборот, с еще большей силой развернулась в крае организованная политическая, революционная борьба. Одним из наиболее крупных и талантливых организаторов борьбы за власть Советов в Абхазии, наряду с Ефремом Эшба и некоторыми другими деятелями, был Нестор Лакоба.

Популярность пришла к Н.А. Лакоба не случайно: основы ее были прочно заложены еще в годы революционной борьбы, в тот период, которому и посвящен фильм «Колокол священной кузни».

Исключительно сложен социальный, политический и нравственный конфликт, лежащий в основе фильма. Для его оптимального разрешения дан лишь единственный путь – непримиримая революционная борьба. Раскрытию именно этой центральной идеи подчинены драматургия фильма, ее режиссерское и актерское воплощение.

Перед глазами зрителя проходит широкая панорама социальной и политической жизни Абхазии в указанный период. Здесь выведены представители всех социальных слоев общества, начиная от беднейших крестьян, от промышленных и портовых рабочих и кончая главарями меньшевистского правительства. При этом в центре киноповествования все время находится конфликт между большевиками и меньшевистскими правителями. Конкретное сюжетное воплощение этот конфликт находит в образах пламенных революционеров Нестора Лакоба, Константина Панкратова, Мамия Абесадзе, Армена Мирзояна, с одной стороны, и представителей вражеского лагеря – генерала Джакели, полковника Заканбея Званба, прапорщика Таташа, урядника Сардиона Учардия – с другой.

Генерал Джакели, полковник Заканбей Званба и их приспешники делают все возможное, чтобы упрочить свою власть, удобные им порядки в крае. Для этого они прибегают к насилию, к различным ухищрениям, нечистоплотным приемам. Отлично понимая огромное влияние Нестора Лакоба в народных массах, они предпринимают попытку склонить его на свою сторону, призывая к сотрудничеству с ними якобы в интересах спасения народа от бессмысленного кровопролития. Однако Н.А. Лакоба, естественно, готов скорее принять смерть от рук палачей, чем согласиться на такое унижительное предложение.

Нестор Лакоба в фильме показан в различных жизненных ситуациях: то среди крестьян-бедняков, объединенных им в революционную дружину «Киараз», то в сражениях с меньшевистскими войсками, то в кругу друзей-единомышленников, обсуждающих конкретные планы революционной борьбы в Абхазии, то в разговоре с матерью, обеспокоенной судьбой любимого, но непокорного сына, то в дружеской беседе с седобородым старцем Лу-

маном – хранителем священной кузни, то в жестоком словесном поединке с Джакели и Заканбеем. И каждый из этих эпизодов раскрывает черты характера героя. В целом же из этих деталей складывается образ народного вожака, непоколебимого революционера. В этом, наряду с режиссером и сценаристом, большая заслуга принадлежит исполнителю роли Нестора Лакоба, заслуженному артисту Кабардино-Балкарской АССР Пшизабию Мисостишхову. Твердость характера, целеустремленность, бесстрашие, остроумие, неподдельная любовь к трудовому народу и яркая ненависть к его врагам и многие другие добрые качества, которыми щедро был наделен Нестор Лакоба, убедительно раскрываются в игре талантливого актера. Сильные, запоминающиеся образы большевиков созданы в фильме артистами Г.А. Корольковым (Костя Панкратов), Н.А. Бекаури (Мамия Абесадзе), Ю.М. Сагьянцем (Армен Мирзоян) и другими. Эпизодична, но очень важна, и значительна роль Серго Орджоникидзе (артист Б. Какабадзе). Также сильны и убедительны в художественном отношении и образы врагов революции. Генерал Джакели – особо уполномоченный грузинского меньшевистского правительства в Абхазии в исполнении народного артиста ГССР А.М. Гомиашвили не прочь показаться на людях таким либералом. Он много разглагольствует о демократии, о свободе, но в критических ситуациях проявляется его истинное звериное нутро, жестокость, беспощадность. Не уступает ему в жестокости, а, пожалуй, даже превосходит, полковник, князь Заканбей Званба, роль которого отлично исполняет известный артист кино и театра Кахи Кавсадзе.

Хотелось бы также отметить как приятный факт и то, что в общем актерском ансамбле фильма очень внушительно представлена абхазская группа. Здесь и народный артист Грузии, Абхазии и Северной Осетии Нурбей Камкия, исполнивший интересный, внутренне противоречивый образ Сафара, и сын его Аслан Камкия – ныне студент ВГИКа, снявшийся в роли самого молодого кизаравца Зураба, и заслуженный артист Грузии и Абхазии Амиран Тания в роли жестокого, тупого и в то же время трусливого урядника Сардиона Учардия, и заслуженный деятель искусств Абхазской АССР З.М. Кове в роли прапорщика Таташа. В небольших эпизодах участвуют, но тем не менее ярко запоминаются: В.В. Маан (в роли матери Н.А. Лакоба), С.Х. Агумаа (сестра Тамела), М.О. Кове (кре-

стьянин Махаз), Ч. Джения (пасечник), Г. Тарба (мельник Тамел) и Д. Аджинджал (звонарь).

Следует особо выделить одну роль, несущую наряду с центральным образом фильма важную идейную нагрузку – убеленного сединой старца Лумана Цанба, хранителя священной кузни, в исполнении заслуженного деятеля искусств Абхазской АССР Х.Ф. Джопуа. Старый Луман-Джопуа – это не хранитель священной кузни в старом, религиозном смысле, он не фанатик, проповедующий безропотное подчинение Богу и власть имущим. Он за социальную справедливость, за то, чтобы добро восторжествовало на земле. Этим и объясняется его помощь киаразовцам и другим борцам за социальную свободу, его близость к Нестору Лакоба. Не случайно колоколу его кузни отводится ключевая роль во всем фильме. Колокол здесь становится образом, символом. В злобном бешенстве и бессилии князь Заканбей Званба, выхватив пистолет, стреляет в заливающийся тревожным звоном священный колокол, чтобы заставить умолкнуть, и срывает его с колокольни. Сорвать он его сорвал, но навсегда заглушить голос глашатая свободы коварному врагу не под силу. Звон колокола понесся, покатился по горам, по долам, по всему краю, поднимая людей на борьбу за свободу. И поднялся трудовой народ, разбуженный этим тревожным набатом. Финал фильма оптимистичен. Киаразовцы, сломив натиск врага, ждут прихода в Абхазию IX Красной Армии.

Было бы несправедливо не упомянуть здесь добрым словом исполнителей и других важных для раскрытия идейного содержания фильма ролей: молодого киаразовца Даура (артист МХАТа В.И. Жолобов), отчаянного народного мстителя, абрека Ризы, от одного только пристального взгляда которого враги приходят в трепет (артист М.О. Аков), красавицы Камачич, дочери пасечника, отдавшей свою юную жизнь борьбе за свободу (заслуженная артистка Чечено-Ингушской АССР Т.Х. Яндиева) и других.

В фильме красной нитью проходит мысль о том, что борьба за Советскую власть в Абхазии тесно связана с общей борьбой народов всей нашей страны, что она являлась составной частью этой борьбы, организовала, руководила и направляла ее партия большевиков. В борьбе за власть Советов в Абхазии принимали участие все трудящиеся края, и потому она носила с самого начала интернациональный характер.

Успеху фильма в значительной степени содействует работа оператора В.И. Фастенко, композитора – Б.Н. Рычкова и художника В.В. Гладникова. Очень эффективно, впечатляюще показаны в фильме пейзажи Абхазии, ее горы, реки, море, леса, поля. Причем картины эти носят не чисто декоративный характер, а выполняют существенную сюжетно-композиционную функцию. Тревожная, призывная музыка как бы комментирует драматические события, происходящие в фильме. Удачно использованы и мелодии абхазских народных песен, хотя жаль, что в фильме, специально посвященном киаразовцам, не прозвучала мелодия «Песни киаразовцев» (или, как называют ее еще, «Песня о Лакобе»), родившаяся именно в те революционные годы в Абхазии.

Фильм «Колокол священной кузни» – дань всеобщей любви к любимцу народа Нестору Лакоба и его соратникам, боевым друзьям, патриотам и интернационалистам, посвятившим всю жизнь борьбе за победу правого дела. Он, несомненно, будет активно способствовать воспитанию наших людей, особенно подрастающего поколения, в духе верности славным революционным традициям.

Кинокартина явилась достойным вкладом в торжества, посвященные 90-летию со дня рождения Н.А. Лакоба.

5. НАУКА

5.1. ЦЕНТР АБХАЗОВЕДЕНИЯ

(К 50-летию Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР)

Великие преобразования, происшедшие за советские годы в экономической и культурной жизни Абхазии, бывшей отсталой окраины царизма, наглядно видны на примере развития научной мысли в автономной республике. В крае, где до революции не было ни одного научного учреждения, ни одного научного работника из коренной национальности со специальной теоретической подготовкой (единицы, интересовавшиеся вопросами истории и культуры родного народа, были просто любителями, энтузиастами), в настоящее время имеется около 20 научных учреждений и два крупных высших учебных заведения, ведущих наряду с учебно-воспитательной также большую научно-исследовательскую работу. Все это стало возможно благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии, преследующей единственную цель – добиться полного расцвета экономики и культуры всех народов, больших и малых, населяющих нашу великую Родину.

Без науки, без глубокого, объективного научного освещения пройденных этапов, современного состояния и перспектив развития невозможно дальнейшее развитие общества. Вот почему в нашей стране придается такое исключительно важное значение развитию науки, всемерному укреплению ее связей с жизнью.

В Абхазии с первых же дней установления Советской власти в центре внимания руководства республики, наряду с другими неотложными задачами, оказываются и вопросы развития науки. Один из первых декретов, принятых Ревкомом ССР Абхазии в 1921 году, касался именно вопроса развития науки в республике. И уже в августе 1922 года на базе существовавшего до революции Сухумско-

го общества лесного хозяйства было создано Абхазское научное общество (АбНО) (Очерки 1964:137).

В состав совета общества входили Г.П. Барач (председатель), Н.А. Лакоба, С.Я. Чанба, А.М. Чочуа, Д.И. Гулиа, Н.Н. Акиртава, Д.И. Алания и другие. Факт вхождения в состав совета, наряду с учеными, и руководителей республики говорит сам за себя, указывая на важное значение, которое придавалось работе общества.

Основной задачей, стоявшей перед Абхазским научным обществом, являлось «всестороннее изучение Абхазии и окружающих ее местностей, теоретическая разработка научных вопросов по всем отраслям знания, приложение науки к требованиям жизни и к использованию природных богатств края, а также распространение научных знаний в широких слоях населения» (ССР Абхазия 1925: 104).

И на самом деле, несмотря на то, что Абхазское научное общество не было госбюджетным учреждением, а, следовательно, и не располагало штатными научными работниками, оно проводило значительную научную работу, издавало свои «Труды», «Известия» и «Бюллетень», где выступали такие видные ученые и краеведы, как А.С. Башкиров, Г.П. Барач, В.И. Стражев, М.М. Иващенко, С.П. Басария и другие. Общество занималось изучением производительных сил Абхазии, ее флоры и фауны, сельского хозяйства, а также вопросами истории, археологии и этнографии Абхазии. Особенно значителен был вклад АбНО в изучение Ткварчальского угольного месторождения. Один из выпусков своих «Известий» (второй) оно целиком посвятило Ткварчалу и его естественным богатствам. Общество проводило также важные научно-организационные мероприятия. Так, например, по его инициативе в 1924 году в г. Сухум был созван весьма представительный I съезд краеведов Черноморского побережья и Западного Кавказа.

Наиболее слабым звеном в деятельности АбНО были проблемы абхазской филологии. Поэтому назревает необходимость создания отдельной секции или даже научного учреждения, которое специально и вплотную занялось бы этой областью абхазоведения. Инициатором создания такого учреждения выступил акад. Н.Я. Марр, который еще до революции, начиная с 1912 года, заинтересовался языком, историей и культурой абхазского народа и успешно их

разрабатывал¹. Впоследствии все исследования Н.Я. Марра, посвященные Абхазии, были собраны и изданы отдельной книгой под названием «О языке и истории абхазов» (Марр 1938), проведена также значительная работа по изданию материалов, хранящихся в рукописном фонде Н.Я. Марра в Ленинградском отделении Архива АН СССР, в частности, опубликованы абхазские фольклорные материалы, хранящиеся в этом архиве (Зыхэба 1967).

Обосновывая крайнюю необходимость создания специальной абхазоведческой секции при АбНО (а еще лучше отдельного учреждения), акад. Н.Я. Марр в 1924 году писал председателю Совнаркома Абхазии Н.А. Лакоба: «Недостаточное знакомство с условиями работы и наличными сейчас планами самого общества (т. е. АбНО), поскольку я не имел случая встретиться с его председателем Г.П. Барачем, не дает мне возможности быть полным хозяином вопроса, но одно могу утверждать: необходимо усилить исследовательскую часть общества, посвященную науке о человеке, о языке и эпосе, фольклоре, народных песнях, сказках, преданиях, верованиях и т. д., равно как памятниках материальной культуры. В этом смысле постановление ... образовать секцию абхазского языка при АбНО должно быть, по возможности немедленно осуществлено. Не беда, что нет ученых специалистов, пусть на первых порах будут любители и соревнователи, при некоторой руководственной программе и они могут сделать большое дело (именно то, что сейчас нужно). Конечно, для будущего времени приливу собственных научных сил поспособствует командирование двух или более молодых абхазов к нам для занятий, а пока надо пользоваться всеми готовыми научными силами, которые могут быть использованы в этих целях вне Абхазии. Вообще было бы хорошо абхазоведной секции АбНО обзавестись немедленно помещением для оборудования лаборатории по языковедной, этнографической и археологической работе»².

Абхазоведческая секция, о необходимости которой писал Н.Я. Марр, была организована при АбНО в 1925 году, и руководство ею было возложено на С.П. Басария. Она ставила своей целью «изуче-

¹ О работе Н.Я. Марра над проблемами абхазского языка и истории Абхазии см. (Хашба 1936).

² Цитируется по работе: (Бгажба 1961: 197–198).

ние духовной культуры абхазского народа (языка, фольклора, литературы)» (Бюллетень 1925: 15–16), разработала в этом направлении содержательную программу.

В октябре того же 1925 года по инициативе акад. Н.Я. Марра было создано отдельное научное учреждение – Академия абхазского языка и литературы. Почетным председателем Академии был избран сам инициатор – акад. Н.Я. Марр, председателем вначале был нарком просвещения Абхазии А.М. Чочуа, а затем Д.И. Гулиа. В решении об учреждении Академии подчеркивалось, что организация ее вызывается «настоятельной необходимостью работы над языком коренного населения Абхазии, необходимостью создания его национальной литературы, которая почти отсутствует и без которой «немыслимо культурное возрождение абхазского народа» (ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 227, л. 17).

Оценивая деятельность этого учреждения, член-корреспондент АН ГССР Г.А. Дзидзария пишет: «Основная работа Академии была связана с вопросами изучения и развития абхазского языка. Она занималась также вопросами методики обучения на абхазском языке, сбором и изучением этнографического и фольклорного материалов. В частности, по собиранию (с нотными записями) и изданию абхазских народных песен много сделал композитор К.В. Ковач и народный учитель К.Ф. Дзидзария. Академия сыграла значительную роль в развитии абхазского искусства и литературы» (Дзидзария 1972: 118).

С именем Академии связано опубликование ряда важных работ, не потерявших своего значения и до наших дней. Это прежде всего «Русско-абхазский словарь» акад. Н.Я. Марра (Л., 1926), два сборника композитора К.В. Ковача: «101 абхазская песня» (1929) и «Песни кодорских абхазцев» (1930), ряд этнографических работ Д.И. Гулиа и другие.

Абхазское, научное общество и Академия абхазского языка и литературы для своего времени были авторитетными краеведческими учреждениями, поддерживавшими контакты со многими научными организациями и отдельными учеными как в нашей стране, так и за рубежом. Исследователь истории Абхазии советского периода кандидат исторических наук Б.Е. Сагария, отмечая широкие контакты названных учреждений, пишет: «Абхазское научное общество состояло членом Всесоюзного общества куль-

турных связей с границей и находилось с ним в обмене изданиями. АбНО было связано с 175 научными учреждениями страны, 12 германскими и 67 отдельными учеными. С АбНО и Академией абхазского языка и литературы тесно были связаны такие известные ученые, как акад. Н.Я. Марр, акад. И.И. Мещанинов, проф. Н.Ф. Яковлев, проф. К.Д. Дондуа и другие»¹.

Несмотря на все усилия и абхазоведческой секции АбНО, и Академии абхазского языка и литературы, они не в состоянии были полностью удовлетворить растущие потребности культурного строительства в республике. Как известно, учреждения эти не имели твердого государственного бюджета, и самое главное, не были обеспечены подготовленными штатными научными кадрами. По этому поводу А.К. Хашба писал: «Сообщение о начале работы Академии по абхазскому языку Н.Я. Марра очень обрадовало... Однако Академия, конечно, не обеспечивала задач, стоящих перед ней в деле всемерного развития абхазского языка и литературы, ибо в ее составе не было ни одного научного работника из абхазов с высшим лингвистическим и литературоведческим образованием: почти все работники были со средним образованием. Единственно более подготовленным для научной работы был Д.И. Гулиа, впоследствии председатель Академии абхазского языка и литературы» (Хашба 1972: 33).

Правительство Абхазии принимает действенные меры по удовлетворению нужд республики в соответствующих кадрах. Посылаются на учебу в Ленинград одаренные молодые люди А.К. Хашба и В.И. Кукба, которые, окончив высшее учебное заведение, проходят затем курс аспирантуры под непосредственным руководством акад. Н.Я. Марра и, возвратившись в Абхазию в начале 1930-х годов уже подготовленными, высококвалифицированными специалистами, становятся первыми кандидатами наук в области абхазской филологии.

Развернувшееся во всю мощь социалистическое строительство, успехи культурной революции в республике выдвигали новые, более высокие требования и к науке. Уже невозможно было удовлет-

¹ Б.Е. Сагария. Образование абхазской социалистической нации (период социализма). Рукопись. См. рукописный фонд Абхазского института, д. 397, с. 252.

воряться развитием ее на одних только общественных началах, а нужно было поставить всю научную работу на прочные государственные рельсы, с соответствующим финансовым и кадровым подкреплением. С этой целью 28 мая 1930 года Наркомпрос Абхазии принял постановление о преобразовании Академии абхазского языка и литературы в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы (ЦГАА, ф. 8. оп. 2. д. 411, л. 33). В начале в штате его состояло всего четыре сотрудника: директор, заместитель и два научных работника. Директором был назначен Г.К. Берзения, заместителем Д.И. Гулиа (ЦГАА, ф. 8. оп. 2. д. 411, л. 38). Но все-таки это было уже госбюджетное учреждение, что имело важное значение для перспектив его дальнейшего развития.

В «Материалах отчета правительства ССР Абхазии VI съезду Советов», изданных в феврале 1931 года, отмечалось: «В области научной работы, которая ведется по линии трех научных учреждений: 1) Научно-исследовательского института абхазского языка и литературы, 2) Абхазского научного общества и 3) Государственного музея, – за отчетное время имеется ряд достижений:

1) собрано и записано на ноты более 100 абхазских народных песен,

2) введен новый унифицированный абхазский алфавит,

3) проведена в 1930 году Государственным музеем и Абхазским научным обществом научная экспедиция по изучению этнографии Абхазии и по собиранию этнографического материала» (Материалы 1931: 41–42).

Во избежание ненужного параллелизма и в целях концентрации научных сил Президиум ЦИКа Абхазии 5 августа 1931 года принимает решение о слиянии Абхазского научного общества с Научно-исследовательским институтом абхазского языка и литературы, получившим с этого времени новое наименование – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АбНИИК). Были утверждены примерное положение, структура и штаты института. Наркомпросу предлагалось обеспечить новое учреждение необходимой площадью, а также представить предложение о руководящем персонале института (ЦААНГ, ф. 30, д. 1, л. 1).

Перед институтом ставились такие цели и задачи, как:

а) организация единого направления в области научных исследований, проводимых в Абхазии;

б) изучение с точки зрения диалектического материализма, марксизма-ленинизма вопросов и проблем, связанных с практическим разрешением задач социалистического строительства в Абхазии, а именно – поднятие экономики на основе разворачивания и реконструкции промышленности в связи с задачами электрификации и теплофикации, реконструкции сельского хозяйства и интенсификации ценных субтропических культур; разрешение задач культурной революции в Абхазии;

в) объединение на базе краеведческого института всех научно-общественных организаций, существующих в Абхазии;

г) приближение научно-исследовательской работы к широким трудящимся массам Абхазии;

д) подготовка научных работников из местных националов Абхазии, а также повышение квалификации аспирантов и окончивших вузы;

е) практическое разрешение лозунга партии – завладение техникой и наукой широкими слоями трудящихся масс» (ЦААНГ, ф. 30, д. 1, л. 1).

В организационно-структурном отношении АбНИИК строился по системе секторов или отделений. Были созданы три сектора: 1) сектор абхазского языка, литературы и искусства, 2) сектор общественно-исторический и 3) сектор народного хозяйства с секциями – местной промышленности и сельского хозяйства Абхазии.

В свою очередь, каждый из этих секторов (отделений) имел свои секции (или, вернее, подсекции). Так, например, сектор абхазского языка, литературы и искусства состоял из четырех секций: 1) секции по языкознанию, научной и практической грамматике, 2) учебной книги, 3) художественной литературы и изучения народного творчества, 4) искусства. Общественно-исторический сектор подразделялся на секции: истории партии и истории революции в Абхазии; этнографии; социальной культуры и быта с подсекциями: культурной революции, изменения быта и борьбы с предрассудками.

Имели свои подсекции также секции местной промышленности и сельского хозяйства (ЦААНГ, ф. 30, д. 1, л. 4).

Институту предоставлялось право, помимо штатного персонала, брать и сверхштатных сотрудников. В положении института по этому поводу было сказано: «Кроме штатных сотрудников, в Ин-

ститут могут быть назначены сверхштатные (без содержания) сотрудники с особого каждый раз разрешения Наркомпроса (ЦААНГ, ф. 30, д. 1, л. 4). Вскоре было разработано и специальное положение, согласно которому внештатные сотрудники АбНИИКа подразделялись на три категории: 1) внештатные научные сотрудники, 2) внештатные сотрудники и 3) постоянные корреспонденты (ЦААНГ, ф. 30, д. 1, л. 55). В зависимости от активности, научной значимости добытых материалов или исследуемых им проблем внештатный работник мог переходить из низшей категории в высшую или даже стать штатным научным сотрудником.

Следует отметить, что начало 30-х годов – это в основном годы формирования института, комплектования его секторов соответствующими кадрами. Поэтому в эти годы больше внимания уделялось организационным вопросам, чем разработке собственно научных проблем, хотя, конечно, научная работа тоже расширялась и набирала темпы.

Для руководства институтом был создан директорат в составе: А.К. Хашба (директор), В.И. Кукба (зам. директора) и С.Я. Чанба (зам. директора). В.И. Кукба одновременно возглавил и сектор языка и литературы, сектором общественно-историческим руководил А.В. Фадеев, а сектором народного хозяйства сначала Н. Бибикив, а затем В.Г. Семенов, ботанической секцией заведовал А.А. Колаковский (ЦААНГ, ф. 30, д. 51, л. 2).

В начальный период формирования института нехватка подготовленных специалистов существенно мешала выполнению задач. В январе 1933 года в «Объяснительной записке к плану работ АбНИИКа на 1933 год» директорат института, за подписью А.К. Хашба, В.И. Кукба и С.Я. Чанба, отмечая отставание от намеченных планов, писал: «Основная задача Института – комплексное изучение производительных сил и природных богатств Абхазии в целях максимального их освоения и формирование социалистического хозяйственно-культурного подъема Абхазии... До сих пор Институт краеведения не развернул еще необходимой работы в направлении и темпах, отвечающих директивам правительства Абхазии. План работ на 1932 год был не выполнен по ряду причин: недостаточность ассигнования на работу Института в 1932 году, неукomплектованность квалифицированными кадрами научных работников (сектор народного хозяйства, не в

полном составе, организован только к концу 1932 года), не развернуто достаточно связи с научными центрами и научно-исследовательскими институтами союзными и федеративными и не привлечено их участие к изучению производительных сил Абхазии, недостаточно мобилизовано вокруг этих вопросов внимание республиканских организаций, научно-технических сил и общест-венности» (ЦААНГ, ф. 30, д. 26, л.1).

Констатируя эти недостатки и их причины, директорат инсти-тута в то же время отмечал: «Все же к концу 1932 года Институт организационно оформился в составе трех секторов – народного хозяйства, общественно-исторического и языка, литературы и ис-кусства, и укомплектован руководящими кадрами работников по этим отраслям, приступил к организации внештатного сотрудни-чества и совместно с Наркомпросом к развертыванию отсутству-ющей в Абхазии краеведческой сети, налаживает необходимые связи с научно-исследовательской сетью Грузии, ЗСФСР и СССР» (ЦААНГ, ф. 30, д. 26, л. 2).

На 1933 и последующие годы АбНИИК намечал обширный план работы как по линии разработки новых тем, так и по линии изда-ния готовой научной продукции. Интересно, как руководство ин-ститута намеревалось выполнить этот план: «Всего для реализации планов работ Института необходимо 28 руководителей работ и 137 исполнителей. При условном коэффициенте нагрузки две темы на одного исполнителя в год это составит 83 единицы, постоянно при-нимающих участие в работе. Эту потребность намечено покрыть за счет: штатного кадра работников Института – 11 человек, кадра фе-деративных и союзных институтов – 11 человек и внештатного ка-дра научных сотрудников, вербуемых Институтom на месте, а также выделенных наркоматами и организациями для совместной прора-ботки – не менее 60 человек» (ЦААНГ, ф. 30, д. 26, л. 5).

И действительно, вскоре Институт краеведения развернул боль-шую научно-экспедиционную и исследовательскую работу. При-чем Институт, не ограничиваясь экспедициями, проводимыми им самостоятельно, постоянно участвовал во всех многочисленных экспедициях, организованных другими, чаще всего центральны-ми научными учреждениями. Уже в 1934 году АбНИИК издает два первых выпуска своих «Трудов», а затем до 1941 года, до начала Ве-ликой Отечественной войны, он выпустил двадцать номеров этих

трудов. Не все они представляли собой коллективные сборники статей – под этими номерами шли иногда и монографии отдель-ных авторов, сборники полевых фольклорно-этнографических или лингвистических материалов. В их числе были такие работы, как: «Флора Абхазии», «Альпийские пастбища», «Растительность Бзыбского известнякового хребта как кормовая база для животно-водства» А.А. Колаковского, «Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии» А.В. Васильева, «Состояние и перспек-тивы развития пчеловодства в Абхазии» Я.Д. Агумаа, «Академик Н.Я. Марр о языке и истории абхазов» А.К. Хашба, «Сборник абхаз-ских пословиц...» Д.И. Гулиа, «Абхазская народная поэзия» (соста-вители Д.И. Гулиа и Х.С. Бгажба), «Абхазские сказки» (составители К.С. Шакрыл и Х.С. Бгажба), «Материалы по истории Абхазии» (Л.Н. Соловьев, И.Г. Антелава, А.В. Фадеев, А.А. Олонецкий), «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XX века» Г.А. Дзидзария и другие.

Мы не говорим здесь о монографиях и других самостоятель-ных изданиях сотрудников АбНИИКа, которые не шли под поряд-ковым номером «Трудов» института. А их было довольно много (особенно монографии и брошюры историков А.В. Фадеева, А.А. Олонецкого и других).

Во второй половине 30-х годов коллектив Абхазского института пополнился новыми кадрами: К.С. Шакрыл, А.А. Олонецкий, Б.П. Джанашия, И.Г. Антелава, Х.С. Бгажба, Г.А. Дзидзария, которые впо-следствии стали крупными специалистами, известными не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Название Абхазского научно-исследовательского института краеведения неоднократно менялось и в 30-х годах и в послевоен-ные годы. В 1935 году институт был переименован в Институт аб-хазской культуры и включен в систему учреждений АН СССР через ее Грузинский филиал. Он состоял из бюро производительных сил Абхазии, и секторов: языка и литературы, истории, этнографии и археологии. Принимая во внимание заслуги Н.Я. Марра в области абхазоведения, институту было присвоено его имя – Институт аб-хазской культуры им. Н.Я. Марра Грузинского филиала АН СССР. В 1941 году, после создания АН Грузии, под тем же названием Ин-ститут вошел в систему этой Академии. В 1950 году был переиме-нован в Абхазский институт языка, литературы и истории АН ГССР, который с 1960 года носит имя Д.И. Гулиа.

Произошли определенные изменения не только в названии, но и в самой структуре института: в 1945 году ботаническая секция отделилась в самостоятельное научное учреждение, и институт стал, так сказать, чисто гуманитарным научным учреждением, занимающимся проблемами истории, филологии и искусства Абхазии. Правда, впоследствии, уже в 60-х годах, в нем открывается отдел экономики, который занимается разработкой проблем экономики Абхазии.

Успехи коллектива Абхазского института в 30-х и 40-х годах были бы еще более внушительными, если бы не трудности военного времени и не тот ущерб, который нанесен был республике, ее экономическому и культурному развитию известными извращениями социалистической законности и национальной политики в эти годы. Многих ведущих ученых института не стало, значительно сократился объем печатной продукции, вообще, возник целый ряд трудностей с разработкой проблем абхазской национальной культуры и истории, хотя и в эти нелегкие для института годы научная работа в нем не прекращалась. Однако трудности эти были преодолены, и уже с первой половины 50-х годов вновь создаются благоприятные условия для дальнейшего развития научной мысли в Абхазии вообще, в Абхазском институте в частности.

В послевоенные годы в институт пришли новые, получившие специальную подготовку кадры – это языковед и литератор, ныне народный поэт Абхазии Б.В. Шинкуба, этнограф и литературовед, ныне известный проф. Ш.Д. Инал-ипа, этнограф Л.Х. Акаба, безвременно ушедшие из жизни первый абхазский археолог М.М. Трапш и талантливый этнограф Ц.Н. Бжания, крупный специалист по истории Абхазии советского периода проф. А.Э. Куправа, доктор наук М.М. Циколия. Позже, уже со второй половины 50-х и в 60-е годы, в коллектив института вливаются еще более молодые специалисты, прошедшие подготовку в научных центрах Москвы, Тбилиси, Ленинграда и других городов нашей страны и ныне успешно работающие в институте. Среди них следует назвать первого среди абхазских женщин доктора наук, проф. Л.П. Чкадуа, кандидатов наук: Б.Е. Сагария, Г.К. Шамба, Г.А. Амичба, М.М. Гунба, С.Л. Зухба, В.В. Дарсалия А.А. Аншба, Е.М. Малия, В.Х. Конджария, В.Б. Агрба, В.Л. Цвинария, Б.Ш. Ашуба, Н.Е. Бушину, Г.П. Лежава, Г.В. Смыр, Т.Х. Халбад, И.И. Квициния, рано ушедшую из жизни, но оставившую

яркий след в науке этнографа-музыковеда И.М. Хашба. 70-е годы также знаменуются дальнейшим ростом института. Сюда пришли новые кадры, кандидаты наук: Т.П. Шакрыл, Р.М. Лагвилава, Р.К. Чанба, А.М. Миквабия, М.Т. Ласурия, Ю.Г. Аргун, А.Р. Гулиа, О.Х. Бгажба, Л.Г. Хрушкова, Г.Г. Копешавидзе, Р.А. Хашба, Д.Я. Адлейба, Э.К. Килба, Ю.Д. Анчабадзе и другие. Много молодых сотрудников института, успешно разрабатывающих свои диссертационные темы, которые в скором будущем станут кандидатами наук.

Если в момент своего основания Абхазский институт представлял собой малочисленный коллектив (всего четыре человека и те без степени, без звания), то в настоящее время это уже солидное и авторитетное научное учреждение, в стенах которого работает около 60 научных сотрудников, среди которых один член-корреспондент АН Грузии, семь докторов и 41 кандидат наук. Возглавляет коллектив известный советский ученый, член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, проф., делегат XXVI съезда КПСС Г.А. Дзидзария.

Абхазский институт, как видно из самого его названия, многопрофильное научное учреждение. Основным объектом его научных интересов являются Абхазия и абхазский народ в прошлом и настоящем – язык, история, материальная и духовная культура абхазского народа, экономика Абхазии.

В соответствии с этим профилем институт имеет шесть научных отделов: 1) языка, 2) литературы и фольклора, 3) истории, 4) археологии, 5) этнографии и искусства, 6) экономики. Не все эти отделы возникли одновременно, некоторые из них существуют с самого начала основания института (например, отделы языка и истории), а другие выделились в самостоятельные научные подразделения сравнительно позже (например, отдел литературы и фольклора, отделы археологии, этнографии и искусства). Что же касается отдела экономики, то он был создан в Институте в начале 1960-х годов, но нужно сказать, что вопросами экономики края институт занимается не только в эти годы, но и с самых же первых лет своего существования, когда при нем был организован сектор народного хозяйства (впоследствии отдел по изучению производительных сил). Однако в 1945 году ботаническая секция этого отдела выделилась в самостоятельное академическое научное учреждение – Сухумский ботанический сад, а в 1950 году сам отдел

был ликвидирован из-за нехватки квалифицированных научных кадров. Так что создание отдела экономики в 60-х годах фактически означало восстановление упраздненного в свое время отдела по изучению производительных сил, быть может, только с незначительным изменением профиля.

Естественно, что не во всех областях абхазоведения институт имеет одинаковые достижения. Значительно весомее и крупнее вклад в тех отраслях, которые с самого начала лучше были обеспечены соответствующими кадрами – это касается прежде всего отделов языка и истории. Об этом красноречиво говорит и тот факт, что из семи докторов наук, работающих сегодня в институте, четыре лингвиста (Х.С. Бгажба, К.С. Шакрыл, Л.П. Чкадуа, М.М. Циколия), два историка (Г.А. Дзидзария и А.Э. Куправа) и один этнограф (Ш.Д. Инал-ипа). Конечно, не одними только учеными степенями и званиями определяется научный уровень коллектива, однако не принимать во внимание и этот фактор было бы неверно.

Абхазским языком, как известно, интересовались еще до революции (П.К. Услар, П.Г. Чарая, Н.Я. Марр и другие), да и в советские годы не только Абхазский институт занимается его научной разработкой; его изучают и в Абхазском госуниверситете, и в Тбилиси, Москве, Ленинграде и даже за рубежом. Особенно ценные и фундаментальные труды по кардинальным вопросам абхазского и абазинского языков созданы акад. К.В. Ломтатидзе. Причем нужно подчеркнуть, что К.В. Ломтатидзе не только сама исследует абхазский язык, но и большинство специалистов в этой области, работающих в Абхазском институте и в Абхазском государственном университете, являются ее питомцами, прошедшими теоретическую подготовку под ее непосредственным руководством. Но при всем этом нужно сказать, что на сегодня главным учреждением, занятым изучением абхазского языка в самом широком плане (и в теоретическом, и в практическом), несомненно, является Абхазский институт.

Сотрудниками института изданы такие коллективные труды, как «Грамматика абхазского языка», «Русско-абхазский словарь», опубликованы монографии, посвященные отдельным проблемам грамматики и лексики абхазского языка (работы Л.П. Чкадуа, М.М. Циколия, Ш.К. Арстаа, Т.П. Шакрыл и Е.П. Шакрыл, Н.В. Аршба), монографически изучены основные диалекты абхазского языка – абжуйский (М.М. Циколия) и бзыбский (Х.С. Бгажба), а также особен-

ности языка батумских абхазов (Э.К. Килба), лексика и различные грамматические категории абхазского языка в сравнении с адыгскими (К.С. Шакрыл, Т. Х. Халбад), абазинским (В.А. Амичба, С.А. Амичба и В.Х. Конджария) и картвельскими языками (М.М. Циколия, Б.П. Джанашия), разработаны вопросы орфографии (коллективный труд) и пунктуации (Л.П. Чкадуа), составлен ряд отраслевых терминологических словарей, часть которых уже издана (Т.Х. Халбад, Н.В. Аршба), завершена работа над капитальным трудом «Толковый словарь абхазского языка» (К.С. Шакрыл, В.Х. Конджария и Л.П. Чкадуа). Отдел языка проводит большую работу по унификации норм абхазского литературного языка, готовит материалы для государственной комиссии при Совете Министров Абхазской АССР.

Интенсивно и плодотворно ведутся научные разыскания и в другой отрасли абхазской филологии – в области литературы и устно-поэтического творчества. Правда, отдел литературы и фольклора в Абхазском институте сравнительно молодой, он создан лишь в 1966 году. Однако еще с 20-х годов, с момента основания Академии абхазского языка и литературы, а затем и Абхазского института, изучению этих проблем учеными коллектива всегда уделялось серьезное внимание. Значительные успехи достигнуты были в области собирания и публикации фольклорных материалов еще в довоенные годы (сборники песен К.В. Ковача, сказок А.К. Хашба, В.И. Кукба, К.С. Шакрыл, Х.С. Бгажба, народной поэзии Д.И. Гулиа, Х.С. Бгажба, афористических жанров Д.И. Гулиа и других). СобираТЕЛЬСКАЯ и исследовательская работа в области абхазского фольклора усилилась в послевоенные годы и особенно с пятидесятых годов. Здесь должны быть названы публикации бывшего сотрудника Абхазского института, народного поэта Абхазии Б.В. Шинкуба «Абхазская народная поэзия» (1959 г.), сводный текст эпоса об Абрскиле (1957 г.), а также сводный текст абхазских нартских сказаний, составленный Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыл и Б.В. Шинкуба и изданный, в Сухуме и в Москве на абхазском и русском языках под названием «Приключения Нарта Сасрыквы и его девяност девяти братьев». Издание это послужило, как известно, поводом для созыва в г. Сухум в 1963 году Всесоюзной научной конференции по проблемам нартского эпоса народов Кавказа, ставшей важным событием в культурной жизни нашей республики.

Собирание и исследование абхазского фольклора сотрудниками института с еще большей энергией продолжались в 60-е и 70-е годы. Ими опубликован ряд сборников материалов на абхазском и русском языках (Х.С. Бгажба, К.С. Шакрыл, С.Л. Зухба), а также изданы монографии и сборники статей по актуальным проблемам народно-поэтического творчества (Ш.Д. Инал-ипа, Х.С. Бгажба, А.А. Аншба, С.Л. Зухба, Ш.Х. Салакая). Следует особо отметить, что абхазским фольклором ученые стали интересоваться не только с точки зрения изучения его текстового материала, но и с музыкально-ведческой стороны. В этом отношении очень ценные работы созданы сестрами – рано ушедшей из жизни И.М. Хашба («Абхазские народные музыкальные инструменты») и М.М. Хашба («Абхазские народные трудовые песни»). Ранее совершенно неизученную область народной поэзии – абхазский детский фольклор – выбрала объектом своего исследования Р.А. Хашба.

Исследование собственно художественной литературы в Абхазском институте началось сравнительно позже, хотя отдельные статьи и брошюры, посвященные различным проблемам литературы, публиковались еще в 30-х и 40-х годах (Х.С. Бгажба, Ш.Д. Инал-ипа, М.К. Делба, Д.И. Гулиа, Б.В. Шинкуба и другие). Монографии и первые обобщающие труды в этой области стали появляться только лишь с середины 50-х годов (работы Х.С. Бгажба и К.Л. Зелинского о Д.И. Гулиа, Ш.Д. Инал-ипа «Некоторые вопросы абхазского фольклора и литературы» (1955 г., переизданная в 1961 г. под названием «Из истории абхазской литературы»)).

Уже начиная с 60-х годов в институте появляются кадры литературоведов, большинство из которых получили теоретическую подготовку в научных центрах страны (в Москве, Тбилиси) и специально занимались изучением литературы. Во второй половине 60-х годов увидел свет коллективный труд литературоведов института «Абхазская литература. Краткий очерк», а в середине 70-х годов – более расширенные «Очерки истории абхазской литературы». Абхазское литературоведение в эти годы пополнилось такими исследованиями сотрудников института, как «Заметки о развитии абхазской литературы», «Прыжок благородного оленя (к 100-летию Д.И. Гулиа)», «Тропами до гор» проф. Ш.Д. Инал-ипа, «Этюды и исследования» и «Бессмертное имя» доктора филологических наук Х.С. Бгажба, исследования В.В. Дарсалия «Пути развития абхазской

драматургии» и «Абхазская проза 20–60-х годов», Н.П. Лакоба – «Самсон Чанба», В.Б. Агрба – «Абхазская поэзия и устно-поэтическое творчество», М.Т. Ласуриа – «Творчество И.А. Когониа и развитие абхазской поэзии», монографии В.Л. Цвинариа о творчестве Б.В. Шинкуба и И.А. Когониа, а также сборники статей названных и других авторов по актуальным проблемам современной абхазской литературы.

В настоящее время литературоведы Абхазского института завершают большую коллективную работу «История абхазской литературы» на абхазском языке.

Значительный вклад внесен в научное абхазоведение сотрудниками института, представляющими исторические науки: историками, этнографами, археологами. Еще в 20–30-х годах увидели свет труды по истории Абхазии Д.И. Гулиа, А.В. Фадеева, А.А. Олонецкого, И.Г. Антелава и другие. Однако наиболее крупные, фундаментальные исследования в этой области стали издаваться с середины 50-х годов. Здесь должны быть названы прежде всего «Очерки истории Абхазской АССР (с древнейших времен до наших дней)» (в 2-х томах), опубликованные в начале 60-х годов (главный редактор Г.А. Дзидзария). Труд этот обобщает основные достижения науки в изучении истории нашего края, опираясь как на собственно исторические документы, так и на археологический, этнографический и лингвистический материалы.

Нужно отметить, что не все этапы истории Абхазии изучены в одинаковой степени. К наиболее глубоко и всесторонне исследованным периодам относится XIX – первая четверть XX века. И это прежде всего благодаря трудам члена-корреспондента АН ГССР, виднейшего абхазского историка Г.А. Дзидзария. Такие его исследования, как «Присоединение Абхазии к России и его прогрессивное значение», «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке», «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века», «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции», «Борьба за Советскую власть в Абхазии» и другие, получили широкий резонанс не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами.

Успешно исследуется сотрудниками института и история Абхазии советского периода. Капитальные исследования по истории кооперации и доколхозного крестьянства опубликованы проф.

А.Э. Куправа, труды кандидатов наук Б.Е. Сагария, Г.П. Лежава, Л.М. Прицкера, посвящены проблемам национально-государственного и культурного строительства, истории рабочего класса и промышленности. Сотрудники отдела истории в настоящее время работают над историей Абхазии советского периода в 2-х томах, причем первый том уже завершен.

Институтом проведена большая работа и по изучению древней и средневековой истории Абхазии. При этом нужно заметить, что основная заслуга в этой области принадлежит бывшим сотрудникам института: члену-корреспонденту Академии наук Грузии, ныне ректору Абхазского государственного университета З.В. Анчабадзе и ныне покойному проф. И.Г. Антелава. Отдельным проблемам истории Абхазии указанного периода посвящены также работы старших научных сотрудников института, кандидатов наук М.М. Гунба и Г.А. Амичба.

Богат и самобытен этнографический быт абхазского народа, которым интересовались еще многие дореволюционные авторы (С.Т. Званба, Н.С. Джанашиа, К.Д. Мачавариани и другие). Отделом этнографии Абхазского института проводится систематическая, планомерная экспедиционно-собираТЕЛЬСкая и исследовательская работа. Широкое признание научной общественности получили труды этнографов института ныне покойных И.А. Аджинджал и Ц.Н. Бжания, дающие глубокий анализ хозяйственного быта, материальной и духовной культуры народа. В широком историко-этнографическом плане освещаются быт и нравы абхазского народа в исследованиях проф. Ш.Д. Инал-ипа «Абхазы», «Страницы этнографической истории абхазов», «Традиции и современность», «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» и других. Интересные труды по религиозным верованиям, народному ремеслу, земледелию, по пище и одежде абхазов созданы кандидатами наук Л.Х. Акаба, Е.М. Малия, Г.В. Смыр, Р.К. Чанба, Ю.Г. Аргун, Г.Г. Копешавидзе и другими.

Ценным подспорьем для изучения истории Абхазии являются ее богатые археологические памятники. Археологические раскопки в Абхазии целенаправленно и систематически стали проводиться лишь только в советские годы, особенно же начиная с 30-х годов, с известной экспедиции 1934 года под руководством акад. И.И. Мещанинова, которая обнаружила на территории Абхазии

интересные памятники эпохи палеолита. Со второй половины 30-х годов, особенно уже в послевоенные годы институт развернул широкую археологическую работу. Успехи в этой области связаны прежде всего с именами ныне покойных ученых – первого абхазского археолога М.М. Трапша и Л.Н. Соловьева. Научное наследие М.М. Трапш Абхазским институтом издано в 4-х томах, изданы отдельные работы Л.Н. Соловьева, подготовлено к печати также и его наследие. Традиции археологов старшего поколения продолжают в Абхазском институте кандидаты наук Г.К. Шамба, М.М. Гунба, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бражба, Л.Г. Хрушкова, И.И. Цвинариа, которые ежегодно совершают экспедиции, проводят раскопки археологических памятников, относящихся к различным эпохам, исследуют материалы раскопок и на их основе каждым из них уже опубликованы монографии.

Абхазский институт проявляет неизменный интерес и к изобразительному искусству, как древнему, так и современному, к исследованию памятников живописи и архитектуры. Особенно много труда в изучение древнего и средневекового искусства Абхазии вложено доктором искусствоведения Л.А. Шервашидзе, а также интересные работы в этой области созданы кандидатом искусствоведения А.К. Кация и молодым искусствоведем Б.Е. Аджинджалом, которым, в частности, изучено творчество известного художника, выходца из абхазского народа А.К. Шервашидзе (Чачба).

Не только научно-теоретическое, но важное практическое значение имеют исследования экономистов Абхазского института. Этот сравнительно молодой отдел уже опубликовал ряд исследований по насущным проблемам экономики Абхазии. К ним следует отнести такие, как коллективный труд «Местная промышленность Абхазии», а также монографии Б.Ш. Ашуба «Оплата труда в колхозах», Н.Е. Бушиной «Реформа и производственные фонды», Р.М. Лагвилава «Бюджет свободного времени ИТР и вопросы воспроизводства рабочей силы высшей квалификации», А.Р. Гулиа «Эффективность общественного производства и факторы ее повышения» и т. д. В настоящее время сотрудники отдела завершают коллективную тему «Перспективы комплексного развития и размещения производительных сил Абхазской АССР». Часто отдел экономики института готовит научные рекомендации по важным проблемам экономики республики для директивных партийных и советских органов.

Как видно даже из этого беглого обзора, коллектив Абхазского института ведет большую и плодотворную научно-исследовательскую работу по изучению истории, культуры и экономики нашего края.

В научной жизни коллектива института большое место занимают проведение научных сессий и симпозиумов. Проводятся ежегодные итоговые сессии, на которых докладываются об основных достижениях года в той или иной области абхазоведения. Кроме того, проводятся юбилейные сессии и расширенные заседания ученого совета, посвященные знаменательным датам. Практикуется, особенно в последние годы, проведение выездных заседаний ученого совета в районных центрах и селах Абхазии. Только за последние два-три года такие заседания состоялись, например, в селах Агара, Эшера, Багмаран и т. д.

Сотрудники института постоянно участвуют во всесоюзных, республиканских и региональных научных форумах, нередко даже в международных. Более того, Абхазский институт сам не раз выступал организатором всесоюзных и республиканских научных сессий (Всесоюзная конференция по проблемам нартского эпоса в 1963 году, по проблемам социолингвистики в 1971 году, VII региональная сессия по проблемам иберийско-кавказских языков в 1977 году и т. д.). Все это говорит о возросшем научном авторитете учреждения, о его вкладе в отечественную науку.

Наряду с исследовательской работой коллектив института всегда уделял и уделяет серьезное внимание решению практических проблем культурного строительства. Ученые института активно участвуют в лекционно-пропагандистской работе по линии общества «Знание», многие из них являются руководителями или членами методических советов этого общества, да и правление самого общества возглавляется директором института Г.А. Дзидзария. Многие сотрудники являются также лекторами Абхазского областного и Сухумского городского комитетов КП Грузии, выступают часто с ответственными докладами перед трудящимися республики. Таким образом, коллектив института оказывает посильную помощь партийному и советскому руководству в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся автономной республики.

Особо должна быть отмечена роль коллектива Абхазского института в деле народного образования. Можно без преувеличения сказать, что абсолютное большинство как ныне действующих, так

и вышедших уже из употребления учебников, учебных пособий и программ по абхазскому языку и литературе для средних и высших учебных заведений составлено сотрудниками института, или, по крайней мере, при их активном участии. Многие ведущие ученые института читают курсы лекций в вузах Абхазии и в Тбилиском государственном университете. Это тоже одна из форм помощи высшим учебным заведениям.

Абхазский институт имеет широкие контакты с родственными научными учреждениями и в первую очередь с головными институтами АН ГССР и АН СССР. Эти контакты осуществляются как по линии совместной разработки научных тем, так и по линии проведения совместных научных сессий, участия сотрудников института в симпозиумах, проводимых этими учреждениями. Так, например, этнографы нашего института совместно с Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и рядом других академических учреждений участвуют в разработке совместной советско-американской научной темы по проблемам долгожительства. Историки, этнографы и археологи нашего института совместно со своими коллегами из Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР принимают участие в создании серии научных трудов по грузинско-абхазским взаимоотношениям. Кроме того, контакты эти осуществляются и по линии подготовки кадров. Почти все специалисты Абхазского института прошли теоретическую подготовку в научных центрах Москвы, Ленинграда и особенно в Академии наук Грузии, в Тбилиси. Много труда вложили в воспитание абхазских научных кадров такие ученые, как академики С.Н. Джанашия, А.С. Чикобава, К.В. Ломтатидзе, Г.С. Читая, Г.И. Ломидзе, А. Апакидзе, проф. М.Я. Чиковани, Е.Б. Вирсаладзе, Е.И. Крупнов, Л.И. Лавров и другие.

Заслуги коллектива Абхазского института всегда высоко оценивались партией и правительством. Он неоднократно награждался юбилейными почетными грамотами и памятным Красным знаменем в честь 50-летия Октября, 100-летия В.И. Ленина, 50-летия образования СССР, а в 1980 году в связи с 50-летием со дня основания и за заслуги в развитии науки в республике награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ГССР.

Следует также сказать, что не только коллектив в целом, но и отдельные его члены отмечены высокими правительственными

наградами, орденами и медалями, а некоторым из них присвоены почетные звания. Так, например, почетные звания «Заслуженный деятель науки ГССР» и «Заслуженный деятель науки Абхазской АССР» присвоены Г.А. Дзидзария, К.С. Шакрыл и Х.С. Бгажба, звания «Заслуженный деятель науки Абхазской АССР» удостоены Ш.Д. Инал-ипа, А.Э. Куправа, М.М. Циколия, а «Заслуженный деятель культуры Абхазской АССР» – Б.Е. Сагария. Члену-корреспонденту АН ГССР Г.А. Дзидзария, кроме того, за монографии «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века» и «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» присуждены Государственная премия ГССР и Государственная премия имени Д.И. Гулиа.

Задачи Абхазского института еще больше возрастают в свете известных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Абхазской АССР. Коллектив Института полон решимости с честью выполнить социалистические обязательства и предначертания XXVI съезда КПСС.

1982

5.2. РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ В АБХАЗИИ

Литература

Абхазская литература принадлежит к категории так называемых младописьменных (или новописьменных) литератур, которые появились на карте мира главным образом в течение последних одного-двух столетий. Реальные возможности и более или менее благоприятные условия для зарождения художественной литературы создаются в Абхазии после добровольного присоединения края к России (1810 г.). Конкретной отправной точкой истории абхазской литературы принято считать 1862 год – год опубликования первого абхазского алфавита, составленного на основе русской графики лингвистом-кавказоведом П.К. Усларом как приложение к его монографии «Абхазский язык» (Тифлис, 1862 г.).

Весь путь, пройденный абхазской литературой с момента создания письменности и до наших дней, можно разделить на три основных периода: 1) дореволюционный (или досоветский) (1862–1921 гг.), советский (1921–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. по настоящее время).

Конечно, не все эти периоды равномерны как по протяженности, продолжительности во времени, так и по насыщенности каждого из них фактическим материалом. Наиболее продолжительным по времени и богатым фактами и событиями следует признать второй, советский, период, который в свою очередь подразделяется на ряд этапов, или подпериодов. Что же касается первого и третьего периодов, то каждый из них (особенно последний) охватывает и меньший отрезок времени, и меньшее количество новых имен и литературных фактов, но тем не менее они обнаруживают такие качественные особенности, которые оправдывают их выделение в отдельный период.

В развитии дореволюционной литературы явственно намечается два основных этапа: 1) с 1862 по 1912 год – до выхода в свет первого собственно художественной литературы – сборника Д.И. Гулиа «Стихотворения и частушки» (1912 г.), положившего начало абхазской национальной литературе и 2) 1912–1921 годы – период,

когда были сделаны первые, но твердые решительные шаги, характеризующие становление и дальнейшее развитие зародившейся молодой литературы.

Основоположником абхазской литературы явился Дмитрий Иосифович Гулиа (1874–1960 гг.) – центральная фигура не только в истории литературы, но и всей национальной культуры абхазского народа. Еще совсем в молодом возрасте, семнадцатилетним юношей (в 1891 г.), совместно со своим школьным учителем К.Д. Мачавариани он создает вторую по счету азбуку, изданную в 1892 г., по которой стала обучаться родной грамоте абхазская детвора. С таких ранних лет Д.И. Гулиа твердо и непоколебимо становится на путь просвещения родного народа и до самых последних дней своей долгой, продолжительной, плодотворной жизни ни разу не сворачивал с избранного пути. Он положил начало как поэзии, так абхазской прозе (рассказ «Под чужим небом», 1918 г.), был основателем и первым редактором первой абхазской газеты «Апсны» (1919–1921 гг.) организовал первый передвижной, самодеятельный театр силами учеников Сухумской учительской семинарии, где он преподавал родной язык и литературу. Все это до 1921 года, до установления советской власти в Абхазии. Еще в те годы он приступил и к научной работе: сбору фольклорного материала, исследованию языка, истории и этнографии абхазов, хотя публикации его основных научных трудов относятся уже к советскому периоду.

В первый, дореволюционный период вслед за Д.И. Гулиа решительно и непоколебимо выступил на литературное поприще и Самсон Яковлевич Чанба (1886–1937 гг.) – незаурядный талант, драматург, прозаик, поэт, впоследствии не только знаменитый писатель, но и крупный общественный и государственный деятель, один из признанных руководителей республики, в печально известном 1937 году оказавшийся невинной жертвой беззакония и произвола. Начав с публицистических статей и очерков, С.Я. Чанба выступил на страницах газеты «Апсны» с такими значительными публикациями, как первая абхазская романтическая поэма «Дева гор» и первое оригинальное драматическое произведение «Махаджиры», положившее начало абхазской национальной драматургии.

Дмитрий Гулиа и Самсон Чанба – это две могучие фигуры, два зрелых мастера художественного слова, являющиеся представи-

телями первого, самого старшего поколения абхазских писателей дореволюционного (досоветского) периода. Правда, к самому концу периода, на его исходе, как бы на подмогу старшим писателям вступает в литературу целая плеяда молодых поэтов, прозаиков драматургов, главным образом из числа учащихся Сухумской учительской семинарии, опубликовавших свои первые произведения на страницах гулиевской «Апсны». Многие из них (И.А. Когониа, И.Г. Папаскир, Д.Х. Дарсалия, М.А. Лакрба, М.Л. Хашба и другие) в советские годы стали крупными, признанными деятелями литературы и искусства.

Второй период истории абхазской литературы охватывает самый большой отрезок времени: между 1921 годом – годом победы советской власти в Абхазии, и 1991 годом – годом распада СССР. Период этот не только в одной Абхазии, но и на всем постсоветском пространстве выглядит весьма неоднозначным, противоречивым, во многом загадочным. С одной стороны, совершенно неоспорим и очевиден небывалый взлет экономической и культурной жизни страны, с другой же стороны, не менее ощутимы тяжелые удары, грубо и методично наносившиеся нашему народу с целью искажения, а то и полного отрицания его исторического прошлого и современного этнического и культурного облика.

Все это не могло не отразиться на характере развития литературы. Правда, на первых этапах развития абхазской литературы советского периода, вплоть до середины 50-х годов прошлого столетия, в литературе преобладает восторженный взгляд на все, что происходит вокруг, хотя порою отмечают и некоторые незначительные недочеты, и упущения, сопутствующие новому укладу жизни. Критический взгляд стал все больше набирать силы с конца 50-х годов, а в 80–90-х годах становится даже преобладающим.

В первое десятилетие советской власти Д.И. Гулиа несколько отошел от литературно-творческой работы, сосредоточившись главным образом на научной деятельности и на выполнении актуальных, неотложных задач государственного характера (написание и издание «Истории Абхазии», 1925 году, создание различных отраслевых, терминологических словарей, издание пособий по делопроизводству на абхазском языке, поскольку язык этот стал государственным, обслуживающим независимую республику). С.Я. Чанба опубликовал ряд драматических и прозаических произ-

ведений («Апсны-Ханым», «Случай из прошлого», «Киараз», «Бог Саваоф», «Песнь страдания» и другие).

Самым крупным явлением литературной жизни Абхазии 1920-х годов стало творчество талантливого, самобытного поэта, классика абхазской поэзии Иуа Абасовича Когониа (1904–1928 гг.). Несмотря на короткую жизнь (прожил всего 24 года), поэт поднял абхазскую эпическую поэзию на такую высоту, которая до сих пор в определенном смысле остается недостижимым (восемь поэм, вошедшие в сборник «Старинные сказания», изданный при жизни автора, в 1925 году). Это поэмы: «Абатаа Беслан», «Навей и Мзауч», «Зосхан Ачба и сыновья Жанаа Беслана», «Хмыч-охотник и ходок» и другие, основанные главным образом на историко-героических и фольклорных сюжетах и мотивах и воспевающие идеальных народных героев.

В двадцатых годах увидели свет сборник рассказов М.Л. Хашба «Алло», пьеса Д.Х. Дарсалия «В глухой старине» и другие.

В эпических жанрах в те годы все еще преобладала историко-революционная тематика, а в лирике новая современная жизнь изображалась в ярком, контрастом противопоставлении с безотрадным прошлым (особенно лирика И.А. Когониа).

Сплочению творческих сил во многом способствовало создание в 1928 году Абхазской ассоциации пролетарских писателей (АБАПП), издававшая и свой печатный орган-газету «Ецваджаа» («Созвездие», кстати, недавно, с 2003 года, возобновленную новой Ассоциацией писателей Абхазии).

Новый этап в абхазской литературе советского периода наметился с начала 30-х годов. Это было связано в значительной степени и с изменениями в социально-экономической жизни республики, и прежде всего с развернувшейся новой кампанией по коллективизации сельского хозяйства.

В связи с новыми задачами центральным объектом художественного изображения становится современная тематика, новые люди и новые отношения как в деревне, так и в городе.

Произошли определенные сдвиги и в организационно-творческом плане. Вначале 30-х годов (в 1933 г.) был создан Союз писателей Абхазии, а также основаны литературно-художественный журнал и литературная газета «Советский писатель Абхазии». Писательская организация Абхазии объединяла наряду с абхазски-

ми, также русских, грузинских, армянских и греческих писателей, проживавших в Абхазской республике. Представители Абхазской писательской организации принимали участие в работе I Съезда писателей СССР в Москве, в 1934 году.

Эти факторы также способствовали активизации творческой жизни в республике. Особенно же отрадным явлением в литературно-культурной жизни Абхазии 30-х годов нужно признать выход на творческую арену целой плеяды молодых мастеров художественного слова. Это были поэты Леварса Квициния, Леонтий Лабахуа, Шалва Цвижба, Киазым Агумаа, прозаики Владимир Агрба, Степан Кучберия, драматург Мты Кове, а с середины 30-х годов – талантливейший поэт и прозаик, впоследствии народный поэт Абхазии, народный писатель Кабардино-Балкарии и Адыгеи, Герой Социалистического Труда Баграт Васильевич Шинкуба (1917–2004 гг.).

К новой, современной тематике и в поэзии, и в прозе обратилось прежде всего именно это молодое поколение писателей. Несмотря на некоторую схематичность и декларативность, произведения молодых, несомненно, привнесли свежую струю в творческую жизнь, приковывая внимание к насущным проблемам новой, изменившейся действительности.

Наряду с гражданской остропублицистической лирикой, появился целый ряд эпических и лиро-эпических произведений в поэзии. Имеются в виду в первую очередь поэмы Леварсы Квициния «Шаризан» и «Даур», Шалвы Цвижба «Кинжал» и «Невестка», Леонтия Лабахуа «Подкидыш», «Голос Ткуарчала» и другие.

Как особенность литературного процесса 30-х годов следует признать и то, что все три поколения абхазских писателей активизировали свою творческую деятельность, как бы вступая в поэтическое состязание друг с другом.

К активной творческой жизни вновь возвращается Д.И. Гулиа. Он создает проникновенные стихи о созидательном труде, о мире, о защите Родины, о дружбе народов, лиро-эпическую поэму «Песнь об Абхазии» – о прошлом и настоящем Абхазии, и остроумные сатирические и юмористические стихи, следуя поэтике русских частушек, даже определяя жанровую природу их как «частушки». Однако самое крупное создание его этих лет – это социально-бытовой роман «Камачич» (1933–1940) – о судьбе абхазской женщины на стыке двух столетий – девятнадцатого и двадцатого.

Самсон Чанба в 30-х годах, будучи председателем Союза писателей Абхазии и членом директората Абхазского научно-исследовательского института краеведения, наряду с научно-организационной работой плодотворно трудится и в жанре прозы: создает повесть «Сейдык» – на тему коллективизации села, а также прекрасные бытовые новеллы «Камень с очага дедушки», «О, аллах, аллах!» и другие.

И, наконец, увидел свет и первый социально-психологический роман Ивана Папаскир «Темыр» (1937 г., в некоторых русских изданиях он выходил под названием «К долгой жизни»), живо, колоритно повествующий о молодых современниках, об острых проблемах окружающей деревенской жизни.

Успехи абхазской писательской организации, несомненно, были бы еще более весомыми и внушительными, если бы не тот тяжелый и коварный удар, который был нанесен ей в середине и во второй половине 30-х годов. Совершенно безвинно были оклеветаны, репрессированы и вскоре казнены Самсон Чанба, Леонтий Лабахуа, Владимир Агрба, был осужден и оторван от творческой жизни почти на двадцать лет Шалва Цвижба.

Этот урон еще более усугубила начавшаяся вскоре вторая мировая война. На полях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов пали смертью храбрых молодые, но успевшие стать широко известными абхазские писатели: Леварса Квициния, Степан Кучберия, Михаил Гочуа, а также начинающие поэты: Камуг Хурцлаа, Шалва Тория, Владимир Чичерия, Владимир Капба и другие. Видные писатели Киазым Агумаа, Алексей и Чичико Джонуа, Сандро и Шалва Сануглиа храбро сражались с врагом на фронте и многие из них вернулись с тяжелыми ранениями. От таких неизлечимых ран скончался после возвращения с фронта талантливый поэт, прозаик и драматург Киазым Агумаа – автор многочисленных лирических стихов, остросюжетных новелл, поэмы «Тариал Рашба», повести «Узник» и драмы «Большая земля», повествующих о героизме простых людей на войне, о невероятных трудностях, перенесенных ими, и о их неиссякаемом оптимизме. В золотой фонд абхазской литературы вошло творчество писателей – фронтовиков: фронтовая лирика и книга воспоминаний Чичико Джонуа «Огонь тушат огнем», лирика, поэма «Кровь и любовь», повесть «У партизанского костра» Алексея Джонуа, воспоминания участника

истребительного батальона на кавказских горах Платона Чкадуа и многих других.

Энергично и призывно зазвучал в те годы голос уже далеко не молодого народного поэта Дмитрия Гулиа, создавшего цикл стихов об абхазах воинах – о первом Герое Советского Союза из абхазов Владимире Харазия, славных бойцах: Пианце Чолокуа, Саше Назадзе, Киазиме Агрба, летчице Мери Авидзба и о многих других.

К крупным достижениям поэзии военного времени должны быть отнесены лирические стихи и поэма Баграта Шинкуба «Леонид Лунин», стихи и поэма Ивана Тарба «Краснодонцы» и другие.

Послевоенная абхазская литература (1945–1955 гг.) развивалась по тем же закономерностям, как и все остальные национальные советские литературы. Ведущей темой литературы того периода становится восстановление разрушенного войной народного хозяйства и его дальнейшее развитие, а главным героем – вчерашний фронтовик, совершающий в новых условиях невероятный трудовой подвиг. Цель, безусловно, благородная, но способы достижения этой цели зачастую, мягко выражаясь, не внушали доверия. Это был период безграничного господства так называемой «теории бесконфликтности», которая утверждала, что в нашем обществе, где полностью победил социализм, нет классовых врагов, следовательно, нет и значимых социальных конфликтов! Поэтому жизнь в литературе и искусстве чаще всего изображалась как сплошное изобилие, в приподнятых, розовых тонах, тогда как на деле она, эта жизнь, была невероятно тягостной, часто сопровождаемой голодом, холодом, и лишенной элементарных земных благ.

К сожалению, определенное влияние этой псевдотеории испытывали на себе не только неопытные или молодые авторы, но почти все деятели литературы Абхазии, в том числе и ведущие писатели, такие как Д.И. Гулиа (поэма «Осень в деревне»), И.Г. Папаскир (роман «Путь Химур», переработанная редакция которого впоследствии была названа «Женской честью»), Б.В. Шинкуба (роман в стихах «Мои земляки»), Ч.М. Джонуа (повесть «Гудиса Шларба»), А.Е. Ласурия (повесть «Хаджарат») и другие. Нельзя считать случайностью и тот очевидный факт, что многие из этих произведений впоследствии, уже после осуждения культа личности Сталина, авторами были подвергнуты существенной переработке именно в плане усиления в них общественных, социальных конфликтов.

Помимо общих для всех советских литератур тормозов, замедлявших или искажавших их прогрессивное развитие, для абхазской существовали еще и другие, специфические факторы, которые неотвратимо вели её, как и всю национальную культуру абхазов, к свертыванию. Речь идет о грубой, разнузданной, ничем не прикрытой ассимиляционной политике грузинских шовинистов, преследовавшей конечной целью полную грузинизацию абхазского этноса и его культуры, включая туда и литературу. Об этом отчетливо свидетельствуют: закрытие абхазских школ; перевод обучения на грузинский язык; необоснованное переименование абхазских топонимических названий, заменив их грузинскими; объявление абхазской литературы западногрузинской, а Союза писателей Абхазии – Абхазским отделением Союза писателей Грузии и т. д.

Однако, к счастью, такой невиданный произвол продолжался не бесконечно долго. Пришла пора так называемой «хрущевской оттепели». Для развития абхазской литературы, как и всех других сторон экономической, политической, социальной и духовной жизни республики, создаются относительно более благоприятные условия. Грузинские шовинисты и в новых условиях, конечно, не отказались от своей вековой мечты, однако вынуждены были до поры до времени, до более подходящих времен, замаскироваться, натянуть на себя тогу миротворца. Несколько забегаая вперед, заметим, что маскировки этой хватило ненадолго. Не добившись успеха мирным путем, они решили реализовать свои намерения, свой коварный план силою – пошли войной на безвинную Абхазию. И грубо просчитались: поднявшийся на защиту своего Отечества немногочисленный народ на голову разбил врага, превосходящего его численностью в сорок раз. Но это случилось позже – в начале 90-х годов прошлого столетия.

С середины 1950-х годов, как было сказано выше, начинается новый этап в развитии абхазской литературы советского периода, этап, который продолжался до начала 1990-х годов, до развала СССР.

Этап этот ознаменовался рядом новых качественных особенностей. Прежде всего литература значительно раздвинула свой жанровый и тематический диапазон, стала глубже и правдивее отображать жизнь как современную, так и прошлую, историческую. Появляются и утверждаются новые для абхазской национальной литературы жанровые разновидности и стилевые направления,

такие, как интеллектуально-психологическая и исповедально-лирическая проза, документально-мемуарная литература, медитативная, философская лирика, разновидности малых драматических жанров: скетчи, водевили, интермедии и т. д.

В эти годы были посмертно реабилитированы писатели, ставшие жертвою необоснованных репрессий 30-х годов и их творческое наследие вновь возвращено народу. Это классики абхазской литературы Самсон Чанба, Леонтий Лабахуа, Мты Кове. После продолжительного заключения в особых лагерях вернулись на Родину замечательный поэт и прозаик Шалва Цвижба, талантливый драматург и новеллист Михаил Лакрба.

Продолжают активную творческую деятельность писатели старшего и среднего поколений. В эти годы были опубликованы поэма Дмитрия Гулиа «Мой очаг», роман Ивана Папаскира «Женская честь», повести Дзадза Дарсалия «Из жизни» и «Водоворот», Мушни Хашба – «В весенние дни» и «Джамхух сын Оленя», романы Баграта Шинкуба «Последний из ушедших», «Рассеченный камень», его же роман в стихах «Песнь о скале», романы Ивана Тарба «Известное имя», «Солнце встает у нас», поэтические и прозаические произведения Алексея и Чичко Джонуа, Платона Чкадуа, Киршала Чачхалиа и Шараха Пачалиа.

В послевоенные годы волна за волною на творческую арену выступает несколько поколений мастеров художественного слова.

Отдавая должное представителям старшего поколения, следует подчеркнуть, что наиболее интересные, свежие, новые явления и процессы в литературной жизни этого периода были связаны прежде всего с именами писателей послевоенного поколения.

Здесь должны быть названы стихи и поэмы Алексея Ласуриа, Кумфа Ломиа, Георгия Гублиа, романы Алексея Гогуа «Нимб», «Большой снег» («Асду»), его повести и рассказы «Гора красивая», «На повороте», «Вкус воды», «Белый конь», «Глаза Такара», «Елана», «Безмолвный ягненок», «Дорога длиною в трое суток», роман Шалоди Аджинджал «Дьявол с мечом» и его повести «Судьба», «В ночь на новолунье», романы Алексея Джения «Восьмой цвет радуги», «Анымирах – божество двоих», поэма Мушни Ласуриа «Золотое руно», роман Нелли Тарба «Морской царь Хаит» и повесть «Мациса», роман Джумы Ахуба «Пристань», комедии Шоты Чкадуа «Кто из нас глухой?», «Кукла», сатирические комедии Рушни Джо-

пуа «Дочь Ажвейпшаа» и «Переполюх в лесу», роман Виталия Амаршан «Царь абхазов», историческая драма Анзора Мукба «Затмение Луны», проза и публицистика Николая Хашиг, Бориса Тужба, лирическая и эпическая поэзия Анатолия Аджинджал, Мушни Микаия, Николая Квициния, Бориса Гургулиа, Платона Бебия, Константина Герхелия, Рушбея Смыр, Таифа Аджба, Терентия Чаниа, Сарциона Таркил, Заура Кварчия, Анатолия Лагулаа... Новым явлением в абхазской прозе следует признать книги поэта и прозаика Шамиля Пилия «На морских волнах» и «Глаз Нептуна», представляющие собою главным образом дневниковые записи участника кругосветного путешествия на кораблях дальнего плавания.

За писателями этого поколения следует еще более молодая плеяда, которая представлена именами таких поэтов, как Геннадий Аламиа, Гунда Саканиа, Гунда Квициния, Энвер Ажиба, Инна Хашба, Владимир Зантария, Белла Барцыц, Сайда Делба, Алхас Кварчия, Сергей Гындиа, прозаиков Владимира Басариа, Сергея Квициния и других.

Подрастает и совсем молодая поросль поэтов, из которых кое-кто уже опубликовал первые свои книжки стихов (А.А. Чхамалиа и другие).

С начала 90-х годов ушедшего столетия в связи с общим для всех бывших советских народов крупнейшим событием – крушением великой державы, и со специфическим для абхазского народа трагическим событием – грузино-абхазской войной 1992–1993 годов, в развитии абхазской литературы отчетливо намечается новый период.

Правда, после этих судьбоносных событий прошло пока слишком мало времени, что совершенно недостаточно для адекватного воплощения в широких эпических полотнах, обобщенных высокохудожественных эпических образов. Несомненно, наступит и такой момент, когда все это будет глубоко обдуманно и достойно отражено. Но и в том, что уже создано, причем не только в малых жанрах (стихи Б.В. Шинкуба, Р.Х. Смыр, Г.К. Гублиа, Н.Т. Квициния, П.Х. Бебия, К.М. Герхелия, очерки и рассказы А.Н. Гогуга, Н.Ч. Хашиг, А.К. Мукба, С.А. Квициния...), но и в более крупных произведениях (роман Д.В. Ахуба «Незабывное», роман М.И. Микаия «Непримиримые», повесть Ш.М. Аджинджал «Волчья пляска», роман в стихах «Отчизна».

Острые социальные и особенно межнациональные конфликты, которые раньше обычно умалчивались, обходили стороной или в лучшем случае упоминались как бы мимоходом или приглушенно, теперь уже выдвинулись в центр повествования, о них заговорили в открытую, они зазвучали во весь голос.

Абхазская литературная критика и литературоведение зародились в 30-х годах XX столетия. На первом этапе наиболее видными представителями этой отрасли были проф. Х.С. Бгажба и Ш.Д. Инал-ипа. С 1950-х годов в данном жанре активно выступают одаренные критики и литературоведы, ныне уже известные доктора и кандидаты наук: В.Л. Цвинария, С.Л. Зухба, М.Г. Ладария, А.А. Аншба, Т.К. Гублиа, М.Т. Ласурия, В.Б. Агрба, В.Ш. Авидзба, З.Д. Джапуа, В.А. Когониа, Д.С. Аджинджал, Н.П. Лакоба, Л.А. Хибба, Р.А. Хашба, Ц.С. Габния, Л.Д. Чацба, И.И. Квициния, В.К. Зантария, А.Е. Ашуба и другие, которыми опубликованы не только статьи и очерки, но и монографические исследования по важнейшим проблемам истории литературы и современного литературного процесса. Изданы обобщающие коллективные труды по истории абхазской литературы на абхазском и русском языках, плодотворно изучаются также и проблемы абхазского народно-поэтического творчества.

Абхазскую литературу своеобразно представляют также писатели, выходцы из абхазского народа, создающие свои произведения на других языках (чаще всего – на русском). Еще до революции таким писателем был Георгий Чачба (Шервашидзе) – сын последнего владельца Абхазии, писавший на грузинском, русском и некоторых западноевропейских языках. А в наше время к ним принадлежат широко известные во всем мире русскоязычные писатели-прозаики Фазиль Искандер и Георгий Гулиа, а также более молодые прозаики Этери Басария и Даур Зантария, поэт и кинодраматург Юрий Лакербай, поэт Денис Чачхалиа и другие.

Абхазская литература обогащается не только за счет оригинальных произведений, но и переводами из русской, грузинской и вообще мировой классики. Переводами занимался прежде всего сам Д.И. Гулиа, а вслед за ним почти все абхазские поэты, прозаики и драматурги. Особо должны быть названы имена таких деятелей, как Б.В. Шинкуба, Я.Т. Чочуга, М.Л. Хашба, М.Т. Ласурия, Н.Т. Квициния, А.Н. Гогуга и многих других, усилиями которых зазвучали на абхазском языке шедевры А.С. Пушкина, Д.Г. Байрона, У.

Шекспира, Ш. Руставели, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А.М. Горького, Д.А. Фурманова, А.А. Фадеева, Г.У. Лонгфелло, Ф. Лопе де Вега, Э.М. Хемингуэя, А.Р. Церетели, Н.М. Бараташвили, А.А. Блока, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, К.М. Симонова М.Х. Чикатуева и многих других.

Следует, отметить, что и сама абхазская литература не замыкается в рамках национальных границ. Лучшие произведения мастеров абхазского художественного слова широко переводятся на русский язык и многие другие языки ближнего и дальнего зарубежья. Благодаря переводу на другие языки широкое распространение и признание по всему читающему миру получили поэзия и проза Дмитрия Гулиа, Самсона Чанба, Иуа Когониа, Ивана Папаскира, Михаила Лакрба, Баграта Шинкуба, Ивана Тарба, Кумфа Ломиа, Алексея Гогуга, Нелли Тарба, Шалоди Аджинджал и других.

Наука

Наука, как определенная система знаний об окружающей действительности в целом или об отдельных ее отраслях, в условиях Абхазии складывается сравнительно поздно, уже в советские годы. Однако задолго до этого, начиная еще с 30–40-х годов XIX века, зарождаются основы, или вернее сказать, зачатки научных знаний, связанные как с подвижнической деятельностью местных краеведов, любителей-энтузиастов, так и с неизменным интересом, проявляемым заезжими именитыми учеными и путешественниками к этому экзотическому краю и к его древнему аборигенному населению. К первой категории относятся такие местные интеллигенты-краеведы, как С.Т. Званба, К.Д. Мачавариани, В.Д. Гарцкия, Н.С. Джанашиа, П.Г. Чарая, Д.И. Гулиа, Н.С. Патейпа, А.И. Чукбар, А.М. Чочуга, С.Я. Чанба и другие, ставшие известными своей просветительской и краеведческой деятельностью еще до революции, а некоторые из них (например, Д.И. Гулиа, А.М. Чочуга, С.Я. Чанба...) в советские годы превратились в крупных научных, культурных и общественных деятелей. А ко второй категории мы причислили бы таких русских ученых, как П.К. Услар, И.А. Бартоломей, Н.Я. Марр, Н.М. Альбов и другие, которые активно содействовали становлению абхазоведения как науки не только непосредственными своими исследованиями, но и неутомимой научно-организационной деятельностью.

В этом отношении особое место в истории науки и общественной мысли Абхазии принадлежит славному роду Вороновых, насчитывающему уже несколько поколений знаменитых ученых и общественных деятелей, начиная от старшего среди них Н.И. Воронова, ученого обществоведа – сподвижника А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, организатора издательского дела на Кавказе («Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник статистических сведений о Кавказе», газета «Кавказ» и другие), обосновавшего имение «Ясочка» в горном историческом абхазском селе Цабал (Цебельда) еще во второй половине XIX в. (1874 г.). Традиции отца достойно продолжил его сын Ю.Н. Воронов – ученый биолог, отдавший много сил и энергии изучению флоры Абхазии. А уже в наше время представителем этого славного рода, перенявшим эстафету от знаменитых предков, выступил их не менее знаменитый праправнук Ю.Н. Воронов – крупный ученый-археолог, обогативший абхазскую (да не только абхазскую, но и всю кавказскую) историческую науку рядом фундаментальных исследований и отдавший свою жизнь непримиримой борьбе за освобождение родной для него Абхазии от национальной и колониальной независимости.

XIX – начало XX века в истории абхазской науки был периодом зарождения и становления, периодом накопления фактического банка, сбора и публикации полевого этнологического, археологического, лингвистического, фольклорного материала, приобретающего впоследствии характер ценнейшего первоисточника. С этой точки зрения, наибольший интерес представляют этнографические этюды С.Т. Званба, фольклорно-этнографические и лингвистические материалы А.Я. Иоакимова, В.Д. Гарцкия, Н.С. Джанашиа, К.Д. Мачавариани, П.Г. Чарая, Д.И. Гулиа и, конечно же, богатая коллекция фольклорных записей, произведенных так называемым «Бзыбским комитетом» по поручению и под непосредственным методическим руководством акад. Н.Я. Марра в 10-х годах XX столетия, ныне хранящаяся в Санкт-Петербургском отделе Архива РАН (частично они были опубликованы «лишь в 1960-х годах молодым тогда фольклористом, ныне акад. АНА С.Л. Зухба).

С установлением советской власти в Абхазии, как и все другие отрасли экономики и культуры, абхазская наука (и гуманитарная, и естественная) встала на путь наиболее интенсивного и плано-

мерного развития. Создаются первые научные организации: Абхазское научное общество (АбНО, 1922 г.) и Академия абхазского языка и литературы (1925 г.). Последняя – по инициативе акад. Н.Я. Марра. Ее председателями попеременно были А.М. Чочуа и Д.И. Гулиа.

Правда, эти первые научные организации не были еще в достаточной степени обеспечены соответствующими, теоретически подготовленными кадрами. В них были объединены, главным образом, любители-энтузиасты, краеведы, педагоги-практики, хозяйственные руководители. Привлекались специалисты и из других республик и областей.

Развернулась в широких по тем временам масштабах экспедиционно-собираательская, научно-исследовательская и издательская деятельность. Изучались не только проблемы истории и культуры, но не в меньшей степени и состояние экономики, природных условий, производительных сил, флоры и фауны Абхазии. Материалы публиковались в «Известиях» и «Трудах» АбНО, а также в специальных тематических сборниках и в виде монографических исследований. Таковы, например, труды Д.И. Гулиа «История Абхазии», «Абхазский общественно-терминологический словарь», «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» и другие, опубликованные в 20-х годах; первые профессиональные нотные записи абхазских народных песен, включенные в сборники композитора-этнографа К.В. Ковача «101 абхазская песня» и «Песни кодорских абхазов» и т. д.

Все это было очень важно и нужно, но все-таки деятельность любителей-энтузиастов не могла подменить собой профессиональную науку. Нехватка профессиональных кадров особенно остро чувствовалась в области общественных наук. Необходимо было в спешном порядке воспитать научные кадры с основательной академической подготовкой. В этом отношении неоценимой оказалась помощь, безвозмездно оказанная акад. Н.Я. Марром Республике Абхазия. Под его руководством два молодых, талантливых выпускника Ленинградского института востоковедения (Арсений Хашба и Виктор Кукба) прошли полный курс аспирантской подготовки, защитили первыми среди абхазов кандидатские диссертации в области абхазской филологии и в начале 30-х годов вернулись в родную республику.

Еще в 1930 году Академия абхазского языка и литературы была преобразована в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы, а через год (1931 г.) на базе двух первых абхазских научных учреждений – Абхазского института языка и литературы и Абхазского научного общества (АбНО) был создан Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АбНИИК) который призван был заниматься и действительно занимался исследованием материальной и духовной культуры Абхазии. Постепенно расширяясь и укрепляясь, неоднократно меняя свое название и ведомственную подчиненность (относился то к Наркомпросу Абхазии, то к Грузинскому филиалу АН СССР, то к АН Грузии, а с 1993 г. к Академии наук Абхазии), Абхазский институт языка, литературы и истории (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА) превратился в подлинный научный центр абхазоведения, хоть и были тяжелые периоды, когда он переживал острые критические моменты (особенно с 1937 по 1953 год).

Уже с начала 1930-х годов, рядом с Д.И. Гулиа, здесь работают первые абхазские профессиональные ученые А.К. Хашба и В.И. Кукба – ученики акад. Н.Я. Марра. В те же годы вливаются в коллектив института такие ученые, как А.В. Фадеев, А.А. Олонецкий, И.А. Аджинджал, И.Г. Антелава, К.С. Шакрыл, Х.С. Бгажба, Г.А. Дзидзария и другие, многие из которых впоследствии стали ведущими специалистами в различных отраслях науки, их имена широко известны не только в Республике Абхазия, но и далеко за ее пределами.

Несмотря на тяжелые военные и послевоенные годы исследовательская работа в стенах этого института никогда не затухала. В эти годы коллектив института пополнился такими учеными-абхазоведами, как Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе, Б.В. Шинкуба, М.М. Трапш, Л.Х. Акаба, Ц.Н. Бжания, А.Э. Куправа, М.М. Циколия, В.П. Пачулиа, А.А. Абшилава и другие.

Подготовка профессиональных кадров-абхазоведов значительно усилилась, начиная с 50-х, особенно со второй половины 50-х и 60-х годов XX столетия. Кадры готовились, главным образом, в Москве, Тбилиси, Ленинграде и других научных центрах бывшей Страны Советов. Именно воспитанники этих научных центров составили основной костяк коллективов и Абхазского института, и Сухумского госпединститута (ныне Абхазского госуниверситета).

К ним относятся языковеды, ныне академики АНА Ш.К. Арстаа и Л.П. Чкадуа, а также сестры Е.П. Шакрыл и Т.П. Шакрыл, сестры В.А. Амичба и С.А. Амичба, Р.К. Гублиа, В.Х. Конджария, В.Е. Кварчия, А.М. Касландзия и В.А. Касландзия, Н.В. Аршба, Э.К. Килба, Л.Р. Хагба, А.Д. Хеция, Т.Х. Халбад, Б.Г. Джонуа, Л.Х. Саманба, литературоведы и фольклористы: академики АНА С.Л. Зухба, М.Т. Ласуриа, В.Л. Цвинариа, М.Г. Ладария, З.Д. Джапуа, а также Дж.Я. Адлейба, В.А. Бигуаа, Е.Г. Бебия, В.В. Дарслия, А.А. Аншба, В.А. Когониа, Ц.С. Габния, Р.А. Хашба, Р.Х. Капба, Д.С. Аджинджал, С.А. Тапагуа, Л.А. Хибба, А.Е. Ашуба; историки, этнографы, археологи, академики АНА: В.Г. Ардзинба, Б.Е. Сагария, О.Х. Бгажба, Г.К. Шамба, а также Ю.Н. Воронов, Л.А. Шервашидзе, Л.Г. Хрушкова, А.Х. Аргун, С.М. Шамба, Г.П. Лежава, Г.А. Амичба, С.З. Лакоба, М.Н. Гунба, Е.М. Малиа, Ю.Г. Аргун, В.В. Бжания, Ю.Д. Анчабадзе, И.И. Цвинария, А.М. Хашба, А.Н. Габелия, И.Ш. Агрба, Т.А. Ачутба, Р.Н. Кация, В.П. Пачулиа, П.К. Квициния, Г.Г. Тарджман-ипа (Копешавидзе), С.А. Дбар, В.Ф. Бутба, Г.Д. Гумба; искусствоведы: А.Х. Аргун, А.К. Кация, А. Отырба, А.Р. Гумба; экономисты: Б.Ш. Ашуба, Н.Е. Бушина, Р.М. Лагвилава, Я.Р. Фейзба, О.Б. Шамба, А.Р. Гулиа, В.Ш. Аршба, З.И. Шалашаа, И.Ш. Ардзинба, К.А. Гогия, М.Г. Квициния; юристы: Т.М. Шамба, Г.Н. Колбаия, С.М. Смыр, В. Микадзе и другие.

Многие из названных ученых, к сожалению, уже ушли из жизни, другие продолжают плодотворно работать в стенах АБИГИ, АГУ, на ответственных государственных постах в Республике Абхазия и за ее пределами.

Во всех отраслях абхазоведения имеются значительные успехи. Созданы обобщающие коллективные труды, а также индивидуальные фундаментальные монографические исследования. Однако, далеко не все проблемы еще исчерпаны. Из публикаций в области абхазоведения в первую очередь должны быть названы такие обобщающие труды, как: «Грамматика абхазского языка», «Русско-абхазский словарь», «Словарь абхазского языка» в 2-х томах, «Очерки истории абхазской литературы», «Очерки истории Абхазской АССР» в 2-х томах; «История Абхазии» (учебник), а также такие монографии крупнейших абхазоведов: Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века», Ш.Д. Инал-ипа «Абхазы», З.В. Анчабадзе «История и культура древней Абхазии» и «Из истории средневековой Абхазии», Х.С. Бгажба «Бзыбский диа-

лект абхазского языка», М.М. Трапш «Труды» (в 4-х томах), Ш.К. Арстаа и Л.П. Чкадуа «Грамматика абхазского литературного языка» и многие другие.

Картина абхазской науки была бы, несомненно, однобокой, ущербной, если бы ее ограничили только рамками гуманитарных дисциплин. В Абхазии успешно развиваются и естественные науки: медико-биологические, сельскохозяйственные, физико-математические и технические науки. Основы некоторых из них были заложены еще в XIX в., как, например, знаменитый Сухумский ботанический сад (1840 г.), на базе которого впоследствии был создан ныне функционирующий Институт ботаники АНА.

В советские годы в Республике Абхазия был основан ряд крупных научных институтов всесоюзного или республиканского значения, такие, как: Институт экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР (на базе Сухумского обезьяньего питомника), Сухумский физико-технический институт, Институт акустики (ныне Гидрофизический институт), Институт курортологии, Всесоюзный научно-исследовательский институт чая и субтропических культур (ВНИИЧСК), Сухумская опытная станция Всесоюзного института растениеводства и другие.

Каждый из этих институтов функционировал как самостоятельное научное учреждение, подведомственное всесоюзному или республиканскому отраслевому министерству или головному научному центру в Москве, Тбилиси, Ленинграде, Краснодаре и т. д. В них работали или продолжают работать десятки и сотни крупных ученых, таких как Б.А. Лапин, А.А. Колаковский, В.Г. Старцев, М.З. Максимов, Г.Г. Айба, Р.Р. Швангирадзе, А.И. Марколия, С.М. Бебия, Л.Я. Айба, Ш.Л. Джалагония и другие. Широкой известностью и за пределами Республики пользуется имя абхазского математика, ректора Абхазского госуниверситета, акад. А.А. Гварамия.

После распада СССР, бывшей великой державы и после грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, положение в науке, как и во всех других областях экономической, политической и духовной жизни Абхазии, резко изменилось. С одной стороны, долгожданная и желанная национальная и социальная свобода, за которую отчаянно и самоотверженно боролся народ против грузинского шовинизма в годы меньшевистского господства в крае (1918–1921 гг.), и практически непрерывно в течение всех советских лет, а с

другой стороны, страшная экономическая разруха и политическая неопределенность, усугубленные продолжающей экономической, идеологической, информационной блокадой со стороны окружающего мира, создают в стране нестабильное, напряженное социально-экономическое и политическое положение, которое, конечно, сказывалось отрицательно на всех сферах жизни, в том числе и на науке.

После распада СССР и фактического отложения Абхазии от Грузии в результате грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, научные учреждения Абхазии, ранее принадлежавшие всесоюзным или грузинским республиканским министерствам и ведомствам, оказались разобщенными, разрозненными, предоставленными самим себе, без ведомственной крыши над головой. Необходимо было, прежде всего, сохранить эти коллективы, их богатую исследовательскую материально-техническую базу и научный потенциал, что нелегко было осуществить в условиях страшной экономической разрухи и объявленной молодой республике экономической и политической блокады.

Наиболее оптимальным, если не единственным, выходом из сложившегося положения было признано создание Академии наук, которая объединила бы под своей крышей все научные учреждения республики. И буквально через два месяца с небольшим после окончания грузино-абхазской войны Верховный Совет Республики Абхазия принимает Постановление «Об образовании Академии наук Республики Абхазия» (12 декабря 1993 г.). Однако в тех тяжелых экономических, финансовых условиях быстро решить вопрос этот не удалось, пришлось несколько отодвинуть сроки его исполнения. И тем не менее в марте 1997 г. Президент Республики Абхазия издает Указ «О мерах по реализации Постановления Верховного Совета Республики Абхазия «Об образовании Академии наук Республики Абхазия». Был создан Оргкомитет, который провел необходимую работу по подготовке и проведению учредительного собрания Академии. Объединенным Ученым советом разового функционирования с участием членов отраслевых Академий наук Российской Федерации 30 октября 1997 года был избран первый состав действительных членов (академиков), членов-корреспондентов и иностранных почетных членов Академии наук Абхазии. Первым президентом Академии стал известный ученый-

языковед Ш.К. Арстаа, вице-президентом – акад. Г.Г. Айба, ботаник по специальности. После учредительного собрания еще дважды проводились выборы в Академию наук.

В настоящее время Академия состоит из трех отделений: 1) Отделение гуманитарных и социальных наук, 2) Отделение физико-математических и технических наук и 3) Отделение биологических, сельскохозяйственных наук и наук о Земле. Академия издает свой ежегодный печатный орган «Вестник АНА», первый выпуск которого был осуществлен в 2005 году.

В последние годы науке уделяется больше внимания и со стороны руководства Республики Абхазия. Принят Закон Республики Абхазия «О науке и государственной научно-технической политике» (август 2005 г.), учреждена Государственная премия Республики Абхазия им. Г.А. Дзидзария в области науки. Первыми ее лауреатами стали ведущие ученые Абхазии: академики республиканской Академии Ш.К. Арстаа, Л.П. Чкадуа, Г.К. Шамба и доктора наук, проф. С.М. Бебия и В.Е. Кварчия.

Знаковым событием в научной жизни республики было признано заключение «Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Российской Академией наук и Академией наук Абхазии» (ноябрь 2005 г.). На базе этого соглашения значительно расширяется сотрудничество научных учреждений Академии наук Абхазии с головными научными институтами России.

5.3. К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

Настоятельная необходимость и реальная возможность создания Академии наук в Республике Абхазия возникла после грузино-абхазской войны 1992–1993 годов. Правда, с наукой, в том числе и академической, Абхазия познакомилась не в столь поздний час.

Еще до революции, особенно после присоединения Абхазии к России в 1810 году, в крае начали создаваться различные общества, преследовавшие целью изучение его природных ресурсов и распространения грамотности, просвещения среди местного населения. Причем, следует подчеркнуть, что в этом благородном деле счастливо сочеталась деятельность приезжих именитых ученых (П.К. Услар, Н.Я. Марр и других) с подвижничеством первых местных краеведов, любителей-энтузиастов (С.Т. Званба, В.Д. Гарцкия, Н.С. Джанашиа, П.Г. Чарая и других).

Развитие науки, как и других отраслей народного хозяйства и культуры, приобретает наиболее планомерный, систематический характер уже в советские годы. В 1922 году создается Абхазское научное общество (АБНО), в 1925 году по инициативе акад. Н.Я. Марра – Академия абхазского языка и литературы, которая впоследствии (1930 г.) была преобразована в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы, а с 1931 года, после слияния его с Абхазским научным обществом (АБНО), стал именоваться Абхазским научно-исследовательским институтом краеведения (АБНИИК). И впоследствии, неоднократно меняя свое название (Институт абхазской культуры; Абхазский научно-исследовательский институт языка и истории им. акад. Н.Я. Марра; Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Грузии), но сохраняя или почти полностью сохраняя свою структуру, институт этот продолжает функционировать и до наших дней. В наше время он именуется Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (сокращенно АБИГИ) и является несомненно крупнейшим научным центром

абхазоведения. Исследованием отдельных проблем абхазоведения занимались и занимаются и неакадемические учреждения – высшие учебные заведения республики: Сухумский педагогический институт (с 1979 г. – Абхазский госуниверситет), Сухумский институт субтропических культур (до 1992 г.), а также Абхазский краеведческий музей, Дом-музей Д.И. Гулиа и другие.

Наряду с гуманитарными науками в Абхазии успешно развивались и различные отрасли естественных наук. В советские годы здесь функционировало около 20 научных учреждений: институтов, филиалов институтов, опытных станций, экспериментальных лабораторий, участков, относившихся к АН Грузии или к различным отраслевым Академиям наук и министерствам СССР (в первую очередь к медицинской и сельскохозяйственной Академиям). К ним относятся такие институты, как Абхазский институт языка, литературы и истории; Институт ботаники; Институт экспериментальной патологии и терапии; Сухумский физико-технический институт; Институт акустики «Атолл» и многие другие. Естественно, связь этих учреждений со своими ведомствами и головными институтами в условиях единой, централизованной власти была прочной, надежной.

Однако после распада единой державы – СССР и особенно после жестокой, кровопролитной грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, в результате которой Абхазия отделилась от Грузии и бесповоротно встала на путь создания независимого, суверенного государства, научные учреждения Абхазии, ранее принадлежавшие всесоюзным или республиканским научным центрам, оказались разрозненными, разобщенными, предоставленными самим себе, без ведомственной крыши над головой. Положение усугублялось еще и тем, что Абхазии была объявлена жестокая экономическая, политическая и информационная блокада.

Наиболее оптимальным, если не единственным, выходом из положения было признано создание Академии наук, которая объединила бы под одной крышей все научные учреждения республики. И вот буквально меньше чем за два с половиной месяца после освобождения страны, 12 декабря 1993 года, Верховный Совет Республики Абхазия принимает Постановление № 83-с «Об образовании Академии наук Республики Абхазия». Однако в силу сложившегося тяжелого экономического и финансового положения сроки осу-

ществления этого постановления значительно отодвинулись. 26 марта 1997 года Президент Республики Абхазия В.Г. Ардзинба издает Указ «О мерах по реализации Постановления Верховного Совета Республики Абхазия «Об образовании Академии наук Республики Абхазия». Был создан Оргкомитет, который провел большую работу по подготовке и проведению учредительного собрания. Был создан объединенный Ученый Совет разового функционирования в составе 85 человек, разработаны временные положения, инструкции, выделены вакансии по отраслям наук, выдвинуты кандидатуры по соответствующим специальностям, с обсуждением экспертной комиссией и, наконец, 30 октября 1997 года проведено было учредительное собрание объединенного Совета с участием членов отраслевых Академий наук Российской Федерации, где был избран тайным голосованием первый состав Академии наук Абхазии. Действительными членами Академии стали доктора наук: Г.Г. Айба, В.Г. Ардзинба, Ш.К. Арстаа, Х.С. Бгажба, М.З. Максимов, Б.Е. Сагария и Народный поэт Абхазии, Народный писатель Кабардино-Балкарии и Адыгеи Б.В. Шинкуба. Членами-корреспондентами Академии были избраны доктора наук: М.Г. Ладария, В.Г. Старцев, В.Л. Цвинариа, Л.П. Чкадуа, Г.К. Шамба, Р.Р. Швангирадзе. Почетными членами Академии на этом же заседании были избраны: Бейгуа Омар (Омер Бьюка) (Турция), Хьюитт Брайан Джордж (Великобритания), Габуния Зинаида Махазовна (Нальчик), Кумахов Мухадин Абубекирович (Москва), Талибов Букар Бекирович (Махачкала), Шагиров Амин Капцуевич (Москва) и Экба Надир Бекмурзович (Москва). И впоследствии в почетные члены Академии наук Абхазии избирались в разное время известные ученые: Авидзба Анатолий Мканович (Крым, Украина), Герхард Стехмессер (Германия), Джео Пистарино (Италия), Исаев Владимир Александрович (Москва), Лаура Бетти (Италия), Нахушев Адам Маремович (Нальчик), Рыбаков Ростислав Борисович (Москва), Флоренский Павел Васильевич (Москва). Первым президентом АНА был избран акад. Ш.К. Арстаа, вице-президентом – акад. Г.Г. Айба, главным ученым секретарем – член-корреспондент АНА В.Л. Цвинариа, академиками-секретарями отделений: гуманитарных и социальных наук – акад. Б.Е. Сагария; физико-математических и технических наук – акад. М.З. Максимов; медико-биологических, сельскохозяйственных наук и наук о Земле – член-корреспондент АНА В.Г. Старцев.

В президиум Академии наук вошли все названные ученые, а также в качестве члена президиума был избран Президент Республики Абхазия акад. В.Г. Ардзинба.

Правда, вскоре в составе президиума произошли некоторые изменения. Через несколько месяцев после избрания по состоянию здоровья подал в отставку главный ученый секретарь президиума, член-корреспондент АНА В.Л. Цвинариа. Исполнение обязанностей главного ученого секретаря и члена президиума АНА было возложено на Ш.Х. Салакая, который в сентябре 1000 года был избран членом-корреспондентом Академии и главным ученым секретарем ее президиума.

Вторые выборы в Академию наук состоялись 10 декабря 2002 года Действительными членами (академиками) на этих выборах были избраны: А.А. Гварамия (математика), Ш.Х. Салакая (литературоведение), В.Г. Старцев (общая медицина), Л.П. Чкадуа (языковедение). Членами-корреспондентами избраны: О.Х. Бгажба (история) и С.Л. Зухба (литературоведение).

Произошли изменения и в составе президиума Академии. Вице-президентом вместо ушедшего из жизни акад. Г.Г. Айба был избран акад. В.Г. Старцев. Членом президиума стал акад. А.А. Гварамия.

Хотя Академия наук Абхазии юридически была основана в самом конце октября 1997 года, фактически она начала функционировать с нового 1998 года, так как первые два месяца (ноябрь – декабрь 1997 г.) ушли на сугубо организационно-подготовительные работы. Первое заседание, на котором были избраны руководящие органы Академии (президиум, президент, вице-президент, главный ученый секретарь) состоялось в середине декабря 1997 года. Затем была определена структура Академии, ее важнейшие отделения, укомплектован аппарат президиума.

Здесь следует отметить одну характерную особенность абхазской Академии. Академии наук почти во всех странах, особенно в крупных, развитых странах с древней письменной культурой, нацелены на решение фундаментальных научных проблем в первую очередь в области естественных наук, не игнорируя, конечно, и проблем общественных наук. У нас же, в условиях Абхазии, акценты несколько смещаются. В первую очередь Академия наша призвана максимально содействовать развитию гуманитарной абхазоведческой науки, поскольку проблемами языка, культуры

и истории Абхазии специально могут заниматься и занимаются главным образом в самой республике, хотя и за ее пределами могут быть отдельные крупные специалисты в этой области. Конечно же, должны развиваться и все другие отрасли науки, в том числе и естественные. В силу своих возможностей Абхазская Академия будет содействовать и этим отраслям. Однако, учитывая, что мировые проблемы фундаментальных наук решать самостоятельно такой маленькой локальной республике как Абхазия несколько затруднительно, Академия наша, особенно в вопросах подготовки кадров, будет больше внимания уделять именно локальным проблемам, различным отраслям абхазоведения. Этим и объясняется некоторая диспропорция в количественном соотношении гуманитарных и естественных наук в составе АНА: из 17 членов Академии (академиков и членов-корреспондентов Академии), избранных в результате двух выборов (1997 и 2002 год), 13 – представители гуманитарии, и лишь четыре – естественных наук.

Сразу же после избрания руководства Академии президиум приступил к формированию ее структурных подразделений и комплектованию аппарата президиума. Аппарат президиума состоит из следующих отделов: научно-организационный, планово-финансовый, отдел кадров и аспирантуры, управление делами, канцелярия.

В структурном отношении Академия наук Абхазии состоит из трех основных отделений: 1) Отделение гуманитарных и социальных наук, 2) Отделение физико-математических и технических наук, 3) Отделение медико-биологических, сельскохозяйственных наук и наук о Земле. Все семь научных учреждений Академии распределены между этими отделениями. Общее количество сотрудников, занятых исследовательской работой в этих учреждениях, доходит до 800 человек.

В Отделение гуманитарных и социальных наук АНА (академик-секретарь – акад. Б.Е. Сагария) входят шесть действительных членов (академиков), пять членов-корреспондентов, три делегированных от НИИ сотрудника и одно научное учреждение – Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, об истории создания которого было сказано выше. Институт этот, хотя и единственный в составе Отделения, но очень широкого профиля. Он охватывает все основные отрасли абхазоведения: язык, лите-

ратуру, фольклор, искусство, историю, археологию и этнографию Абхазии с соответствующими каждой специальности отделами. Фактически каждый отдел выполняет функции целого института в своей области. Раньше здесь имелся и отдел экономики, однако после Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов в силу ряда объективных причин он расформировался. Ощущается острая необходимость в возобновлении работы этого отдела или по крайней мере в создании специальной экономической группы при Президиуме Академии. Вопрос этот не раз ставился на Президиуме и, видимо, в ближайшее время будет решен.

В Отделении физико-математических и технических наук (академик-секретарь Отделения – акад. М.З. Максимов) состоят два действительных члена (академика), один член-корреспондент, четыре делегированных научных сотрудника и два научных учреждения – Сухумский физико-технический институт с дочерними предприятиями «Эра» и «Бизань» и Сухумский гидрофизический институт с филиалом «Касатка». Оба института были основаны еще в бытность СССР в 40-х годах прошлого столетия и играли важную роль в укреплении обороноспособности страны. И сейчас они интенсивно продолжают вести исследовательскую работу, может быть, не в том объеме, как прежде, но тем не менее выполняют актуальные темы как для народного хозяйства Республики, так и для различных зарубежных предприятий на договорных началах.

И, наконец, третье отделение – Отделение медико-биологических, сельскохозяйственных наук и наук о Земле – представлено одним действительным членом (он же академик-секретарь Отделения, одновременно и вице-президент Академии В.Г. Старцев), четверыми делегированными членами от НИИ и четырьмя научно-исследовательскими учреждениями: Институтом экспериментальной патологии и терапии (ИЭПиТ), Научно-исследовательским центром курортологии и нетрадиционной медицины, Институтом ботаники и Научно-исследовательским институтом сельского хозяйства. Каждое из этих учреждений имеет свою историю. ИЭПиТ был создан базе Сухумского обезьяньего питомника еще в 30-х годах XX столетия и стал важнейшим научным центром в системе Академии медицинских наук СССР, Сухумский ботанический сад (Институт ботаники АНА) – старейшее научное учреждение Абхазии, основанное еще в 1840 году, Научно-исследовательский центр

курортологии своими корнями восходит к Институту курортологии, основанному еще в 30-х годах прошлого столетия. А что касается НИИ сельского хозяйства, то структура его в окончательном виде определилась совершенно недавно – уже после образования Академии наук Абхазии. Институт объединил в один цельный организм все филиалы, лаборатории, опытные станции и экспериментальные участки, принадлежавшие всесоюзным или республиканским научным центрам и ведомствам сельскохозяйственного профиля, и после распада СССР, особенно после войны 1992–1993 годов, оставшиеся бесхозными. Институт разрабатывает важнейшие проблемы, связанные с развитием различных видов субтропических культур в республике.

При президиуме АНА созданы и успешно функционируют несколько советов и комиссий. Это прежде всего Совет по координации научной деятельности научно-исследовательских учреждений Академии наук и вузов республики в области гуманитарных и естественных наук, а также Редакционно-издательский совет, Археологическая комиссия и Комиссия по международному сотрудничеству.

За короткий срок своего существования Академия наук провела значительную работу. В центре внимания президиума Академии постоянно находится деятельность научно-исследовательских институтов по выполнению тематических планов и по их усовершенствованию. Помимо регулярных заседаний президиума проводятся ежегодно так называемые годовые общие собрания, на которых подводятся итоги прошедшего года и намечаются задачи на текущий год.

В конце 2002 года (10 декабря) в Республике широко был отмечен 5-летний юбилей Академии наук. В докладах Президента АНА акад. Ш.К. Арстаа, главного ученого секретаря президиума АНА Ш.Х. Салакая, в выступлениях членов Академии и гостей были ярко продемонстрированы достижения ученых республики за указанный период и поставлены задачи на будущее.

Другая важная сторона деятельности президиума Академии – это вопросы подготовки кадров. При содействии Академии в различных научных центрах России защищен ряд кандидатских и, что особенно важно, докторских диссертаций. Кроме того, при самой Академии открыта аспирантура, которая дает возможность

молодым, способным выпускникам вузов, не выезжая за пределы Республики Абхазия, получать на месте необходимую теоретическую подготовку для успешного ведения научной работы, особенно по проблемам абхазоведения. Правда, есть в этом деле и значительные затруднения, связанные как с общим тяжелым экономическим положением Республики, так и с более конкретными вопросами, в частности, не до конца доведена начатая работа по организации защиты диссертаций, по созданию диссертационных советов и их функционированию и т. д. Нужно надеяться, что проблема эта также будет решена в ближайшее время.

Президиум Академии наук намечает целый ряд и других научных и научно-организационных мероприятий, призванных содействовать активизации творческой деятельности ученых, сделать их труд более престижным, приоритетным. Речь идет прежде всего об учреждении республиканской Государственной премии в области науки, а также именных академических премий по соответствующим отраслям наук и других форм поощрения научной работы.

Если в Республике воцарится нормальная, стабильная экономическая и политическая обстановка, то и проблемы, связанные с развитием науки в Абхазии несомненно будут успешно решены.

5.4. ВПЕЧАТЛЯЮЩИЕ ИТОГИ

(с Общего годичного собрания Академии наук Абхазии)

22 марта 2007 года состоялось Общее годичное собрание Академии наук Абхазии, посвященное итогам деятельности ведомства за 2006 год. Помимо работников самой системы Академия наук на собрание были приглашены представители творческой и вузовской интеллигенции Абхазии, руководители учреждений и организаций. На собрании присутствовали Спикер Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия Н.Н. Ашуба, Вице-премьер Правительства Республики Абхазия Л.И. Лакербая, министр образования И.В. Вардания, депутаты Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия и другие официальные лица.

Развернутым вступительным словом общее собрание открыл Президент АНА, акад. Ш.К. Арстаа. Во вступительном слове была дана общая картина состояния науки в Абхазии и указаны на основные проблемы, над решением которых призваны работать ученые Академии наук.

С отчетным докладом о научной, научно-организационной и общественной деятельности членов Академии (как академиков, так и членов-корреспондентов) и научных учреждений, подведомственных ей, выступил на собрании главный ученый секретарь президиума АНА, акад. Ш.Х. Салакая (в сокращении даем текст его выступления).

Следует отметить одну особенность нынешнего отчета в отличие от прошлых лет, заключающуюся в том, что в данном отчете намного полнее и обстоятельнее освещалась деятельность не только учреждений, входящих в систему АНА, но прежде всего самих членов Академии. В докладе конкретно и довольно подробно была представлена внутренняя работа, проведенная в течение отчетного периода академиками В.Г. Ардзинба, Ш.К. Арстаа, О.Х. Бгажба, А.А. Гварамия, С.Л. Зухба, М.Т. Ласурия, М.З. Максимовым Ш.Х. Салакая, В.Г. Старцевым, Л.П. Чкадуа и членами корреспондентами АНА З.Д. Джапуа, М.Г. Ладария, В.Л. Цвинариа и Р.Р. Швангирадзе. Несмотря на серьезные проблемы со здоровьем у некоторых из на-

званных ученых (например, В.Г. Ардзинба, С.Л. Зухба, В.Г. Старцев), каждый из названных ученых внес весомый вклад в развитие той отрасли науки, в которой он подвизается. Причем это касается широкого спектра и новых, научных разысканий, и новых публикаций, и научных докладов и публичных выступлений на институтских, межведомственных и международных научных форумах, и других общественных мероприятиях. В этом плане особенно показательна многогранная, активная деятельность академиков А.А. Гварамия, О.Х. Бгажба, М.Т. Ласурия, С.Л. Зухба Л.П. Чкадуа и члена-корреспондента З.Д. Джапуа.

Однако, нисколько не принижая всей важности и ценности труда членов Академии, следует при этом заметить, что все-таки основная нагрузка в выполнении исследовательских задач ложится на плечи коллективов научных институтов, которых в системе Академии наук шесть. Это разнопрофильные, разномасштабные, но юридически равноправные академические учреждения. В отчете отмечалось, что всеми этими коллективами разрабатывалось 66 тем, относящихся к 15 научным проблемам. Вектор охваченных исследованием отраслей наук довольно широк, начиная от гуманитарных и социальных, физико-математических и технических наук и кончая медико-биологическими и сельскохозяйственными науками.

Гуманитарные проблемы исследуются главным образом в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа (директор – кандидат филологических наук В.Ш. Авидзба). Здесь представлены почти все отрасли абхазоведения – филологические, исторические, искусствоведческие. Общеизвестны фундаментальные труды, изданные этим коллективом. В настоящее время институт работает над такими важнейшими темами, как академическая грамматика абхазского языка, словари различного типа, «История абхазской литературы» в 2-х томах, 12-томная серия «Абхазское народное поэтическое творчество»; в сфере исторических наук – «История, культура и искусство Абхазии с древнейших времен до наших дней». Отдельной проблемой стоит «Абхазская энциклопедия», в авторском коллективе которой не только сотрудники АБИГИ, но и многие специалисты из других ведомств и организаций Абхазии.

Крупнейшим учреждением в системе Академии наук Абхазии является Государственное научно-производственное объединение

СФТИ (Сухумский физико-технический институт; генеральный директор, доктор технических наук А.И. Марколия), включающий в себя два юридически самостоятельных института – физико-технический и гидрофизический – со своими дочерними предприятиями и филиалами в Сухуме, Пицунде, Гульрипше. В советские годы этот коллектив выполнял важнейшие государственные задания. В наше время его функции, конечно, заметно ограничились, хотя научный потенциал в значительной степени сохранился.

Не будучи сполна востребованным местными потребностями, данное учреждение, к сожалению, оказалось вне бюджета Республики Абхазия (если не считать небольшую дотацию), и поэтому фактически оно держится за счет тех средств, которые получает от различных российских партнеров, чьи заказы выполняются на основе заключенных между ними хозяйственных договоров. Однако вряд ли может продолжаться так бесконечно. По-видимому, настало время властным структурам Республики принять действенные меры, чтобы этот мощный коллектив работал главным образом на Абхазию и соответственно обеспечивался госбюджетом Республики Абхазия.

В недалеком прошлом аналогичные проблемы испытывал и Сухумский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (директор – доктор сельскохозяйственных наук Л.Я. Айба). Но года два назад он был принят на полное государственное довольствие, т. е. переведен на госбюджетное обеспечение, и это исключительно плодотворно сказалось на деятельности института. Сегодня там проводятся в широком масштабе такие научные эксперименты, которые, несомненно, послужат надежной базой для мощного, качественно нового развития субтропической культуры нашей республики.

Продолжаются начатые еще в прошлые годы важные научные исследования на базе Сухумского обезьяньего питомника коллективом Института экспериментальной патологии и терапии (директор Т.Г. Кубрава).

Флора Абхазии и сопредельных регионов – главный объект исследования старейшего научного учреждения республики – Института ботаники (директор – доктор биологических наук С.М. Бебия). Богатые минеральные источники Абхазии изучались Научно-исследовательским центром курортологии и нетрадиционной медицины (директор О.В. Осия).

Органической составной частью любой исследовательской деятельности является научно-организационная работа, которая выражается, прежде всего, в регулярном проведении проблемно-тематических или комплексных экспедиций, командировок и научных форумов. И в этом плане отчетный период в жизни Академии был весьма плодотворным. Один только Институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа организовал пять продолжительных экспедиций по районам Абхазии, в том числе две – совместно с коллегами из московских академических институтов археологии, этнологии и антропологии и Музея Востока.

За этот период в учреждениях АНА состоялся ряд научных и научно-практических конференций и сессий. АБИГИ, например, провел семь таких форумов, среди которых традиционная ежегодная итоговая сессия Института и получившие особенно широкий резонанс Международные конференции: «Вызовы глобализации и Кавказ» (совместно с Институтом востоковедения и Абхазским госуниверситетом) и I Абхазская Международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю.Н. Воронова (совместно с Абхазским госуниверситетом).

Крупным событием в жизни республики стала организованная Институтом ботаники АНА Международная конференция «Сохранение биоразнообразия растений в природе и при интродукции», посвященная юбилеям Сухумского ботанического сада и Субтропического дендропарка. Гостями форума были маститые ученые из многих стран ближнего и дальнего зарубежья.

Другая, не менее важная, сторона научной жизни Академии наук – это ее издательская деятельность. За обозреваемое время сотрудники системы АНА издали десятки монографий, различных тематических и проблемных сборников материалов и исследований, учебников и учебных пособий для средней и высшей школы.

К наиболее значительным публикациям следует отнести: два сборника «Абхазоведения» (серии филологическая и историческая), III том «Трудов» проф. Г.А. Дзидзария, I том «Научного наследия Ю.Н. Воронова», «Грамматику абхазского языка» проф. Н.Ф. Яковлева (с предисловием акад. Л.П. Чкадуа), «Историческую и современную топонимию Абхазии» проф. В.Е. Кварчия, газета «Апсны» (1919–1921 гг.) (составление и предисловие к. ф. н. В.Ш. Авидзба), «Чтобы не погас огонь очага» акад. С.Л. Зухба, сборник мате-

риалов «Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – начало XX века)» (составители Р.Х. Гожба и к. и. н. Т.А. Ачугба), «Письма в Абхазию» Омара Бейгуаа» (составитель И.Р. Марухба) и другие.

Наметились существенные сдвиги и в деле подготовки научных кадров. При этом следует отметить, что в последние годы академические институты стали пополняться не только за счет молодых специалистов, подготовленных в признанных научных центрах за пределами Абхазии, но прежде всего за счет молодежи, которая прошла теоретическую подготовку в самой Республике, в первую очередь в стенах недавно открытой аспирантуры при АНА. В системе Академии наук (при АБИГИ) функционируют три диссертационных совета: два в области филологии и один в сфере исторических наук. Совсем недавно были созданы также два диссертационных совета в области педагогических наук при Абхазском госуниверситете. На этих советах уже защищено свыше пяти диссертаций, причем одна из них (диссертация В.К. Зантария по проблемам абхазской лирики) выполнена и защищена на абхазском, что, несомненно, свидетельствует о все возрастающей роли абхазского языка как государственного в Республике Абхазия. Защиты происходили, конечно, и за пределами Абхазии: две докторские (О.П. Дзидзария и Л.Р. Хагба) и две кандидатские (Е.Ш. Тания и Н.Ч. Хашиг) успешно были защищены в Москве и Нальчике.

Неоценимую роль в оживлении, активизации научной жизни в системе Академии сыграли действенные меры, предпринимаемые властными структурами, политическим руководством Республики Абхазия. Это, прежде всего, принятие Закона Республики Абхазия «О науке и государственной научно-технической политике», учреждение Государственной премии имени Т.А. Дзидзария в области науки, первыми лауреатами которой стали виднейшие ученые академики Ш.К. Арстаа, Л.П. Чкадуа, Г.К. Шамба, проф. С.М. Бебия и В.Е. Кварчия; увеличение оклада определенной категории научных работников, существенное повышение размера стипендии аспирантам и т. д.

За последние годы стали значительно расширяться творческие контакты между Академиями наук Абхазии и России, а, следовательно, и между академическими учреждениями Республики Абхазия с научными центрами российских городов и особенно с родственными институтами республик Северного Кавказа. Эти связи

прочно зиждутся на двустороннем Соглашении о научно-техническом сотрудничестве, заключенном два года назад (11. 11. 2005) между двумя Академиями – Российской и Абхазской и подписанном их президентами акад. Ю.С. Осиповым и акад. Ш.К. Арстаа.

И в отчетном докладе, и в выступлениях ораторов – академиков Л.П. Чкадуа и М.Т. Ласурия, членов-корреспондентов З.Д. Джапуа и М.Г. Ладария, проф. С.М. Бебия, кандидатов наук В.К. Зантария и И.И. Цвинария, старшего научного сотрудника Е.К. Аджинджал, директора Центра стратегических исследований кандидата философских наук О.Н. Дамения, директора Института педагогики М.И. Нинуа – указывались на решенные и нерешенные проблемы в деятельности АНА, поднимались вопросы, связанные с рычагами стимулирования научной работы. Отмечалось, что для такого стимулирования научной работы следовало бы использовать, по примеру, скажем, России, всевозможные поощрительные гранты, особенно для молодых и начинающих научных работников. Не раз указывалось также, что неоправданно и совершенно неzasлуженно было упразднено в Республике почетное звание «Заслуженный деятель науки», которое служило не столько материальным, сколько моральным поощрением. Его просто необходимо восстановить.

В целом и в докладе, и в выступлениях участников собрания подчеркивалось, что, несмотря на финансовые, материально-технические и иные проблемы, развитие науки в Абхазии идет по восходящей линии, вселяя уверенность в еще более значимых и радужных ее перспективах.

Общее годовичное собрание Академии рассмотрело и некоторые другие научно-организационные вопросы. Почетным акад. Академии наук Абхазии единогласно был избран крупнейший современный северо-кавказский писатель Исхак Шумафович Машбаш – народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, акад. Адыгской (Черкесской) международной Академии наук (АМАН), лауреат государственных премий СССР, Российской Федерации и Республики Адыгея, кавалер множества орденов и медалей, в том числе и абхазского ордена «Ахьдз-Апша» («Честь и Слава») II степени, автор десятков поэтических и прозаических произведений, в том числе свыше 15 романов на современную и историческую тематику.

За плодотворную научную и научно-организаторскую работу были награждены почетными грамотами президиума АНА – директора ряда институтов (В.Ш. Авидзба, А.И. Марколия, С.М. Бебия и Л.Я. Айба).

На Общем годовом собрании АНА выступил Вице-премьер Правительства Республики Абхазия Л.И. Лакербая. Выразив удовлетворение характером обсуждения научных проблем на собрании, он заверил, что со стороны руководства Республики Абхазия Академии наук Абхазии и всем ее подведомственным учреждениям и впредь будет оказываться всяческая поддержка и уделяться максимум внимания.

2007

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1945:** Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1945. Т. 10. Вып. 1.
- Абаев 1949:** Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
- Абаев 1957:** Абаев В.И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 22–36.
- Абаев, Джусоев, Ивнев, Калоев 1957:** Нарты: Эпос осетинского народа / Издание подготовили: В.И. Абаев, Н.Г. Джусоев, Р.А. Ивнев, Б.А. Калоев. М., 1957.
- Алиева 1967:** Алиева А.И. Эпитет в адыгском героическом эпосе // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1967. Т. 24.
- Алиева 1969:** Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. М.; Нальчик. 1969.
- Андреев 1929:** Андреев Н.П. указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. М., 1929.
- Андреев-Кривич 1957:** Нарты: Кабардинский эпос / Вступ. ст., общ. ред. и подгот. текста С.А. Андреева-Кривича. М., 1957.
- Антология 1958:** Антология абхазской поэзии. М., 1958.
- Аншба 1966:** Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1966.
- Аншба 1970:** Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1970.
- Архив АБИЯЛИ:** Архив Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа (с 1993 г. – Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии).
- Архив АдНИИ:** Архив Адыгейского научно-исследовательского института.
- Астахова 1938:** Астахова А.М. Былины Севера. Т. 1. М.; Л., 1938.
- Бгажба 1958:** Бгажба Х.С. Об абхазском героическом эпосе // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 188–199.
- Бгажба 1961:** Бгажба Х.С. К истории Абхазского института // Труды Абхазского института ЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухум, 1961. Вып. 32. С. 197–204.

- Белинский 1953:** Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 3. М., 1953.
- Бояров 1938:** Не спотыкающийся Мюлдью Сильный / Зап. А.Ф. Боярова; вступ. слово С.Р. Кулачкова; примеч. Н. М. Заболоцкого М.; Якутск, 1938.
- Бюллетень 1925:** Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум, 1925.
- Веселовский 1940:** Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Виноградов 1963:** Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963.
- Гарцкия 1892:** Гарцкия В.Д. Из абхазских народных преданий и поверий // СМОМПК. Тбилиси, 1892. Вып. 13. Отд. 2. С. 32–43.
- Горький 1937:** Горький А.М. О литературе. М., 1937.
- Горький 1955:** Горький А.М. О литературе. М., 1955.
- Джанашиа 1898:** Джанашиа Н.С. Абрскил (Амирани) // «Акаикс кребули». 1898, № 5. Отд. 3. С. 1–6.
- Джанашиа 1917:** Джанашиа Н.С. Абхазский культ и быт // «Христианский Восток». Петроград, 1917. Т. 5. Вып. 3.
- Джанашиа 1960:** Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
- Дзидзария 1972:** Дзидзария Г.А. Расцвет науки // Абхазская АССР в братской семье советских народов. Сухуми, 1972. С. 119–132.
- Евгеньева 1963:** Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX веков. М.; Л., 1963.
- Зухба 1970:** Зухба С.Л. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970.
- Инал-ипа 1949:** Инал-ипа Ш.Д. Об абхазских нартских сказаниях // Труды АБНИИ. Сухуми, 1949. Вып. 23. С. 81–120.
- Инал-ипа, 1954:** Инал-ипа Ш.Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии (по пережит. этнограф. данным) // Труды АБНИИ. Сухуми, 1954. Т. 25. С. 213–270.
- Инал-ипа 1957:** Инал-ипа Ш.Д. Нартский эпос абхазцев // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 91–109.
- Инал-ипа 1958:** Инал-ипа Ш.Д. Абхазский героический эпос // Литературная Абхазия. Сухуми, 1958, № 3 (8). С. 260–278.
- Инал-ипа 1960:** Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1960.
- Инал-ипа 1962:** Инал-ипа Ш.Д. Слово о нартах // Приключения Нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев: Абхазский народный эпос. М., 1962. С. 5–12.

- Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба 1962:** Приключения Нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев: Абхазский народный эпос / Подгот. текста Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шакрыла, Б.В. Шинкубы; вступ. статья Ш.Д. Инал-ипа; пер. с абх. Г.Д. Гулиа (проза), С.И. Липкина (стихи). М., 1962.
- Иоакимов 1873:** Иоакимов А.Я. Предрассудки моих учеников (из жизни пансионеров Сухумской горской школы) // Кавказ. Тифлис, 1873. № 54.
- История 1963:** История русской советской литературы. В 4-х томах. М., 1963. Т. 2.
- Кабардино-русский словарь 1957:** Кабардино-русский словарь. М., 1957.
- Кипшидзе 1914:** Кипшидзе И. Грамматика мегрельского языка. СПб., 1914.
- Крупнов 1960:** Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов 1963:** Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1963.
- Либединский 1948:** Осетинские нартские сказания / Пер. Ю.Л. Либединского. Дзауджикау, 1948.
- Либединский 1960:** Сказания о нартских богатырях: Осетинский эпос / Пер. и лит. обраб. Ю.Л. Либединского; словарь и примеч. Б.А. Калоева. М., 1960.
- Маркс 1951:** Маркс К. К критике политической экономии. М., 1951.
- Марр 1933:** Марр Н.Я. Избранные работы. В 5-ти томах. Л., 1933. Т. 1.
- Марр 1937:** Марр Н.Я. Избранные работы. В 5-ти томах. Л., 1937. Т. 4.
- Марр 1938:** Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938.
- Материалы 1931:** Материалы отчета Правительства Абхазии VI съезду Советов 4 февраля 1931 г. Сухум, 1931.
- Мелетинский 1957а:** Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г., Орджоникидзе, 1957. С. 37–81.
- Мелетинский 1957б:** Мелетинский Е.М. Нартский эпос адыгов и осетин и его основные циклы // Дружба: литературно-художественный альманах. Майкоп, 1957. №7. С. 257–266.

- Мелетинский 1958а:** Мелетинский Е.М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // «Вестник истории мировой культуры». 1958, № 3. С. 114–132.
- Мелетинский 1958б:** Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М., 1958.
- Мелетинский, 1963:** Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- Нарты 1951:** Нарты: Кабардинский эпос. М., 1951.
- Очерки истории 1964:** Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, 1964. Ч. 2.
- Пропп 1958:** Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.
- Пухов 1962:** Пухов И.В. Якутский героический эпос. М., 1962.
- Русско-адыгейский словарь 1960:** Русско-адыгейский словарь. М., 1960.
- Русско-кабардинско-черкесский словарь 1955:** Русско-кабардинско-черкесский словарь. М., 1955.
- Салакая, 1961:** Салакая Ш.Х. Вопросы собирания и исследования абхазского фольклора за годы Советской власти // Труды АБИЯ-ЛИ. Сухуми, 1961. Вып. 32. С. 105–114.
- Салакая 1966:** Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.
- Семенов 1957:** Семенов Л.П. Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос: Материалы совещания. 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 82–90.
- ССР Абхазия 1925:** ССР Абхазия: Справочник. Сухум, 1925.
- Тресков 1963:** Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963.
- Тугов 1967:** Тугов В.Б. Становление и развитие абазинской литературы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1967.
- Хатанов, Керашева 1960:** Хатанов А.А., Керашева З.И. Русско-адыгейский словарь. М., 1960.
- Хашба 1936:** Хашба А.К. Академик Н.Я. Марр о языке и истории абхазов. Сухум, 1936.
- Хашба 1972:** Хашба А.К. Избранные работы / Сост., ред. и предисл. Х.С. Бгажбы. Сухуми, 1972.
- ЦААНГ:** Центральный архив АН Грузии.
- Цагарели 1880:** Цагарели А.А. Мингрельские этюды. СПб., 1880. Вып. 1.

- ЦГАА:** Центральный государственный архив Абхазской АССР.
- Чиковани 1960:** Чиковани М.Я. Амираниани. Грузинский эпос. Тбилиси, 1960.
- Шинкуба 1961:** Абхазские сказания / Сост. Б.В. Шинкубы; пер. С. Липкина. Сухуми, 1961.
- Энгельс 1948:** Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948.
- Аншба 1968:** Аншба А.А. Ацсуа нартаа рхэамтақәа рсахьаркыратә чыдарақәак. Ақәа, 1968.
- Зыхәба 1967:** Ацсуа фольклор аматериалқәа: Академик Н.И. Марр и архив ақнытә / Акьыцхь иазирхиеит, алагалажәи азгәатақәи ифит С.Л. Зыхәба. Ақәа, 1967.
- Инал-ипа, Шьакрыл, Шьынқәба 1962:** Нарт Сасрыкәи пшы-нџажәи зежәфык иара иашыцәи: Ацсуа жәлар репос / Еикәдыршәеит: Ш.Д. Инал-ипа, К.С. Шьакрыл, Б.В. Шьынқәба; апхьажәа ифит Ш.Д. Инал-ипа; аредактор Б.В. Шьынқәба. Ақәа, 1962.
- Шьынқәба 1959:** Ацсуа жәлар рпоезиа / Еикәиыршәеит Б.В. Шьынқәба. Ақәа, 1959.
- Dumézil 1930:** Dumézil G. Légendes sur les Nartes. Suivies de cinq notes mythologiques. Paris, 1930.
- Dumézil, Namitok 1955:** Dumézil G., Namitok A. Récits oubykhs, I // Journal Asiatique. Paris, 1955. CCXLIII, 1.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЗОРЫ. СУЖДЕНИЯ. ПОЭТИКА.....	5
1.1. О героическом эпосе абхазов	5
1.2. Вечно живое творение.....	45
1.3. О художественных средствах абхазского нартского эпоса.....	50
1.4. К типологии архаического эпоса.....	70
2. ЛЮДИ. ГОДЫ. ФАКТЫ.....	75
2.1. Гордость абхазского народа	75
2.2. Мудрость и дальновидность патриарха	93
2.3. В ногу со временем	97
2.4. Истоки нашей прозы.....	130
2.5. Тема Великой Отечественной войны	135
в абхазской литературе	135
2.6. В одном строю с нами.....	145
2.7. Поэт-гражданин.....	148
2.8. Старейший писатель.....	152
2.9. Многогранный талант.....	157
2.10. Первый абхазский романист.....	163
2.11. Неиссякаемый оптимизм	168
2.12. К людям – с открытым сердцем	173
2.13. Самобытный лирик	178
2.14. Могучий талант.....	182
2.15. На высоких волнах	186
2.16. Боец старой гвардии.....	189
2.17. Детский поэт, педагог	192
2.18. С позиции высокой гражданственности	195
2.19. Об Алексее Гогуа	199
2.20. Великий Марр как абхазовед.....	207
2.21. Исхак Машбаш и Абхазия.....	217
2.22. Неповторимый национальный колорит.....	221

3. КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ	223
3.1. Полувековой путь абхазской литературы.....	223
3.2. О путях развития абхазской драматургии	227
3.3. Об абхазских сказках.....	232
3.4. Книга о народном поэте	236
3.5. Горсть родной земли	242
3.6. Новый перевод бессмертной поэмы Руставели.....	246
3.7. История интеллигенции Абхазии	252
4. ТЕАТР. КИНО	265
4.1. Переполах в лесном царстве	265
4.2. «Перед восходом солнца».....	269
4.3. Веселый и поучительный спектакль.....	274
4.4. На сцене – абхазская сказка	279
4.5. И смех, и грех	283
4.6. Тревожный набат.....	287
5. НАУКА.....	292
5.1. Центр абхазоведения.....	292
5.2. Развитие литературы и науки в Абхазии.....	313
5.3. К истории создания Академии наук Абхазии.....	332
5.4. Впечатляющие итоги.....	340
Литература.....	347

Ш.ХЪ. САЛАЖАИА

ИАЛКААУ ИУСУМҦАҚӘА

Х-ТОМКНЫ

АТОМ Э

**АФОЛЬКЛОР. АЛИТЕРАТУРА. АҖАЗАРА.
АҦҦААРАДЫРРА**

Ш.Х. САЛАКАЯ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

**ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО.
НАУКА**

Для заметок

Для заметок

Редактор *Г.А. Страничкина*
Корректоры *С.О. Хаджим, И.Т. Цугба*
Компьютерный набор *К.Е. Бутба*
Компьютерная верстка *Н.Г. Гунба*
Технический редактор *Н.Г. Гунба*

Формат 60х90 1/16. Физ. печ. л 22,5.
Тираж 500. Заказ № 49.

П Республика Абхазия,
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.